

11 309
ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ

Томъ XXXI, часть I, вып. 2

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Д. Ч. Н. И. Веселовскаго.

О П Ы Т Ъ

21405
ГЕОГРАФІИ И СТАТИСТИКИ

тунгусскихъ племенъ Сибири

на основаніи данныхъ переписи населенія 1897 г. и другихъ источниковъ.

С. Паткановъ.

Und bist du erst ein Mensch
geworden,
Dann ist es völlig aus mit
dir.

Goethe (Faust).

ЧАСТЬ I

ТУНГУСЫ СОБСТВЕННО

выпускъ 2-й

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

11304

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ

Томъ XXXI, часть I, вып. 2
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Д. Ч. Н. И. Веселовскаго.

~~21403~~

О П Ы Т Ъ

ГЕОГРАФІИ И СТАТИСТИКИ

тунгусскихъ племенъ Сибири

на основаніи данныхъ переписи населенія 1897 г. и другихъ источниковъ.

С. ПАТКАНОВЪ.

Und bist du erst ein Mensch
geworden,
Dann ist es völlig aus mit
dir.

Goethe (Faust).

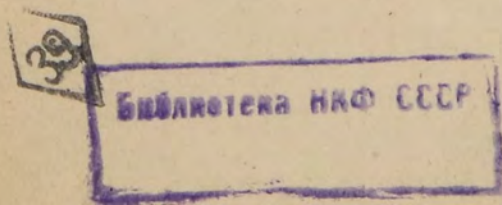
ЧАСТЬ I

ТУНГУСЫ СОБСТВЕННО

выпускъ 2-й

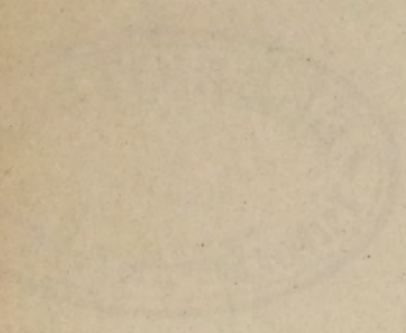
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

THE NATIONAL ARCHIVES

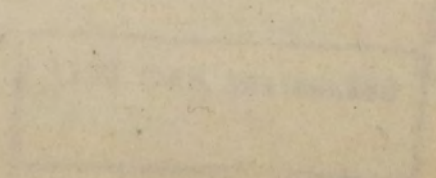

UNITED STATES

DEPARTMENT OF THE INTERIOR

BUREAU OF LAND MANAGEMENT

62844

ГЛАВА I.

Область тунгусовъ въ XVII вѣкѣ и перемѣны, происшедшія въ ней по настоящее время.

Исторія и преданія народовъ въ Сѣверной Азіи даютъ намъ не мало указаній на крупныя передвиженія тунгусскихъ племенъ въ прежнее время. Ограничиваясь Сибирью и собственно тунгусами, мы на основаніи историческихъ документовъ безошибочно можемъ сказать, что тунгусы уже въ XVII ст., по всему вѣроятію еще много раньше того, занимали большую часть площади Сибири отъ Енисея до береговъ Охотскаго моря и что главнымъ факторомъ ихъ дальнѣйшаго расселенія по Восточной Сибири, который ихъ заставилъ мѣстами покинуть свои прежнія владѣнія, мѣстами занять новыя территоріи, было вызванное вторженіемъ казаковъ въ долину р. Лены постепенное движеніе якутовъ.

Будемъ ли мы считать первородиной этого тюркскаго племени, называющаго себя *саха*, южную часть Енисейской губерніи, гдѣ и понынѣ сохранилось родственное племя *сагаи* (*сагайцы*) или мѣстности, расположенныя близъ Байкальскаго озера, гдѣ по мнѣнію тѣхъ ученыхъ, которые выводятъ ихъ изъ Енисейской губерніи, они лишь временно осѣли, но несомнѣнно, что они здѣсь проживали продолжительное время, достаточное для того, чтобы подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей монголо-бурятовъ физически переродиться въ монголовъ ¹⁾.

По свидѣтельству Гмелина у якутовъ его времени были живы преданія, свидѣтельствующія о томъ гнетѣ, который они

¹⁾ Дальнѣйшее измѣненіе ихъ типа въ томъ же направленіи по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ произошло уже подъ вліяніемъ ихъ смѣшенія съ тунгусами, что однако далеко не вполне убѣдительно, потому что у якутовъ монгольскій типъ гораздо болѣе рѣзко выраженъ, чѣмъ у тунгусовъ собственно.

испытывали отъ своихъ сосѣдей бурятовъ. Тѣснимые съ юга новыми толпами этого племени, вторгшимися въ южную часть Сибири, они стали передвигаться на сѣверъ, встрѣчая во всѣхъ мѣстностяхъ вплоть до средней Лены однихъ тунгусовъ, которые, будучи малочисленнымъ и разбросано живущимъ охотничьимъ племенемъ, принуждены были уступить имъ часть своей страны.

Преданія Ленскихъ якутовъ и тунгусовъ XVII в. передаютъ намъ о кровавыхъ схваткахъ, въ которыхъ тунгусы пытались остановить этотъ потокъ чужеземцевъ въ ихъ страну ¹⁾. Но напрасно, — кочевники якуты, двигаясь сплоченными ордами, всюду одерживали верхъ надъ храбрыми, но плохо вооруженными и почти не организованными въ социальномъ смыслѣ тунгусами. Добравшись до Ленско-Амгинскаго плоскогорія якуты здѣсь на долго остановились, причемъ удобныя для скотоводства мѣста, главнымъ образомъ по большой кривизнѣ р. Лены, дали имъ возможность вырости въ многочисленный народъ.

Дальнѣйшее поступательное движеніе якутовъ и притомъ направленное во всѣ стороны было вызвано толчкомъ, который имъ дали русскіе во время завоеванія края. Партіи корыстолюбивыхъ казаковъ и промышленниковъ изъ Мангазейскаго, Енисейскаго и Якутскаго остроговъ, дѣйствовавшіе при объясачиваніи мѣстныхъ инородцевъ нерѣдко независимо другъ отъ друга, такъ озлобили и напугали мирныхъ Сибирскихъ аборигеновъ непомѣрными поборами и лихоимствомъ, что среди нихъ начались возстанія, которыя въ свою очередь вызывали карательныя экспедиціи со стороны русскихъ. Въ страхъ передъ грядущими бѣдствіями инородцы бѣжали въ глухія мѣста, гдѣ они нѣкоторое время считали себя въ безопасности отъ своихъ притѣснителей.

Если мѣста, куда они бѣжали, благопріятствовали ихъ образу жизни и занятіямъ (иногда они впрочемъ, въ виду новыхъ условій, измѣняли то и другое), то они тамъ осѣдали и образовывали маленькія колоніи, которыя постепенно росли путемъ притока новыхъ семействъ изъ коренныхъ мѣстожительствъ этихъ инородцевъ.

¹⁾ Фишеръ: „Сибирск. исторія“, изд. 1774 г., стр. 68.

Не останавливаясь на разсмотрѣніи вопроса о размселеніи тунгусовъ по площади Сибири въ отдаленныя отъ насъ эпохи, на что у насъ не имѣется достовѣрныхъ свѣдѣній, попробуемъ набросать картину ихъ области распространенія въ первой половинѣ XVII ст. (1605—1658 г.), когда русскіе завоеватели впервые столкнулись съ этимъ народомъ. Постепенно двигаясь отъ Енисея на востокъ, они объясачивали одну группу инородцевъ за другой, сообщая въ своихъ донесеніяхъ цѣнныя данныя о размселеніи въ тѣ времена разныхъ инородческихъ племенъ по отдѣльнымъ рѣчнымъ бассейнамъ. Аналогично ходу завоеванія края и мы начнемъ наше разсмотрѣніе съ запада.

Енисейская губернія.

Первое знакомство русскихъ съ тунгусами было въ 1605 или 1607 г., когда они изъ бассейна р. Таза по р. Турухану выбрались на Енисей. Тунгусы были многочисленнымъ и воинственнымъ народомъ, который не безъ борьбы подчинился власти Россіи. Въ 1608 г. они подъ начальствомъ своего князя Данула напали на Кузнецкій острогъ, но были разбиты. Тѣмъ не менѣе они продолжали дѣлать набѣги на остяковъ, жившихъ по Кети и подчиненныхъ Кетскому острогу. Главная битва, которую русскіе дали Данулу, происходила въ 1615 г. на берегахъ Енисея. Кромѣ казаковъ русскіе выставили противъ тунгусовъ двѣ орды остяковъ. Тунгусы въ числѣ 300 человекъ были одѣты въ одинаковую одежду изъ оленьихъ шкуръ и вооружены пальмами (длинный ножъ на палкѣ), луками и стрѣлами. Какъ признакъ болѣе высокой культуры у этихъ тунгусовъ, по словамъ казаковъ, имѣлись еще шлемы и щиты желѣзные чешуйчатые ¹⁾. Видъ этого воинственного племени въ живописныхъ костюмахъ произвелъ на казаковъ, доселѣ видѣвшихъ лишь неповоротливыхъ остя-

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что у весьма многихъ племенъ Сибири во время покоренія ихъ страны русскими, а судя по ихъ героическому эпосу и много раньше, имѣлись металлическія кольчуги чужеземнаго происхожденія, часто съ придѣланными къ нимъ шлемами, которыя въ виду ихъ рѣдкости и дороговизны носились однако лишь ихъ князьями. Остатки такихъ кольчугъ иногда находятъ въ землѣ (См. нашъ трудъ: „Irtysch-Ostjaken“, II, стр. 014 сл.). Прimitивныя кольчуги изъ кусковъ желѣза и костей были въ прежнее время въ употребленіи и у инородцевъ крайняго с.-в. Сибири.

ковъ и самоѣдовъ въ широкихъ одеждахъ, не малое впечатлѣніе. Тунгусы проиграли битву и, разбитые на голову, бѣжали, но до полного подчиненія Енисейскихъ тунгусовъ прошло не менѣе 10 лѣтъ.

Еще за годъ до пораженія Данулы Мангазейскіе казаки перешли Енисей у устья Н. Тунгуски и, подвигаясь вверхъ по рѣкѣ, обложили ясакомъ 18 жившихъ тамъ тунгусскихъ родовъ, а 4 года спустя для покоренія Енисейскихъ тунгусовъ былъ основанъ 12 в. выше устья р. Кеми Енисейскій острогъ. Нѣсколько раньше этого острога Кетскіе казаки устроили на верхней Кети Маковское зимовье съ цѣлью огражденія мѣстныхъ остяковъ отъ нападений тунгусовъ, которые долго не унимались и въ 1619 г. осадили означенное зимовье. Но уже въ этомъ году князекъ Ниланской вол. Илтикъ, жившій по Н. Тунгускѣ, изъявилъ покорность, а два года спустя, въ виду хорошаго улова соболя, добровольно согласились платить ясакъ и тунгусскіе князья, бродившіе по В. Тунгускѣ или Ангарѣ: Ялирь, Иркиней и Тасей, а за ними и другіе. Въ 1623 г. почти всѣ тунгусы, жившіе вблизи Енисея, уже платили ясакъ. Но уже въ 1624 г. тунгусы кн. Тасея, жившіе по р. Тасею, лѣв. притоку Ангары, отложились и напали на острогъ Рыбинскій (въ 90 верст. отъ устья Ангары), причемъ походъ на нихъ въ 1625 г. успѣха не имѣлъ. Послѣдними были объясачены тунгусы, жившіе по р. Питу (1625 г.).

Изъ этихъ данныхъ усматривается, что въ началѣ XVII в. тунгусы въ предѣлахъ Енисейской губерніи проживали въ общемъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ они встрѣчаются и въ настоящее время, хотя въ отдѣльныхъ районахъ съ тѣхъ поръ и произошли нѣкоторыя перемѣны.

Туруханскій край. На сѣверо-востокъ и сѣверъ его не замѣтно существенныхъ перемѣнъ съ XVII ст. — всѣ тѣ племена, которыя тогда тамъ жили, проживаютъ тамъ и нынѣ, причемъ тунгусскій элементъ временно даже усилился переселившимися туда въ XVII—XVIII ст. Долганами и въ началѣ XIX ст. Жиганцами (см. ниже), хотя въ сущности лишь номинально, потому что съ теченіемъ времени первые окончательно, а вторые наполовину объякутились. Нѣкоторыя происшедшія въ этихъ краяхъ измѣненія границъ носятъ скорѣе характеръ внутреннихъ перемѣщеній безъ существенныхъ по-

терь или приобрѣтеній территоріи. Къ тому же за XVII ст. у насъ нѣтъ точныхъ данныхъ о размѣщеніи въ данной мѣстности отдѣльныхъ племенъ, которыя бы намъ позволили сдѣлать какіе-либо выводы въ этомъ отношеніи. Замѣтимъ здѣсь попутно, что нѣкоторые ученые предполагаютъ, что самоѣды Вадѣвскаго рода, кочующіе по р. Боганидѣ (притокъ Хеты), происходятъ тоже отъ тунгусовъ, ассимилированныхъ самоѣдскими племенами, аналогично тому какъ мѣстные долгане, нынѣ ничѣмъ не отличающіеся отъ якутовъ, безъ сомнѣнія представляютъ изъ себя обьякутившихся тунгусовъ Долганскихъ родовъ.

Южные и восточные предѣлы распространенія тунгусскаго племени въ краѣ не измѣнились съ тѣхъ поръ, потому что, какъ тогда, такъ и теперь, Подкаменная Тунгуска и Анабара, ограничивающія нынѣ Туруханскій край съ юга и съ востока, протекаютъ верхней и средней частью своего теченія, а Илимнея, л. прит. Н. Тунгуски, вполнѣ въ предѣлахъ тунгусской области.

Лишь западные предѣлы территоріи тунгусовъ показываютъ нѣкоторыя перемѣны противъ XVII стол., которыя сводятся къ тому, что небольшая часть тунгусовъ Чапогирскаго рода въ теченіи XIX ст. перешагнула на лѣвый берегъ Енисея и вторглась въ настоящую область самоѣдовъ. Это постепенное движеніе тунгусовъ на западъ отмѣтили еще въ 40-хъ годахъ Миддендорфъ и Кастрень, причемъ послѣдній на основаніи слуховъ предполагаетъ, что они здѣсь отчасти жили и прежде. По его же сообщенію часть ихъ перебралась сюда, именно въ бассейнъ р. Елогую, съ береговъ Подкаменной Тунгуски, совершенно покинувъ эту рѣку¹⁾. Перепись дѣйствительно не нашла по ней тунгусовъ, но не застала ихъ и по Елогую. Изъ мѣстностей по лѣвому берегу Енисея она обнаружила лишь до 90 д. этого племени по верхнему Тазу, по Худосеѣ и Покол-кы (см. вып. I, 164 стр.).

Но и эти тунгусы не измѣнили существенно очертанія границы тунгусской области съ этой стороны, потому что, какъ сказано, они составляютъ лишь небольшую примѣсь къ массѣ самоѣдскаго населенія лѣваго берега Енисея. Что же касается до настоящей западной границы этого племени въ Туруханскомъ краѣ, то она нигдѣ не доходитъ до самаго Ени-

¹⁾ „Reiseber. u. Br.“, 476.

сея, по которому живутъ русскіе, самоѣды и Енисейскіе остяки, занимающіе и низовыя части Курейки, Н. Тунгуски, большую часть Сухой Тунгуски, Бахты и нижнее и среднее теченіе Подкаменной Тунгуски. Лишь къ востоку отъ этой колеблющейся линіи находится область тунгусовъ. Такова же была въ общихъ чертахъ западная граница тунгусовъ и въ прежнія времена. Какъ тогда, такъ и теперь, отдѣльныя орды и семьи этого племени иногда приближаются по Енисею и держатся нѣкоторое время на его берегахъ, причемъ многія семьи даже прочно осѣли среди русскихъ.

Енисейскій округъ. Южная граница тунгусовъ отступила на сѣверъ до рр. Чуны и Тасѣвой или даже до Ангары, потому что въ пространство между названными рѣками, они нынѣ повидимому лишь временно заходятъ. Такимъ образомъ, ихъ болѣе нельзя встрѣтить по нижнему теченію р. Усолки, падающей въ Тасѣву, и по Бирюсѣ, нынѣ довольно густо заселеннымъ русскими, которые постепенно отгѣснили тунгусовъ сначала до Чуны, а послѣдніе годы до 58° с. ш. Воспоминаніемъ о прежнихъ тунгусскихъ жителяхъ по Бирюсѣ и Чунѣ служить типъ ихъ нынѣшнихъ обитателей, нѣсколько напоминающій тунгусовъ (см. вып., стр. 156).

Съ западной стороны тунгусы прежде близко подходили къ Енисею, а во многихъ мѣстахъ встрѣчались и по его берегамъ. Нынѣ сильное русское населеніе отгѣснило ихъ отъ названной рѣки почти до 65° в. долг.: съ Енисея и Ангары — сельское, а изъ долины р. Б. Пита — пріисковое, среди котораго и понынѣ проживаютъ жалкіе и обрусѣлыя остатки прежнихъ тунгусовъ Питско-Варагонскаго рода (Верхне-Чумскій вымеръ).

Изъ донесеній казаковъ не видно, чтобы тунгусы въ концѣ XVI или въ началѣ XVII в. проживали къ западу отъ Енисея, но несомнѣнно, что они въ теченіи первыхъ 12 — 15 лѣтъ по водвореніи русскихъ въ этомъ краѣ, дѣлали туда частыя набѣги. Впослѣдствіи, главнымъ образомъ въ началѣ XIX ст., отдѣльныя семьи тунгусовъ стали перебираться на лѣвый берегъ Енисея, въ бассейны рр. Сыми и Кети. Кастрень сообщаетъ, что эти тунгусы происходили главнымъ образомъ съ береговъ р. Пить ¹⁾, а послѣдняя ревизія 1859 г. застаётъ

¹⁾ „Reiseber. и Br.“, 171.

тамъ по р. Сыму, въ области остяковъ, уже цѣлый родъ тунгусовъ, нигдѣ болѣе не встрѣчавшійся, именно р. Милитскій, нынѣ почти вымершій.

Якутская область.

«Не подлежитъ сомнѣнiю, говорить изслѣдователь якутовъ Сѣрошевскій, что какъ сѣверныя, такъ и южныя, западныя и восточныя окраины якутскихъ поселеній суть новѣйшаго происхожденiя и преданiя прямо указываютъ на окрестности Якутска и на Амгинско-Ленское плоскогорiе какъ на метрополию этихъ колонiй. Здѣсь застали ихъ русскiе» ¹⁾, появившiеся въ предѣлахъ Якутской области въ 30-хъ годахъ XVII стол. Это предположенiе впервые было высказано еще историкомъ Фишеромъ. «Догадка, что прежде сего бунта (возмущенiе якутовъ противъ казаковъ въ 1632 г.) якуты ни у Вилуя, ниже у Олекмы, ниже въ нижнихъ мѣстахъ рѣки Лены не жили, говоритъ онъ, конечно основательно. Ибо Мангазейскiе казаки не нашли якутовъ у р. Вилуя и П. Бекетовъ, какъ въ 1635 г. строилъ Олекминскiй острогъ и послалъ въ Енисейскъ пространное извѣстiе о всѣхъ обстоятельствахъ, не упомянулъ о якутахъ ни словомъ». Что они еще не проживали тогда и по Ледовитому океану онъ старается доказать тѣмъ, что для нихъ при тогдашнемъ обилии земель не было основанiя избирать для жительства мѣста, неудобныя для скотоводства ²⁾. Это же доказывается и полнымъ отсутствиемъ свѣдѣнiй о тамошнихъ якутахъ въ донесенiяхъ казаковъ изъ разныхъ частей края. Такимъ образомъ, лѣтъ 270 тому назадъ якуты проживали еще почти исключительно въ предѣлахъ нынѣшняго Якутскаго округа, именно въ его центральной части, гдѣ и понынѣ сгруппировано 60% всѣхъ якутовъ. Изъ другихъ народностей данной области юкагиры обитали по нижней Янѣ и по нижнему и среднему теченiю Индигирки и Колымы. Во всемъ же остальномъ необъятномъ ея районѣ кочевали лишь тунгусы и ламуты со стадами оленей или бродили пѣшіе охотники изъ того же племени.

Обращаясь къ отдѣльнымъ крупнымъ рѣкамъ края. мы

¹⁾ „Якуты“, I.

²⁾ „Сибирская исторiя“, 368, прим. 38.

узнаемъ, что по *Ленѣ* якуты обитали почти лишь въ районѣ ея большого изгиба, по ея лѣвому берегу—главнымъ образомъ между устьемъ р. Лунхи на сѣверѣ и р. Синей на югѣ. На востокъ ихъ мѣстожителства простирались до Амги, а на сѣверѣ до Алдана. Въ этихъ предѣлахъ въ 30-хъ годахъ XVII ст., былъ сосредоточенъ почти весь якутскій народъ. Кругомъ со всѣхъ сторонъ ихъ окружали тунгусы. Послѣдніе были единственными обитателями всего остального теченія р. Лены книзу отъ Лунхи и лишь о нихъ упоминаютъ казаки въ окрестностяхъ Жиганскаго зимовья (нынѣ Жиганска) и далѣе къ сѣверу до самаго устья Лены.

По *Виллюю*, гдѣ теперь живетъ ок. 63.000 якутовъ, ихъ вовсе не было при первомъ появленіи здѣсь русскихъ въ 1630 г., когда они волокомъ перебравшись съ Н. Тунгуски на р. Чону, притокъ Виллюя, а оттуда на этотъ послѣдній. Заселяли тунгусы въ то время и берега крупныхъ лѣвыхъ притоковъ Виллюя: Мархи, Тукана, Тюна, какъ это видно изъ историческихъ документовъ.

Якутовъ казаки встрѣтили близъ устья Виллюя лишь нѣсколько позднѣе, причемъ численность ихъ лишь была незначительна, что обнаруживается изъ того факта, что на 7 чело-вѣкъ тунгусскихъ аманатовъ Шаховъ (1671 г.) приводитъ лишь одного якутскаго. Въ своей картѣ 1701 г. Ремезовъ тоже не обозначаетъ на Виллюѣ ни одного якутскаго стойбища. На ней отмѣчено, что ниже Верхне-Виллюйскаго и Танарейскаго зимовьевъ, за р. Варкой, живутъ тунгусы Снигири ¹⁾, а дальше внизъ по Виллюю, Тыгны, Шалагоны, Икалэтагалы, Имугаты ²⁾.

Нынѣ тунгусы удержались лишь въ верхнемъ теченіи Виллюя и далѣе внизъ вдали отъ береговъ, но и тамъ настолько объякутились, что усвоили якутскій языкъ; значительная же ихъ часть вѣроятно вымерла, потому что изъ всѣхъ жившихъ въ этомъ краѣ восьми родовъ лишь двое встрѣчаются въ Виллюйскомъ округѣ и въ настоящее время (Шологоны и Баягиры или Буягиры), а остальные не могутъ быть отождествлены ни съ тунгусскими родами дру-

1) Это имя вѣроятно находится въ связи съ тунгусскимъ названіемъ рѣки—Шилкирь (Ингода, Шилка, Амуръ, Амгунь и т. д.) и въ частности съ тремя правыми притоками верхняго Оленека—Силигирь. Отъ имени Шилкирь безъ сомнѣнія происходятъ названія тунгусскихъ родовъ—Челкагирскій и Чильчагирскій.

2) Сѣрошевскій, *ibid.*

гихъ мѣстностей Сибири, ни съ родами якутовъ Вилюйскаго округа. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ «родовъ» можетъ быть найдутся въ числѣ отдѣльныхъ поколѣній, на которыя распадутся многіе тунгусскіе роды.

Не было якутовъ въ началѣ XVII в. и въ *Олекминскомъ* краѣ. Такъ, не засталъ ихъ тамъ и Петръ Бекетовъ 1635 г. Не упоминаетъ о нихъ въ своей картѣ и Ремезовъ, ни на Олекмѣ, ни на Витимѣ. Всюду въ этихъ мѣстахъ и на протекающей сѣвернѣе р. Мокма (Батома) красуется надпись: «тунгусы».

Что же касается до якутовъ Сунтарско-Олекминской управы Киренскаго округа (Ирк. губ.), живущихъ еще далѣе къ югу, по рр. Нюѣ и Пеледую, то ихъ происхожденіе относится уже къ XIX ст. (см. стр. 17).

По *Колымѣ*, *Индигиркѣ* и *Янѣ*, гдѣ прежде тоже не было якутовъ, у Ремезова показаны «многіе юкагиры», а по Омолою, верховья котораго у него спутаны съ верховьями Яны, Дуолгалаха и Бытантая—«верхоянскіе якуты». Сѣвернѣе Дуолгалаха по той сторонѣ рѣки написано на той же картѣ; «иноземцы по эланямъ — верхоянскіе тунгусы и якуты». Послѣдніе водворились въ этой мѣстности вѣроятно уже послѣ перваго появленія въ Якутской области русскихъ или почти одновременно (Сѣрошевскій). Еще историкъ Фишеръ высказалъ догадку, что они проникли въ эти мѣста сравнительно очень недавно, почему и занимали по ней столь ограниченный районъ. Именно, изъ отписокъ казаковъ за 1637—39 гг. видно, что якуты изъ вышеназванныхъ трехъ рѣкъ жили лишь по средней Янѣ (Янгѣ), причѣмъ добираться до нихъ нужно было отъ устья 3 и отъ верховьевъ—4 недѣли. По Тостаху, пр. прит. Адычи (пр. притоку Яны), жили юкагиры, а въ верховьяхъ его и Яны жили, какъ и теперь, тунгусы, которые встрѣчались и далѣе внизъ по ея теченію, вѣроятно въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ береговъ, по которымъ жили якуты.

По *Индигиркѣ* обитали въ тѣ времена юкагиры, а въ ея верховьяхъ многочисленныя необьясаченныя ламуты.

По *Колымѣ* якутовъ, судя по историческимъ даннымъ, въ тѣ времена вовсе не было: въ ея низовьяхъ, отчасти по среднему ея теченію, жили юкагиры, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ ея береговъ и по ея крупному притоку Омолону бродили оленные тунгусы, къ сѣверу граничившіе опять съ юкагирами, обитавшими въ бассейнѣ обоихъ Анюевъ. Далѣе

къ сѣверо-востоку начиналась область чукчей, которые тогда еще не проникли такъ далеко на западъ, какъ теперь.

На западъ отъ Лены якутскія стойбища обозначены у Ремезова въ верховьяхъ Молодой, въ устьяхъ р. *Оленека* и на сѣверѣ близъ моря. Но при первомъ появленіи русскихъ на крайнемъ сѣверѣ Якутской области (на Оленекѣ въ 1636 и 1638 гг.) ихъ и тамъ не было, причемъ тамъ жили одни тунгусы. На сѣверныя плоскогорія якуты проникли послѣ появленія въ краѣ русскихъ, расшевелившихъ мѣстныхъ инородцевъ и заставившихъ ихъ разбрестись по всей странѣ. Да и теперь въ этотъ глухой сѣверо-западный край области изъ якутовъ лишь временно заходятъ отдѣльныя лица (торговцы, звѣроловы), постоянно же проживаетъ тамъ всего нѣсколько русскихъ и якутскихъ семействъ и то лишь въ низовьяхъ Оленека. Въ остальной части его теченія нынѣ можно встрѣтить лишь немногія семьи тунгусскихъ охотниковъ.

У Ремезова самыя западныя стойбища якутовъ обозначены въ верховьяхъ р. *Анабары*, хотя нѣсколько раньше, при первомъ посѣщеніи русскими этого края, тамъ ихъ еще не было.

Итакъ, на основаніи точныхъ историческихъ данныхъ можно утверждать, что въ первой половинѣ XVII ст. область якутовъ ограничивалась почти лишь Ленско-Алданско-Амгинскимъ плоскогорьемъ и нѣкоторыми пунктами и по средней Янѣ. Въ этихъ предѣлахъ якуты встрѣчались развѣ лишь въ одномъ мѣстѣ— въ сѣверо-восточной части Туруханскаго края. Мы имѣемъ въ виду Затундринскихъ якутовъ, живущихъ по средней и нижней *Хатангѣ* и *Шорохинскихъ*—въ одномъ пунктѣ по нижнему Енисею, представляющихъ по Сѣрошевскому болѣе древнія колоніи этого племени, образованныя еще до прибытія въ край русскихъ,—предположеніе, которое однако недостаточно обосновано.

Изъ этого обзора мы видимъ, что тунгусы, прежніе владѣльцы Якутской области, постепенно должны были уступать якутамъ одинъ клочекъ земли за другимъ и удаляться въ болѣе глухія гористыя и лѣсистыя пространства, мало пригодныя для скотоводства. Можно безъ преувеличенія сказать, что со времени подчиненія края русскими они въ Якутской области утратили почти половину своей прежней территоріи.

Мы уже знаемъ, что причины, которыя заставили якутовъ въ

XVII в. болѣе энергично расселяться по обширной территоріи, носящей нынѣ ихъ имя, былъ толчекъ, данный имъ движеніемъ казаковъ на востокъ Сибири. Покорившись русскимъ, якуты стали сами принимать участіе въ ихъ военныхъ и колонизаторскихъ предпріятіяхъ. Изъ нихъ отчасти вербовались казаки и будущіе поселенцы, которыми правительство, за недостаткомъ русскихъ людей, старалось заселять все тракты, ведущіе во вновь завоеванныя земли — Якутско-Охотскій, Якутско-Алданскій и др., а въ качествѣ ловкихъ купцовъ они уже тогда забирались въ самыя глухіе дебри тунгусской страны. Но далеко не всюду новые, заведенные русскими, порядки способствовали процвѣтанію покореннаго края. Платежъ ясака, лихоимство и притѣсненія со стороны мѣстныхъ властей, подводная повинность, весьма тяжелая при малолюдствѣ края — все это были причины, которыя заставляли не только якутовъ, но и другихъ инородцевъ: тунгусовъ, юкагировъ и т. д. бросать насиженные мѣста и уходить подальше отъ большихъ трактовъ, по которымъ вливалась въ край новая цивилизація.

Весьма сильный толчекъ такому расселенію инородцевъ, а слѣдовательно и якутовъ, дали тѣ неурядицы, которыя возникли въ этомъ едва завоеванномъ и не вполне замиренномъ краѣ вслѣдствіе взаимной вражды и антагонизма Мангазейскихъ, Якутскихъ и Енисейскихъ казаковъ въ 30-хъ годахъ XVII ст. Стремясь не только къ обогащенію казны, сколько къ личной наживѣ, приказчики, десятники и атаманы такъ грабили, обирали и притѣсняли вновь покоренныхъ инородцевъ — якутовъ, тунгусовъ и др., что они, несмотря на свое миролюбіе, возставали, убивали своихъ притѣснителей и, боясь кары, бѣжали безъ оглядки въ самыя глухія части страны, куда еще не проникли русскіе. Цѣлыя мѣстности въ это время опустѣли и въ податныхъ спискахъ 60-хъ годовъ XVII ст., по Сѣрошевскому, то и дѣло встрѣчаются пробѣлы съ пометкой, что такая семья или такія то семьи бѣжали на Яну, на Вилюй или «неизвѣстно куда».

Разъ начавшееся поступательное движеніе якутовъ въ страну тунгусовъ, которая еще въ первой трети XVII ст. полнымъ кольцомъ опоясывала ихъ прежнюю область на Ленско-Алданско-Амгинскомъ плоскогоріи, не прекратилась и въ послѣдующія столѣтія, когда условія жизни въ Сибири стали гораздо болѣе благопріятны. Занимая какъ коневоды, а

потомъ скотоводы, луговья пространства сначала по средней Ленѣ и нижнему Алдану, а впоследствии и по другимъ наиболѣе крупнымъ рѣкамъ нынѣшней Якутской области, они продолжали постепенно, пядь за пядью, отнимать у тунгусовъ ихъ родовыя земли, отѣсняя ихъ при этомъ въ болѣе глухія мѣста, орошаемыя болѣе мелкими рѣчками, въ мѣстности гористыя и лѣсистыя и неудобныя для скотоводства и это ихъ поступательное движеніе, какъ мы увидимъ ниже, не прекратилось и по настоящее время.

Такимъ образомъ, якуты постепенно заселили берега рр. Вилюя, Яны, Индигирки, а также сѣверную часть Олекминскаго округа и т. д. Уже въ 1750 г., т. е. всего 120 л. послѣ перваго появленія въ краѣ русскихъ и 49 л. послѣ составленія карты Ремезова, якуты, по Сѣрошевскому, въ общемъ проживали уже во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ они встрѣчаются въ настоящее время, хотя ихъ расселеніе по странѣ не остановилось и тогда и продолжается и понынѣ. Такъ, въ 50—60-хъ годахъ отдѣльныхъ якутскихъ колонистовъ разные изслѣдователи встрѣчали по рр. Муѣ, Чонѣ и другимъ рѣкамъ, гдѣ нынѣ перепись мѣстами застигла довольно густое якутское населеніе.

Въ недавнее время отдѣльныя якутскія семьи поднялись вверхъ по Колымѣ, гдѣ ихъ поселенія прекращаются приблизительно у устья р. Ясачной, и расселились по одиночкѣ или по 2—3 вмѣстѣ у устьевъ ея притоковъ, являясь первыми форпостами этого племени въ прежней странѣ юкагировъ и ламутовъ, нынѣ сильно уменьшившихся въ числѣ.

Резюмируя все вышеизложенное о расселеніи тунгусовъ въ Якутской области во время покоренія ея русскими, можно сказать, что еще тогда они были ея настоящими хозяевами. Кромѣ нихъ въ ней жили якуты и юкагиры, къ которымъ лишь въ самомъ сѣверо-востокѣ примѣшивались чуванцы и чукчи. Юкагиры обитали главнымъ образомъ по нижнему теченію Яны, Индигирки и Колымы отъ 100° до 136° в. долг. (отъ Пулкова), а якуты лишь между Леной, Алданомъ и Амгой и въ небольшомъ числѣ по средней Янѣ. Вся остальная часть Якутской области была населена исключительно тунгусами и однородными съ ними ламутами.

Измѣненія въ очертаніяхъ тунгусской области, которыя произошли съ тѣхъ поръ по настоящее время, въ общемъ сводятся къ вытѣсненію тунгусовъ изъ ихъ коренныхъ мѣсто-

жительство якутами. Что же касается до русскихъ, которыхъ, какъ мы знаемъ, до 30-хъ годовъ XVII ст. въ области почти не было, то они, занимаясь преимущественно рыболовствомъ и скотоводствомъ, также торговлей съ инородцами, заняли лишь немногія полосы и отдѣльные пункты по берегамъ крупныхъ рѣкъ, сравнительно мало повліявъ на уменьшеніе территоріи тунгусовъ въ предѣлахъ Якутской области.

Расширеніе тунгусской территоріи замѣчается лишь на самомъ сѣверо-востокѣ области, гдѣ ламуты заняли часть области прежнихъ юкагировъ и чуванцевъ, вымершихъ отъ осы.

Разсмотримъ теперь вкратцѣ эти измѣненія въ предѣлахъ обитанія тунгусовъ по отдѣльнымъ округамъ.

Виллюйскій округъ. Какъ мы знаемъ, въ 30-хъ годахъ XVII ст. въ этомъ округѣ вовсе не было якутовъ, которые съ береговъ Лены заселили все нижнее и среднее теченіе р. Вилюя вплоть до его притока Вилючана, а также нижнее и среднее теченіе Мархи, Тюкана и другихъ его притоковъ.

Часть тунгусовъ еще въ тѣ времена бѣжала на сѣверо-западъ, на Оленекъ, откуда позже перебралась въ Туруханскій край, гдѣ однако было и свое коренное тунгусское населеніе. И позже Виллюйскій округъ терялъ свое тунгусское населеніе вслѣдствіе его выселенія въ другія мѣста. Такимъ образомъ, мы знаемъ, что роды Нюрмаганскій, Шологонскій и Кельтятскій, вслѣдствіе притѣсненій со стороны якутовъ, частью перебравшись въ смежный Якутскій округъ (см. стр. 14).

Олекминскій округъ въ XVII в. тоже былъ заселенъ лишь тунгусами. Потомъ якуты, пришлые изъ Якутскаго округа, заселили почти всю его сѣверную часть, къ сѣверу отъ Лены, а самый лѣвый берегъ заняли русскіе крестьяне и скопцы, якуты же расселились и по правому берегу Лены и по нижнему теченію рр. Чары и Олекмы. Первыми якутскими насельниками даннаго округа были представители Меитскаго (Мегинскаго) рода, которые водворились около Олекминскаго острога. Потомъ число ихъ возрасло вслѣдствіе новаго притока якутовъ изъ улусовъ Меитскаго и Борогонскаго (Якут. окр.): они заняли пустынный островъ Кыллахъ

и стали разселяться во всѣ стороны ¹⁾. Сверхъ того открытіе въ предѣлахъ округа золотыхъ приисковъ было причиной образованія въ двухъ его районахъ густаго приисковаго населенія, именно въ бассейнахъ верховьевъ рр. Вачи, прит. Жуи, Бодайбо и Енгажимо, притоковъ Витима, и другихъ рѣкъ. Остальная часть округа и нынѣ находится во владѣніи тунгусовъ.

Якутскій округъ. Здѣсь, какъ извѣстно, въ XVII в. было сгруппировано почти все якутское населеніе Сибири. Нынѣ предѣлы прежней якутской территоріи расширились и расширяются понынѣ за счетъ тунгусской, которая прежде плотнымъ кольцомъ охватывала якутскій районъ. Изъ части округа, расположенной къ западу отъ Лены, коренные тунгусы почти совсѣмъ пропали, а встрѣчающіеся тамъ нынѣ — позднѣйшіе пришельцы.

Менѣе густо было прежде якутское населеніе между Алданомъ и Амгой, за которой ихъ поселенія вовсе прекращались. Всю остальную часть округа и нынѣ населяютъ одни тунгусы, область которыхъ здѣсь ограничивается съ востока и юга Становымъ хребтомъ (подробнѣе см. вып. I, стр. 83).

Здѣсь не мѣшаетъ сообщить, что Кангаласскіе тунгусы при-Амгинскаго края различаютъ въ своей средѣ два элемента: коренныхъ, къ которымъ принадлежитъ почти весь Буягирскій р. и въ значительной степени Беллетскіе, и пришлыхъ изъ Вилюйскаго округа (см. вып. I, стр. 86). По преданію мѣстныхъ тунгусовъ это переселеніе случилось въ послѣднюю четверть XVIII ст. При этомъ они заняли главнымъ образомъ прилегающія къ ихъ землямъ верховья и побережья лѣвыхъ притоковъ Лены, берущихъ начало близъ границъ Вилюйскаго округа. Лишь небольшая ихъ часть перебралась на правый берегъ Лены и смѣшалась съ кореннымъ тунгусскимъ населеніемъ за-Ленскаго края. Тунгусы передаютъ, что изъ трехъ тунгусовъ, выселившихся тогда изъ Вилюйскаго округа, Анаба, предокъ Гермогеновыхъ, поселился у верховьевъ Алдана, родоначальникъ II Шелогонскаго р. — въ верховьяхъ р. Синей и предокъ Нюрмаганцевъ — Куяя у р. Чины, по которой они живутъ и теперь (см. ниже). Изъ другихъ преданій тунгусовъ можно заключить, что начало ихъ движенія съ сѣверо-запада на юго-востокъ имѣло мѣсто одновременно съ завоеваніемъ

¹⁾ Майновъ, I. с., 17.

края русскими, можетъ быть являясь его естественнымъ послѣдствіемъ и отголоскомъ, и что въ южной полосѣ Якутской области мѣстомъ встрѣчи тунгусовъ съверянъ съ коренными обитателями Становаго хребта — Буягирами и Беллетцами, является южная часть Якутскаго округа. Выходцы изъ Вилюйскаго округа вошли въ составъ названныхъ родовъ, такъ что изъ обоихъ колѣнъ перваго — Эрпини является болѣе древнимъ, а Хатысма позднѣйшаго происхожденія (Майновъ, 1. с., 169—174).

Верхоянскій округъ. По лѣвую сторону Лены, гдѣ при первомъ появленіи здѣсь русскихъ не было якутовъ на западъ до самой Анабары, они образовали колоніи по лѣвому берегу Лены отъ полярнаго круга вплоть до Ледовитаго океана, гдѣ они населяютъ острова дельты названной рѣки. Отсюда ихъ малочисленныя, отчасти смѣшанныя съ русскими, колоніи тянутся до устья или даже до низовьевъ Оленека, въ остальной части теченія котораго и теперь живутъ лишь тунгусы. Анабара же почти не имѣетъ постояннаго населенія, а на нее заходятъ ради промысла тунгусы, долгане и якуты Туруханскаго края; послѣдніе въ довольно значительномъ числѣ были застигнуты переписью и въ ея низовьяхъ.

Къ востоку отъ Лены, гдѣ при появленіи русскихъ якуты проживали въ небольшомъ числѣ лишь по средней Янѣ, они въ настоящее время обитаютъ, какъ мы видѣли, на всемъ ея протяженіи между 66 и 69° с. ш. и въ тѣхъ же широтахъ по крупнымъ рѣкамъ ея бассейна: Адычѣ, Гостаху, Дуолгалаху, а по Бытантаю на 200 вер. отъ его устья, также въ низовьяхъ Яны и въ прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ, по Омолою, Хромѣ и т. д. (см. вып. I, стр. 69).

Также и Индигирку они со времени первыхъ походовъ казаковъ заселили по всему ея протяженію, захвативъ при этомъ и часть верхняго теченія Алазеи. Какъ будетъ видно изъ племенной карты округа, якуты нигдѣ не образуютъ сплошнаго цѣлаго, а ихъ поселенія образуютъ длинныя полосы, тянущіяся главнымъ образомъ вдоль береговъ болѣе крупныхъ рѣкъ и разъединенныя между собою пустынными: на сѣверѣ — болотистыми и тундренными и въ болѣе южныхъ мѣстахъ — гористыми пространствами. И въ этихъ пустынныхъ пространствахъ бродятъ со своими стадами оленей тунгусы и

ламуты, къ которымъ въ сѣверныхъ тундрахъ, между 101° и 126° в. д. (отъ Пулк.), присоединяются остатки прежнихъ коренныхъ обитателей страны—юкагировъ. Наконецъ, въ самомъ сѣверо-восточномъ углу округа, между низовьями Алазеи и Индигирки, у Ледовитаго океана, бродятъ нынѣ малочисленные чукчи, появившіеся здѣсь лишь въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія.

Въ Колымскомъ округѣ якуты заняли лѣвый берегъ Колымы отъ средняго теченія р. Зырянки приблиз. до 68° с. ш., а чукчи побережье Ледовитаго океана между рр. Чауномъ и Алазеей (а также между рѣками Олоемъ и Омолономъ). Къ югу отъ чукчей въ тундрѣ между Алазеей и Колымой бродятъ остатки прежде многочисленныхъ юкагировъ, сильно перемѣшавшіеся съ ламутами, которые здѣсь въ исконней странѣ юкагировъ являются элементомъ болѣе новымъ. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ округа по прежнему проживаютъ ламуты (по Ясачной и Коркодону въ перемѣшку съ нѣсколькими юкагирскими семьями). Въ низовой части Омолона, и Колымы, припл. къ сѣверу отъ полярнаго круга, и по обоимъ Анюямъ ламуты заняли земли вымершихъ юкагировъ и чуванцевъ.

Иркутская губернія.

Иркутская губернія входила въ область тунгусовъ большей частью своей площади. Огромный Киренскій округъ, занимающій болѣе половины всей губерніи, большая часть Верхоленинскаго и смежныя мѣстности другихъ округовъ прежде были населены лишь этимъ племенемъ, которое составляло все населеніе береговъ верхняго теченія Н. Тунгуски и всей Лены, кверху отъ устья Куленги, и ея притоковъ: Тутурги, Киренги, Чуи, Витима, Куты и др., и сѣверной части бассейна Ангары, припл. книзу отъ устья р. Оки, включая и р. Илимъ, падающую въ Ангару съ правой стороны. Они же вмѣстѣ съ бурятами населяли и западные берега Байкала, причемъ первые бродили по его сѣверо-западному побережью, припл. къ сѣверу отъ 54° с. ш. и затѣмъ по его юго-западному берегу, къ югу отъ межи Иркутскаго и Верхоленинскаго округовъ до юго-западной оконечности озера, гдѣ для сбора ясака русскіе устроили Култушный острогъ. Относительно этой части побережья Байкала

62844
слѣдуетъ замѣтить, что въ двухъ ея мѣстахъ повидимому жили и буряты: именно, въ низовьяхъ р. Ангары и у устья Голоустной, потому что изъ донесеній казаковъ видно, что во время своего похода за Байкаль они дважды имѣли дѣло съ Голоустными бурятами, относившимися къ нимъ враждебно. Тунгусы же населяли и весь юго-восточный уголь губернии, ограниченный на сѣверѣ Байкальскимъ озеромъ на западѣ рч. Быстрой, а на югѣ и востокѣ междоустьемъ нынѣшней Забайкальской области. Всѣ тунгусы данной губернии были бродячими инородцами, которые не имѣли постоянныхъ мѣстожительствъ, но ради добычи дичи и пушного звѣря постоянно мѣняли мѣста. Не ограничиваясь во время этихъ скитаній указанными предѣлами они во время охоты заходили и въ смежныя мѣста, населенныя по большей части кочевниками и звѣроловами бурятами. А бурятамъ въ тѣ времена принадлежали въ этихъ краяхъ слѣдующія мѣстности: въ бассейнѣ Ангары, къ югу отъ устья Оки до Байкала, съ ея притоками: Окой, Бѣлой, Китомъ, Иркутомъ, Кудой, часть юго-западнаго побережья Байкала (къ сѣверу отъ межи Иркутскаго округа) съ островомъ Ольхономъ, потомъ верховья Лены, кверху отъ Верхоленска или отъ устья Куленги (у устья которой однако жили еще тунгусы), въ томъ числѣ и мѣстности, орошаемыя притоками Лены Куленгой, Манзуркой, Ангой и др.

Перемѣны, которыя съ тѣхъ поръ произошли въ области тунгусовъ сводятся главнымъ образомъ къ тому, что всѣ берега крупныхъ рѣкъ, протекающихъ черезъ нее, заняли русскіе крестьяне, которые оттѣснили тунгусовъ вглубь страны, въ гористыя и лѣсистыя мѣстности. Въ виду этого, послѣдніе болѣе не встрѣчаются по берегамъ Лены на всемъ ея протяженіи въ предѣлахъ губернии, гдѣ проживаетъ сплошное русское населеніе. Русскіе же заняли нижнее теченіе Киренги вверхъ до сел. Мунокъ, причемъ къ сѣверу отъ него тунгусы встрѣчаются лишь какъ ничтожная примѣсь къ русскимъ крестьянамъ. Также и по нижней и средней Кутѣ нынѣ имѣется много русскихъ селеній.

Лишь съ начала истекшаго столѣтія съ сѣвера въ тунгусскую область Киренскаго округа стали вторгаться и якуты изъ смежныхъ Вилюйскаго и Олекминскаго округовъ Якутской области и селиться по берегамъ лѣвыхъ притоковъ Лены;

Нюи и Пеледуя. Нынѣ они тамъ весьма многочисленны, тунгусы же изъ этой мѣстности вовсе исчезли.

Въ остальныхъ мѣстностяхъ бассейна Лены тунгусы сохранились и по настоящее время.

Въ бассейнѣ Ангары ихъ южная межа отодвинулась на сѣверъ до сѣверной межи Нижнеудинскаго округа (подъ 57° с. ш.). Да и въ болѣе низовой части теперь рѣшительно господствуютъ русскіе, между тѣмъ какъ тунгусы проживаютъ, если не считать немногихъ бродячихъ представителей этого племени, лишь въ одномъ сел. Закурдаевскомъ по л. берегу Ангары. То же самое слѣдуетъ сказать и о лѣвомъ притокѣ Ангары Илимѣ, который весь усѣянъ русскими селеніями, среди которыхъ замѣчается лишь одно тунгусское—Коченгскій улусъ, да въ 2—3 русскихъ деревняхъ проживаетъ нѣсколько обрусѣлыхъ семействъ тунгусовъ Нижне-Илимской управы, которымъ прежде принадлежали всѣ земли по Илимѣ.

Болѣе сохранилось тунгусовъ по верхнему теченію Н. Тунгуски, протекающей по Киренскому округу, хотя и по ней имѣется много русскихъ селеній. Наконецъ, по Голоустной, падающей въ юго-западную часть Байкала, и понынѣ преобладаютъ тунгусы. Такимъ образомъ, главныя перемѣны въ очертаніяхъ области тунгусовъ Иркутской губерніи сводятся не столько къ измѣненію внѣшнихъ границъ, сколько къ вытѣсненію ихъ отъ береговъ крупныхъ рѣкъ русскими (и якутами), причемъ, если принять во вниманіе не качество земель, а лишь ихъ количество, то понынѣ тунгусы губерніи численностью въ 2200 д. обладаютъ еще огромными землями, между тѣмъ какъ 146 разъ болѣе многочисленное русское населеніе ютится лишь въ сравнительно не широкой прирѣчной полосѣ по берегамъ крупныхъ рѣкъ той же области.

Забайкальская область.

И въ этой области большая часть ея площади во время оккупации страны русскими въ 1643 — 1675 гг. была занята тунгусами. Но здѣсь труднѣе точно разграничить прежнія мѣстожителства бурятовъ, монголовъ и тунгусовъ отчасти въ виду того, что эти племена частью жили въ перемѣшку другъ съ другомъ, главнымъ образомъ тамъ, гдѣ

тамъ, гдѣ ихъ районы соприкасались, отчасти въ виду того, что одновременно и тотчасъ по приходѣ русскихъ въ данную область въ размѣщеніи отдѣльныхъ инородческихъ группъ по ея территоріи произошли значительныя перемѣны: часть ихъ, спасаясь отъ притѣсненій со стороны казаковъ, разбѣжалась по сосѣднимъ мѣстамъ и даже ушла къ монголамъ, часть передвинулась во вновь освободившіеся районы или въ мѣстности, прилегающія къ острогамъ, гдѣ они могли рассчитывать на защиту со стороны русскихъ властей и т. д. Щербачевъ говоритъ по этому поводу: «Столкновенія между различными племенами приводили слабѣйшихъ къ передвиженіямъ на значительныя разстоянія и распри, происходившія внутри племенъ побуждали послѣднія раздѣляться и затѣмъ расходиться въ разныя стороны. Но не только война и междоусобицы заставляли инородцевъ мѣнять кочевыя мѣста. При земельномъ просторѣ и малонаселенности страны, передвиженія въ поискахъ за лучшими кормами должны были быть явленіемъ самымъ обычнымъ. Связи съ землей у инородцевъ не существовало. Не вкладывая въ нее труда, они легло покидали пространство, на которыхъ нѣкоторое время обживались со своими стадами. Вездѣ было приволье. Русскіе застали инородцевъ Забайкалья въ подобномъ состояніи постоянной смѣны кочевокъ»¹⁾. Попробуемъ однако все таки разобраться въ вопросѣ, какимъ образомъ въ то время отдѣльныя племена и на первомъ мѣстѣ тунгусы размѣщались по площади Забайкальской области.

Мы полагаемъ, что не рискуемъ сильно ошибиться если скажемъ, что въ началѣ XVII в. вся сѣверная часть области расположенная къ сѣверу отъ Ингоды и Шилки²⁾ и далѣе

¹⁾ Куломзинъ, 5 вып., 7.

²⁾ Еще во второй половинѣ XVIII ст. тунгусы были единственными владѣльцами почти всѣхъ земель, расположенныхъ къ сѣверу отъ Шилки: по Кіѣ, Нерчѣ, Куенгѣ и Курлычѣ. Такимъ образомъ, изъ указа Екатерины II 1774 г. зайсану и шуленгѣ Почегарскаго рода видно, что еще въ концѣ XVIII ст. всѣ земли по Нерчѣ отъ устья Нерчугана „внизъ по рѣкѣ до урочища Алекану [вѣроятно гдѣ нынѣ д. Олеканская] и отъ того разныхъ званіевъ рѣчкамъ т. е. по Торгѣ, Торгокону, Дарасуну, Чаракчину, Кіѣ [л. притокъ Шилки] и по Кіекану“ принадлежали однимъ тунгусамъ названнаго рода. А указъ той же императрицы за 1779 г. подтверждаетъ право тунгусовъ родовъ Баягирскаго, Дулигарскаго, Намятскаго и Чипчинутскаго на земли по Курлычѣ, Куенгѣ и ея притоку Олову, въ которыя, какъ и во владѣніе Почегарцевъ, незаконно стали вторгаться русскіе люди. Въ этомъ указѣ говорится: „рѣчки Курлычъ, Куенгу и Оловъ со впадающими въ оныя рѣчущками и падыми отдать

на западъ ограниченная линіей, идущей отъ верховьевъ Ингоды до устья р. Хилока (пр. прит. Селенги) и оттуда по правому берегу Селенги до Байкальскаго озера находилась почти въ единственномъ владѣніи тунгусовъ, въ область которыхъ, такимъ образомъ, входила вся р. Уда (пр. прит. Селенги), у устья которой для управленія ими было воздвигнуто Удинское зимовье (нынѣ г. Верхнеудинскъ), и верхнее теченіе другихъ крупныхъ правыхъ притоковъ Селенги: Хилока и Чикоя.

Дѣйствительно, изъ донесеній казаковъ видно, что они жили въ большомъ числѣ: «отъ Байкальскаго озера до Хилока и отъ Селенги до неизвѣстнаго мѣроу разстоянія къ востоку» ¹⁾. Изъ другого донесенія видно, что по Селенгѣ, отъ ея устья до устья Хилока, жили почти одни тунгусы, хотя поднимаясь въ 1653 г. вверхъ по Селенгѣ, П. Бекетовъ ихъ тамъ не засталъ, а лишь покинутыя ими жилища ²⁾. О тунгусахъ по Хилоку упоминается въ отпискахъ служилыхъ довольно часто. Встрѣчались они и по Чикую и въ большомъ числѣ во всемъ озерномъ районѣ къ сѣверо-западу отъ Становаго хребта, по Витиму, Баргузину и т. д. По Чикую, Хилоку и Селенгѣ упоминаются въ тѣхъ же донесеніяхъ и буряты и монголы, причемъ точно разграничить ихъ территоріи трудно. Слѣдуетъ полагать, что они занимали болѣе южныя части бассейна р. Селенги, преимущественно лѣвую его часть и болѣе нижнее теченіе Чикоя и Хилока, причемъ кое-гдѣ по этимъ рѣкамъ они можетъ быть и жили въ перемѣшку съ тунгусами. Въ районѣ Селенги ихъ область въ одномъ донесеніи казаковъ, характеризуется такимъ образомъ: «да въ Ламу (оз. Байкаль) же впала рѣка Селенга двѣнадцатью устьи, а по той рѣкѣ Селенги, идучи отъ Ламы, по правую сторону живутъ мугалы кочевые люди...» ³⁾.

Менѣе имѣется указаній относительно мѣстности, расположенной далѣе къ востоку, между р. Ингодой и Онономъ.

вамъ подъ кочевье вашихъ ясачныхъ и подъ скотскій выпускъ, какъ и напередъ сего оныя отданы были вамъ и съ оныхъ отнюдь со своими родами никуда не перекочевывать и оныя мѣста изъ русскихъ жителей впредь къ поселенію и обзаводству домами и зимовьями отнюдь никому не позволять». (Куломзинъ, I с., вып. V, стр. 49, 52—54). Съ тѣхъ поръ однако увеличившіеся въ числѣ русскіе вытѣснили тунгусовъ изъ болѣе южной полосы ихъ владѣній (см. вып. I стр. 115).

¹⁾ Фишеръ, I с. 564, прим. 20.

²⁾ Куломзинъ, I с., 5 вып., 10.

³⁾ Фишеръ. I с.

Судя по всему, тунгусы тамъ жили совмѣстно съ бурятами. По Онону же они несомнѣнно тогда господствовали ¹⁾, причемъ ихъ потомки Кужертаевскіе и Онгоцонскіе тунгусы живутъ тамъ и по сейчасъ, занимая длинную полосу по его лѣвому берегу, между тѣмъ какъ правый берегъ отведенъ русскими подъ поселенія казаковъ, большинство которыхъ въ данномъ районѣ вначалѣ были тоже тунгусы.

Еще далѣе къ востоку между Онономъ и восточной границей области въ тѣ времена тоже преобладали тунгусы, хотя въ однодневномъ пути отъ Нерчинска встрѣчались и буряты. Упоминаются тунгусы и по Аргуни (Фишеръ, 621), гдѣ однако повидимому господствовало монголо-бурятское населеніе.

Часть Забайкальскихъ тунгусовъ были уже при первомъ съ ними знакомствѣ русскихъ кочевниками-скотоводами, именно большинство жившихъ въ южной полосѣ ихъ области. Въ отличіе отъ ранѣе имъ знакомыхъ сѣверныхъ «оленныхъ» ихъ въ тѣ времена называли «конными» и «степными», такъ какъ они разводили главнымъ образомъ коней.

Тотчасъ послѣ появленія въ странѣ русскихъ и даже отчасти ранѣе въ размѣщеніи инородцевъ по площади области произошли значительныя перемѣны. Хоринскіе буряты, не долго до этого временно водворившіеся было послѣ погрома отъ монголовъ на старыхъ мѣстахъ по Онону, подверглись нападенію со стороны тунгусовъ Улятскаго рода и принуждены были вновь бѣжать въ Монголію и въ Верхнеудинскій округъ, гдѣ они поселились въ тунгусской области у Еравнинскихъ озеръ и по р. Селенгѣ и ея притокамъ Удѣ съ Курбой, Хилоку съ Тугнуемъ и Чикою ²⁾. Другіе роды ихъ пошли далѣе и поселились на рр. Итанцѣ и Кударѣ и на о-вѣ Ольхонѣ. Отъ подобныхъ вторженій бурятовъ въ предѣлы области они въ значительной степени перемѣшались съ коренными жителями страны—тунгусами.

Недовольные поборами казаковъ, многіе буряты и тунгусы убѣгали, оставляя за собою цѣлыя мѣстности пустынными. Такъ, въ концѣ 50-хъ годовъ XVII ст. буряты съ береговъ Оки, Китоа, Бѣлой (Иркут. губ.) и изъ другихъ мѣстъ массами бросали родныя пепелища и бѣжали къ монголамъ и

¹⁾ Куломзинъ, I. с., 5 вып., 12.

²⁾ Позднѣевъ, стр. 189 и Куломзинъ, I. с., V., вып. 7.

частью по ту сторону Байкала, увеличивая тамъ бурятскій элементъ. Продолжалось это бѣгство бурятовъ и въ 60-хъ годахъ того же столѣтія, когда оно охватило инородческое население бассейна Селенги, откуда неясчные тунгусы и буряты, кочевавшіе по Чикою, бѣжали въ 1665 г. къ монголамъ. Также поступили въ 1674 г. и Баунтовскіе тунгусы, разбѣжавшіеся отъ притѣсненій со стороны сборщиковъ податей въ разныя стороны, и Баргузинскіе тунгусы, въ 1675 г. ушедшіе къ монгольскимъ тайшамъ. Черезъ нѣкоторое время бѣжавшіе обыкновенно возвращались, причемъ если находили свои мѣста занятыми, то осѣдали въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, въ 1666 г. вернулся изъ Манчжуріи, съ береговъ Науна, даурскій князь Гантимуръ ¹⁾, жившій прежде по Ингодѣ ²⁾ и въ 1654 г. изъявившій готовность платить ясакъ, но вскорѣ послѣ того бѣжавшій съ нѣсколькими (пятнадцатью?) родами за Аргунь. Съ разрѣшенія русскихъ властей онъ со своими людьми вновь занялъ родовыя земли, получивъ въ свое управленіе большую часть тунгусовъ области. Въ 1664 г. къ острогамъ Нерчинскому и Иргенскому (у оз. Иргень) прикочевали тунгусы, которые до сего времени ясака не платили, и просили защиты отъ монголовъ, а десять лѣтъ спустя подъ Нерчинскъ пришли болѣе 1.000 душъ бурятовъ, вернувшихся «изъ мунгалъ», къ которымъ бѣжали нѣсколько лѣтъ назадъ, и просили разрѣшенія поселиться у Байкала и на о-вѣ Ольхонѣ, гдѣ они прежде жили. Не будемъ дальше перечислять всѣхъ отдѣльныхъ перемѣщеній бурятовъ и тунгусовъ въ предѣлахъ области въ теченіе XVII ст. (таковыя были и въ XVIII ст.); мы думаемъ, что и этихъ примѣровъ достаточно, чтобы понять, почему распредѣленіе по площади тунгусовъ и бурятовъ въ прежнее время такъ сильно отличается отъ настоящаго.

Размножаясь сильнѣе тунгусовъ и увеличиваясь путемъ приселенія изъ-за границы, буряты постепенно ассимилируютъ себѣ слабыя и разбросанныя орды тунгусовъ и мало-

¹⁾ Такъ какъ до прихода русскихъ почти всѣ тунгусы по Шилкѣ и Амуру были подвластны даурамъ, то по всему судя лишь княжескій Нелюдскій родъ, къ которому принадлежалъ Гантимуръ, былъ даурскимъ, прочіе же подвластные ему роды были тунгусскими. Съ теченіемъ времени первые отунгусились.

²⁾ Китайскія власти въ перепискѣ по поводу бѣжавшаго Гантимура оспариваютъ этотъ фактъ.

по-малу занимають часть ихъ территоріи. Такимъ образомъ, Хоринцы, водворившись, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ Вернеудинскаго округа, постепенно стали разселяться по смежнымъ съ ихъ областью мѣстамъ, не встрѣчая при этомъ никакихъ преградъ для своего движенія на сѣверъ округа. Они постепенно заняли мѣстности въ районѣ сѣверныхъ озеръ: Ивана, Тассея, Арахлея, Телембинскаго и другихъ, гдѣ прежде жили лишь тунгусы, а впоследствии пропикли и къ сѣверу отъ Витима. Такимъ же образомъ они мало-по-малу захватили почти всю площадь западной половины Нерчинскаго края, къ югу отъ Ингоды, а въ пограничной полосѣ даже до самой р. Аргуни ¹⁾). Западная часть Хоринцевъ, въ 1839 г., отдѣлилась отъ главной ихъ массы и образовала особую Агинскую степную думу, которая владѣть землями по Агѣ, лѣвому притоку Онона.

Нѣкоторыя перемѣщенія инородцевъ были вызваны искусственными мѣрами: такимъ образомъ, въ самомъ началѣ XVIII ст. тунгусы, подвѣдомственные Телембинскому острогу, и часть другихъ, были переведены на югъ и поселены въ качествѣ казаковъ по китайской границѣ. Ихъ обурятившіеся потомки нынѣ образуютъ казачье инородческое населеніе Акшинскаго округа. Около того же времени и часть Иркутскихъ бурятъ была выселена изъ Тункинской степной думы въ Селенгинскій округъ для охраны границы и одновременно съ ними и для той же цѣли туда же были переведены и два рода тунгусовъ изъ района южной оконечности Байкала. Эти тунгусы поселились по Хамнею и его притокамъ, а промысловый ихъ районъ былъ расположенъ къ югу отъ Байкала, по рѣчкамъ, бѣгущимъ въ него съ хребта Хамарь-дабанъ отъ р. Мантурихи на востокъ до р. Быстрой (въ Иркут. окр.) на западѣ, также по верхнему и среднему теченію Темника и Снѣжной. Закаменскіе буряты поселились къ югу отъ нихъ. Но вскорѣ отъ этихъ послѣднихъ отдѣлились два рода, которые съ согласія тунгусовъ водворились на ихъ земляхъ, и, хотя и понынѣ образуютъ самостоятельныя селенія, но образуютъ одну съ ними Армакскую управу ²⁾ (см. вып. I стр. 148).

¹⁾ Куломзинъ, V, 104.

²⁾ По Кролю. („Изв. В. Сиб. Отд. И. Р. Г. О.“, т. XXV, 4—5 вып., 72 сл.). Армакскіе тунгусы, какъ и Закаменскіе буряты, выходцы изъ-за

О заселеніи долины рѣки Баргузина бурятами можно сообщить слѣдующія данныя, основанныя на мѣстныхъ преданіяхъ: «Шесть поколѣній (около 300 л.) тому назадъ прикочевали сюда съ острова Ольхона (въ оз. Байкалѣ) и вообще съ западной стороны озера Байкала 5 родовъ бурятъ, съ которыми у тунгусовъ возникли споры изъ за земли. Споры эти окончились заключеніемъ въ 1802 г. договора, по которому рѣшено всѣми землями владѣть сообща. Прикочевки сюда бурятовъ изъ Верхоленскаго округа Иркутской губерніи продолжались до конца 30-хъ годовъ. Заселеніе долины р. Баргузина бурятами началось съ юга и еще 100 л. тому назадъ въ теперешней дачѣ Подхребетной стояли всего 6 бурятскихъ юртъ, а теперь ихъ тамъ 13 общинъ» ¹⁾.

При этомъ поступательномъ движеніи въ долину р. Баргузина буряты постепенно оттѣсняли на сѣверъ и ассимилировали себѣ немногочисленныхъ разсѣянныхъ здѣсь тунгусовъ, которые, кромѣ одного селенія (Бодонь), образуютъ теперь по большей части лишь маленькія колоніи среди почти сплошнаго бурятскаго населенія ²⁾.

Наконецъ, одна группа бурятовъ (въ 345 д. м. п.) Баргузинской степной думы перебралась въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія на сѣверную сторону Ингоды, въ чисто тунгусскій районъ, и водворилась на бассейнѣ р. Улдурги, пр. прит. Нерчи (Улдургинская управа) ³⁾.

Байкала, вызванные правительствомъ для охраны карауловъ Харацайской дистанціи въ первой половинѣ XVIII ст. Раньше они жили въ районѣ Культука и были приписаны къ Култукскому зимовью (на юго-западномъ углу Байкальскаго озера въ Иркутской губ.).

¹⁾ Куломзинъ, VI, 2—3.

²⁾ Изъ указа императрицы Екатерины II 1791 г. главному шуленгѣ тунгусскихъ родовъ Баргузинской управы видно, что начало вторженія бурятовъ въ долину средняго и верхняго Баргузина относится, главнымъ образомъ, къ концу XVIII ст., причемъ въ тѣ времена тунгусы находили защиту отъ нихъ у мѣстныхъ властей, которыя возстановляли ихъ права, запрещая бурятамъ заочевывать въ тунгусскія уголья за р. Аргаду. (Куломзинъ, I, с., V, 55). Однако, въ самомъ началѣ прошлаго столѣтія они должны были уступить и буряты съ ихъ разрѣшенія стали селиться на отведенныхъ имъ земляхъ, причемъ не всегда исполняли данное тунгусамъ обѣщаніе не стѣснять ихъ. Замѣчательно еще, что въ 1772 г. границей между языческими тунгусами-кочевниками и русскими поселенцами служила р. Бодонь. [Риттеръ: „Землев. Азіи“, В. Сиб. (русс. изд. 1895 г.), 71]. Впослѣдствіи тунгусамъ пришлось уступить часть своихъ земель и крестьянамъ русскихъ селеній: Бодонь и Сувинскаго смежной Читканской волости, которые, селясь на ихъ землѣ и эксплуатируя ее, приобрѣли на нее извѣстныя права.

³⁾ Куломзинъ, VI, 5.

Наряду съ вторженіемъ буряты въ тунгусскія владѣнія въ краѣ стало увеличиваться русское населеніе, которое, занимая ради хлѣбопашества лучшія и наиболѣе пригодныя для этого занятія мѣста, постепенно оттѣсняло всѣхъ инородцевъ въ мѣста болѣе глухія, но удобныя для скотоводства и звѣроловства. Особенно успѣшно было заселеніе русскими восточной части области, гдѣ инородческое населеніе было малочисленно; здѣсь русскіе нынѣ составляютъ почти все населеніе края (Нерчинскій и Нерчинско-Заводскій округа). Мѣстныхъ инородцевъ теперь здѣсь вовсе нѣтъ: тѣ, которые здѣсь раньше жили, быстро обрусѣли и стали заниматься земледѣліемъ, вслѣдствіе чего противъ ихъ воли были обращены въ крестьянъ (и мѣщанъ) и нынѣ окончательно слились съ русскимъ населеніемъ. И во многихъ другихъ мѣстахъ области инородцы оказываются нынѣ въ меньшинствѣ.

Подводя итогъ всему вышесказанному, мы убѣждаемся, что тунгусы со времени покоренія края русскими утратили около половины своей прежней территоріи, главнымъ образомъ, на югъ и западъ, сохранивъ въ неприкосновенности лишь самую сѣверную лѣсную полосу и отдѣльные участки прежнихъ владѣній къ сѣверу и югу отъ рр. Ингоды-Шилки (см. вып. I, стр. 115).

Амурская область.

Въ виду того, что тунгусы въ большинствѣ случаевъ жили и живутъ въ глухихъ гористыхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ по мелкимъ рѣчкамъ и постоянно мѣняютъ свои мѣста, то изъ донесеній казаковъ-завоевателей, слѣдовавшихъ изъ одной части страны въ другую по болѣе извѣстнымъ рѣчнымъ путямъ, нельзя получить полной картины расселенія тунгусовъ въ серединѣ XVII в. Удобнѣе разрѣшить этотъ вопросъ другимъ образомъ, именно: путемъ исключенія изъ земель Амурской области тѣхъ мѣстностей, гдѣ жили другія племена, о которыхъ имѣются лучшія свѣдѣнія, именно, земледѣльческіе народы, жившіе по Амуру и по нижнему теченію Зеи, и кочевыя и бродячія племена, обитавшія въ прилегающей къ Амуру съ сѣвера полосѣ. Такъ какъ объ этихъ народностяхъ будетъ рѣчь ниже, во II части даннаго труда, то мы здѣсь

скажемъ объ этомъ предметѣ лишь самое необходимое. Начнемъ съ запада.

Дауры обитали въ 40-хъ годахъ XVII ст. въ предѣлахъ Забайкальской области по Шилкѣ и Аргуни ¹⁾. Далѣе на востокъ ихъ поселенія тянулись по Амуру почти до устья Зеи и по нижнему теченію Зеи до устья р. Умлекана (между Дэпомъ и Уромъ). Отъ Зеи до устья Сунгари ²⁾ и въ прилегающей къ Амуру съ сѣвера и юга гористой мѣстности жили родственные имъ гогули, а далѣе внизъ по Амуру на 7 дней пути — дючэры, за которыми начиналась страна ачановъ и натковъ (гольдовъ) и еще далѣе гиляковъ. Въ мѣстности, прилегающей къ Амуру съ сѣвера, т. е. къ сѣверу отъ названныхъ народовъ жили слѣдующія племена, платившіе даурамъ дань. На самомъ западѣ приблизительно до Нивера и Янканскаго гольца, въ гористой мѣстности, бродили оленные тунгусы — орочны. По среднему теченію Зеи отъ нижняго теченія Ура за устье р. Селимджи и по нижнему Дэпу бродили манегры; по средней Селимджѣ (у казаковъ Селимбы) и по Буреѣ проживали бирары, а въ бассейнѣ р. Кура Шренкѣ въ 50-хъ годахъ прошедшаго столѣтія открылъ племя килэ. Во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ Амурской области, именно во всей ея сѣверной окраинѣ, проживали, многочисленныя оленные тунгусы-звѣроловы, которые, однако, спускались и въ болѣе южныя мѣстности.

Хищническіе походы казаковъ и промышленниковъ на Амуръ имѣли послѣдствіемъ опустѣніе его береговъ: дауры, дючэры и гогули частью были истреблены, частью выселились въ Манчжурію на берега рр. Науна и Хурхи, а это обстоятельство, въ свою очередь, повліяло на иное размѣщеніе оставшихся жителей по территоріи области. Именно, всѣ вышеуказанныя племена, жившія въ прилегающей къ Амуру полосѣ, т. е. орочны, манегры, бирары не замедлили спуститься на освободившіяся мѣста по Амуру, очистивъ при этомъ сѣверныя части своихъ

¹⁾ Какимъ образомъ они и тунгусы распредѣляли между собою берега обѣихъ рѣкъ изъ донесеній казаковъ не видно, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ „дауры“ казаковъ были, повидимому, тунгусами, надъ которыми правили даурскіе князья; вѣроятно такъ надо понимать извѣстіе о даурскомъ князѣ Батогѣ, жившемъ на р. Каргѣ, притокѣ Витима (?), и о князѣ Гантимурѣ по Ингодѣ (см. прим. на стр. 22).

²⁾ По донесенію Хабарова, а по Пояркову за 1644 г., который не упоминаетъ о гогуляхъ, повидимому, мало отличавшихся отъ дючэровъ, эти послѣдніе жили отъ Зеи до пункта, находящагося на 4 дня пути внизъ отъ устья Уссури.

прежнихъ областей, которыя въ свою очередь, привлекли съ сѣвера, изъ Якутской области, новыя толпы тунгусовъ.

Не остановившись на Амурѣ, всѣ эти племена понемногу стали перебираться на правый его берегъ, въ Китайскія владѣнія, такъ что Л. Шренкъ, изслѣдовавшій этотъ край за нѣсколько лѣтъ до формальнаго присоединенія его къ Россіи, т. е. въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія, засталъ эти племена живущими уже по обоимъ берегамъ Амура и кромѣ нихъ онъ встрѣтилъ тотчасъ къ востоку отъ Зеи, возвратившихся на родныя пепелища дауровъ, а также манчжуровъ и китайцевъ.

Такимъ образомъ, въ эту эпоху населеніе по обоимъ берегамъ Амура состояло изъ однихъ и тѣхъ же племенъ. Но со времени присоединенія края къ Россіи нѣкоторыя племена перебрались въ Китай почти въ полномъ составѣ—таковы бирары и манегры, исчезли и кили и лишь орочны западной части области, подкрѣпляемые приливомъ новыхъ ордъ съ сѣвера, почти вполнѣ сохранили за собою свою область по лѣвому берегу Амура. Что касается русскихъ, то они заняли все побережье Амура и нижнее теченіе болѣе крупныхъ рѣкъ: Зеи, Буреи, Завитной и др. Въ большей части всей остальной площади области и нынѣ бродятъ охотники и оленеводы-тунгусы, главнымъ образомъ изъ Якутскаго округа.

Приморская область.

Съ тунгусскимъ населеніемъ этой области казаки впервые ознакомились въ 40-хъ годахъ XVII ст., когда они пробирались изъ Якутска вверхъ по Алдану, Маѣ, Юдомѣ и др. рѣкамъ до р. Ульи, по которой они спустились до моря, названнаго по тунгусски Ламскимъ. Отсюда въ послѣдствіи дѣлались развѣдки въ разныя стороны: на с.-в.—до р. Тауй и, съ другой стороны, на югъ—до р. Уды. И дальнѣйшія экспедиціи въ поискахъ за новыми землицами въ этихъ краяхъ исходили изъ Ульинскаго зимовья. Отсюда казаки и промышленники во время своихъ развѣдокъ добрались до р. Охоты, а потомъ до рр. Ини и Мотыклей и далѣе на сѣверъ, и всюду встрѣчали «сидячихъ» и оленныхъ тунгусовъ въ большемъ числѣ.

Въ 1652 г. казакъ И. Нагиба добрался до р. Тугура, у

устья который нашелъ большое стойбище тунгусовъ въ 150 юртъ. Сѣверо-западную часть Охотскаго побережья и Гижигинскую губу казаки изслѣдовали не только съ юга, но и съ сѣвера, изъ Анадырска, основаннаго въ 1650 г. Изъ донесеній казаковъ того времени мы узнаемъ, что по сѣверному побережью названнаго моря между Окландскомъ по р. Пенжинѣ и Тауйскомъ обитали немирные коряки ¹⁾.

Итакъ, большая часть западнаго побережья Охотскаго моря—отъ р. Тауй на сѣверѣ до устья р. Тугура на юго-востокѣ была въ серединѣ XVII в. заселена тунгусами, которые съ сѣвера граничили съ коряками, а на югѣ съ гиляками. Точнѣе опредѣляетъ межу между тунгусами и коряками Крашенинниковъ, который для первой половины XVIII ст. считаетъ таковой р. Нукчанъ, берущую начало въ Нукчанскомъ хребтѣ. Вѣроятно эта рѣка была границей названныхъ племенъ и въ болѣе ранніе періоды времени, потому что въ этихъ мѣстахъ русскіе имѣли мало осѣлости и полудикое населеніе продолжало жить своей прежней жизнью, уменьшившись лишь въ числѣ.

О южной границѣ тунгусовъ по названному морю въ XVII в. можно имѣть довольно ясное представленіе изъ донесеній казаковъ и изъ трудовъ послѣдующихъ изслѣдователей края, которые сообщаютъ, что гиляки въ прежнее время приходили на рыбные промыслы на Ульбанскій и Тугурскій заливы, причемъ изъ перваго залива во второй они перебирались волокомъ черезъ низменную песчаную косу, чтобы избѣгнуть затруднительный и опасный для лодокъ обходъ полуострова Сеньяка. Въ этихъ мѣстахъ, какъ и на Шантарскихъ островахъ, очевидцы находили слѣды землянокъ гиляцкаго типа — доказательство, что здѣсь прежде временно проживали гиляки.

Итакъ, по берегу моря межой тунгусовъ и гиляковъ можно считать для XVII—XVIII ст. Тугурскую губу, между тѣмъ какъ далѣе въ глубь страны, куда гиляки не заходили, временно проникали тунгусы ²⁾, перѣдко доходившіе до р. Амура. Такимъ образомъ, когда въ 1720 г. мореходъ Татариновъ, возвращаясь съ описи Шантарскихъ острововъ въ Удскую губу и отыскивая р. Улью, по ошибкѣ попалъ въ

¹⁾ Слюнинъ, *ibid.*, I, 24.

²⁾ Слюнинъ, *ibid.*, I, 423.

устье Амура, то подвергся тамъ нападенію со стороны тунгусовъ, которые и истребили большую часть его команды и убили его самого¹⁾).

Къ западу область тунгусовъ Приморской области, какъ и въ настоящее время, непосредственно переходила въ тунгускую же область Якутской области.

Внѣ описанныхъ предѣловъ тунгусы въ Приморской области въ XVII—XVIII ст. нигдѣ не проживали постоянно, ни по лѣвымъ притокамъ Амгуни и близъ низовьевъ Амура, ни въ нынѣшнемъ Хабаровскомъ округѣ. Не было ихъ тогда еще и въ Петропавловской округѣ и на островѣ Сахалинѣ. Лишь въ Анадырскую округу они повидимому проникли вскорѣ послѣ первыхъ походовъ туда русскихъ, которые вербовали ихъ, какъ и юкагировъ, въ свои отряды, отправлявшіеся покорять Коряцкую землю и Камчатку. Впослѣдствіи они вмѣстѣ съ казаками основались въ нѣкоторыхъ острожкахъ и зимовьяхъ указанныхъ краевъ. Еще понынѣ по Анадыри можно встрѣтить ихъ потомковъ въ видѣ обрусѣлыхъ осѣдлыхъ ламутовъ.

Оленные ламуты Анадырской округи происходятъ изъ смежныхъ округовъ, частью изъ Колымскаго округа Якутской области, частью изъ Гижигинской округи (см. вып. I, стр. 26). Когда они сюда перебравшись, не извѣстно, но надо полагать, что это имѣло мѣсто не ранѣе XVIII ст., а главная ихъ часть переселилась туда уже въ XIX ст. Для платежа ясака они и понынѣ приписаны: первые къ Колымскому округу, вторые къ Гижигѣ. Съ XVIII ст. Гижигинскіе и Охотскіе тунгусы начинаютъ занимать и часть коряцкихъ земель по сѣверо-западному побережью Гижигинской губы, опустѣвшихъ вслѣдствіе вымиранія коренныхъ обитателей мѣстности, которые уцѣлѣли въ этомъ районѣ лишь въ двухъ пунктахъ²⁾ (см. вып. I, стр. 28).

На этомъ поступательное движеніе тунгусовъ на востокъ не остановилось. Въ 30-хъ годахъ истекшаго столѣтія нѣсколько ордъ Гижигинскихъ ламутовъ перебравшись съ согласія коряковъ черезъ территорію послѣднихъ на полуостровъ Камчатку. Вслѣдствіе притока новыхъ ордъ ихъ численность

¹⁾ Слюнинъ, *ibid*, I, 32.

²⁾ Замѣтимъ, что на картахъ Военно-Топографическаго Отдѣла даже за послѣдніе годы во всей этой области, гдѣ коряки обитали 200—250 лѣтъ тому назадъ и гдѣ ихъ и теперь болѣе нѣтъ, и понынѣ значится надпись „коряки“.

возросла ко времени переписи до 462 душъ, которыя бродятъ со своими стадами оленей въ гористой мѣстности по среднему и нижнему теченію рѣкъ, текущихъ въ Охотское море, простирая свои кочевья на югъ до Большерѣцка.

На югъ тунгусы со второй половины XIX ст стали распространяться во всей мѣстности между Охотскимъ моремъ на сѣверѣ и Амгунью и низовьями Амура—на югъ, а также по лѣвымъ притокамъ Амгуни. Отдѣльныя ихъ группы зашли еще дальше на югъ и встрѣчаются нынѣ среди гольдовъ Хабаровскаго округа, напр. по р. Люмуръ, падающей съ лѣвой стороны въ Амуръ. Одной изъ причинъ этихъ передвиженій тунгусовъ была эпидемія оспы, которыя въ указанные годы произвела сильныя опустошенія въ Охотскомъ краѣ и въ Удской округѣ.

Одновременно съ этимъ движеніемъ тунгусовъ на югъ небольшое число тунгусовъ Удской округи перебралось на островъ Сахалинъ, гдѣ и нашло новое отечество (см. вып. I, стр. 41), а на смѣну имъ въ Удскую округу перебрались Якутскіе тунгусы. По этому поводу К. Богдановичъ замѣчаетъ: «въ настоящее время въ Удскомъ краѣ коренныхъ Удскихъ тунгусовъ очень мало: они ушли совсѣмъ на Сахалинъ, къ Николаевску, на Амгунь и на Бурею, а на мѣсто ихъ съ 1859 г. замѣчается передвиженіе тунгусовъ съ Учюра Ленскаго бассейна. Благодаря такому стремленію этой народности на новыя мѣста, теперь на Камчаткѣ кочуетъ уже много тунгусовъ-ламутовъ пришедшихъ изъ Гижиги и даже изъ далекаго Охотска»¹⁾.

Наконецъ, на островѣ Сахалинѣ тунгусовъ раньше вовсе не было, появились они тамъ лишь во второй половинѣ истекшаго столѣтія (см. выше).

Итакъ, просматривая тѣ измѣненія, которыя произошли въ территоріи тунгусовъ со времени перваго знакомства съ ними русскихъ, мы замѣчаемъ, что въ общемъ ихъ область не очень значительно уменьшилась въ своемъ пространствѣ со времени XVII ст., хотя и испытала значительныя измѣненія въ своихъ очертаніяхъ. Если принять въ соображеніе и тѣ земли, гдѣ бродячіе тунгусы уже не живутъ постоянно,

¹⁾ „Изв. И. Р. Геогр. О.“ XXXV, вып. VI, 552. Замѣтимъ здѣсь къ слову, что утвержденіе г. Богдановича, что въ Удской округѣ осталось нынѣ „очень мало“ коренныхъ тунгусовъ не совсѣмъ вѣрно (см. вып. I стр. 35).

но куда изрѣдка заходятъ во время своего промысла, то можно сказать, что въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ площадь тунгусской территоріи мало измѣнилась съ того времени, конечно, если не принимать въ расчетъ, что значительная часть годныхъ для культуры земель, составляющихъ однако ничтожный процентъ наличныхъ, нынѣ заселена русскими крестьянами. Потерявъ часть своихъ земель по Енисею, Ангарѣ и Бирюсѣ они нѣсколько вознаградили себя въ этомъ отношеніи, вторгнувшись въ самоѣдскія земли къ западу отъ первой рѣки.

Въ Забайкальской области они вполнѣ удержали за собой лѣсныя пространства на сѣверѣ, но въ остальной части области постепенно теряли одинъ участокъ земли за другимъ, уступая ихъ болѣе сильнымъ по культурѣ и числу русскимъ и бурятамъ. Такимъ образомъ, уже вскорѣ послѣ завоеванія края русскими они принуждены были очистить весь бассейнъ средней и нижней Селенги съ ея притоками: Удой, Хилокомъ и Чикоемъ, гдѣ ихъ прежде было много, а впоследствии уступить бурятамъ верхнее теченіе Ингоды, имъ же и русскимъ нижнее и часть средняго теченія Баргузина и т. д. По Онону они сохранились и понынѣ. Весьма вѣроятно, что противъ прежняго тунгусскій элементъ здѣсь даже усилился вслѣдствіе переселенія сюда на его правый берегъ и по всей китайской границѣ отъ с. Завода-Нерчинскаго до Урлукскаго стан. общ. тунгусовъ изъ болѣе сѣверныхъ мѣстностей, обращенныхъ при этомъ въ казаки. Но это усиленіе тунгусскаго элемента въ указанныхъ мѣстахъ лишь номинальное, потому всѣ тунгусы, живущіе по Онону и Китайской границѣ, нынѣ окончательно обурятились. Какъ мы видѣли выше, здѣсь они проживаютъ совмѣстно съ русскими и настолько подверглись вліянію сосѣднихъ бурятовъ, что почти не отличаются отъ нихъ.

Въ Якутской области они съ теченіемъ времени могли лишь терять, потому что въ XVII ст. почти вся она составляла ихъ владѣніе. Якуты ихъ вытѣснили съ береговъ средины Лены, съ Вилюя и нижней Олекмы, съ Яны, Индигирки и лѣваго берега Колымы. Лишь въ сѣверо-восточномъ углу они нѣсколько вознаградили себя, занявъ часть территоріи вымершихъ юкагировъ и чуванцевъ. Но за то, тѣснимые якутами, отъ которыхъ они находятся въ экономической зависимости и которые, сильно размножаясь и нуждаясь въ сѣнокосныхъ и выгонныхъ угодьяхъ, отнимаютъ у нихъ одну пядь

земли за другой (см. вып. I, 91), они цѣлыми толпами стали выселяться на югъ, — въ Амурскую и на востокъ — въ Приморскую область.

Въ первой области они, какъ мы видѣли, заняли часть земель манегровъ по Зеѣ, Уру, Селимджѣ и др. рѣкамъ, почти всю прежнюю область бираровъ въ бассейнѣ Буреи, отчасти и килей по рр. Куръ и Уньмѣ. Часть же этихъ тунгусовъ не остановилась на этомъ и въ лицѣ орочоновъ потянулась за Амуръ, причемъ это передвиженіе въ Китай, начавшееся еще въ началѣ прошлаго столѣтія повидимому не вполне прекратилось и понынѣ.

Изъ той же Якутской области тунгусы стали выселяться и на востокъ: изъ Колымскаго округа — въ Анадырскую и отчасти Гижигинскую округи и изъ Якутскаго, съ береговъ Алдана, Амги и т. д. — въ Охотскую и Удскую округи Приморской области, причемъ эти переселенія достигли такихъ размѣровъ, что нѣкоторые роды Якутскаго округа, которые проживали на родныхъ мѣстахъ еще во время X ревизіи (185^{8/9} г.) нынѣ на половину (напр. Бытальскій) или даже въ полномъ составѣ (Мякагирскій) выселились въ Удскую округу (первый также на Бурею и на Селимджу).

Наибольшія перемѣны однако произошли въ очертаніяхъ и площади ихъ территоріи въ области Приморской, гдѣ Гижигинскіе и Охотскіе тунгусы распространили свои кочевья на все западное побережье Пенжинской губы, на юго-западную часть Анадырской и на часть Петропавловской округъ, составляя однако въ послѣднихъ двухъ округахъ лишь примѣсъ къ чукчамъ и корякамъ. Кромѣ того, сильно пострадавъ отъ оспы въ началѣ 60-хъ годовъ, коренные тунгусы Удской округи цѣлыми толпами устремились на югъ — въ низовья Амура и на Амгунь, а также на Сахалинъ, гдѣ ихъ прежде не было, а ихъ земли заняли слѣдовавшіе по ихъ пятамъ новыя орды тунгусовъ, прибывшія съ запада изъ Якутскаго округа. Изъ этихъ данныхъ видно, что въ Приморской области тунгусы сильно расширили предѣлы своей территоріи.

Такимъ образомъ, мы видимъ постоянныя передвиженія тунгусовъ изъ однѣхъ мѣстностей Сибири въ другія, передвиженія, которыя, какъ это ни странно, не вызываются у нихъ увеличеніемъ населенія и необходимостью подыскать новыя мѣста для пропитанія его избытка, какъ у якутовъ, бурятовъ и чукчей.

Конечно и у нихъ главнымъ стимуломъ къ подобнымъ перемѣщеніямъ служитъ желаніе отыскать новыя, болѣе богатые дичью и пушниной мѣста, но разница между этими народами заключается въ томъ, что тунгусы далеко не всегда предпринимаютъ такія отдаленныя перекочевки, вызванныя къ тому дѣйствительной необходимостью. Иногда для этого достаточно, чтобы лишь данный годъ оказался неблагопріятнымъ для промысла бѣлки или соболя, чтобы они собрались въ путь въ какую-нибудь отдаленную мѣстность, гдѣ по слухамъ забредшаго къ нимъ тунгуса-звѣролова эти животныя въ данномъ году добываются въ изобиліи. Снимаются съ мѣста не только холостые и одинокіе тунгусы, но цѣлыя семьи, а иногда значительная часть цѣлаго рода трогается въ путь, чтобы покинуть родныя мѣста на годъ, два и болѣе. Если обстоятельства благопріятствуютъ имъ на ихъ новой родинѣ, то они остаются тамъ дольше, иногда неопредѣленно продолжительное время, пока опять какое-либо обстоятельство, благопріятное или чаще неблагопріятное, не заставитъ ихъ передвинуться дальше или вернуться назадъ. А такими обстоятельствами бываютъ, кромѣ неурожа дичи и рыбы, эпидеміи, которыя производятъ между ними огромныя опустошенія и которыхъ они очень боятся, повальные болѣзни на оленей, вторженіе въ ихъ территорію другихъ народовъ: якутовъ и русскихъ—послѣднихъ чаще въ видѣ золотоискателей и т. д. или, какъ указано выше, какія-нибудь преимущества въ другихъ мѣстностяхъ напр. просторъ, отсутствіе стѣсненій, изобиліе дичи и ягельныхъ мѣстъ и т. д. Разъ тронувшись въ путь, тунгусы обыкновенно не скоро останавливаются и часто движеніе, начатое въ извѣстномъ направленіи отдѣльными лицами или семьями, продолжается цѣлыя годы и десятки лѣтъ, охватывая все большую и большую часть тунгусовъ извѣстной мѣстности. При этомъ у нихъ нерѣдко не замѣчается никакого соотвѣтствія между причинами, давшими первоначальный толчекъ къ передвиженію, съ одной стороны, и интенсивностью, размѣрами и продолжительностью этого движенія—съ другой.

При своихъ перекочевкахъ тунгусы не обращаютъ вниманія ни на границы округовъ, ни губерній и областей, что имъ впрочемъ разрѣшается и закономъ, не стѣсняются они даже границами государствъ,—всюду для нихъ открытъ путь, куда только можетъ пробраться легкая нога оленя или даже

пѣшій звѣроловъ. Не сдерживаетъ ихъ во время такихъ переселеній и ихъ приписка къ извѣстному пункту (суглану) ради платежа ясака. Это неудобство они обыкновенно обходятъ иногда такимъ образомъ, что ихъ князекъ или староста собираетъ съ нихъ ясакъ на ихъ новомъ мѣстожительствѣ и отвозитъ его вмѣстѣ съ нѣсколькими выборными лицами въ законенное мѣсто, причемъ къ этимъ делегатамъ иногда присоединяются и другіе тунгусы, желающіе посѣтить сугланъ ради сбыта пушнины и чтобы повидаться съ такъ называемыми «друзьками» изъ русскихъ и якутовъ, у которыхъ они кредитуются и пожизненными кліентами которыхъ они состоятъ. Такимъ образомъ, Сахалинскіе тунгусы и понынѣ уплачиваютъ ясакъ въ г. Николаевскѣ Удской округи откуда происходятъ; Петропавловскіе вносятъ ясакъ на своей прежней родинѣ—въ Гижигѣ, Анадырскіе, частью (II Деллянскій рд.) приписаны тамъ же, частью (Долганскій р.) въ Колымскомъ округѣ, откуда происходятъ. Часть Амурскихъ и Удскихъ тунгусовъ собирается на сугланы въ Якутскомъ округѣ и т. д. И посѣщенія этихъ суглановъ опять требуютъ большихъ путешествій.

Конечно, указанная выше неблагопріятная стеченія обстоятельствъ наблюдаются и у другихъ первобытныхъ племенъ Сибири (у юкагировъ, коряковъ, чуванцевъ, остяковъ и т. д.), но, какъ сказано, ни одно изъ нихъ не прибѣгаетъ при вышеуказанныхъ маловажныхъ случаяхъ къ выселеніямъ, какъ къ средству выдти изъ затруднительнаго положенія. Эта замѣчательная легкость въ передвиженіяхъ находитъ объясненіе въ живомъ, подвижномъ, характерѣ тунгуса, для котораго осѣдлая жизнь и даже долгое пребываніе на одномъ мѣстѣ является большою тягостью, тунгуса, который не знаетъ привязанности къ родному пепелищу и смотритъ на всю необъятную Сибирь какъ на свою родину. Эта страсть къ бродячей жизни выработала въ немъ качества идеальнаго охотника, у котораго все, начиная съ жилища и одежды и кончая всѣмъ ихъ образомъ жизни, приспособлено, какъ нельзя лучше, къ постояннымъ скитаніямъ по горамъ и лѣсамъ и вообще къ передвиженіямъ.

ГЛАВА II.

Приростъ тунгусовъ.

Мы ознакомились съ прежней и настоящей территоріей тунгусскаго племени въ Сибири и съ ихъ нынѣшней численностью. Теперь перейдемъ къ группировкѣ и освѣщенію фактовъ, касающихся ихъ прежней численности. Путемъ сопоставленія тѣхъ и другихъ мы приблизимся къ рѣшенію доселѣ спорнаго вопроса о вымираніи тунгусскаго племени и отчасти выяснимъ, какіе факторы благопріятно вліяютъ на приростъ населенія тунгусовъ и, наоборотъ, чѣмъ обусловливается наблюдаемое во многихъ мѣстностяхъ Сибири уменьшеніе численности этого племени.

Такъ какъ тунгусовъ внѣ Сибири почти нѣтъ, то не существуетъ и иммиграціи этого племени. Эмиграція въ Китай (орочоновъ) правда наблюдается, но въ общемъ она въ настоящее время совсѣмъ ничтожна, а потому и значенія не имѣетъ. Поэтому при обсужденіи вопроса о приростѣ тунгусскаго населенія въ Сибири мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ его естественное приращеніе.

Наиболѣе правильно было бы рѣшить этотъ вопросъ на основаніи данныхъ о движеніи населенія, т. е. о числѣ умершихъ и родившихся инородцевъ этого племени въ разныхъ частяхъ этой окраины. Но, если данныя, касающіяся осѣдлаго и кочеваго населенія, не отличаются ни полнотою, ни точностью, то учетъ рожденій и смертей у бродячихъ инородцевъ даже тамъ, гдѣ онъ производится, совершенно не удовлетворяетъ своему назначенію. Оно и понятно. Не имѣя возможности объѣзжать тайгу въ поискахъ за своими прихо-

жанами, вѣчно мѣняющимися мѣсто, священникъ видится со своей паствой по большей части лишь однажды, много дважды, въ годъ, прїѣзжая ради этой цѣли издали въ опредѣленный срокъ въ заранѣе назначенное мѣсто, гдѣ-нибудь у устья рѣчки, у озера или въ т. под. урочище, куда тунгусы извѣстныхъ родовъ ежегодно стекаются въ большемъ и меньшемъ числѣ ради взноса ясака и обмѣна своей добычи и продуктовъ оленеводства на необходимые имъ припасы и предметы (см. ниже). Въ эти дни суглана священникъ заочно отпѣваетъ умершихъ и даже похороненныхъ вдали и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, крестить дѣтей и вѣнчаетъ изъявившихъ на то желаніе. Но сугланы посѣщаютъ далеко не всѣ инородцы, приписанные къ данному суглану. Иные забрели такъ далеко, что не успѣваютъ во время добраться до суглана, а между тѣмъ черезъ нѣсколько дней это мѣсто вновь опустѣетъ на многіе мѣсяцы; другіе не запыслили достаточно соболя и бѣлки, чтобы внести ясакъ и уплатить часть долга купцамъ, у которыхъ они берутъ въ долгъ товары, третьи занемогли и умерли въ тайгѣ, а за ними часто умираетъ отъ голода и вся семья. Бываютъ и такіе случаи, что въ виду отдаленности суглана инородецъ исполняетъ свои требы у болѣе близко живущаго священника, который его и заноситъ въ свои списки и т. д. Такимъ образомъ, ежегодно значительная часть родившихся и въ еще большей степени умершихъ инородцевъ ускользаетъ отъ учета; въ особенности послѣднее касается холостыхъ и одинокихъ, о которыхъ въ случаѣ ихъ кончины некому извѣстить пастыря и старшину, а также малыхъ дѣтей, о смерти которыхъ священникъ узнаетъ лишь рѣдко. Вообще, регистрація родившихся производится нѣсколько лучше учета смертныхъ случаевъ, потому что большая ихъ часть все же бываетъ занесена въ метрику, если не въ самый годъ рожденія, то въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ, между тѣмъ какъ этого нельзя сказать о смертныхъ случаяхъ. Итакъ, метрики священника, съ одной стороны, не показываютъ всѣхъ родившихся инородцевъ, а лишь тѣхъ изъ нихъ, которые выжили мѣсяцъ и болѣе послѣ рожденія и, съ другой стороны, далеко не охватываетъ всѣхъ смертныхъ случаевъ. Естественно, поэтому, что изъ сопоставленія подобныхъ данныхъ нельзя дѣлать какихъ-либо болѣе или менѣе правильныхъ заключеній и выводовъ. Дѣйствительно, какъ имѣлъ случай убѣдиться авторъ настоящей книги надѣ

подобными церковными записями касательно остяковъ Тобольскаго округа, которые къ тому же ведутъ осѣдлую жизнь, онѣ вообще мало пригодны для правильнаго сужденія о направленіи естественнаго прироста населенія. Въ большей степени это касается бродячихъ инородцевъ, какъ это видно изъ работы г. Майнова, у котораго тунгусы округовъ Олекминскаго и части Якутскаго показываютъ за девятилетіе истекшаго столѣтія перевѣсъ числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ, между тѣмъ какъ на основаніи другихъ болѣе достоверныхъ свѣдѣній, напр. изъ сопоставленія данныхъ переписи съ таковыми по ревизіямъ—они скорѣе показываютъ отрицательный естественный приростъ.

На этомъ основаніи мы вовсе не будемъ пользоваться данными о движеніи населенія для рѣшенія вопроса о приростѣ тунгусовъ. Замѣтимъ лишь, что изъ подобныхъ данныхъ г. Майновъ выводитъ, что смертность дѣтей у тунгусовъ не превышаетъ смертности ихъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ (Баварія, Австрія, Италія), но что за то смертность взрослыхъ и въ особенности женщинъ у нихъ оказывается гораздо болѣе нормальной. Въ общемъ же онъ высчитываетъ, что у тунгусовъ на каждыя 1000 душъ ежегодно умираетъ 61 д., т. е. въ $1\frac{1}{2}$ раза больше чѣмъ у русскаго населенія (по Янсону—38,1 д.).

Интересна также выведенная имъ на основаніи церковныхъ записей касательно двухъ приходовъ табличка, показывающая относительную смертность обоихъ половъ у тунгусовъ Якутскаго округа.

На 100 мужчинъ по этимъ даннымъ умираетъ женщинъ въ возрастѣ:

до 10 лѣтъ	—	90,6
отъ 10 до 40 л.	—	179,5
» 40 » 65 »	—	79,1
» 65 и выше	—	96,1

Съ этими выводами почтеннаго автора, кромѣ развѣ вывода объ смертности взрослога населенія, мы не можемъ согласиться. Во-первыхъ, сравнительно небольшая смертность дѣтей у тунгусовъ объясняется конечно крайними неполнотою и несовершенствомъ регистраціи младенцевъ до 1 г. (см. выше) и, во-вторыхъ, огромная смертность женщинъ въ возрастѣ отъ

10 до 40 л. есть явленіе лишь кажущееся, еще разъ подтверждающее несовершенство метрическихъ книгъ и исповѣдныхъ записей и непригодность ихъ для сужденія о приростѣ населенія, съ чѣмъ впрочемъ согласенъ и г. Майновъ. Дѣло въ томъ, что безъ сомнѣнія указанная чрезмѣрная смертность женщинъ въ цвѣтущемъ возрастѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ мужчинъ этихъ возрастовъ въ записи о смертныхъ случаяхъ попадаютъ лишь нѣсколько болѣе половины; остальные же или умираютъ на сторонѣ и заносятся въ списки чужихъ приходоу или же погибаютъ безслѣдно въ тайгѣ, гдѣ о ихъ гибели иногда догадываются лишь по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда о нихъ долго не получалось никакихъ извѣстій. Но, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ, при склонности тунгусовъ къ перемѣнѣ мѣста и къ отдаленнымъ путешествіямъ нельзя быть вполне увѣреннымъ въ ихъ дѣйствительной смерти, то такіе случаи исчезновенія инородцевъ не отмѣчаются въ церковныхъ записяхъ, между тѣмъ какъ женщины, живущія въ семьѣ и менѣе подвергающіяся опасности безслѣдно погибнуть во время передвиженія ради промысла, рѣже избѣгаютъ регистраціи со стороны священника. Этимъ и объясняется кажущійся значительный перевѣсъ смертности женщинъ въ цвѣтущемъ возрастѣ. Такъ какъ старики въ меньшей степени занимаются охотничьимъ промысломъ, то по этой же причинѣ смертность мужчинъ въ возрастѣ отъ 40 до 65 л., приближается къ смертности женщинъ и даже превосходитъ, ее по неизвѣстной для насъ причинѣ, послѣ 65 года перестающей дѣйствовать, когда смертность у обоихъ половъ выравнивается.

Въ виду указанной нами неполноты и неточности метрическихъ записей и выведенная г. Майновымъ норма смертности у тунгусовъ 61 д. на 1000 д. тоже вѣроятно должна быть повышена.

Мы ограничимся этими фактами, которые наглядно показываютъ, какъ трудно сдѣлать какіе-либо выводы изъ такихъ несовершенныхъ данныхъ, каковыми являются записи священниковъ о случаяхъ рожденій, смертности и браковъ. Замѣтимъ еще, что при чрезвычайно разнообразныхъ въ климатическомъ, орографическомъ, экономическомъ и т. д. условіяхъ, среди которыхъ проживаютъ тунгусы въ разныхъ частяхъ Сибири, можно быть увѣреннымъ, что данныя о приростѣ населенія въ раз-

ныхъ ея районахъ будутъ отличаться совершенно инымъ характеромъ, въ виду чего и данныя этого источника касательно какой-нибудь небольшой мѣстности не могутъ считаться типичными даже для всѣхъ тунгусовъ извѣстнаго округа.

Желая все же хотя бы приблизительно выяснитъ вопросъ о направленіи прироста тунгусскаго населенія Сибири, намъ придется ограничиться сопоставленіемъ ихъ численности въ извѣстныхъ районахъ за два періода времени, именно данныя переписи 1897 г. съ таковыми за одинъ изъ годовъ прежнихъ десятилѣтій. Но и здѣсь встрѣчаются не малыя затрудненія. Во 1-хъ, у насъ не имѣется точныхъ статистическихъ данныхъ за болѣе отдаленные періоды времени, каковыя были бы наиболѣе желательны въ данномъ случаѣ. Въ болѣе раннія ревизіи учету подлежало главнымъ образомъ лишь мужское населеніе, платящее ясакъ, женщины же или вовсе не переписывались или же отмѣчались лишь ради счета, и притомъ лишь приблизительно; данныя же XVIII ст. еще менѣе пригодны для нашей цѣли, такъ какъ въ нихъ регистрировались по большей части лишь лица мужскаго пола и при томъ рабочаго возраста приблизительно отъ 18 до 50 л., т. е. платившія ясакъ. Въ большинствѣ случаевъ намъ поэтому придется ограничиться болѣе точными цифровыми данными X ревизіи 1859 г., гдѣ таковыя имѣются, хотя слѣдуетъ замѣтить, что ревизскія сказки имѣли характеръ посемейныхъ списковъ и отмѣчали, такимъ образомъ, лишь *постоянное* населеніе, между тѣмъ какъ перепись даетъ намъ свѣдѣнія касательно племенного состава жителей для *наличнаго* населенія, т. е. обѣ величины не совсѣмъ однородны, хотя за неимѣніемъ другихъ данныхъ и онѣ вполнѣ могутъ служить для выясненія вопроса о направленіи прироста тунгусовъ въ разныхъ частяхъ Сибири, если при совершеніи выводовъ сдѣлать соотвѣтствующія поправки.

Другая причина, почему данныя переписи 1897 г. и послѣднихъ ревизій являются величинами не вполнѣ удобосравнимыми, заключаются въ слѣдующемъ. Если данныя переписи, собранныя съ не малыми затратами силъ и средствъ, безъ сомнѣнія представляютъ значительные пробѣлы, то тѣмъ болѣе это имѣло мѣсто въ прежнее время, когда край былъ менѣе заселенъ чѣмъ теперь, такъ что данныя послѣдней переписи и прежнихъ ревизій не всюду представ-

ляють удобосравнимыя величины тѣмъ болѣе, что бродячее населеніе, записанное во время одной изъ ревизій въ извѣстной мѣстности, могло при производствѣ переписи оказаться въ совершенно другой. Часто такія перемѣщенія носятъ лишь временной характеръ: тунгусы перебираются изъ мѣстности, гдѣ лѣсные пожары или другія причины разогнали и уменьшили дичь, въ другія, гдѣ она лучше сохранилась, но иногда они остаются на новыхъ мѣстахъ цѣлые годы напр. часть Якутскихъ тунгусовъ при производствѣ послѣдней переписи были застигнуты въ предѣлахъ Амурской и Приморской областей, часть Удскихъ тоже въ Амурской и въ Якутской областяхъ, часть Сахалинскихъ въ Удской округѣ откуда они происходятъ и т. д. Такимъ образомъ, если ограничиться лишь отдѣльными районами, напр. губерніями и областями или округами, то выводы отъ сопоставленія численности проживающихъ въ нихъ тунгусовъ за два періода времени, отстоящіе другъ отъ друга на нѣсколько десятковъ лѣтъ, не всегда будутъ достаточно убѣдительными тѣмъ болѣе, что и границы отдѣльныхъ округовъ и областей подверглись кое-гдѣ съ теченіемъ времени извѣстнымъ измѣненіямъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывается болѣе выгоднымъ дѣлать подобныя сопоставленія по отдѣльнымъ родамъ тунгусовъ, независимо отъ территоріальныхъ границъ, имѣя однако при этомъ въ виду, что роды одинаковаго наименованія иногда встрѣчаются въ двухъ и трехъ самостоятельныхъ районахъ, являясь нерѣдко тутъ и тамъ коренными обитателями края или по крайней мѣрѣ застигнутыми тамъ русскими во время своихъ завоевательныхъ экспедицій по Сибири въ серединѣ XVII ст.

Еще лучше было бы распространить указанное сопоставленіе на все тунгусское населеніе Сибири, потому что въ данномъ случаѣ передвиженія тунгусовъ изъ одной ея мѣстности въ другую, происходящія со времени прежнихъ ревизій, не имѣли бы вреднаго вліянія на общіе выводы и всѣ мѣстныя отступленія отъ общаго правила сгладились бы и не мѣшали бы правильному освѣщенію картины прироста населенія всего тунгусскаго племени. Но полныхъ и точныхъ данныхъ касательно численности тунгусскаго населенія въ Сибири у насъ не имѣется, въ виду того, что свѣдѣнія за прежніе годы не охватываютъ всей территоріи Сибири. Отдѣльные авторы правда приводятъ подобныя огульныя цифровыя данныя, но эти дан-

ныя являются по большей части плодомъ приблизительныхъ исчисленій и прикидываній, а не реальными величинами и поэтому значенія имѣть не могутъ. Изъ этихъ исчисленій упомянемъ о слѣдующихъ: Штраленбергъ въ началѣ XVIII ст. опредѣлялъ численность Сибирскихъ тунгусовъ въ 70—80 тыс. душъ ¹⁾. Кастрень принималъ для 40-хъ годовъ истекшаго столѣтія лишь 53.000 д. ²⁾, а Гагемейстеръ, на основаніи дѣйствительныхъ цифровыхъ данныхъ касательно большей части Сибири исчислялъ тунгусское населеніе Сибири, въ началѣ 50-хъ годовъ, въ 35—40.000 душъ ³⁾. Слѣдуетъ однако замѣтить что въ эти числа не вошло тунгусское населеніе Амурской области и южныхъ округовъ и округъ Приморской—Хабаровскаго и части Удской), находившихся въ то время еще подъ владычествомъ Китая. Лишь Риттихъ принимаетъ въ расчетъ и этихъ тунгусовъ, вычисляя численность всего тунгусскаго населенія Сибири за 70-е годы истекшаго столѣтія въ 68.000 д. об. п. ⁴⁾, каковая величина лишь немного выше выведенной нами для этого племени на основаніи данныхъ первой всеобщей переписи населенія имперіи (64.500 д.— см. I вып., стр. 171).

Сопоставленіе между численностью тунгусовъ разныхъ мѣстностей по даннымъ переписи и за болѣе ранніе періоды времени нами отчасти уже сдѣлано въ предъидущихъ главахъ (см. также V гл.). Здѣсь намъ предстоитъ привести эти данныя въ систематическомъ порядкѣ и, сгруппировавъ и проанализировавъ ихъ, попытаться сдѣлать изъ нихъ общіе выводы.

Енисейская губернія.

Енисейскій округъ.

Въ предѣлахъ волостей Кежемской и Пинчугской перепись 1897 г. застигла 1.235 д. (647 м.) мѣстныхъ тунгусовъ или на 29 д. больше противъ X ревизіи 185⁸/₉ г.— 1.206 д. об. п. (I вып., стр. 160).

Въ XVII и XVIII ихъ численность была значительно

¹⁾ С. Hiekisch: „Die Tungusen“, 44.

²⁾ „Ethnol. Vorles.“, 23.

³⁾ „Статист. обозр. Сибири“, 1854. III, 21 сл.

⁴⁾ С. Hiekisch., *ibid.*, 45.

больше, что видно изъ описанія борьбы тунгусовъ съ береговъ В. Тунгуски съ русскими. Такъ, многочисленные тунгусы князя Тасея, обитавшаго по лѣвому ея притоку, названному по его имени, теперь болѣе не существуютъ. Въ позднѣйшее время число тунгусовъ сильно сократилось отъ разныхъ эпидемій, со времени прихода русскихъ начавшихъ опустошать инородческія кочевья. Особенно памятны въ этомъ отношеніи оспенныя эпидеміи 1850—51 гг. Болѣе другихъ родовъ въ эту эпидемію пострадали Илимпейскій, Нижне-Чумскій и I и II Лѣтніе.

Какъ измѣнилась численность каждаго отдѣльнаго рода этихъ тунгусовъ со времени X ревизіи, намъ не извѣстно, потому что за 185^{8/9} г. у насъ имѣется лишь огульная цифра тунгусскаго населенія (см. I вып., 160). Съ извѣстностью можно сказать лишь то, что II Лапагирскій родъ съ тѣхъ поръ вымеръ.

Сравнительно сильно уменьшилось за то же время тунгусское населеніе, живущее въ предѣлахъ Анциферовской волости того же округа. Перепись застигла въ 1897 г. въ этой мѣстности всего 70 д. (40 м.), изъ коихъ 31 д. (19 м.) проживали по лѣвому берегу Енисея и 39 д. (21 м.) по правому, гл. обр. въ бассейнѣ р. Б. Пита. Въ 185^{8/9} г. въ этихъ районахъ числилось 225 д., изъ коихъ 127 д. (Милитскій родъ) бродили по лѣвому и 98 д. (Питско-Варагонской р. съ 4 д. Верхне-Чумскаго) по правому берегу Енисея. Такимъ образомъ, численность тунгусовъ въ Анциферовской вол. уменьшилась за 38 д. болѣе чѣмъ въ три раза, причемъ это уменьшеніе зависитъ, по всему судя, исключительно отъ вымиранія, а не отъ ухода ихъ въ другія мѣста, ни отъ обрусѣнія и превращенія ихъ въ крестьянъ. Это удостовѣряется тѣмъ, что названные роды нигдѣ болѣе зарегистрированы не были и тѣмъ, что въ переписныхъ листахъ коренныхъ жителей Сибири почти всегда можно легко отличить отъ русскихъ: даже окончательно обрусѣвшіе тунгусы показываютъ себя въ графѣ о сословіи не крестьянами, какъ русскіе, а «инородцами» и «тунгусами». Въ особенности странно, что въ коренной области Милитскаго рода, въ бассейнѣ р. Сымъ, перепись не зарегистрировала ни одного тунгуса.

Общее число мѣстныхъ тунгусовъ Енисейскаго округа (т. е. за исключеніемъ пришлыхъ 23 д.), переписанныхъ въ

предѣлахъ означеннаго округа, было въ 1897 г. — 1.310 д. (690 м.) противъ 1.431 д. по X ревизіи, что показываетъ убыль въ 121 д. об. п. или 8,5⁰/₀ за періодъ времени въ 38 лѣтъ, падающую, какъ мы видѣли, почти исключительно на тунгусовъ Анциферовской волости, которые находятся въ тѣсномъ соприкосновеніи съ русскими, главнымъ образомъ по р. Б. Питу и вообще въ районѣ присковъ.

Туруханскій край.

Чтобы сопоставить цифру, показывающую численность тунгусскаго населенія края по переписи—1.831 д. (956 м.)—съ таковой за предъидущіе годы, надо обѣ величины сдѣлать болѣе или менѣе удобосравнимыми. Для этого намъ необходимо ограничиться лишь коренными тунгусскими родами Туруханскаго края, вычтя изъ его наличнаго тунгусскаго населенія за 1897 г. тѣхъ тунгусовъ, которые прибыли въ этотъ край изъ Якутской области — 73 д. (35 м.) и прибавить къ нему 34 д. (21 м.) представителей Илимпейскаго (Комбойскаго) рода, зарегистрированныхъ въ предѣлахъ Вилюйскаго округа, и 3 д. въ Енисейскомъ округѣ. При такой поправкѣ численность 9 коренныхъ тунгусскихъ родовъ Туруханскаго края: Жиганскаго, Боганидскаго, Чапогирскаго (съ Панкагирскимъ), Усть-Турыжскаго, II, III и IV Лѣтнихъ, Илимпейскаго, Нижне-Чумскаго (съ I Лѣтнимъ) ¹⁾ достигнетъ 1.795 д. (945 м.). По VIII ревизіи (1834 г.) въ нихъ числилось 749 м. и 372 ж. ²⁾, а по X ревизіи (185⁸/₉ г.) 799 м. и 595 ж. ¹⁾

¹⁾ Мы здѣсь не приняли въ расчетъ тунгусскій (?) Подкаменно-Тунгусскій родъ, который фигурируетъ въ перечнѣ тунгусскихъ родовъ съ указаніемъ ихъ численности въ VIII (94 д.) и X ревизію (96 д.), у Третьякова („Туруханскій край“, стр. 159), но котораго нѣтъ у Миддендорфа (I. с. IV, 1.477) и который не встрѣчается (какъ тунгусскій родъ) въ переписи. Въ вышеуказанномъ источникѣ (Третьяковъ) имѣется и особый Подкаменно-Тунгусскій *остякиій* (Енисейскій) родъ, въ которомъ въ 1833 г. числилось 137 д. (96 м.) и въ 185⁸/₉ г. — 81 д. (51 м.), а по переписи 1897 г.—59 д. (35 м.).

²⁾ Миддендорфъ (IV, 1.477) приводитъ за 1838 г. (?) почти одни числа съ VIII ревизіей для мужчинъ и значительно большія для женщинъ, именно у него въ 8 родахъ тунгусовъ (тѣ же безъ Жиганскаго) оказывается въ 1838 г. 678 м. и 626 ж. вмѣсто 1.022 д. (346 ж.) по VIII ревизіи. Интересно, что Усть-Турыжскій родъ у него названъ Усть-Курейскимъ. Гагемейстеръ опредѣляетъ за 40-ые гг. прошлаго столѣтія численность тунгусовъ 11 обществъ Туруханскаго края въ 1.981 д. (1.011 м.), но въ это число вѣроятно включены и долгане („Статистич. обзоръ Сибири“, 1854, II, 24—25).

За 25 лѣтъ, протекшихъ между этими двумя ревизіями, численность тунгусовъ почти не измѣнилась у мужчинъ и сильно возрасла у женщинъ. Послѣднее явленіе однако только кажущееся, такъ какъ въ прежнее время точный счетъ производился лишь мужскому населенію, которое обязано было платить подати и отбывать воинскую повинность, женщины же учитывались лишь самымъ поверхностнымъ образомъ. Такимъ образомъ, по даннымъ 1834 г., число женщинъ оказалось въ два раза меньшимъ сравнительно съ числомъ мужчинъ, а въ 185^{8/9} г. на 100 мужчинъ приходилось 74 женщины. Поэтому сопоставленію за прежніе годы могли подлежать лишь мужчины. Сравнивая данныя за эти годы съ таковыми за 1897 г., мы увидимъ, что за 38 л., протекшихъ между переписью и X ревизіей, число тунгусовъ возрасло на 401 д. (146 м.) или на 28,8%, причемъ это возрастаніе больше коснулось женщинъ, чѣмъ мужчинъ, обстоятельство, которое до извѣстной степени объясняется лучшей регистраціей населенія въ 1897 г.

Вообще, указанное возрастаніе тунгусскаго населенія не особенно убѣдительно и можетъ быть является лишь кажущимся. Дѣйствительно, колебанія въ численности тунгусскаго приписного населенія края за разные годы столь значительны, что не могутъ быть объяснены лишь измѣненіями естественнаго прироста (иммиграція исключена, потому что дѣло идетъ о постоянномъ населеніи). Напримѣръ, кн. Костровъ ¹⁾ показываетъ численность тунгусовъ края за 1850 г. въ 2.198 м. д., а Степановъ около 15 л. раньше насчитывалъ всего 1.879 д.

Послѣ эпидемій 1850—51 гг. число ихъ опять пало приблизительно до 1.700 м. д. (по кн. Кострову). Разобраться въ этихъ разнорѣчіяхъ еще потому трудно, что какъ мы видѣли, разные авторы не одинаково понимаютъ, какіе изъ мѣстныхъ инородческихъ родовъ слѣдуетъ считать тунгусскими. Нѣкоторые присоединяли къ нимъ долганъ или одинъ изъ ихъ родовъ, другіе еще самоѣдскіе и Енисейско-остяцкіе роды, смѣшивая ихъ съ тунгусскими.

Если сопоставленіе данныхъ о численности тунгусовъ за 1859 и 1897 гг. произвести по отдѣльнымъ ихъ родамъ (см. ниже), то мы увидимъ, что во многихъ случаяхъ въ

¹⁾ „Очерки Туруханскаго края“, 87 сл.

этомъ отношеніи произошли значительныя перемѣны, именно роды: Чапогирскій, Нижне-Чумскій, III и IV Лѣтніе и Жиганскій явно уменьшились, а Боганидскій, II Лѣтній и Илимпейскій увеличились въ числѣ. Впрочемъ, въ виду большой затруднительности приводить въ извѣстность бродячее и кочевое населеніе, проживающее въ малодоступныхъ мѣстностяхъ и постоянно мѣняющее мѣсто, весьма возможно, что въ данныхъ за 1859 и 1897 гг. имѣются недочеты, причемъ эти недочеты за оба года могли касаться разныхъ родовъ.

Въ итогѣ за 38 лѣтъ коренное (приписное) тунгусское населеніе Енисейской губерніи возросло съ 185^{8/9} г. (2.825 д.) по 1897 г. (3.105 д.) на 280 д. или почти на 10^{0/0}.

Иркутская губернія.

Верхоленскій округъ.

Въ *Тутурскомъ* вѣдомствѣ въ 1897 г. оказалось 167 д. (78 м.) противъ 253 д. (116 м.) въ X ревизію 185^{8/9} г. и 263 д. (124 м.) въ IX ревизію (1851 г.)¹⁾. Раньше ихъ число было еще больше: Георги во вторую половину XVIII ст. опредѣляютъ ихъ число въ 193 муж. д.²⁾

Въ *Очеульскомъ* вѣдомствѣ въ 1897 г. было зарегистрировано 401 д. (202 м.) противъ 470 д. (241 м.) въ 185^{8/9} г. и 510 д. (256 м.) въ 1851 г.¹⁾, а во 2-й половинѣ XVIII ст. ихъ число простиралось до 347 муж. д.²⁾

Если предположить, что и отдѣльные тунгусы, проживающіе въ русскихъ деревняхъ и т. д., за исключеніемъ коч. Качикъ, принадлежать къ Тутурскому и Очеульскому вѣдомствамъ, то наличное населеніе этихъ послѣднихъ будетъ равно по даннымъ переписи 601 д. (300 м.) противъ 773 д. (380 м.) въ IX ревизію (1851 г.) и 723 д. (357 м.) въ X рев. (185^{8/9} г.), что соотвѣтствуетъ уменьшенію на 22,3^{0/0} за періодъ въ 46 лѣтъ. Главными причинами вымиранія этихъ тунгусовъ являются: въ прежнее время—эпидемическія болѣзни (оспа, горячка) и въ болѣе позднѣйшіе періоды—частыя голодовки вслѣдствіе уменьшенія дичи въ лѣсахъ.

¹⁾ П. Кларкъ въ „Зап. Сиб. О. И. Р. Геогр. О.“, VI. 1863, 88.

²⁾ Ibid., стр. 296. Онъ ихъ и Очеульскихъ тунгусовъ принимаетъ за бурятовъ.

Киренскій округъ.

Въ *Киренско-Хандинскомъ* вѣдомствѣ въ 1897 г. числилось 334 д. (167 м.), а въ 1824 г. 508 м. д.¹⁾ или приблизительно 1000 д. об. п. (см. I вып., стр. 106), т. е. за 73 года населеніе этого вѣдомства уменьшилось почти въ три раза.

Въ рукописной замѣткѣ, приложенной къ образцамъ мѣстныхъ нарѣчій, собранныхъ одновременно съ переписью, завѣдывавшій II переписнымъ участкомъ Киренскаго округа учитель В. Кульчихинъ, сообщаетъ, что еще недавно ихъ число было значительно больше, причемъ приписываетъ эту убыль населенія главнымъ образомъ эпидеміямъ оспы. Упомянемъ по этому поводу, что предохранительныя прививки стали у нихъ практиковаться лишь весьма недавно и по сейчасъ носятъ случайный характеръ.

Въ *Кондогирскомъ* вѣдомствѣ по официальнымъ даннымъ за 1824 г. число тунгусовъ было равно 325 м. д.¹⁾ или 500—650 д. об. п., а по даннымъ переписи 1897 г.—293 д. (146 м.), т. е. за 73 г. со времени 1824 по 1897 г. эти тунгусы уменьшились болѣе чѣмъ въ два раза.

Численность *Курейскихъ* тунгусовъ (составляющихъ одно вѣдомство съ Кондогирскими) была въ 1897 г.—382 д. (211 м.), а въ 1824 г. 423 д. м. п.¹⁾, что при настоящемъ половомъ ихъ составѣ соотвѣтствуетъ наличному населенію въ 766 д. И здѣсь за 73 г. наблюдается убыль тунгусовъ въ два раза.

Нижне-Илимское вѣдомство. Въ 1897 г.—258 д. (116 м.) тунгусовъ, а въ 1824 г. (*ibid.*) въ немъ числилось 423 мужскихъ представителей этого племени, что соотвѣтствуетъ приблизительно 770 душамъ об. п.

Эта значительная убыль тунгусовъ можетъ быть объяснена почти исключительно вымираніемъ, а не выселеніемъ ихъ изъ предѣловъ округа, хотя и это по временамъ имѣетъ мѣсто. Такъ, на вышеуказанной схематической картѣ (см. I вып., стр. 105.) имѣется помѣтка, относящаяся къ мѣстности по лѣвому берегу Ангары, прибл. противъ устья р. Илима: «лѣтъ шесть тому назадъ тунгусы ушли отсюда, съ Ангары, ниже, въ Енисейскую губернію», гдѣ однако эти тунгусы переписью 1897 г. обнаружены не были.

¹⁾ Указъ Иркутскаго губернскаго правл. 18 іюля 1824 г. (Кулом. V, 153).

Если изъ наличнаго числа тунгусовъ Киренскаго округа— 1399 д. (712 м.) вычесть 32 д. (20 м.) пришлыхъ и присоединить 9 м., застигнутыхъ въ Туруханскомъ краѣ, то коренные тунгусы округа составятъ 1376 д. (701 м.), которые всѣ принадлежатъ къ вышеупомянутымъ четыремъ группамъ тунгусовъ. По указу Иркутскаго губернскаго правленія 1824 г. въ этихъ четырехъ группахъ (тогда управахъ) числилось 1679 д. мужскаго пола, а по Гагемейстеру за 1840 г.—1695 д. об. п. (826 м.). Такимъ образомъ, убыль тунгусскаго населенія (мужчинъ) этого округа простирается за 73 года, т. е. съ 1824 г., приблизительно на 139,5⁰/₀ ихъ прежняго числа и убыль населенія обоюго пола за 57 г. до переписи на 18,8⁰/₀. Такимъ образомъ, судя по всему, въ 20—30 годахъ истекшаго столѣтія какія-нибудь эпидеміи сильно свирѣцствовали между тунгусами даннаго края, сокративъ ихъ число болѣе чѣмъ на половину.

Иркутскій округъ.

Въ двухъ стойбищахъ Кудинскаго вѣдомства (I вып., стр. 111) въ 1897 г. было зарегистрировано 78 д. (34 м.). Съ этими тунгусами, проживающими въ бассейнѣ р. Голоустной, вѣроятно, слѣдуетъ сопоставить такъ называемыхъ Голоустинскихъ тунгусовъ, которыхъ по X ревизіи оказывается 131 д. (63 м.)¹). Врядъ ли сюда включены и тунгусы Верхне-Кетскаго улуса Отд. Сейгутскаго рода, которыхъ въ 1897 г. числилось 48 д. (21 м.). По мѣстной переписи 188⁷/₈ г. число Голоустинскихъ тунгусовъ (безъ Верхне-Кетскихъ) простиралось до 104 д. (61 м.), что показываетъ значительную убыль противъ X ревизіи. Что касается до несоотвѣтствія этого числа съ данными переписи, то, принимая во вниманіе короткій срокъ между обоими указанными регистраціями, слѣдуетъ полагать, что часть тунгусовъ во время переписи 1897 г. находилась въ отлучкѣ и избѣгла учета.

Балаганскій округъ.

Число тунгусовъ Мало-Бѣльскаго улуса Ныгдинскаго вѣдомства простиралось въ X ревизію до 48 д. (27 м.), а въ 1897 г. ихъ было всего 41 д. (23 м.).

¹) См. 2 прим. I, стр. 112.

Не имѣя возможности, вслѣдствіе разнородности прежнихъ данныхъ касательно численности населенія Иркутской губерніи, сдѣлать общій подсчетъ ея тунгусскому населенію за отдаленныя эпохи, чтобы сопоставить ихъ съ таковыми за 1897 г., мы все же на основаніи вышеизложеннаго можемъ съ увѣренностью сказать, что въ данной губерніи это племя показываетъ сильную убыль противъ прежнихъ лѣтъ, въ Киренскомъ округѣ составляющую почти 60% ихъ численности въ 1824 г.

Противъ 1840 г., когда тунгусское населеніе губерніи опредѣлялось въ 3401 д. (1716 м.), изъ коихъ 1695 д. приходилось на Киренскій округъ¹⁾, убыль этого племени къ 1897 г. простирается до 1210 д. или 35,6%.

Съ этимъ отрицательнымъ приростомъ тунгусовъ Киренскаго округа интересно сопоставить приростъ якутовъ, появленіе которыхъ въ предѣлахъ означеннаго округа относится къ началу истекшаго столѣтія. Въ 20-хъ годахъ этого столѣтія въ немъ числилось 1427 мужскихъ душъ тунгусовъ²⁾ и 25 м. д. якутовъ, изъ коихъ первые уменьшились къ 1897 г. до 701 м. д., или на 50,9% (см. также стр. 47), а вторые увеличились за тотъ же періодъ времени, правда въ значительной степени путемъ иммиграціи изъ смежныхъ округовъ Якутской области, до 1369 м. д. или на 5376%! Нынѣ они составляютъ цѣлое Сунтарско-Олекминское вѣдомство (см. I вып., стр. 98).

Якутская область.

Нижеслѣдующая таблица, составленная на основаніи XI таблицы I вып. (стр. 114) настоящаго труда и на основаніи данныхъ о численности тунгусовъ Якутской области въ 185⁸/₉ г., даетъ нѣкоторое понятіе объ измѣненіи численности тунгусскаго населенія въ области со времени X ревизіи.

¹⁾ Гагемейстеръ, *ibid.*, 24—25.

²⁾ Указъ Иркутск. губ. правл. 18 іюля 1824 г. („Комм. для изслѣд. землевлад. и землепольз. въ Забайк. обл.“, вып. V, стр. 152). Приведенное число тунгусовъ не сходится съ указаннымъ выше (стр. 47) за тотъ же періодъ (1679 м. д.). Можетъ быть здѣсь приняты въ расчетъ лишь платежныя души съ выключеніемъ неспособныхъ къ труду

Т А Б Л И Ц А I.

Названія округовъ	Населеніе 1859 г. (постоянное).			Населеніе 1897 г. (наличное).			При- ростъ об. п.
	м. п.	ж. п.	об. п.	м. п.	ж. п.	об. п.	
1. Вилюйскій.	2.081	1.625	3.706	1.984	2.078	4.062	+356
2. Олекминскій.	497	378	875	448	410	858	— 17
3. Якутскій	3.053	2.627	5.680	2.390	2.122	4.512	—1.168
4. Верхоянскій.	885	737	1.622 ¹⁾	876	812	1.688	+ 66
5. Колымскій	670	599	1.269	553	558	1 111	—158
Итого	7.186	5.966	13.152	6.251	5.980	12.231	—921

Изъ этой таблицы усматривается, что тунгусское населеніе Якутской области уменьшилось за періодъ времени отъ X ревизіи до послѣдней переписи 1897 г. на 7,0%²⁾, причемъ эта убыль населенія наблюдается въ трехъ ея округахъ изъ пяти. Возросло оно, напротивъ, въ Вилюйскомъ и Верхоянскомъ округахъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что судить по даннымъ 8 графы о приростѣ тунгусскаго населенія области никоимъ образомъ нельзя уже потому, что свѣдѣнія переписи 1897 г. и ревизіи 1859 г. представляются величинами почти несравнимыми. Ревизскія сказки даютъ намъ численность приписного населенія, т. е. постоянного, независимо отъ того, гдѣ оно обитало въ моментъ ревизіи, перепись же собирала данныя, главнымъ образомъ, о наличномъ населеніи²⁾, въ виду чего всѣ тунгусы этой области, проживающіе въ другихъ округахъ и даже областяхъ, попали въ ея матеріалъ въ число населенія этихъ послѣднихъ. Это обстоятельство имѣетъ въ данномъ случаѣ тѣмъ большее значеніе, что въ противоположность тунгусамъ Енисейской и Иркутской губерній и Забай-

¹⁾ См. прим. на стр. 56.

²⁾ Данныя о постоянномъ населеніи, тоже заключающіяся въ переписныхъ листахъ, печатаются въ результатахъ переписи лишь въ видѣ итоговъ по округамъ (безъ распредѣленія по національностямъ) и не вполне достовѣрны.

кальской области, по большей части, ограничивающих свои перекочевки предѣлами своей губерніи или области и даже округа, Якутскіе тунгусы проявляютъ весьма большую склонность къ передвиженіямъ на далекія разстоянія и не только въ значительномъ числѣ переходятъ изъ однихъ округовъ данной области въ другіе, но и въ сосѣднія мѣстности Амурской и Приморской областей и отчасти въ Иркутскую и Енисейскую губерніи. На этомъ основаніи цифровыя данныя по каждому округу слѣдуетъ подвергнуть подробному анализу, который и дастъ возможность выяснить, въ какихъ случаяхъ убыль дѣйствительно зависитъ отъ уменьшенія численности извѣстной группы тунгусовъ и гдѣ измѣненія, происшедшія въ этомъ отношеніи, объясняется выселеніемъ части этого племени въ другія мѣста.

Вилюйскій округъ.

Часть изъ девяти коренныхъ родовъ этого округа со времени X ревизіи увеличилась въ числѣ, часть уменьшилась. *Угулятскій* р. увеличился за промежутокъ въ 38 лѣтъ на 48 д., хотя число мужчинъ и уменьшилось на 17 д., фактъ, удостоверяющій, что въ 1859 г. регистрація женщинъ не была полна; *Шологонскій* (*Шелогонскій*) р. за этотъ періодъ времени возросъ съ 382 д. (226 м.)¹⁾ до 423 д.—213 м., (не считая 21 д. II Шологонскаго р.), причемъ и у него наблюдается то же явленіе. *Хатыгинскій* р., напротивъ, показываетъ столь значительный приростъ населенія обоихъ половъ—съ 470 д. (253 м.) въ 1859 г. онъ возросъ къ 1897 г. до 792 д. (380 м.), что заставляетъ предполагать какой-нибудь недочетъ въ ревизіи 1859 г. или причисленіе къ нему тунгусовъ другихъ родовъ.

Нѣкоторые роды прямо уменьшились въ числѣ. Таковъ р. *Жахутскій*, въ которомъ въ 1859 г. считали 710 д. (381 м.), а въ 1897 г. перепись обнаружила только 606 д. (301 м.). *Кельтятскій* р. съ 237 д. (129 м.) въ X ревизію уменьшился за 38 л. до 187 д. (98 м.), можетъ быть, отчасти вслѣдствіе выселенія въ Якутскій окр. *Тобуйскій* (*Тогуй-*

¹⁾ Данныя X ревизіи см. „Пам. кн. Якутск. обл. на 1863 г.“.

скій) р. состоялъ въ 1897 г. изъ 137 д. (въ томъ числѣ 11 д. въ Олекм. окр.), а въ 1859 г. изъ 191 д. (106 м.).

Изъ остальныхъ родовъ этого округа у насъ имѣются интересныя данныя, начиная съ конца XVIII столѣтія относительно *Брагатскаго* (*Барагатскаго*) р., прежде принадлежавшаго къ Олекминскому округу. Въ 1782 г. въ этомъ родѣ числилось 173 д. м. п., въ V рев. (1796 г.) 208 д., въ 1811 г. — 249, въ 1824 г. — 263 и въ 1859 г. — 339 м. д., т. е. этотъ родъ показываетъ постоянный положительный приростъ. Перепись 1897 г. дала для этого рода въ Вилюйскомъ округѣ 471 д. (241 м.) и въ Олекминскомъ — 63 д. или всего 534 д., изъ коихъ 269 м. Изъ этихъ данныхъ видно, что численность этого рода уменьшилась къ переписи до числа, которое онъ имѣлъ въ началѣ истекшаго столѣтія.

Прочіе роды не вполне одинаковы по своимъ названіямъ въ разныхъ источникахъ, что сильно затрудняетъ сопоставленіе. Въ ревизіи 1859 г. приводятся роды: *Бетильскій* — 202 д. (116 м.) и *Бетюльскій* — 505 д. (277 м.), между тѣмъ какъ по даннымъ переписи 1897 г. вмѣсто нихъ появляются другіе роды: *Бетинскій* (*Бетюнскій*) въ 385 д. (185 м.) въ Вилюйскомъ округѣ, 130 д. (73 м.) въ Верхоянскомъ и 48 д. (23 м.) въ Туруханскомъ краѣ или всего 563 д. (281 м.) и *Бетильскій* въ 11 д. (6 м.). Если Бетюнскій, можетъ быть и соотвѣтствуетъ Бетюльскому, то численность Бетильскаго рода слишкомъ ничтожна съ приводимой для него по X ревизіи. Но наряду съ названными двумя родами въ переписномъ матеріалѣ появляется еще новый многочисленный родъ *Чордунскій* (*Чордунтскій*), численность котораго въ 1897 г. была 426 д. (208 м.) въ Вилюйскомъ округѣ и 30 д. (13 м.) въ Верхоянскомъ, не считая немногихъ лицъ въ другихъ мѣстахъ. Можетъ быть этотъ родъ играетъ роль Бетюнскаго р. ревизіи, потому что въ Якутскомъ округѣ имѣется одноименный родъ якутовъ, принадлежащій къ III Бетюнскому наслегу Батурускаго улуса?

Какъ бы то ни было, изъ сопоставленія численности только что упомянутыхъ родовъ, по даннымъ ревизіи и переписи, трудно что-либо вывести для сужденія о характерѣ прироста и для выясненія направленія, въ которомъ совершается измѣненіе тунгусскаго населенія округа. Лучше для этой цѣли ограничиться первыми семью родами. Изъ нихъ, какъ мы видѣли,

сильный приростъ показываетъ лишь одинъ Хатыгинскій родъ; у двухъ (Угулятскаго и Шелогонскаго) приростъ лишь кажущійся, объясняемый, вѣроятно, недостатками регистраціи женщинъ въ 1859 г., а всѣ остальные показываютъ прямо убыль. Слѣдовательно, и въ Вилюйскомъ округѣ бродячее тунгусское населеніе въ общей своей массѣ вымираетъ.

Олекминскій округъ.

Относительно Олекминскаго округа мы имѣемъ слѣдующія данныя: въ 30-хъ годахъ XVIII в., т. е. приблизительно 100 лѣтъ послѣ основанія Олекминскаго острога, къ нему было приписано 760 якутовъ и тунгусовъ. Если считать число вторыхъ въ 260 м. д. (по даннымъ 1767 г. въ ихъ 4-хъ родахъ числилось 242 м. д.), то на долю якутовъ придется ок. 500 м. д. Черезъ сто лѣтъ 2-я Ясачная Комиссія опредѣлила число якутовъ уже въ 4.197 м. д., а тунгусовъ въ 491 м. д. т. е. якуты за 100 л. увеличились въ 8 разъ, а тунгусы лишь въ два (Майновъ).

Къ 1897 г. якутское населеніе Олекминскаго округа возрасло уже до 7.871 м. д. или увеличилось прибл. за 67 л. на 88⁰/₀, между тѣмъ какъ тунгусы за то же время слегка убавились въ числѣ (448 м.). Въ результатѣ за *всѣ 167 лѣтъ до переписи якуты увеличились почти въ 16 разъ, въ то время какъ тунгусы возросли меньше чѣмъ въ 2 раза* и то этотъ приростъ относится лишь къ первому столѣтію.

Изъ трехъ коренныхъ родовъ этого округа по прежнимъ ревизіямъ (о Брагатскомъ см. выше) въ переписи 1897 г. встрѣчается почти лишь одинъ *Жуюганскій*, который показываетъ огромное увеличеніе численности—съ 339 д. (178 м.) въ 1859 г. до 579 д. (304 м.) въ 1897 г. За то другіе роды почти отсутствуютъ: *Хахагирскій* вм. 275 д. (152 м.) въ 185⁸/₉ г. представленъ въ переписи числомъ 3 д. и *Киндыгирскій* вм. 261 д. (167 м.)—6 д., причемъ эти роды не встрѣчаются и въ другихъ округахъ области. Конечно нельзя предполагать, чтобы они за періодъ времени въ 38 л. отъ X ревизіи почти совершенно вымерли, потому что они нѣсколько увеличились съ конца прошлаго столѣтія (см. V главу). Часть ихъ (*Хахагирскій* р.) вѣроятно причислилась къ Жуюганскому роду

и отчасти фигурируетъ въ числѣ тунгусовъ, не показавшихъ своихъ родовъ—146 д. (75 м.). Киндыгирцы вѣроятно почти всѣ выселились въ Амурскую область послѣ X ревизіи. Дѣйствительно, Орловъ, посѣтившій эту область въ началѣ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія, не упоминаетъ тамъ объ этомъ родѣ, а Пасвикъ въ 1882 г. опредѣляетъ ихъ численность въ означенной области въ 269 д., т. е. почти въ то же число, которое приводитъ ревизія за 1859 г. Замѣтимъ къ слову, что и въ Баргузинскомъ округѣ Забайкальской области имѣются коренные тунгусы Киндыгирскаго рода. Причисленіе изъ одного рода къ другому, о которомъ мы выше упомянули, есть явленіе обычное у тунгусовъ и у другихъ инородцевъ Сибири. Вѣроятно этимъ объясняется и исчезновеніе къ X ревизіи цѣлаго *Логоцкаго* рода прежнихъ ревизій (см. стр. 145), который, судя по цифровымъ даннымъ, еще до X ревизіи причислился къ Киндыгирскому роду.

Если принять во вниманіе, что застигнутые въ предѣлахъ Олекминскаго округа части постороннихъ родовъ (Брагатскаго, Сологонскаго, Тобуйскаго и т. д.) съ излишкомъ должны компенсировать потерю коренныхъ Олекминцевъ отъ выселенія, то и здѣсь оказывается, что со времени X ревизіи эти послѣдніе болѣе или менѣе уменьшились въ числѣ.

Якутскій округъ.

Мы рассмотримъ по тѣмъ четыремъ отдѣламъ, на которые распадается его тунгусское населеніе.

Кангаласское вѣдомство. Численность тунгусовъ семи родовъ въ 1859 г.—1.301 д. (723 м.) и въ 1897 г.—1.115 д. (643 м.) т. е. въ общемъ ихъ число уменьшилось. Изъ нихъ *Никагирскій* и *III Белѣтскій* почти не измѣнились въ числѣ, *Шологонскій*, *II Белѣтскій* и *Нюрмаганскій* увеличились, а остальные уменьшились въ числѣ. Увеличеніе Шологонскаго и II Белѣтскаго, какъ мы видѣли выше (I, стр. 86), объясняется иммиграціей извнѣ. Значительное увеличеніе Нюрмаганскаго рода съ 167 д. до 204 д. въ Якутскомъ (и 31 д. въ Верхоянскомъ) не объяснимо. Что касается до убыли въ численности родовъ *I Белѣтскаго* съ 340 д. на 242 д. и *Буягирскаго* съ 290 д. на 101 д., то она въ значительной степени

объясняется переселеніемъ этихъ двухъ родовъ въ Амурскую область, гдѣ часть ихъ и была зарегистрирована подъ названіемъ «орочоновъ» въ западной полосѣ области и часть—тунгусами. Пасвикъ за 1882 г. даетъ слѣдующія цифры для этихъ родовъ въ предѣлахъ западной части Амурской области: I Белетскій родъ—275 д. и Баягирскій р.—90 д.¹⁾, причемъ происхожденіе ихъ изъ Якутской области не подлежитъ сомнѣнію. Такъ какъ число Белэтцевъ Амурской области оказывается на много большимъ противъ ихъ убыли съ 1859 г., то слѣдуетъ предположить, что они нѣсколько увеличились въ числѣ или что главная часть ихъ туда выселилась еще до X ревизіи. Такимъ образомъ, Кангаласскіе тунгусы, судя по имѣющимся даннымъ, если не возрасли, то и не уменьшились въ числѣ со времени 1859 г.

Ламунхинскіе тунгусы. Этотъ родъ, распадающійся на 4 колѣна, въ 1859 г. состоялъ изъ 449 д., а въ 1897 г. изъ 354 д., изъ коихъ 236 д. были зарегистрированы въ Якутскомъ и 118 д. въ Верхоянскомъ округѣ, куда онъ частью выселился. Здѣсь констатируется, такимъ образомъ, убыль въ 95 д.

Баянтайскіе тунгусы. Изъ ихъ трехъ родовъ *Годниканскій* сильно уменьшился со времени X ревизіи (на 51 д.), *III Годниканскій* изъ него совершенно исчезъ, а *Мямяльскій* родъ не измѣнился въ числѣ: онъ состоялъ въ 1859 г. изъ 532 д. и въ 1897 г. изъ 538 д., изъ коихъ однако 140 д. были переписаны въ Верхоянскомъ округѣ и 54 д. въ Охотской округѣ (Прим. обл.). *III Годниканскій* родъ вѣроятно цѣликомъ выселился въ Охотскую округу, гдѣ по даннымъ переписи имѣется два *II Годниканскихъ* рода, изъ коихъ одинъ названъ еще «Оймяконскимъ» по одной мѣстности, лежащей въ районѣ верхней Индигирки, къ востоку отъ Якутскаго округа, но вѣроятно принадлежащей къ нему. Представителей этого рода оказалось почти одно и то же (92 д. въ 1897 г. вм. 89 д. въ 1859 г.). Кроме того слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ предѣлахъ Якутскаго округа и Охотской округи имѣется извѣстное число тунгусовъ, не показавшихъ своихъ родовъ. Такимъ образомъ, и здѣсь нѣтъ прямыхъ доказательствъ вымиранія тунгусовъ.

Майское вѣдомство. Кочевые и бродячіе тунгусы этого вѣдом-

¹⁾ Мы не приводимъ здѣсь данныхъ переписи по Амурской области, потому что по этой области лишь часть тунгусскаго населенія распределена по родамъ.

ства состояли въ X ревизию изъ 3.220 д. (1.743 м.), между тѣмъ какъ перепись 1897 г. обнаружила въ предѣлахъ Якутскаго округа лишь 2.502 д. Майскихъ тунгусовъ, что показываетъ убыль въ 718 д. Эта убыль въ значительной степени объясняется сильной ихъ эмиграціей въ Удскую округу Приморской области и въ Амурскую область. Прослѣдимъ изменение въ числѣ этихъ тунгусовъ по отдѣльнымъ родамъ.

Родъ *Кюпскій* возросъ съ 113 д. въ 1859 г. до 141 д. въ 1897 г.

Родъ *Кюрбюгдинскій* слегка уменьшился: въ 1859 г. — 175 д., въ 1897 г. — 164 д., въ т. ч. 22 д. въ Удской округѣ.

Мякагирскій р. уменьшился въ числѣ: въ 1859 г. ихъ было 326 д., въ 1897 г. въ Якутскомъ округѣ было обнаружено всего 8 д., а въ Удской округѣ, куда они выселились почти въ полномъ составѣ, 147 д. или всего 155 д. Убыль въ данномъ случаѣ равна 50%. Въ другихъ мѣстахъ присутствіе этого рода констатировано не было.

Бытальскій р. въ 1859 г. — 974 д. (539 м.), въ 1897 г. въ Якутскомъ округѣ — 659 д., въ Удской окр. — 440 д., въ Хабаровскомъ окр. — 39 д., въ Амурской области — 175 д., на островѣ Сахалинѣ — 3 д., итого — 1.316 д. На основаніи этихъ данныхъ нельзя однако выяснитъ направленіе, въ которомъ совершается приростъ тунгусовъ этого рода, потому что, хотя часть Бытальцевъ несомнѣнно выселилась въ Удскую округу и въ Амурскую область, но какъ велика была эта часть трудно опредѣлить, въ виду того, что часть этого рода проживала въ Удской округѣ еще до X ревизіи.

I Эжанскій р. въ 1859 г. — 597 д., въ 1897 г. — 558 д. въ Якутскомъ и 81 д. въ Удской, итого — 639 д.

II Эжанскій р. въ 1859 г. — 399 д., въ 1897 г. — 456 д. въ Якутскомъ округѣ и сверхъ того 157 д. въ Удской, или всего — 613 д.

III Эжанскій р. въ 1859 г. — 636 д., въ 1897 г. — 512 д. въ Якутскомъ округѣ и 380 д. въ Удской окр. или всего — 892 д.

Если въ виду того, что и эти роды проживали въ Удской округѣ многія десятки лѣтъ (Миддендорфъ по неполнымъ даннымъ за 40-ые годы прошл. ст. опредѣлил ихъ число въ названной округѣ въ 111 д.), мы ограничимся лишь тою

частью Эжанскихъ родовъ, которая была застигнута въ предѣлахъ Майскаго вѣдомства переписью 1897 г., то окажется, что общая численность этихъ тунгусовъ здѣсь немного уменьшилась съ 1.632 д. на 1.526 д. (I и III Эжанскіе роды уменьшились, а II-й увеличился). Но, не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ X ревизіи свыше 300 д. этихъ родовъ выселились изъ Якутскаго округа въ Удскую округу и отчасти въ Амурскую область, такъ что въ данномъ случаѣ, какъ и относительно Бытальскаго рода, слѣдуетъ допустить нѣкоторое увеличеніе общей численности ихъ представителей.

Въ итогѣ за весь Якутскій округъ можно предположить, что тунгусское его населеніе въ общемъ мало измѣнилось въ числѣ со времени X ревизіи, можетъ быть слегка возросло, причемъ отдѣльные роды и показываютъ колебанія въ ту и другую сторону.

Верхоянскій округъ.

Тунгусское населеніе даннаго округа показываетъ, судя по I таблицѣ, со времени X ревизіи небольшой положительный приростъ въ 66 д. Чтобы узнать, насколько это явленіе находится въ соотвѣтствіи съ естественнымъ приростомъ его населенія, слѣдуетъ исключить изъ данныхъ переписи части постороннихъ родовъ, которыя не упоминаются въ ревизіи и которыя происходятъ изъ смежныхъ округовъ. Таковы Ламунхинскій р. (118 д.), Мямяльскій (140 д.), Бетюнскій (48 д.), Нурмаганскій (31 д.), Чордунскій (30 д.) и другіе. Общее ихъ число составляетъ 534 д. т. е. оно въ восемь разъ превышаетъ указанный излишекъ въ пользу 1897 г.

Если мы разсмотримъ измѣненіе въ числѣ отдѣльныхъ родовъ этого округа, то замѣтимъ, что кромѣ *Жельянскаго* (*Жельтанскаго*), мало измѣнившагося въ этомъ отношеніи, и *Тюясирскаго*, увеличившагося, остальные три рода, сильно уменьшились въ числѣ (*Кюпскій*, *Кункугурскій* и *Эжанскій*). *Каменно-Ламутскій* даже совсѣмъ пропалъ изъ предѣловъ округа¹⁾. Изъ этихъ родовъ уменьшеніе Эжанскаго

¹⁾ Въ 1859 г. Жельянскій р. 127 д., Тюясирскій р. 218 д., I Кун(ку)-гурскій 344 д., Купскій (Кюпскій) 232 д., Эжанскій 136 д.; Каменно-Ламутскій 97 д. Къ тунгусамъ мы присоединяемъ и „юкагирскія“ части рд. I Кун(ку)гурскаго (въ 1859 г.) 241 д. (120 м.) и р. Тюясирскаго 47 д.

можно объяснить выселеніемъ въ другія мѣста (см. стр. 55), Каменно-Ламутскаго отчасти переходомъ въ Колымскій округъ, гдѣ этотъ родъ слегка возросъ, хотя приростъ его въ этомъ послѣднемъ и не въ состояніи покрыть общую его убыль. Причина измѣненія въ численности остальныхъ родовъ намъ не извѣстна. Въ итогъ же можно принять, что тунгусское население Верхоянскаго округа уменьшилось въ числѣ со времени X ревизіи.

Колымскій округъ.

Изъ 8 коренныхъ родовъ округа: *Уяганскій* почти не измѣнился въ числѣ со времени 1859 г.; *I Каменный* и *II Дельянскій* нѣсколько увеличились въ числѣ, *Бетильскій*, *II Каменный* и *I Дельянскій* уменьшились, а *Отдѣльные отъ I и II Дельянскаго* совершенно исчезли изъ предѣловъ округа. Относительно Дельянскихъ родовъ нельзя сказать, въ какую сторону они измѣнились съ X ревизіи, потому что представители этихъ родовъ многочисленны и въ Анадырской и въ Охотской и отчасти въ Гижигинской округахъ Приморской области, причемъ часть ихъ по крайней мѣрѣ въ первой округѣ уплачиваетъ ясакъ въ Колымскомъ округѣ, что показываетъ ихъ происхожденіе изъ даннаго округа. Что же касается до Бетильскаго и II Каменнаго рода, то они повидимому измѣнились въ числѣ. Болѣе вѣроятно, что это справедливо и относительно Дельянскихъ родовъ, потому что въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія оспенная эпидемія унесла массу жертвъ въ при-Колымскомъ краѣ. О численности этихъ родовъ въ 1859 и 1897 гг. см. V главу.

Подводя итогъ всему вышесказанному о приростѣ тунгусскаго населенія въ Якутской области (см. прим. на стр. 56), можно съ извѣстною увѣренностью утверждать, что въ общей своей массѣ оно нѣсколько уменьшилось противъ 1859 г., независимо отъ передвиженій (ср. I, 98), причемъ эта убыль наблюдается въ четырехъ округахъ изъ пяти, именно въ Вилюйскомъ, Олекминскомъ, Колымскомъ и Верхоянскомъ. Напротивъ,

(27 м.) и весь II Кунгурекій — 117 д. (68 м.) или всего 435 д. (215 м.), потому что отдѣлить другъ отъ друга эти перемѣшавшіяся между собою части обоихъ племенъ по даннымъ переписи было невозможно.

въ Якутскомъ округѣ оно повидимому возрасло со времени X рец. (мы говоримъ здѣсь о постоянномъ и приписномъ населеніи, а не о наличномъ, которое уменьшилось).

Забайкальская область.

Наши свѣдѣнія о прежней численности тунгусскаго населенія области очень скудны и неточны и носятъ суммарный характеръ. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что общая численность ихъ простиралась здѣсь въ 1840 г., по Гагемейстеру, до 15.222 д. об. п. (7624 м.). Изъ нихъ было 3128 д. (1581 м.) бродячихъ, 3376 д. (1763 м.) кочевыхъ и 8718 д. (4280 м.) полуосѣдлыхъ. По отдѣльнымъ округамъ они распредѣлялись такимъ образомъ. Въ Верхнеудинскомъ, охватывавшемъ западную часть области, проживало 2395 д. (1252 м.) бродячихъ тунгусовъ, кочевавшихъ въ бассейнѣ Селенги и у ю.-в. берега Байкала. Всѣ остальные 12.827 (6.372 м.) числились въ Нерчинскомъ округѣ, въ который входила восточная половина области. Изъ нихъ было 733 д. (329 м.) ороочновъ. Если даже предположить, что данныя 1840 г. не вполне полны и не охватываютъ всѣхъ тунгусовъ области, то и то не подлежитъ сомнѣнію, что они очень сильно возрасли (ко дню переписи 1897 г. на 125,7%), что впрочемъ можно было ожидать уже а priori, принимая во вниманіе болѣе высокую культуру главной ихъ массы, не отличающуюся здѣсь отъ культуры бурятовъ и русскихъ, у которыхъ завѣдомо наблюдается значительный положительный приростъ. Приростъ же бродячихъ ороочновъ области не превышаетъ за это время 30%.

Приморская область.

Относительно этой области у насъ почти нѣтъ свѣдѣній за болѣе ранніе періоды времени. Гагемейстеръ въ своемъ «Статистич. Обзорѣніи Сибири» (I. с., 24 сл.) упоминаетъ лишь о тунгусахъ Гижигинской округи, опредѣляя ихъ число гадательно въ 500 д., очевидно много ниже дѣйствительнаго. Объ остальныхъ округахъ онъ умалчиваетъ. Миддендорфъ даетъ неполныя данныя о численности Удскихъ тунгусовъ и то лишь

трехъ ихъ родовъ (см. стр. 106). Не имѣя, такимъ образомъ, достовѣрныхъ свѣдѣній о прежней численности тунгусовъ данной области, южная половина которой ко времени X ревизии едва была присоединена къ Россіи, мы все же имѣемъ серьезныя основанія утверждать, что здѣсь тунгусы сильно уменьшились въ числѣ противъ прежняго. Доказательства этому слѣдующія. Русскіе завоеватели Охотскаго края имѣли въ 80-хъ годахъ XVII ст. частыя столкновенія съ многочисленными пѣшими или «сидячими» и «конными» т. е. оленными тунгусами, причемъ численность однихъ первыхъ была настолько значительна, что они выставляли противъ казаковъ отряды воиновъ въ 500 и 1.000 человекъ (см. I, стр. 28 сл.). Такъ какъ нынѣшняя численность осѣдлыхъ тунгусовъ, потомковъ сидячихъ, не превышаетъ 103 м. д., то слѣдуетъ предположить, что ихъ численность уменьшилась съ тѣхъ поръ по меньшей мѣрѣ въ 20 разъ. Главную причину этой убыли тунгусовъ названнаго края слѣдуетъ видѣть въ частыхъ голодовкахъ, отъ которыхъ и по сейчасъ периодически страдаютъ жители побережья Охотскаго края.

Замѣтимъ къ слову, что эту убыль сидячихъ тунгусовъ нельзя объяснить переходомъ ихъ въ оленные тунгусы—во-первыхъ, потому что они были для этого слишкомъ бѣдны и, во-вторыхъ, потому что они принадлежали къ другимъ родамъ (см. стр. 105), которые не встрѣчаются среди оленныхъ тунгусовъ.

Еще столѣтіе позже, въ 1766 г., Георги опредѣлялъ число взрослыхъ мужскихъ душъ Охотскихъ тунгусовъ (бродячихъ и оленныхъ?) въ 1862 *взрослыхъ мужскихъ душъ*¹⁾, между тѣмъ какъ перепись 1897 г. обнаружила въ данной округѣ лишь 1892 м. д. всѣхъ возрастовъ (или около 757 взрослыхъ)²⁾, такъ что и здѣсь за 130 лѣтъ тунгусское населеніе уменьшилось въ 2¹/₂ раза. Если даже предположить, что *часть* ихъ съ тѣхъ поръ выселились въ Гижигинскую округу, то все же убыль ихъ будетъ значительна, потому что въ обѣихъ этихъ округахъ вмѣстѣ все мужское тунгусское населеніе въ 1897 г. не превышало 2.784 д., что соотвѣтствуетъ приблизительно 1.114 д. взрослыхъ мужчинъ рабо-

1) Georgi, *ibid.* I., 244.

2) По даннымъ переписи взрослое рабочее населеніе Охотской округи (20—50 л.) нынѣ состоящее главнымъ образомъ изъ тунгусовъ, составляетъ 40% наличнаго.

чаго возраста. Отсутствие прироста у осѣдлыхъ тунгусовъ доказывается и наблюдениемъ полк. Олсуфьева надъ Анадырскими ламутами, которые, судя по церковнымъ книгамъ, не увеличились въ числѣ за послѣдніе годы.

Наконецъ, слѣдуетъ помнить, что жителямъ Удской округи еще памятна сильная оспенная эпидемія, которая посѣтила край въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія и такъ напугала мѣстныхъ инородцевъ количествомъ жертвъ, которыя она потребовала, что многіе изъ нихъ бросились на югъ и заселили лѣса по лѣвымъ притокамъ Амгуни, по нижнему Амуру и отчасти переместились на Сахалинъ (см. I, стр. 35—37). Сѣверо-западъ края посѣтила въ 80-хъ годахъ еще другая подобная же эпидемія.

Амурская область.

У насъ не имѣется соотвѣствующихъ данныхъ объ измѣненіи населенія Амурской области со времени 1859 г. уже потому, что этотъ край тогда былъ едва присоединенъ и Х ревизія не была на него распространена. Населеніе его носитъ столь подвижной характеръ, что даже, если бы у насъ имѣлись соотвѣствующія данныя, онѣ бы намъ мало помогли для рѣшенія вопроса о направленіи прироста тунгусскаго населенія. Дѣйствительно, нынѣ коренные тунгусы составляютъ въ Амурской области незначительное меньшинство, огромное же ихъ большинство представляетъ изъ себя пришлый элементъ, происходящій изъ Якутскаго и отчасти Олекминскаго округовъ Якутской области и изъ Удской округи Приморской и, съ другой стороны, часть коренного и пришлаго населенія за вторую половину истекшаго столѣтія перебралась на правый берегъ Амура, въ Китай. Отчасти вслѣдствіе этого цифровыя данныя касательно численности тунгусскаго населенія Амурской области у разныхъ авторовъ, свѣдѣнія которыхъ относятся къ сравнительно близкимъ эпохамъ, такъ мало согласны между собою (см. I, стр. 53 сл.).

* * *

На основаніи всего вышеизложеннаго можно считать установленнымъ, что осѣдые и полуосѣдые (юридически кочевые)

тунгусы Забайкальской области, снискивающие себѣ пропитаніе земледѣліемъ и скотоводствомъ, показываютъ, какъ и другіе земледѣльческіе и кочевые народы Сибири (буряты, якуты, татары и т. д.), положительный приростъ, между тѣмъ какъ *бродячіе тунгусы, подобно прочимъ туземнымъ племенамъ Сибири*, занимающимся оленеводствомъ, рыболовствомъ и охотой, *отличаются сравнительно меньшей жизнеспособностью* и въ общей своей массѣ уменьшаются въ числѣ. Мѣстами это явленіе выражено весьма сильно (Иркутская губернія, Олекминскій и Колымскій округа Якутской обл., Охотская округа Приморской и т. д.), мѣстами, напротивъ, мало замѣтно, такъ что тунгусское населеніе здѣсь какъ бы не измѣнились въ числѣ за послѣдніа десятилѣтія. Лишь въ немногихъ случаяхъ оно показываетъ повидимому положительный приростъ (Туруханскій край). Если проанализировать это явленіе подробнѣе, то мы увидимъ, что то же самое происходитъ и съ болѣе мелкими дѣленіями тунгусовъ: отдѣльными вѣдомствами и родами, одни изъ которыхъ увеличиваются, другіе убываютъ въ числѣ, независимо отъ того, въ какомъ направленіи совершается приростъ общей массы тунгусскаго населенія того округа или той области, къ которымъ они принадлежатъ. Мы видѣли въ вышеизложенномъ и встрѣтимъ въ V гл. самые разнообразныя случаи положительнаго и отрицательнаго прироста тунгусовъ отдѣльныхъ родовъ за послѣдніа десятилѣтія.

Теперь намъ остается разсмотрѣть, каковы главныя причины, обуславливающія вышеуказанное вымираніе бродячаго тунгусскаго и вообще инородческаго населенія Сибири, не успѣвшаго перейти къ кочевому и осѣдлому образу жизни.

ГЛАВА III.

Вымираніе бродячихъ тунгусовъ и его причины.

Выше мы видѣли, что отрицательный приростъ тунгусскаго населенія зависитъ не столько отъ пониженной рождаемости, которая по наблюденіямъ г. Майнова въ общемъ не ниже нормальной и почти не уступаетъ рождаемости якутовъ, отличающихся хорошимъ приростомъ населенія, но отъ чрезвычайно повышенной смертности, какъ въ дѣтскомъ, такъ и въ цвѣтущемъ возрастѣ. Чѣмъ же обусловливается эта чрезвычайно повышенная смертность?

Многіе изслѣдователи Сибири, которымъ случалось попасть въ глухіе уголки этой обширной окраины и побывать въ грязныхъ и дымныхъ юртахъ, чумахъ или землянкахъ бродячихъ инородцевъ, были такъ поражены крайне негигіеническими условіями ихъ жизни, стоявшими въ такомъ рѣзкомъ контрастѣ съ требованіями, которыя въ этомъ отношеніи предъявляетъ наша культура, что были склонны приписать ихъ вымираніе, уже сразу бросавшееся въ глаза, въ значительной степени этому обстоятельству. Дѣйствительно, огромная смертность въ дѣтскомъ возрастѣ, свойственная всѣмъ мало-культурнымъ народамъ и даже низшимъ слоямъ цивилизованныхъ націй, безъ сомнѣнія должна быть объяснена именно этимъ явленіемъ. Но рѣшающее значеніе въ вопросѣ о вымираніи инородцевъ оно можетъ имѣть развѣ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, между тѣмъ какъ для объясненія отрицательнаго прироста населенія всего племени оно конечно недостаточно уже потому, что образъ жизни тунгусовъ, большая часть которыхъ (—мы говоримъ о бродячихъ) и понынѣ скитается по горамъ и лѣсамъ, вдали отъ жилья болѣе культурныхъ народовъ, сравнительно весьма мало измѣнился за истекшія два столѣтія. Къ тому же тунгусы, какъ мы

знаемъ, показываютъ сильную смертность не только въ дѣтскомъ, но и въ цвѣтущемъ возрастѣ (см. стр. 37).

Не напоминаютъ бодрые и жизнерадостные тунгусы, сравнительно хорошо сложенные и имѣющіе достаточно развитую грудную клѣтку, тѣхъ жалкихъ и опустившихся физически и нравственно дикарей (юкагировъ, Енисейскихъ остяковъ и др.), которые подъ вліяніемъ столкновенія съ новой культурой окончательно утратили и ту небольшую жизнеспособность, которой обладали раньше и у которыхъ помимо вырожденія въ физическомъ отношеніи наблюдается и замѣтное пониженіе брачности и рождаемости при усиленной смертности. Ничего подобнаго у тунгусовъ, если взять ихъ въ массѣ, не замѣчается. Напротивъ, во всей Сибири можно наблюдать тотъ фактъ, что гдѣ только внѣшнія, главнымъ образомъ экономическія, условія оказываются болѣе благопріятными, почти всюду наблюдается и положительный приростъ у тунгусовъ, значительной высоты достигающій у представителей этого племени, проживающихъ въ Забайкальской области и сьумѣвшихъ во время перейти отъ бродячаго къ кочевому и осѣдлому образу жизни скотоводовъ и земледѣльцевъ. Эти факты наводятъ на мысль, что главную причину вымиранія тунгусовъ слѣдуетъ видѣть въ неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, среди которыхъ нынѣ живетъ это племя и которыя дѣйствительно съ каждымъ годомъ ухудшаются, причемъ это обѣднѣніе, по наблюденіямъ разныхъ лицъ, въ одинаковой степени касается и богатыхъ и бѣдныхъ: экономическій уровень всѣхъ тунгусовъ неуклонно стремится къ пониженію.

Даже при благопріятныхъ условіяхъ смертность бродячихъ инородцевъ должна быть вообще значительно выше, чѣмъ у кочевниковъ и осѣдлыхъ, потому что ихъ главныя занятія — охота, оленеводство и звѣроловство — требуютъ отъ нихъ огромнаго напряженія силъ и значительныхъ жертвъ отъ всевозможныхъ случайностей. А среди инородцевъ Сибири тунгусы въ этомъ отношеніи *caeteris paribus* поставлены въ наихудшія условія, во-первыхъ, потому, что они являются звѣроловами и охотниками *par excellence* и почти всю жизнь проводятъ въ скитаніи верхомъ на оленяхъ или пѣшкомъ по необъятнымъ гористымъ и лѣсистымъ мѣстностямъ своей дикой родины, каждую минуту подвергая себя опасности и, во-вторыхъ, потому, что тунгусы, принужденные по своему образу

жизни и занятіямъ жить отдѣльными семьями или небольшими ихъ группами, въ случаѣ нужды почти не могутъ рассчитывать на постороннюю помощь; смерть хозяина дома перѣдко влечетъ у нихъ за собой гибель всей семьи, которая постоянно слѣдуетъ за нимъ во время его передвиженій изъ одной мѣстности въ другую. Этимъ и объясняется огромная смертность взрослого мужскаго населенія, на которую мы указывали выше.

Довольно жизнеспособные тунгусы вынесли бы и эти тягости своего традиціоннаго образа жизни, какъ они выносили ихъ и раньше, если бы ихъ экономическія условія не измѣнились замѣтно въ неблагопріятную сторону противъ прежняго. Фактъ уменьшенія пушного звѣря и дичи и упадка оленеводства, этихъ главныхъ источниковъ пропитанія тунгусовъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію и каждый годъ присоединяетъ къ неблагополучнымъ въ этихъ отношеніяхъ мѣстностямъ все новые и новые районы. Особенно ярко выступаетъ фактъ уменьшенія соболя, бобра, бѣлки, сѣв. оленя, лося и другихъ животныхъ, прежде изобиловавшихъ въ Сибири¹⁾: уже 100 лѣтъ по покореніи этой окраины многіе инородцы не могли за промыслить потребное количество шкурокъ и ясачныя комиссіи не разъ слагали съ инородцевъ безнадѣжныя недоимки и уменьшали окладъ ясака, но, такъ какъ убыль звѣря прогрессировала, то эти мѣры давали инородцамъ лишь временное облегченіе: они продолжали накапливать недоимки, а вмѣстѣ съ этимъ и бѣднѣть и вымирать.

Главными причинами этого уменьшенія пушного звѣря въ свою очередь являются слѣдующіе факторы: во-первыхъ, сильное заселеніе Сибири со времени XVII ст. и слѣдовательно уменьшеніе охотничьяго района — къ этому явленію мы вернемся еще ниже; во-вторыхъ, лѣсные пожары, которые, возникая отъ весенняго выжиганія луговъ, отъ костровъ и другихъ причинъ, за послѣднія два столѣтія произвели огромныя опустошенія въ Сибирскихъ лѣсахъ, тѣмъ болѣе губительныя, что во многихъ мѣстахъ подобныя выгорѣвшія лѣсныя площади, покрытыя полуобгорѣлымъ лѣснымъ хламомъ и густо поросшія кустарникомъ, становятся почти непроходимыми даже въ зимнее время и часто мало пригодными въ качествѣ охотничьяго

¹⁾ Интересныя свѣдѣнія по этому вопросу можно найти въ книгѣ А. Миддендорфа: „Путеш. на сѣв. и вост. Сибири“. II („Сибирская фауна“).

района. Въ третьихъ, наконецъ, тунгусы, а также другіе инородцы-звѣроловы принуждены въ настоящее время болѣе энергично охотиться, чтобы изъ сильно убывшаго запаса пушного звѣря за промыслить необходимое на уплату ясака и на приобрѣтеніе нужнѣйшихъ предметовъ домашняго обихода количество шкурокъ, а это обстоятельство въ связи съ примѣненіемъ болѣе усовершенствованныхъ орудій охоты (вмѣсто лука—огнестрѣльное оружіе) въ свою очередь еще болѣе истощаетъ запасъ пушного звѣря и крупной дичи въ лѣсахъ. Сильныя передвиженія тунгусовъ съ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія объясняются главнымъ образомъ ихъ поисками новыхъ, еще не истощенныхъ, лѣсныхъ пространствъ.

Упадокъ оленеводства объясняется главнымъ образомъ эпизоотіями (копытная болѣзнь и т. д.), которымъ это животное сильно подвержено. Если такая эпидемія коснется инородцевъ, богатыхъ оленями (чукчи, коряки, самоѣды, Майскіе тунгусы), то конечно опустошенія, которыя она произведетъ, будутъ въ абсолютныхъ величинахъ огромны, но относительно эти группы инородцевъ все же меньше пострадаютъ, потому что у нихъ въ общей массѣ все еще останется извѣстное количество оленей для приплода и для передвиженія, причемъ, благодаря развитой у сибирскихъ инородцевъ, мало тронутыхъ культурой, взаимопомощи даже потерявшіе всѣхъ оленей могутъ получить на извѣстныхъ условіяхъ отъ богатыхъ нѣсколько ихъ головъ. Не то у тѣхъ инородцевъ, у которыхъ очень мало оленей, къ каковымъ принадлежитъ большинство бродячихъ тунгусовъ и юкагировъ. Сильная эпидемія сразу дѣлаетъ ихъ нищими, не только въ виду потери живого инвентаря, снабжавшаго ихъ молокомъ, мясомъ и т. д., но и вслѣдствіе невозможности быстро передвигаться съ мѣста на мѣсто, съ чѣмъ во многихъ случаяхъ тѣсно связана удача въ ихъ промыслѣ. Около трактовъ, недоступныхъ для лошадей, и вблизи пріисковъ многіе тунгусы, прельщенные хорошими цѣнами, добровольно уступаютъ русскимъ и якутамъ своихъ оленей, необдуманно обрекая себя въ будущемъ на самое жалкое существованіе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ тунгусамъ, потерявшимъ оленей, правда удается вновь обзавестись ими. Чаще всего они этого достигаютъ тѣмъ что поступаютъ батраками къ своимъ болѣе богатымъ сородичамъ или къ чукчамъ, выговаривая себѣ за пастбу оленьяго стада извѣстное число живыхъ оле-

ней, но число такихъ удачниковъ сравнительно очень не велико и какъ общее правило оленеводство у тунгусовъ постепенно падаетъ.

При прогрессирующемъ уменьшеніи звѣря и дичи и упадкѣ оленеводства инородцы естественно бѣднѣютъ, попадаютъ въ неоплатные долги и, не имѣя подѣ конецъ ни откуда помощи, подвергаются періодическимъ голодовкамъ, которыя во многихъ мѣстностяхъ длятся не только весеннее время, какъ напр. у части якутовъ, но мѣсяцы и даже большую часть года. Случаи смерти отъ голода у нихъ весьма не рѣдки; иногда отъ этой причины вымираютъ цѣлыя семьи и стойбища, не говоря уже о томъ, что подобное обнищавшее и полуголодное населеніе легче всего падаетъ жертвой всевозможныхъ болѣзней и показываетъ склонность къ вымиранію¹⁾. Нечего поэтому удивляться, что у большей части бродячихъ тунгусовъ населеніе не растетъ, а уменьшается въ числѣ. Заселить лѣса дичью врядъ ли возможно, а поднять упавшее оленеводство очень трудно, поэтому у тунгусовъ, если они не хотятъ исчезнуть съ лица земли, нѣтъ другого исхода, какъ перейти къ кочевому или осѣдлому образу жизни, мѣра, на которую указывалъ еще Миддендорфъ въ 40-хъ годахъ истекшаго столѣтія. Съ удовлетвореніемъ можно отмѣтить тотъ фактъ, что часть тунгусовъ, правда небольшая, находится уже на пути къ перемѣнѣ своего образа жизни въ вышеуказанномъ направленіи.

Не будучи болѣе въ состояніи прокормиться своими излюбленными занятіями (олeneводствомъ и звѣроловствомъ), многіе изъ тунгусовъ, которые не окончательно обнищали и сохранили въ себѣ еще достаточно силы и энергіи, дѣйствительно стараются приспособиться къ новымъ условіямъ и на первое время, не оставляя прежнихъ промысловъ, пытаются перейти къ занятіямъ своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей. Нѣкоторые берутся за перевозку на оленяхъ груза изъ мѣстныхъ центровъ въ глухія части тайги, на пріиски, заводятъ для проѣзжающихъ въ этихъ мѣстахъ своего рода постоянные дворы, съ продажей сѣна и кое-какихъ припасовъ, другіе покупаютъ корову и пытаются часто не безуспѣшно перейти къ болѣе устойчивому занятію скотоводовъ съ его полу-осѣдлымъ образомъ жизни (Виллюйскій, Якутскій округа). Иные изъ нихъ больше

¹⁾ Ядринцевъ: „Сибирь какъ колонія“, стр. 88—93.

вниманія посвящаютъ рыболовству, а отдѣльныя лица дѣлаютъ даже попытки построить избу и заняться земледѣліемъ, начавъ эти опыты съ обращенія подъ пашню небольшой полянки въ лѣсу, которую засѣваютъ ячменемъ. За послѣднія десятилѣтія число земледѣльцевъ-тунгусовъ весьма возросло въ Иркутской и въ Забайкальской обл. Если обстоятельства оказывались благопріятными, тунгусская семья постепенно привыкала къ новымъ условіямъ и въ большинствѣ случаевъ ее можно было считать спасенной отъ гибели. Но самостоятельно перейти къ новому образу жизни могутъ сравнительно немногіе тунгусы. Для этого у большинства не хватаетъ, ни инициативы, ни умѣнія, ни силъ, ни средствъ. Весьма многіе изъ нихъ лишь тогда становятся склонными приняться за непривычныя и тягостныя для подвижного тунгуса занятія, когда это оказывается уже поздно, т. е. когда нужда, обрушившись на нихъ всей своей тяжестью, обратила ихъ въ голодныхъ обнищавшихъ и истощенныхъ людей, которымъ не под силу что бы то ни было предпринять, дабы выдти изъ тяжелаго положенія. Подобныя лица или умираютъ отъ голода, холода и болѣзней или по большей части становятся батраками якутовъ и русскихъ. Они нанимаются къ нимъ въ качествѣ работниковъ и, попавъ къ нимъ въ неоплатные долги, всю свою жизнь принуждены бывають работать на нихъ безъ надежды когда-либо выбраться на свободу. Число такихъ тунгусовъ, проживающихъ у якутовъ, довольно значительно, хотя опредѣлить его и не легко, потому черезъ извѣстное число лѣтъ они окончательно сливаются со своими хозяевами и ни наружно, ни по языку, не отличаются болѣе отъ нихъ. Даже перепись не во всѣхъ случаяхъ въ состояніи выдѣлить такихъ тунгусовъ изъ среды якутовъ, особенно, если они успѣли причислиться къ якутской общинѣ. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что не только подобные бѣдняки, но и вообще большая часть тунгусовъ находится въ извѣстнаго рода кабалѣ у якутовъ (Якутская область) и русскихъ (Иркутская губ. и Приморская обл.), которая заключается въ томъ, что купцы и торгующія лица этихъ національностей ссужаютъ ихъ подъ обезпеченіе будущаго улова и промысла разнородными припасами и предметами первой необходимости, причемъ за ними почти всегда остаются значительныя суммы долга, съ которыми они не въ состояніи раздѣлаться даже въ самые

благопріятные для промысла годы. Средняя тунгусская семья должна такимъ кредиторамъ отъ 200 до 500 руб.

Особенный вредъ якуты принесли тунгусамъ тѣмъ, что, пользуясь ихъ стѣсненнымъ обстоятельствомъ, за бездѣлицу отняли у нихъ ихъ главное богатство—оленей. Въ не очень отдаленное время за взятые тунгусомъ 100 р. они получали отъ него 100 оленей стоимостью среднимъ числомъ 800 руб. Нынѣ всѣ тунгусы обѣднѣли и зажиточные не могутъ уже кормить бѣдныхъ, какъ прежде ¹⁾. «Участь тунгуса, если онъ не богатъ, вездѣ одинакова, будетъ ли онъ бродить въ лѣсу и горахъ за пушною добычей или же водворится на покосахъ и пастбищахъ, которые ему не принадлежатъ: вездѣ его подстерегаетъ жадный къ наживѣ и готовый къ услугамъ якутъ, вездѣ караулять его кабала, задолженность, нужда и горе со всѣми ихъ роковыми послѣдствіями» ²⁾.

Вотъ въ какихъ словахъ одинъ изъ изслѣдователей Якутской области г. Майновъ описываетъ настоящее положеніе тунгусовъ этой области, описаніе, которое въ значительной степени справедливо и по отношеніи ко всѣмъ бродячимъ тунгусамъ Сибири вообще съ тою только разницей, что вмѣсто якутовъ въ другихъ мѣстностяхъ эксплуататорами и притѣснителями этого племени являются русскіе и буряты. «Стѣсненный (якутами) въ своемъ промыслѣ, тунгусъ бродитъ гдѣ-то далеко, пока у него есть пропитаніе или пока несчастный случай не унесъ его оленей; но вотъ запасы свинца и пороха истощились, уловъ звѣря сократился и бѣднякъ съ поникшею головою идетъ къ тѣмъ же пришельцамъ и залѣзаетъ въ кабалу къ нимъ. Онъ задалживается имъ изъ года въ годъ и за охотничьи припасы, и за продукты пропитанія, и за взносъ податей, наконецъ, и за кортомъ уловныхъ мѣсть, обманомъ или насиліемъ у него же отнятыхъ. Мертвая петля затягивается все сильнѣе, хозяйство тунгуса разорено, онъ уже не работникъ на себя и бьется изъ года въ годъ, чтобы уплатить свой растущій долгъ, а семья живетъ впроголодь, тощаетъ, болѣетъ и вымираетъ. Обездоленный и обезземленный, нерѣдко лишенный оленей, единственного средства передвиженія во время охоты по лѣснымъ тропамъ, тунгусъ «осѣ-

¹⁾ Коваликъ: „Изв. В. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.“, т. XXV, № 4—5.

²⁾ „Землевѣдѣніе“, 1898 г., кн. III—IV, стр. 167.

даеть» гдѣ-нибудь возлѣ якутскихъ скотоводческихъ хозяйствъ и радъ былъ бы заимствовать «высшую культуру», заняться скотоводствомъ, даже земледѣліемъ, но увы у него нѣтъ скота, нѣтъ средствъ для обзаведенія, у него нѣтъ даже земли, покоса и выгона; мало того ему трудно приобрести осѣдность, ибо ему негдѣ «осѣсть», вся земля якутская и каждый клочекъ ея имѣеть своего владѣльца. И вотъ та же кабала ждетъ его и въ новой жизни» ¹⁾).

Фактъ постепеннаго вытѣсненія тунгусовъ якутами изъ ихъ прежнихъ владѣній, имѣющій такое роковое вліяніе на судьбу тунгусскаго народа, нѣсколько освѣщенъ въ послѣднее время благодаря изслѣдованіямъ г. Майнова. Въ его интересной книгѣ (*ibid.*) мы имѣемъ много примѣровъ тому, какъ якуты шагъ за шагомъ, вѣрно и неуклонно, вторгаются въ прежнія тунгусскія владѣнія, осѣдаютъ на болѣе удобныхъ для занятія скотоводствомъ и, такъ какъ тунгусы, какъ коренное бродячее населеніе, не имѣютъ документовъ на владѣніе землей, приобретаютъ на нихъ права путемъ давности, постепенно распространяя эти права и на всѣ близъ лежащія уголья—луга, лѣса, моховища и т. д. Что намъ г. Майновъ сообщаетъ о Якутскомъ округѣ, то Коваликъ засталъ въ Верхоянскомъ; онъ говоритъ: «Всѣ мѣста по долинамъ рѣкъ и рѣчекъ, гдѣ только произрастаетъ трава, годная для косьбы, заняты якутами» ²⁾). Протесты тунгусовъ на захваты ихъ коренныхъ земель конечно остаются безъ результата. Тунгусы спорятъ, жалуются, протестуютъ, но не въ состояніи измѣнить силы вещей и, если въ отдѣльныхъ случаяхъ имъ и удастся отстоять свои права, то въ большинствѣ случаевъ ихъ борьба съ многочисленными, хорошо сплоченными и болѣе зажиточными якутами оканчивается въ пользу послѣднихъ, которымъ, благодаря хорошему приросту, принадлежитъ будущность, заселить всѣ годныя для культуры земли области.

Начало этого поступательнаго движенія якутовъ въ тунгусскую область относится, какъ мы знаемъ, къ началу XVII ст. Безполезно повторять всѣ этапы заселенія якутами Якутской области, объ этомъ мы уже сообщили въ I главѣ настоящаго выпуска, припомнимъ лишь тотъ фактъ, что въ окру-

¹⁾ Майновъ: „Нѣкот. данныя о тунгусахъ Якутскаго края“, *ibid.*, 166.

²⁾ *Ibid.*, стр. 4 сл.

гахъ ея Вилюйскомъ, Олекминскомъ, Колымскомъ и отчасти въ Верхоянскомъ, гдѣ въ началѣ XVII ст. ихъ вовсе не было, они нынѣ составляютъ огромное большинство населенія, увеличивающееся какъ путемъ естественнаго приращенія, такъ и путемъ иммиграціи изъ главнаго центра якутовъ Якутскаго округа. Прямо поразителенъ контрастъ, который въ этомъ отношеніи наблюдается между якутами и тунгусами. Послѣдніе по большей части показываютъ значительную убыль противъ прошлыхъ столѣтій, а первые за этотъ же періодъ времени мѣстами увеличились въ 10—20—50 и болѣе разъ (см. стр. 48 и 52). Относительно Олекминскаго округа г. Майновъ замѣчаетъ: «Исконная тунгусская земля, какъ то незамѣтно превратилась за этотъ промежутокъ времени въ якутскую землю: пять якутскихъ наслеговъ осѣло, завладѣвъ всѣми угодыями по долинѣ Лены, а прежніе хозяева края оказались оттиснутыми на восточный берегъ, гдѣ они и понынѣ бродячь въ каменистыхъ горахъ между рѣками Витимомъ и Олекмой» ¹⁾).

Вполнѣ естественно, что столь сильно растущее якутское племя требуетъ все новыхъ и новыхъ мѣстъ для своего пропитанія и отнимаетъ ихъ отъ коренныхъ жителей страны—тунгусовъ, уменьшающихся или въ лучшемъ случаѣ не измѣняющихся въ числѣ. Этотъ фактъ заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что свободныхъ земель, годныхъ для скотоводства, въ Якутской области, въ настоящее время осталось далеко не такъ много, какъ это было раньше. Во многихъ мѣстностяхъ якуты заняли *всѣ* подобныя земли и нарастающее населеніе поневолѣ должно идти въ разбродъ въ поискахъ за новыми землями. Такимъ образомъ, г. Коваликъ, изслѣдуя экономическое положеніе населенія Верхоянскаго округа пришелъ къ заключенію, что Верхоянскій улусъ нынѣ уже перенаселенъ и что для подъема плохого экономическаго состоянія его жителей, часть ихъ слѣдуетъ выселить въ другія мѣста, напр. въ Усть-Янскій улусъ ²⁾). А между тѣмъ повторимъ еще разъ, что все спасеніе тунгусовъ заключается въ своевременномъ переходѣ ихъ отъ бродячаго къ кочевому и осѣдлому образу жизни. Съ этимъ согласны всѣ, которые изучали экономическое положеніе тунгусовъ; это же блестящимъ образомъ до-

¹⁾ „Нѣк. данныя о тунгусахъ Якутскаго края“ („Тр. В. Сиб. Отд. Геогр. О.“ 1898, II, 18).

²⁾ „Изв. В. С. Отд. И. Р. Геогр. О.“, т. XXV, № 4—5, стр. 4 сл.

казывается и данными статистики (см. ниже). Приведемъ здѣсь по этому поводу слова Миддендорфа, интересныя тѣмъ, что они, будучи произнесены 50 лѣтъ тому назадъ, оказываются справедливыми и для настоящаго времени: «Если тунгусы не будутъ своевременно направлены на единственный для нихъ путь спасенія т. е. на занятіе скотоводствомъ..., то они, не смотря на замѣчательныя природныя дарованія, обречены на гибель. Нельзя не пожелать, чтобы мѣстное начальство съумѣло справиться съ этой великою задачей. Еще время не ушло»...

Помимо вышеуказанныхъ неблагопріятныхъ условій, отличающихся, такъ сказать, хроническимъ характеромъ (уменьшеніе звѣря, упадокъ оленеводства, захватъ якутами ихъ угодій, обѣднѣніе и т. д.), на тунгусовъ иногда обрушиваются еще случайныя бѣдствія, которыя еще труднѣе предугадать и предотвратить. Сюда относятся моръ на оленей и сильныя эпидеміи на людей, уносящія массу жертвъ, противъ которыхъ инородцы совершенно безсильны.

Эпидеміи въ Сибири стали свирѣпствовать вскорѣ послѣ перваго появленія въ странѣ русскихъ, которые не только хъ заносили, но и рас пространяли по всей этой окраинѣ, напр. возникновеніе въ самомъ началѣ XVIII ст. въ восточной полосѣ Сибири гнилой горячки и усиленіе сифилиса обнаружилось во время и вскорѣ послѣ слѣдованія въ Камчатку батальона войскъ подъ начальствомъ кап. Сомова.

Уже въ 1631 г. оспа произвела сильныя опустошенія въ Енисейскомъ округѣ, повторяясь послѣ этого неоднократно. Георги, посѣтившій Сибирь въ послѣднюю треть XVIII ст., сообщаетъ, что за послѣднія 30 л. оспа унесла во многихъ мѣстностяхъ Сибири $\frac{2}{3}$ дѣтей и часть взрослога тунгусскаго населенія. Нѣкоторые бытоописатели Енисейской губерніи утверждаютъ, что за періодъ времени съ 1763 по 1816 гг. численность инородцевъ Туруханскаго края упала вслѣдствіе эпидемій и голода на $\frac{3}{4}$ ихъ прежняго числа¹⁾. Весьма сильно оспа свирѣпствовала въ этомъ краѣ въ 1850 и 1851 гг., когда въ губерніи вымерли цѣлые инородческіе роды (І Лѣтній и др.), а другіе сильно уменьшились въ числѣ (Панкагирскій, Чапогирскій). Въ эти два года по весьма неполнымъ

¹⁾ Ядринцевъ: „Сибирь, какъ колонія“, 88—93.

(для инородцевъ) даннымъ въ Енисейскомъ округѣ заболѣло 951 д. русскихъ и умерло 189 д., а у инородцевъ заболѣло 965 д. и умерло 545 д. По словамъ очевидцевъ, объятые ужасомъ инородцы бросились въ лѣса, но смерть настигала ихъ и тамъ, трупы валялись по всей тайгѣ, цѣлые чумы вымирали до одного человѣка, привлекая стаи хищныхъ волковъ¹⁾).

Мы не будемъ здѣсь перечислять всѣхъ эпидемій, постигшихъ за истекшія 2¹/₂ столѣтія разныя мѣстности Сибири и сильно способствовавшихъ уменьшенію ея инородческаго населенія, напомнимъ лишь, что въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія оспенная эпидемія появилась въ Удской округѣ и частью истребила ея тунгусское населеніе, частью заставила его искать спасенія на югѣ и на о. Сахалинѣ. Въ серединѣ 80-хъ годовъ того же столѣтія подобная же бѣда стряслась надъ сѣверомъ Колымскаго округа, причинивъ огромную убыль среди мѣстнаго инородческаго населенія—нѣкоторые роды тунгусовъ, юкагировъ и чуванцевъ уменьшились въ это время на $\frac{1}{3}$ и на $\frac{1}{2}$ своего прежняго числа.

Къ такимъ же неблагоприятнымъ условіямъ стихійнаго характера слѣдуетъ отнести и открытіе вблизи тунгусскихъ кочевій приисковъ, какъ это въ свое время имѣло мѣсто въ Енисейскомъ округѣ, въ Олекминскомъ округѣ, по Амгуни и т. д. Подобныя мѣстности всегда привлекаютъ въ край массу людей, лѣса начинаютъ страдать отъ пожаровъ и рубки, черезъ тайгу пролагаются новые пути, по которымъ двигаются караваны съ грузами и припасами, и дичь и пушной звѣрь покидаютъ подобныя шумныя и людныя мѣста, что губительно отражается на благосостояніи мѣстныхъ тунгусовъ. Въ ожиданіи приближавшейся грозы въ видѣ поисковыхъ партій, тунгусы Охотскаго края говорили съ ужасомъ одному изслѣдователю: «придутъ русскіе, начнутся лѣсные пожары, звѣрь разбѣжится, моховища навсегда погибнутъ..., что тогда будетъ съ нами?»²⁾).

Взамѣнъ этого, заселеніе тайги, какъ мы видѣли выше, временно увеличивая спросъ на припасы, на перевозочныя средства, рабочую силу и т. д., даетъ тунгусамъ возможность имѣть и другіе заработки помимо звѣроловства и охоты. Но все же вредъ отъ приисковъ для инородцевъ неизмѣримо

¹⁾ Лыткинъ: „Енисейская губ.“, 449.

²⁾ „Землевѣдѣніе“, 1898, III—IV, 408.

больше чѣмъ польза: во-первыхъ, далеко не всѣ тунгусы извлекаютъ выгоду отъ измѣнившихся условій, а во-вторыхъ, приисковое населеніе, принадлежа къ худшимъ элементамъ Сибири, имѣетъ самое тлетворное вліяніе на тунгусовъ и инородцевъ вообще. Дикари быстро усваиваютъ всѣ худыя привычки этихъ піонеровъ цивилизаціи: пьянство, развратъ, карточную игру и скоро окончательно подрываютъ свои физическія и матеріальныя силы. Это одна изъ причинъ, почему тунгусское населеніе, живущее близъ приисковъ, почти всюду — въ Олекминскомъ округѣ (стр. 52), въ районѣ приисковъ Енисейскаго округа (стр. 42) и т. д. показываетъ отрицательный приростъ. Если же прииски извѣстной мѣстности истощились и населеніе приисковъ отхлынуло въ другія, еще нетронутыя мѣстности, то тунгусское населеніе, отвыкшее отъ прежней своей дѣятельности и приученное къ хорошей оплатѣ сравнительно небольшого труда, не находя болѣе спроса на послѣдній ни за какую плату, быстро нищаетъ и вымираетъ. Немудрено поэтому, что тунгусы такъ боятся даже слуховъ объ открытіи близъ ихъ кочевій приисковъ.

На ряду съ вымираніемъ инородцевъ Сибири въ широкихъ размѣрахъ происходитъ ихъ метисація и ассимиляція съ другими народностями, населяющими нашу обширную окраину. А ргіогі можно было бы думать, что эти явленія должны маскировать явленіе вымиранія инородцевъ и служить причиной невѣрности нашихъ выводовъ касательно направленія прироста населенія, но на дѣлѣ это не такъ.

Въ Америкѣ, гдѣ нѣтъ сословныхъ группъ, тамъ эти оба явленія на самомъ дѣлѣ настолько перепутаны другъ съ другомъ, что не даютъ возможности сдѣлать какіе-либо болѣе или менѣе правильные выводы о дѣйствительномъ приростѣ инородческаго (индѣйскаго) населенія. Происходитъ это отъ того, что тамъ нѣтъ какихъ-либо реальныхъ и объективных признаковъ, по которымъ можно было бы отличить лицо смѣшаннаго происхожденія отъ чистокровнаго бѣлаго; языкъ и вѣра у подобныхъ лицъ по большей части одни и тѣ же, типъ — признакъ неблагонадежный и къ тому же чисто субъективный; что же касается до свидѣтельствъ регистрируемыхъ лицъ объ ихъ происхожденіи, то они научнаго значенія имѣть не могутъ уже потому, что очень многіе метисы и мулаты объ этомъ могутъ не помнить, а другіе даютъ завѣдомо ложныя показанія. По-

слѣднее на самомъ дѣлѣ часто наблюдается — потомки цвѣтныхъ родителей, желая ближе примкнуть къ бѣлому населенію, которое въ Америкѣ пользуется сравнительно большимъ почетомъ, нерѣдко стараются умолчать, что въ числѣ ихъ родныхъ и близкихъ родственниковъ имѣются и индѣйцы или негры. На этомъ основаніи въ Соедин. Штатахъ Сѣв. Америки не только нельзя правильно рѣшить вопросъ о вымираніи индѣйцевъ, но нельзя даже болѣе или менѣе точно установить число метисовъ, мулатовъ и тѣмъ болѣе потомкомъ отъ браковъ этихъ послѣднихъ съ чистокровными бѣлыми.

Совершенно иныя условія существуютъ въ Сибири. Тамъ русское населеніе (и лица другихъ національностей, вмѣстѣ съ ними перевалившія за Уралъ) по своему сословію (крестьяне, мѣщане, казаки и т. д.) рѣзко отличается отъ мѣстнаго коренного населенія, которое почти исключительно принадлежитъ къ сословію инородцевъ (часть бурятовъ и Акшинскіе тунгусы въ видѣ исключенія также къ казакамъ), причемъ всѣ лица, происходящія по мужской линіи отъ первыхъ, заносятся въ метрическія книги согласно ихъ сословію — крестьянами, мѣщанами, казаками и т. д., а отъ вторыхъ — почти всегда инородцами, какъ бы сильно они не перемѣшались и не ассимилировались съ теченіемъ времени съ русскими. Иногда, впрочемъ, въ случаѣ незаконныхъ сожителствъ инородцевъ съ русскими, дѣти наследуютъ и сословіе матери. Обоими этими путями происходило и нынѣ происходитъ постепенное и постоянное измѣненіе физическаго типа какъ русскихъ, такъ и въ значительно большей степени и инородцевъ.

Это обоюдное взаимодѣйствіе другъ на друга обѣихъ этихъ племенныхъ группъ началось съ самыхъ первыхъ лѣтъ покоренія Сибири, когда казаки и разные вольные и охочіе люди цѣлыми ватагами устремились во вновь открытые края. Многие изъ нихъ тамъ и осѣдали въ разныхъ мѣстахъ, причемъ за отсутствіемъ русскихъ женщинъ жили съ мѣстными инородками, на которыхъ иногда впоследствии и женились, но далеко не всегда. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ потомство (въ городахъ и русскихъ поселковъ) по большей части приобщалось къ племени матери — таковы напр., такъ называемые, креолы Алеутскихъ острововъ, большая часть которыхъ нынѣ обитаетъ на Командорскихъ островахъ — они происходятъ отъ сожителствъ казаковъ, завоевателей края, съ алеутскими женщинами. По

сословію они принадлежатъ къ инородцамъ и говорятъ по-алеутски.

Благодаря вышеуказанному различію въ сословныхъ отношеніяхъ коренного населенія Сибири и русскаго, въ большинствѣ случаевъ весьма легко прослѣдить, происходитъ ли извѣстная группа населенія по мужской линіи отъ инородцевъ или отъ русскихъ, и путемъ сопоставленія данныхъ объ ея численности за два періода времени опредѣлить ея приростъ. Мало того, въ нашемъ распоряженіи имѣются и средства для распредѣленія по отдѣльнымъ племенамъ денационализированныхъ ихъ потомковъ. Дѣйствительно, историческія данныя и официальные документы, настоящіе и прежніе, даютъ по большей части точныя указанія о національности жителей каждой мѣстности, волости, управы, рода и т. д., такъ что почти всюду можно съ достовѣрностью рѣшить, къ какому племени слѣдуетъ отнести извѣстную группу населенія, независимо отъ того, какой образъ жизни она ведетъ и на какомъ языкѣ она изъясняется.

Подобныя указанія даютъ и переписные листы, гдѣ имѣются свѣдѣнія о мѣстѣ рожденія и приписки, объ управахъ, вѣдомствахъ, родахъ, а во многихъ случаяхъ называется и сама національность (напр. «тунгусъ», «алеуть», «чукча») ¹⁾. Такимъ образомъ, и по даннымъ переписи мы всегда можемъ отличить окончательно обрусѣвшихъ, обьякутившихся и обурятившихся тунгусовъ отъ тѣхъ племенъ, къ которымъ они примкнули, усвоивъ ихъ духовный міръ, и, слѣдовательно, довольно точно опредѣлить ихъ нынѣшнее и прежнее число и ихъ приростъ.

Иллюстраціей того, насколько при надлежащемъ использованіи вышеуказанныхъ свѣдѣній возстановленіе прежней національности инородцевъ можетъ быть произведено успѣшно, можетъ служить тотъ фактъ, что у 34.500 тунгусовъ, окончательно утратившихъ родной языкъ, и у приблизительно такого же

¹⁾ Лишь въ единичныхъ случаяхъ подобныя указанія племени не соотвѣтствуютъ дѣйствительной его національности, напр. когда подобная помѣтка относится не къ прирожденной національности, а къ той, къ которой данная группа инородцевъ причислилась. Такимъ образомъ, два бурятскихъ рода (Тыртеевскій и Куркутскій II), причислившись къ тунгусамъ Армакской управы, сами официально стали именоваться „тунгусами“ (I, стр. 148), но названія родовъ и другія данныя и въ этихъ случаяхъ даютъ возможность сдѣлать нужныя поправки.

числа лицъ, заимствовавшихъ образъ жизни другихъ народностей, а они составляютъ 54,5⁰/₀ всѣхъ представителей этого племени, благодаря даннымъ объ ихъ происхожденіи по мужской линіи, могла быть восстановлена ихъ настоящая національность. Не имѣй мы возможности болѣе или менѣе точно опредѣлить національность этихъ инородцевъ, болѣе или менѣе утратившихъ внѣшнія отличія своей народности, наши выводы о приростѣ отдѣльныхъ племенъ Сибири были бы вполнѣ шатки и фантастичны. По этой же причинѣ, трактуя въ предыдущей главѣ о вымираніи тунгусовъ, мы принимали въ соображеніе не утрату наружныхъ признаковъ національности, а лишь дѣйствительное уменьшеніе въ численности извѣстной группы населенія противъ прежнихъ лѣтъ.

ГЛАВА IV.

Ассимиляція.

Остановимся теперь на ассимиляціи отдѣльных инородческихъ племенъ. Въ широкомъ смыслѣ слова ассимиляція при столкновеніи другъ съ другомъ двухъ или нѣсколькихъ народностей можетъ имѣть троякій характеръ. Подъ этимъ терминомъ можно подразумѣвать, съ одной стороны, усвоеніе одной изъ нихъ языка, образа жизни, вѣрованій и другихъ культурныхъ достояній другой (или взаимное ихъ заимствованіе ими другъ у друга) или она можетъ ограничиться приближеніемъ ихъ другъ къ другу въ физическомъ отношеніи путемъ постоянно повторяющихся перекрестныхъ браковъ, при сохраненіи каждымъ племенемъ въ большей или меньшей степени своихъ культурныхъ особенностей или же, наконецъ, оба племени могутъ слиться въ одно или по крайней мѣрѣ сильно приблизиться другъ къ другу и физически и духовно (какъ напр. юкагиры и тунгусы Колымскаго края—см. ниже), причемъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ одно изъ нихъ, будучи болѣе сильнымъ въ какомъ нибудь изъ этихъ отношеній или болѣе многочисленнымъ, беретъ верхъ въ этой борьбѣ за преобладаніе и фактически уподобляетъ себѣ другое племя и культурно и часто физически.

Ассимиляціи духовной принадлежитъ преобладающая роль въ немногихъ мѣстностяхъ Сибири, гдѣ рядомъ живутъ народности, брачные союзы между которыми встрѣчаютъ препятствія, напр. въ различіи религій. Такимъ образомъ, въ Томской губ. въ значительной степени обрусѣли не только православные татары, но и шаманисты. То же самое наблюдается и у части Иркутскихъ бурятовъ и у тунгусовъ язычниковъ Маньковской упр. (Читинск. окр.) (см. также стр. 87) Ассимиляціей физической можно объяснить измѣненіе тюркскаго типа якутовъ и киргизовъ въ монгольскій при сохраненіи роднаго языка и

въ большей или меньшей степени культурныхъ достояній ихъ тюркскихъ предковъ.

Гораздо чаще однако наблюдаются случаи простой метисаціи, когда еще не дошло до коренного измѣненія типа и когда племя еще болѣе или менѣе сохраняетъ свои національныя культурныя особенности. Это непрерывное физическое воздѣйствіе однихъ племенъ на другія постоянно происходило и происходитъ еще понынѣ по всей обширной территоріи Сибири и ведетъ къ объединенію физическаго типа ея населенія. Дѣйствительно, заключеніе смѣшанныхъ брачныхъ союзовъ не встрѣчаетъ препятствія во взаимномъ физическомъ отвращеніи, ни у отдѣльныхъ племенъ, ни даже у русскихъ, которые часто вступаютъ въ браки съ осѣдлыми и обрусѣлыми инородцами православной вѣры (остяками, вогулами, Томскими татарами, камчадалами, якутами и т. д.), хотя мѣстами и считаютъ ихъ за нисшую расу. Гораздо легче и чаще однако происходятъ незаконныя сожителства и связи при существующей во многихъ мѣстностяхъ Сибири свободѣ нравовъ. Дѣти отъ такихъ временныхъ союзовъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ приобщаются къ племени, къ которому принадлежитъ мать, и этимъ путемъ вводятъ въ него совершенно новый элементъ.

Если кратковременныя связи лицъ разныхъ національностей почти не вліяютъ на ихъ духовную ассимиляцію, то продолжительныя сожителства и браки несомнѣнно являются наиболѣе сильнымъ и дѣйствительнымъ факторомъ для полного слиянія разнородныхъ группъ населенія. Здѣсь, слѣдовательно, имѣетъ мѣсто сближеніе группъ населенія не только въ физическомъ, но и въ духовномъ отношеніяхъ, причемъ, наблюдая надъ взаимными отношеніями между отдѣльными племенами Сибири, можно видѣть всевозможныя формы стадіи ихъ ассимиляціи.

Ограничимся этими краткими замѣтками и укажемъ на тѣ случаи, гдѣ во взаимныхъ воздѣйствіяхъ однѣхъ народностей на другія принимаютъ участіе тунгусы.

Смѣшеніе инородческихъ племенъ, а слѣдовательно и тунгусовъ, съ *русскими*, началось, какъ мы знаемъ, съ самыхъ первыхъ лѣтъ покоренія Сибири, когда казаки и разные вольные и охочіе люди цѣлыми толпами устремились во вновь открытые края. Въ послѣдующія столѣтія, какъ и

нынѣ, русская кровь вливалась въ жилы инородцевъ путемъ сожительства съ ихъ женами и дочерьми главнымъ образомъ промышленниковъ и торгующихъ людей, по своему ремеслу обязанныхъ цѣлые мѣсяцы проводить внѣ своихъ селеній. Многіе изъ нихъ имѣютъ двѣ форменныя семьи, изъ коихъ одна, законная, проживаетъ въ деревнѣ, а другая, незаконная, гдѣ-нибудь въ глуши, тоже къ особой юртѣ. Этими незаконными женами въ Якутской губерніи чаще всего бываютъ тунгуски, которыя выгодно отличаются отъ якутокъ своею страстностью и которыя поставляютъ главный контингентъ проститутокъ на многіе инородческіе торжки и ярмарки, напр. на Анюйскую ярмарку. Дѣти отъ подобныхъ, не освященныхъ церковью, браковъ считаются обыкновенно по матери тунгусами, какъ и законныя дѣти осѣдлыхъ и обрусѣлыхъ тунгусовъ Иркутской губерніи, Забайкальской области и Охотской округи Приморской, нерѣдко берущихъ въ жены крестьянокъ и казачекъ сосѣднихъ селеній, считаются тунгусами же по отцу. Эти перекрестные браки содѣйствуютъ измѣненію физическаго типа тунгусовъ и съ теченіемъ времени приводятъ ихъ къ полной ассимиляціи съ русскими. Дѣйствительно, тунгусы нѣкоторыхъ деревень указанныхъ губерній и областей нынѣ почти ничѣмъ не отличаются отъ коренныхъ русскихъ; иногда ихъ выдаетъ лишь ихъ не совсемъ ступшевавшійся типъ. Всѣ они однако продолжаютъ считаться по сословію инородцами и по національности тунгусами, пока они не пожелаютъ перечислиться въ разрядъ крестьянъ или мѣщанъ — рѣшительный шагъ, при которомъ они окончательно порываютъ всякую связь съ роднымъ племенемъ. Такіе случаи впрочемъ нынѣ происходятъ рѣдко, потому что инородцы Сибири освобождены отъ воинской повинности и платятъ меньшія подати (ясакъ), чѣмъ русскіе крестьяне, что имѣетъ послѣдствіемъ, что подобный переходъ въ категорію крестьянъ для нихъ не выгоденъ. Но въ прежнее время подобныя перечисленія изъ бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ въ осѣдлые, въ крестьяне и мѣщане совершались во время производства ревизій и притомъ безъ согласія на то заинтересованныхъ лицъ. Для этого было достаточно констатировать фактъ, что данная группа инородцевъ перешла изъ бродячаго или кочеваго къ осѣдлому образу жизни. Особенно значительно было число такихъ крестьянъ изъ инородцевъ въ

Забайкальской области (см. гл. VII), но и въ другихъ мѣстахъ попадаются крестьяне такого происхожденія, напр. жители дер. Инской Охотской округи происходятъ отъ коренного ея населенія—«сидячихъ» тунгусовъ и отъ переселившихся сюда въ послѣдствіи крестьянъ и казаковъ, которые съ теченіемъ времени слились съ ними въ однородную группу. Таковы вѣроятно и крестьяне, живущіе по берегамъ рр. Бирюсы (Оны) и Чуны, въ типѣ которыхъ еще понынѣ можно найти слѣды тунгусской крови (см. I, стр. 156) и которые вѣроятно являются смѣшавшимися съ русскими и перечислившимися въ крестьяне потомками осѣдлыхъ тунгусовъ южной части Енисейскаго округа. Эта группа обрусѣлыхъ тунгусовъ (т. е. крестьяне и мѣщане изъ тунгусовъ), еще въ XVIII в. начавшихъ заниматься земледѣліемъ, нынѣ настолько слилась съ русскими, что составляетъ съ ними неразрывное цѣлое; о своемъ инородческомъ происхожденіи изъ нихъ помнятъ лишь очень немногіе. Почти такъ же сильно обрусѣла и большая часть тунгусовъ Н. Илимской управы Иркутской губерніи и Урульгинской, Оловской, Маньковской и др. управъ Читинскаго округа Забайкальской области.

Да и главная масса тунгусскаго племени, и понынѣ сохранившая свое инородческое сословіе, въ настоящее время настолько сильно обрусѣла, что треть (31,8%) всѣхъ тунгусовъ говоритъ лишь по-русски и живетъ по-русски и 82,0% исповѣдуетъ православную религію, а если исключить бродячихъ тунгусовъ, и понынѣ ведущихъ вольную и безпечную жизнь своихъ отцовъ, то обрусѣвшими можно считать ок. $\frac{2}{3}$ всѣхъ осѣдлыхъ и полуосѣдлыхъ представителей этого племени. Принадлежность къ тунгусскому племени зиждется у нихъ лишь на различіи въ сословіяхъ. Достаточно однако будетъ уничтожить условное дѣленіе жителей Сибири на сословныя группы и вся масса обрусѣлыхъ инородцевъ, въ нашемъ случаѣ половина всего тунгусскаго народа—даже по имени станетъ русской. Лишь нѣкоторыя характерныя черты лица будущихъ русскихъ крестьянъ этихъ мѣстностей и воспоминанія, что здѣсь раньше жили тунгусы, будутъ еще долгое время свидѣтельствовать о смѣшанномъ происхожденіи той или другой группы мѣстныхъ русскихъ жителей.

Замѣтимъ къ слову, что метисація то повышаетъ, то понижаетъ физическій типъ и умственный и духовный уровень

народностей, которыя ей подвергаются. Такимъ образомъ, смѣшеніе съ выродившимися отъ неблагопріятныхъ условій сѣверными инородцами Сибири (юкагирами, Енисейскими остяками, отчасти сѣверными сидячими коряками и тунгусами и т. д.) безусловно вредно отзывается на потомствѣ русскаго и обрусѣлаго инородческаго населенія низовьевъ крупныхъ рѣкъ В. Сибири, которое во всемъ уступаетъ природнымъ русскимъ и во многомъ кореннымъ инородцамъ. Напротивъ, скрещиваніе кочевыхъ и осѣдлыхъ племенъ (тунгусовъ, бурятовъ, якутовъ, татаръ и т. д.) между собою и съ русскими производитъ по большей части здоровыя и жизнеспособныя группы населенія.

Ассимиляція и скрещиваніе тунгусовъ съ *якутами* имѣли мѣсто еще до прихода русскихъ въ Сибирь, но лишь послѣ завоеванія ими этой обширной окраины, когда якуты стали разбредаться по Вилюю, Ленѣ, Янѣ, Олекмѣ и т. д., по чисто тунгусскимъ областямъ, эти процессы получили значительные размѣры. Продолжаются они и понынѣ, въ ущербъ тунгусскому населенію, не только на протяженіи всей Якутской области, но и въ сѣверо-восточной части Туруханскаго края, на сѣверѣ Амурской области и отчасти въ Удской округѣ Приморской, однимъ словомъ всюду, гдѣ эти двѣ народности приходятъ во взаимное соприкосновеніе. Потерявъ по какой-либо причинѣ своихъ оленей, тунгусы часто осѣдаютъ около якутскихъ жилищъ и дѣлаются батраками якутовъ, пасутъ ихъ оленей и т. д. Нерѣдко они съ ними вступаютъ въ брачныя союзы и въ незаконныя сожителства, причемъ, такъ какъ тунгусы поддаются вліянію болѣе высокой якутской культуры, то дѣти ихъ часто, а внуки всегда, и по языку и по образу жизни становятся почти якутами. Если они къ тому же причислятся къ якутской общинѣ, то этимъ самымъ они порываютъ разъ навсегда всякую связь съ своими одноплеменниками и дѣлаются настоящими якутами. Такія переходныя ступени отъ тунгусовъ къ якутамъ можно встрѣтить во многихъ мѣстностяхъ Якутской области. Таковы, напр. такъ называемыя Бадиры уроч. Уланахъ (въ вост. части Якут. окр.), которые по изслѣдованію г. Майнова оказались объякутившимися тунгусами (Бадирскаго рода?), вслѣдствіе своей малочисленности лѣтъ 60 тому назадъ причислившимися къ I Жехсогонскому наслегу Батурусскаго улуса и нынѣ сильно перемѣшавшимися съ яку-

тами путемъ взаимныхъ браковъ¹⁾. Они живутъ въ юртахъ и имѣютъ скоть, какъ и якуты, но, подобно тунгусамъ, уходятъ на промыселъ въ тайгу. Говорятъ они на тунгусскомъ и якутскомъ языкахъ и вѣроятно скоро окончательно сольются съ якутами (Майновъ, 1. с., 142). Объ этомъ же объякутѣніи тунгусовъ сообщаетъ и г. Сѣрошевскій. Онъ передаетъ, что въ сѣверныхъ частяхъ улусовъ Дюпсинскаго и Баягантайскаго (Якутск. окр.), примыкающихъ къ южнымъ отрогамъ Верхоянскихъ горъ, въ голодные годы къ мѣстнымъ якутамъ являются цѣлыя семьи тунгусовъ, хозяева которыхъ нанимаются къ нимъ въ работники. Такія семьи часто на всегда остаются среди якутовъ, вступаютъ съ ними въ браки и отдаютъ имъ на воспитаніе своихъ сиротъ. То же въ Олекминскомъ округѣ, гдѣ тунгусы ежегодно зимой приходятъ въ якутскія селенія и живутъ у нихъ въ однѣхъ съ ними юртахъ самые холодные мѣсяцы. Тунгусы при этомъ привозятъ имъ подарки: мѣха, кедровый орѣхъ, медвѣжье мясо, а необходимые припасы покупаютъ у нихъ. И въ данномъ случаѣ, благодаря незаконнымъ связямъ, происходитъ смѣшеніе якутской крови съ тунгусской и постепенное усвоеніе тунгусами якутскаго языка и якутской культуры.

Майскіе тунгусы, именно ихъ кочевая часть, тоже сильно объякутились, породнившись съ якутами, отъ которыхъ переняли скотоводство. Въ этой мѣстности тунгусы, судя по Майнову, охотно женятся на якуткахъ, а якуты на объякутившихся тунгускахъ, но не на дочеряхъ бродячихъ, потому что лѣсные тунгусы, вѣрные своему дѣдовскому образу жизни, вовсе не умѣютъ ходить за рогатымъ скотомъ и вообще не знаютъ якутскаго хозяйства. Окончательно перемѣшались съ якутами и переняли ихъ образъ жизни и тунгусы II Шелогонскаго рода, также и часть Нюрмаганцевъ Якутскаго округа перешла къ скотоводству и т. д. И въ результатѣ этихъ перекрестныхъ браковъ въ массѣ Майскихъ тунгусовъ нынѣ преобладаетъ чисто якутскій типъ и, съ другой стороны, якуты мѣстами показываютъ тунгусское сложеніе, напр. всѣ якуты, живущіе около станціи Аллахъ-Юнскій, вслѣдствіе примѣси тунгусской крови не высоки, сухощавы и малосильны.

¹⁾ Перепись такого рода не открыла, ни среди мѣстныхъ тунгусовъ, ни среди якутовъ.

Еще сильнѣе обьякутились тунгусы Вилюйскаго округа, которые совершенно забыли родной языкъ. Говоря тѣмъ же якутскимъ языкомъ, а во многихъ случаяхъ и ведя тотъ же образъ жизни, они болѣе другихъ тунгусовъ близки къ якутамъ и вслѣдствіе этого еще чаще вступаютъ во взаимные браки другъ съ другомъ. Но пока всѣ подобныя лица, происходяція по мужской линіи отъ тунгусовъ, оффиціально считаются таковыми, кромѣ тѣхъ небольшихъ ихъ группъ, которыя, причислившись къ извѣстнымъ якутскимъ родамъ, стали и оффиціально считаться якутами, какъ, съ другой стороны, отдѣльныя семьи якутовъ, войдя въ составъ какого-нибудь родоваго управленія или управы тунгусовъ, этимъ самымъ становились въ документахъ тунгусами, оставаясь по существу тѣми же якутами, какими они были раньше. О такихъ тунгусахъ, якутскаго склада тѣла упоминаетъ на сѣверѣ Вилюйскаго округа Кларкъ. Онъ рисуетъ ихъ тучными, неповоротливыми, не отличающимися отъ настоящихъ якутовъ, ни по нравамъ, ни по обычаямъ, ни одеждой, ни языкомъ, ни, наконецъ, по занятію — разведеніе коней и рогатаго скота. Ему удалось узнать о нихъ, что они считаютъ себя потомками якутовъ, бѣжавшихъ сюда съ береговъ Лены еще до (?) занятія края русскими ¹⁾. Это сообщеніе Кларка можетъ относиться напр. къ Чордунцамъ переписи, имя которыхъ, одноименное съ соотвѣтствующимъ якутскимъ родомъ, вовсе не встрѣчается среди коренныхъ тунгусскихъ родовъ ревизій (см. ниже).

Совершенно закончившійся процессъ обьякутѣнія тунгусовъ мы имѣемъ на крайнемъ сѣверо-западѣ тунгусской области. Здѣсь два изъ тунгусскихъ родовъ съ береговъ средней Лены — Долганскій и Жиганскій, убѣгая отъ притѣсненій со стороны казаковъ на западъ, первый въ XVIII ст., второй повидимому въ концѣ XVIII или началѣ XIX ст. достигли Туруханскаго края, гдѣ и осѣли окончательно (см. V гл.). Движеніе это отъ Лены до Хатанги совершалось этапами, продолжаясь въ общей сложности цѣлыя десятки лѣтъ. Уже во время этого передвиженія по Вилюйскому округу эти тунгусы, въ средѣ которыхъ вѣроятно были

¹⁾ Кларкъ: „Вилюйскъ и его округъ“ („Зап. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. О.“, 1864 г., VII, 91 сл.). Разселеніе якутовъ по Вилюйскому и другимъ округамъ изъ Якутскаго округа имѣло мѣсто, по всему судя, въ началѣ XVII ст. (см. стр. 13).

и осколки якутскихъ родовъ съ береговъ Лены, повидимому успѣли отчасти подпасть вліянію якутовъ, но на своей новой родинѣ они окончательно перемѣшались съ давно водворившимися тамъ якутами такъ называемаго Затундринскаго рода. Ихъ происхожденіе съ береговъ Лены не только засвидѣтельствовано историческими актами, но и ихъ преданіями, согласно которымъ они считаютъ себя уроженцами «Олейской стороны», вѣроятно подразумѣвая подъ этимъ свой промежуточный этапъ на берегахъ Оленека, а также названіемъ, которые имъ даютъ русскіе — Дзиганская орда, напомиающимъ объ ихъ происхожденіи изъ окрестностей Жиганска ¹⁾. Въ настоящее время тунгусы Долганскаго рода — такъ они называются во всѣхъ прежнихъ оффиціальныхъ актахъ — или какъ ихъ нынѣ называютъ въ краѣ — *долгане* настолько ассимилировались съ якутами и физически и по своимъ духовнымъ проявленіямъ — они имѣютъ по б. ч. якутскій типъ, говорятъ по якутски и ведутъ якутскій образъ жизни, что большинство изслѣдователей края болѣе склонны причислять ихъ къ якутамъ. Тунгусы Жиганскаго рода тоже на $\frac{3}{4}$ обьякутились. Изъ другихъ тунгусскихъ родовъ Туруханскаго края подпала вліянію якутовъ лишь Боганидскій родъ, не говоря о немногочисленныхъ Чордунцахъ и Бетюнцахъ, выходцахъ изъ Вилюйскаго округа, которые можетъ быть лишь по имени тунгусы.

Напротивъ, въ Удской округѣ, на крайнемъ востокѣ распространенія якутовъ, сравнительно небольшія группы этого племени, окруженныя многочисленными тунгусами и подобно имъ ведущія бродячую жизнь, отчасти подверглись ихъ культурному вліянію и примкнули къ нимъ: они заключаютъ съ ними частые браки, а ихъ Жерскій родъ (собств. наслегъ) здѣсь на $\frac{2}{3}$ говоритъ по тунгусски. Впрочемъ, спѣшимъ оговориться, что и въ предѣлахъ этого округа, гдѣ якуты живутъ осѣдло (ур. Чумукань, Бурукань, Нелькань, остр. Удскій и т. д.) и гдѣ ихъ

¹⁾ Сами долгане называютъ себя, по Миддендорфу, *Vyhhigādjadj*, имя которое Майновъ (I. с., 76) сопоставляетъ съ I и II Быджигаджинскими наслегами сѣверной части Намскаго улуса (Якут. окр.) якутовъ. Онъ полагаетъ, что долгане происходятъ изъ этой мѣстности, которая однако лежитъ значительно южнѣ широты Жиганска, откуда безъ сомнѣнія происходятъ долгане (Жиганскій острогъ былъ построенъ среди тунгусовъ Долганскаго и Жиганскаго родовъ). Вѣрнѣе предположить, что изъ упомянутой мѣстности вышли тѣ якуты, которые во время бѣгства тунгусовъ двухъ названныхъ родовъ на западъ присоединились къ нимъ.

число относительно других національностей велико, они вполне сохранили и свой языкъ и свой образъ жизни.

То же явление ассимиляции обоихъ названныхъ племенъ происходитъ и на сѣверѣ сосѣдней Амурской области, гдѣ въ тайгѣ среди тунгусовъ проживаютъ якуты, преимущественно мужчины, какъ и далѣе на сѣверѣ, въ гористой части южной полосы Якутскаго округа, всюду, гдѣ эти два племени живутъ близко другъ къ другу, причемъ по Амгѣ Майнову удалось наблюдать у тунгусовъ якутскій и русскій типы (последній объясняется близостью дер. Амгинской).

Итакъ, обѣ эти національности культурно и физически вліяютъ другъ на друга почти на всемъ протяженіи Вост. Сибири, причемъ якуты, какъ племя болѣе культурное, подчиняетъ себѣ тунгусовъ духовно и, будучи значительно болѣе многочисленнымъ, имѣетъ перевѣсъ и въ физическомъ воздѣйствіи ихъ другъ на друга. Извѣстнымъ, правда чисто внѣшнимъ, тормазомъ для окончательнаго поглощенія тунгусовъ нѣкоторыхъ мѣстностей якутами служить память объ ихъ принадлежности къ другому племени; такимъ образомъ, нынѣ и вполне объякутившіеся тунгусы считаются официально тунгусами, хотя и по языку, и по образу жизни, примкнули къ якутамъ и отчасти по типу напоминаютъ якутовъ.

Столь же невыгоднымъ для тунгусской національности оказывается и сліяніе этого племени съ *бурятами*, которые, имѣя болѣе характерные физическіе признаки, при взаимныхъ бракахъ въ большей степени вліяютъ на тунгусовъ, чѣмъ послѣдніе на бурятъ. Да и въ культурномъ отношеніи тунгусы всюду уступаютъ и подчиняются болѣе высокой культурѣ своихъ сосѣдей. Всюду, гдѣ эти народности сталкиваются въ мѣстностяхъ, удобныхъ для кочеваго хозяйства, тунгусы быстро утрачиваютъ свой языкъ, свою языческую религію и свой образъ жизни, ассимилируясь съ бурятами и духовно и физически.

Это культурное воздѣйствіе бурятъ на тунгусовъ началось уже нѣсколько столѣтій тому назадъ, съ тѣхъ поръ, какъ тунгусы начали переходить отъ образа жизни охотниковъ къ скотоводству т. е. еще до середины XVII ст., такъ какъ русскіе казаки, пробравшіеся въ это время въ Забайкальскую область, застали тамъ уже «конныхъ» тунгусовъ.

Когда вслѣдъ затѣмъ часть тунгусовъ съ кн. Гантимуромъ во главѣ выселилась въ Манчжурію, сліяніе ихъ съ монгольскими и съ омонголившимися тунгусскими племенами не прекращалось и тамъ и продолжалось по возвращеніи тунгусовъ на берега Шилки и Ингоды вплоть до полного сліянія многихъ группъ тунгусовъ съ бурятами. Въ настоящее время въ Забайкальской области очень много обурятившихся тунгусовъ, которые мѣстами ничѣмъ не отличаются отъ природныхъ бурятовъ, развѣ только своимъ еще не вполне бурятскимъ складомъ лица и болѣе подвижнымъ характеромъ. Къ обурятившимся тунгусамъ принадлежатъ почти всѣ тунгусы управъ Онгоцонской и Кужертаевской и часть управъ Маньковской и Шундуинской южной полосы Читинскаго округа, далѣе тунгусы Селенгинскаго и отчасти Баргузинскаго округовъ и почти всѣ Акшинскіе казаки-инородцы. Въ остальныхъ мѣстахъ воздѣйствіе бурятовъ на тунгусовъ значительно слабѣе потому что тамъ между обоими племенами поселились русскіе, составляющіе мѣстами весьма многочисленное населеніе, которое, имѣя преимущества въ культурномъ и физическомъ отношеніи, подчиняютъ своему вліянію и ассимилируютъ и тѣхъ и другихъ.

Значительно менѣе культурное и физическое воздѣйствіе бурятовъ на бродячихъ тунгусовъ-звѣролововъ, которые болѣе соприкасаются съ русскими, хотя и послѣдніе, охотясь съ бурятами въ однихъ районахъ, иногда вступаютъ съ ними въ браки.

Изъ остальныхъ народностей Сибири тунгусы больше всего смѣшались съ *юкагирами*. Мѣстами они ихъ подчинили своему вліянію, мѣстами же ассимилировались съ ними. Это показываетъ, насколько тунгусское племя вообще податливо и слабо въ духовномъ отношеніи, потому что не подлежитъ сомнѣнію, что юкагиры и въ физическомъ и культурномъ отношеніи являются племенемъ, стоящимъ на болѣе низкомъ уровнѣ, чѣмъ тунгусы.

Изъ четырехъ бродячихъ родовъ тундры между низовьями Колымы и Индигирки, говорящихъ на тундренномъ юкагирскомъ нарѣчій, два чисто юкагирскіе и два слѣдуютъ признать тунгусскими (ламутскими), именно II Каменно-Ламутскій или Ходейджиль, пришедшій на берега Алазеи съ восточного, гористаго, берега Колымы, и Бетильскій, происходящій по

преданію съ Якутской стороны. Эти тунгусы не только усвоили совершенно чуждый имъ языкъ, но и называютъ себя именемъ «одуль», которое себѣ даютъ юкагиры, къ которымъ эти тунгусы примкнули и по своему образу жизни и по своимъ вѣрованіямъ. По физическому же типу не только эти объюкагирившіе тунгусы, но и оба названные юкагирскіе рода тундры, которые отъ нихъ впрочемъ нынѣ ничѣмъ не отличаются, болѣе напоминаютъ настоящихъ тунгусовъ, вліяніе которыхъ отозвалось и на ихъ брачныхъ обрядахъ (ср. I, стр. 61).

Напротивъ, къ западу отъ Индигирки юкагиры въ свою очередь сильнѣе подпали подъ вліяніе ламутовъ и усвоили ихъ языкъ, хотя и тамъ вѣрованія носятъ болѣе юкагирскій характеръ; еще недавно въ иныхъ мѣстностяхъ существовало поклоненіе черепу убитыхъ родоначальниковъ (Юхельсонъ). Еще далѣе на западъ, въ районѣ р. Яны, обламутившіе было юкагиры вмѣстѣ съ ними смѣшались съ якутами, языкъ которыхъ знаютъ и бродячіе роды между Индигиркой и Колымой, хотя въ браки съ ними якуты обыкновенно и не вступаютъ. Съ теченіемъ времени подобные инородцы могутъ окончательно объякутиться, мало измѣнившись физически и составить особую антропологическую группу якутовъ, какая и въ дѣйствительности существуетъ именно въ этихъ краяхъ. Такъ, по наблюденіямъ Сѣрошевскаго, сѣверные якуты въ общемъ замѣтно отличаются по своимъ соматическимъ признакамъ отъ южныхъ: они меньше ихъ ростомъ, болѣе худощавы, имѣютъ болѣе плоскую мускулатуру лица, меньшіе размѣры глазъ при болѣе косомъ ихъ разрѣзѣ. Онъ приписываетъ эти измѣненія въ физическомъ типѣ якутовъ примѣси тунгусской крови, но, по всему вѣроятію, здѣсь дѣло не ограничивается одной примѣсью чужой крови; весьма вѣроятно, что главную массу этихъ низкорослыхъ сѣверныхъ якутовъ представляютъ объякутившіеся потомки сѣверныхъ племенъ. Какія это племена съ достовѣрностью утверждать нельзя; мы правда можемъ назвать юкагировъ и тунгусовъ, можетъ быть и чуванцевъ, племена, которыя безъ сомнѣнія имѣли значительное вліяніе на перерожденіе мѣстнаго якутскаго типа, но и сами сѣверные тунгусы не признаются многими изслѣдователями болѣе или менѣе чистою расою, но тунгусами, сильно измѣнившимися, благодаря скрещиванію съ малорослыми сѣверными, вѣроятно

палэазійскімі, племенамі ілі даже прамі народнасьцімі сьвернаго тыпа, денаціоналізаванымі тунгусскім племенемъ.

Таковы же взаимныя въздѣйствія тунгусовъ и юкагировъ и въ бассейнѣ средней Колымы (по р. Ясачной) и Омолону (по р. Коркодону), причемъ здѣсь преобладаніе элементовъ того или другого племени находится въ зависимости отъ численности его представителей въ данной мѣстности. Въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что взаимное физическое и культурное вліяніе обоихъ племенъ другъ на друга въ сьверо-восточной части Колымскаго округа весьма сильно, причемъ оба эти племени, постоянно вступаая между собою въ брачныя союзы, въ значительной степени измѣнили свой физическій типъ, приблизившись другъ другу. Особенно сильно подобныя скрещиванія совершались въ прежнее время, когда во всемъ районѣ отъ губы Боръ-Хая на западѣ до р. Чауна на востокѣ юкагирскій элементъ рѣшительно господствовалъ надъ другими, причемъ тогда совершались смѣшенія съ выгодой для юкагировъ. Но, съ теченіемъ времени юкагиры стали вымирать и нынѣ почти исчезли, между тѣмъ какъ тоже уменьшившіеся въ числѣ тунгусы получили приращеніе въ видѣ притока новыхъ группъ этихъ инородцевъ изъ другихъ мѣстностей. Но и тунгусскій элементъ не оказался здѣсь очень прочнымъ: начавъ было брать перевѣсъ надъ юкагирскимъ, онъ въ свою очередь долженъ былъ уступить свое мѣсто болѣе сильному, благодаря численности и культурѣ, вліянію якутовъ, которые медленно, но вѣрно, объякучиваютъ всѣ племена Якутской области. Въ настоящее время это вліяніе рѣшительно преобладаетъ на всемъ сьверѣ Сибири отъ р. Хатанги на западѣ до р. Колымы на востокѣ, причемъ въ послѣднее время якутскій языкъ сталъ проникать и къ востоку отъ только что названной рѣки, предшествуая, такимъ образомъ, поступательному движенію якутскаго племени въ названномъ направленіи.

Результатомъ взаимодѣйствія тунгусовъ и *самоѣдовъ* или, какъ полагаетъ Миддендорфъ, полнаго физическаго и культурнаго превращенія группы тунгусовъ въ самоѣдовъ, является самоѣдскій Вадѣевскій родъ Туруханскаго края (177 д.), называющій себя Аси и кочующій, по даннымъ переписи, по притоку р. Хеты Боганидѣ. Если предположеніе о тунгусскомъ происхожденіи Вадѣевскихъ самоѣдовъ справедливо, то здѣсь имѣеть мѣсто столь же полное превращеніе тунгусовъ въ

чуждыхъ имъ самоѣдовъ, какъ и тунгусовъ Долганскаго и Жиганскаго родовъ того же Туруханскаго края въ якутовъ. Дѣйствительно, Валѣевскіе самоѣды ни по образу жизни, ни по своему типу не отличаются отъ сосѣднихъ чистокровныхъ самоѣдскихъ родовъ, причемъ самоѣдскія черты лица особенно рѣзко выдѣляются у молодыхъ дѣвушекъ.

Тунгусы вступаютъ въ брачныя союзы и въ отдѣльныхъ случаяхъ ассимилируются и съ другими Сибирскими племенами—съ чукчами, коряками и т. д., но эти взаимодѣйствія носятъ скорѣе мѣстный характеръ и ограничиваются по большей части единичными случаями, въ виду чего большаго интереса для насъ не представляютъ.

Въ восточной тундрѣ Колымскаго округа небольшая часть ламутовъ держится около *чукчей* и находится отъ нихъ въ экономической зависимости: многіе изъ этихъ и другихъ тунгусовъ и ламутовъ живутъ у чукчей въ работникахъ и пасутъ ихъ стада оленей. При этихъ условіяхъ конечно происходятъ частыя смѣшенія между обоими племенами, причемъ отъ нихъ въ общемъ болѣе выигрываютъ чукчи, которые охотно берутъ въ жены ламутокъ и ламуто-юкагирокъ, хотя неохотно даютъ имъ своихъ дочерей въ замужество, такъ что чукотскій элементъ мало вліяетъ на измѣненіе физическаго типа тунгусовъ. Нерѣдки случаи взаимныхъ браковъ и у тунгусовъ и чукчей, кочующихъ рядомъ по правымъ притокамъ Омолона (см. I, стр. 58), въ Гижигинской и Анадырской округахъ, а также съ коряками Гижигинской и Петропавловской округъ. Дѣти, происшедшія отъ подобныхъ перекрестныхъ браковъ, часто оказываются двуязычными, а въ отдѣльныхъ случаяхъ тунгусы, проживающіе въ чукотскихъ и коряцкихъ стойбищахъ, окончательно присоединяются къ этимъ племенамъ.

Мы ограничимся этими данными. Изъ вышеизложеннаго ясно, на сколько разнородны и разнохарактерны тѣ виды смѣшеній и ассимиляціи, которымъ на протяженіи обширной площади Восточной Сибири подвергаются многочисленныя населяющія ее племена, въ томъ числѣ на первомъ мѣстѣ тунгусы, для которыхъ родиной являются почти всѣ ея районы. Эти данныя намъ въ тоже время показываютъ, на сколько въ настоящее время трудно судить, къ какому племени слѣдуетъ отнести тѣхъ или другихъ инородцевъ нѣкоторыхъ мѣстностей Сибири, которые могли заимствовать отъ однихъ племенъ

свой образъ жизни и языкъ, отъ другихъ получить часть своихъ характерныхъ физическихъ особенностей, сохранивъ отъ коренного племени его міросозерцаніе и вѣрованія.

Такіе инородцы собственно не принадлежатъ ни къ какому отдѣльному племени, а представляютъ результатъ культурнаго и физическаго взаимодействія другъ на друга нѣсколькихъ племенъ, причемъ оффиціально они обыкновенно считаются относящимися къ тому племени, къ каковому они принадлежали въ XVII ст., во время покоренія страны русскими. Напомнимъ, что лишь благодаря этому обстоятельству мы въ настоящее время имѣемъ въ рукахъ прекрасный матеріалъ для сужденія о ходѣ и направленіи прироста населенія этихъ инородцевъ. Но, не смотря на то, что эти оффиціальныя названія племенъ имѣютъ большой научный интересъ, являясь такъ сказать документальной родословной цѣлой группы населенія, они часто стоятъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчій съ дѣйствительностью—выше мы видѣли, что свыше половины нынѣшнихъ тунгусовъ и по своему языку и по своему образу жизни и религіи гораздо ближе стоятъ къ русскимъ, якутамъ и бурятамъ, чѣмъ къ настоящимъ бродячимъ тунгусамъ, и, если бы намъ пришлось руководствоваться реальными признаками, хотя бы языкомъ, то ихъ бы слѣдовало присоединить къ вышеуказаннымъ народностямъ.

ГЛАВА V.

Р о д ы.

Роды тунгусовъ (по Георги—*тагаунъ*) и другихъ алтайскихъ племенъ происходятъ въ большинствѣ случаевъ отъ разросшейся семьи. Состоя въ виду этого въ извѣстныхъ родственныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, члены подобныхъ родовыхъ союзовъ избѣгаютъ вступать между собою въ браки. Каждый родъ управлялся въ прежнее время старѣйшимъ или князькомъ (по Г.—*даруга*), званіе котораго было наследственно, но съ середины XVIII ст. и даже раньше русское законодательство стало вводить среди инородцевъ выборныхъ родовыхъ старшинъ, впослѣдствіи избиравшихся на 3 года. Такимъ образомъ, еще въ 1728 г. графъ Рагузинскій преподаль пограничнымъ дозорщикамъ наблюдать «дабы каждаго рода улусные люди жили подъ вѣдѣніемъ своихъ начальниковъ и были-бъ у оныхъ начальниковъ во всякой послушности» и чтобы «между родами такихъ не было-бъ, за которыхъ безъ начальниковъ некому отвѣтствовать». Изъ послѣднихъ словъ видно, что русское правительство, озабоченное правильнымъ поступленіемъ ясака съ инородцевъ, этимъ путемъ стремилось создать себѣ въ ихъ средѣ послушныхъ и вѣрныхъ агентовъ. Въ тѣ отдаленныя времена переходъ изъ одного рода въ другой былъ запрещенъ ¹⁾. У нѣкоторыхъ тунгусскихъ родовъ Забайкалья имѣлись кромѣ князьковъ (*тайша, тоянъ*) еще нѣсколько *зайсановъ* или нисшихъ представителей, избиравшихся изъ семействъ благороднаго званія (*отериканъ*) ²⁾.

Но, какъ мы увидимъ ниже, далеко не всѣ нынѣшніе тунгусскіе и вообще инородческіе роды представляютъ изъ себя

¹⁾ Куломзинъ, I. с., V, 82.

²⁾ Georgi. I. с., I, 242.—Слова: „даруга, тайша и зайсанъ“ монгольскаго происхожденія. Относительно „отериканъ, отриканъ“ ср. тунг. „отрыканъ, атриканъ“—старый (Кастр.) и „атырконъ“—мужъ (мужчина?) (см. 3 гр. образцевъ тунгусскихъ нарѣчій въ приложеніи къ III вып.)

группы лицъ, дѣйствительно связанныхъ между собою родствомъ. Во многихъ случаяхъ родъ является искусственнымъ образованіемъ, вызваннымъ къ жизни ради фискальныхъ и другихъ цѣлей нашими законами и мѣстными властями. Мѣстами извѣстныя группы инородцевъ именуются, то «ордой», то «родомъ», въ зависимости отъ численности ихъ членовъ; такимъ образомъ, группа тунгусовъ, самоѣдовъ и др. въ свыше 100 м. д. называется иногда, по Миддендорфу, «ордой», если она довольно многочисленна, и «родомъ» при менѣе значительномъ числѣ ея членовъ ¹⁾). Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ говорить о тунгусскомъ родѣ вообще, подразумѣвая подъ этимъ терминомъ главнымъ образомъ коренные роды, но также и искусственные.

Что касается до наименованія тунгусскихъ родовъ, то народная фантазія считаетъ ихъ предковъ или родоначальниковъ отъ имени которыхъ она производитъ ихъ наименованія, либо знаменитыми князьками, либо славными богатырями. Кн. Костровъ полагаетъ, что таково происхожденіе названій слѣдующихъ тунгусскихъ родовъ Енисейскаго округа: Куркугирскаго, Чемдальскаго, Чапогирскаго и другихъ. Мы же сюда можемъ присоединить цѣлый сонмъ другихъ родовъ изъ остальныхъ областей Сибири, каковы Киндыгирскій, Баягирскій, Никагирскій, Луникерскій, Вакасильскій, Лалыгирскій и т. д., которые, судя по всему, производятъ свои наименованія отъ собственныхъ именъ извѣстныхъ лицъ.

Небольшая часть родовъ тунгусовъ производитъ свои имена отъ географическихъ названій урочищъ и главнымъ образомъ рѣкъ мѣстностей, гдѣ они первоначально жили. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ себѣ дали вѣроятно сами инородцы, но большая часть изъ нихъ, по всему судя, русскаго происхожденія. Искусственно создавая роды тамъ, гдѣ у инородцевъ они или не существовали, или были слишкомъ мелки, русскіе называли ихъ именами рѣчекъ, по которымъ кочевали эти группы инородцевъ. Такимъ образомъ, ясачныя коммиссіи создали названія родовъ: Илимпейскаго, Каменскаго, Питско-Варагонскаго и др. въ Енисейской губерніи, заимствовавъ ихъ отъ наименованій мѣстныхъ рѣкъ, Яравнинскаго и Телембинскаго отъ названій озеръ Забайкальской области, Мало-Бѣльскаго отъ названія рѣчки въ Иркутскомъ округѣ и т. д.

¹⁾ Sibirische Reise, IV, 1398.

Нѣкоторые роды носятъ даже русскія собственныя имена— Мальцевскій, Нироновъ, Давыдкинъ и т. д. Эти наименованія относятся къ сравнительно недавнему времени и по большей части не встрѣчаются у авторовъ XVIII стол. Они безъ сомнѣнія искусственнаго происхожденія, представляя изъ себя конгломератъ обрывковъ разныхъ родовъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ соединившихся въ одно цѣлое. Таковы, напр. группы тунгусовъ изъ разныхъ мѣстъ, принявшія христіанство и поселившіяся въ опредѣленной мѣстности ¹⁾. Въ отдѣльныхъ случаяхъ эти наименованія представляютъ изъ себя одну изъ главныхъ фамилій представителей извѣстнаго рода.

Отдѣльные коренные роды производятъ, наконецъ, свои имена отъ названій частей другихъ племенъ, которыя, ассимилировавшись съ тунгусами, вошли въ составъ тунгусскаго племени. Таковы Мунгальскій родъ Забайкальской области, Хоринское и Дондаконское колѣна Ламунхинскаго рода (Як. окр.) и др. Первый родъ вѣроятно происходитъ отъ монголовъ, которые въ XVII—XVIII в. неоднократно вторгались въ Забайкальскую область и о бокъ съ которыми тунгусы кн. Гантимура жили нѣкоторое время на берегахъ Науна (см. стр. 22). Хоринцы же, по всему вѣроятію, представляютъ изъ себя забредшія на сѣверъ и отунгусившіяся семейства Хоринскихъ бурятовъ. Упомянемъ къ слову, что и среди якутовъ Якутскаго округа часто встрѣчаются Хоринцы (Хоринскій р.) вѣроятно подобнаго же происхожденія. Возможно, что и Дондаконское колѣно происходитъ отъ монголо-бурятовъ.

Мы только что упомянули о *колѣнахъ* тунгусовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что роды тунгусовъ не представляютъ изъ себя однообразной и нераздѣльной единицы. Напротивъ, «мелкія подраздѣленія существуютъ въ каждомъ тунгусскомъ родѣ, соотвѣтствующемъ вслѣдствіе этого не столько якутскому роду—мельчайшей единицѣ, на которую дѣлятся якуты, сколько со-

¹⁾ Мальцевскій родъ повидимому искусственный родъ, образованный изъ осколковъ разныхъ родовъ, принявшихъ святое крещеніе. Название же его происходитъ вѣроятно отъ имени старшины Мальцева, который въ серединѣ XVIII ст. оказалъ епископу Неруновскому дѣятельное участіе при обращеніи инородцевъ Нерчинскаго округа въ христіанство. Историкъ Словцовъ, который сообщаетъ этотъ фактъ, присовокупляетъ, что именами обоихъ лицъ названы въ округѣ два селенія («Истор. Обзор. Сиб.», IV).

временному якутскому «наслегу», единиць сложной, включающей въ себя нѣсколько родовъ» ¹⁾).

Такимъ образомъ, Ламунхинскій родъ Якутскаго округа распадается на четыре племени или колѣна: Хоринское, Дондаконское, Ламунхинское и Тюясирское. О первыхъ двухъ мы сказали, а послѣдніе два представляютъ обрывки тунгусскихъ родовъ того же округа. Изъ этого видно, что даже подъ коренымъ названіемъ рода иногда кроются разнородныя группы инородцевъ-тунгусовъ, бурятовъ и т. д., вслѣдствіе какихъ-либо неизвѣстныхъ намъ причинъ соединившіяся въ одно цѣлое. Такимъ же образомъ II Белѣтскій и Шологонскій роды Кангаласскаго вѣдомства того же Якутскаго округа состоятъ каждый изъ двухъ частей, отличныхъ по своему происхожденію (см. стр. 118 сл.). Кондогирскіе тунгусы Киренскаго округа Иркутской губерніи, принимаемые нѣкоторыми учеными за одинъ родъ, распадается на 7 «участковъ» или колѣнъ: Чечогиръ, Осокеръ, Акари, Каплинъ, Очокогеръ, Павгирака и Монголи (см. ниже). Тоже наблюдается у Енисейскихъ тунгусовъ, гдѣ «колѣна» повидимому называются «ордами» (ср. I., стр. 107).

Дробятся ли однако всѣ роды на такія составныя части, какъ это утверждаетъ Майновъ, мы не беремся рѣшить, такъ какъ наши свѣдѣнія въ этомъ отношеніи довольно ограничены и касаются лишь части бродячихъ представителей этого племени. Принимая во вниманіе, что изъ названій этихъ колѣнъ и племенъ намъ извѣстны лишь весьма немногія, этимъ путемъ можно въ отдѣльныхъ случаяхъ объяснить, почему мы такъ часто не можемъ найти соотвѣтствія между названіями существующихъ тунгусскихъ родовъ и упоминаемыхъ у прежнихъ изслѣдователей края, которые легко могли принять колѣна за роды (ср. стр. 8—9).

Не только кочевые тунгусы, но и бродячіе охотники, по большей части имѣли прежде свои собственныя родовыя земли (по Георги—*боа*), въ которыя они не пускали постороннихъ. Въ тѣ отдаленныя времена дичи и рыбы были еще такъ много, что они вполне могли довольствоваться своими собственными владѣніями. Но уменьшеніе дичи и пушного звѣря въ лѣсахъ и захватъ русскими, якутами и бурятами значительной части прежней тунгусской территоріи вынудили многіе роды пере-

¹⁾ Майновъ, I. с., 170.

двинутся въ сторону наименьшаго давленія и наибольшаго простора. Многіе роды или части ихъ съ конца XVIII ст. перемѣнили свое мѣстожителство, занявъ кочевья и охотничьи угодья своихъ сосѣдей, частью сохранившихся по настоящее время, частью вымершихъ или передвинувшихся въ свою очередь дальше. Въ дальнѣйшемъ мы встрѣтимъ этому много примѣровъ. А это имѣло послѣдствіемъ, что въ одной и той же мѣстности нынѣ встрѣчается по большей части 2—3 и болѣе родовъ или ихъ частей, причемъ мѣстами группы инородцевъ, принадлежащихъ къ одному роду, встрѣчаются въ разныхъ районахъ, иногда не смежныхъ другъ съ другомъ, сталкиваясь въ каждомъ изъ нихъ съ представителями другихъ родовъ.

Вмѣстѣ съ этимъ съ теченіемъ времени сталъ терять свое значеніе родовой строй инородцевъ. Родовая связь ихъ, крѣпкая у тѣхъ изъ нихъ, которые и понынѣ проживаютъ въ обособленномъ районѣ, смѣшиваясь съ другими родами лишь на окраинахъ своихъ владѣній, или случайно по мѣрѣ расселенія отдѣльныхъ инородцевъ по всей территоріи округа, губерніи (области) и даже 2—3 изъ нихъ, постепенно стала ослабѣвать. Съ одной стороны, сборщики податей родовыхъ управленій стали находить крайне затруднительнымъ объѣзжать одинъ или два раза въ годъ всѣхъ своихъ плательщиковъ, разсѣянныхъ часто на огромномъ пространствѣ, чтобы собрать съ нихъ подать или ясакъ, какъ это напр. практикуется въ Забайкальской области. Несмотря на то, что они ради этого проводятъ все свое время въ разъѣздахъ, имъ и то не всегда удается разыскать всѣхъ платежныхъ членовъ своего родового общества. Съ другой стороны, отбываніе кочевыми и осѣдлыми инородцами нѣкоторыхъ натуральныхъ повинностей, которыя распределяются инородными управами между родовыми управленіями, представляютъ часто огромныя затрудненія для отдѣльныхъ частей родовъ, проживающихъ вдали отъ родного пепелища: иной разъ инородцу приходится чинить участокъ дороги за нѣсколько сотъ верстъ отъ своего настоящаго мѣста пребыванія, хотя части дороги, находящіяся вблизи этого послѣдняго, исправляются тоже лицами, прибывшими издалека. Въ виду этихъ и тому подобныхъ неудобствъ многіе инородцы стали стремиться освободиться отъ тягостной для себя опеки

родовыхъ управленій и сгруппировываться въ территориальныя общины. Такъ, напр., многіе поступили при разверсткѣ участковъ междудворной гоньбы, которая нынѣ уже отбывается инородцами Забайкальской области по «булукамъ» (т. е. группами лицъ, связанныхъ единствомъ владѣнія) или по общинамъ, которыя состоятъ изъ инородцевъ, имѣющихъ стойбища въ нѣсколькихъ сосѣднихъ другъ другу урочищахъ. Многіе инородцы пошли дальше этого и стали перечисляться изъ одного родового управленія въ другое. Изслѣдованіемъ Забайкальской области въ 1897 г. точно установлено, что разложеніе рода со времени 1840 года ¹⁾ значительно подвинулось впередъ и что болѣе или менѣе прочная родовая связь сохранилась до настоящаго времени только въ $\frac{1}{6}$ части всѣхъ инородческихъ общинъ Забайкальской области и то почти исключительно у бурятъ, между тѣмъ какъ у тунгусовъ, у которыхъ въ 1840 г. улусы со смѣшаннымъ составомъ населенія составляли меньшинство (3 изъ 28 улусовъ), нынѣ почти не сохранилось общинъ и мало отдѣльныхъ улусовъ съ однороднымъ составомъ населенія.

Такимъ образомъ, кочевой родъ мало-по-малу совершенно утратилъ характеръ кровной связи и сталъ превращаться въ чисто административную единицу, весьма не практичную во многихъ отношеніяхъ, и инородцы начали стремиться порвать съ ней всякую связь. Нынѣ «переходъ инородцевъ изъ рода въ родъ не обставляется никакими затрудненіями и практикуется въ широкихъ размѣрахъ. Изслѣдователями было зарегистрировано много случаевъ вступленія въ число членовъ бурятскаго рода тунгусовъ и въ тунгусскіе роды—бурятъ. Понятно, что при такомъ положеніи дѣла имѣвшій ранѣе мѣсто обычай, запрещающій браки между лицами, принадлежащими къ одному роду, соблюдается только въ томъ случаѣ, если дѣйствительно между желающими вступить въ бракъ «однородцами» существуетъ кровная связь» ²⁾).

Примѣры перечисленія тунгусовъ въ бурятскіе роды и даже въ управы и обратно бурятовъ въ тунгусскіе часто встрѣчаются въ данныхъ переписи и отчасти приведены въ нижеслѣдующемъ очеркѣ, посвященномъ обзору тунгусскихъ

¹⁾ „Sibirische Reise“, IV, 1398.

²⁾ „Коммиссія по изсл. и т. д.“, вып. VI, 110 сл.

родовъ Сибири ¹⁾. Изъ нихъ припомнимъ здѣсь, что буряты I и II Тыртеевскихъ родовъ изъ Селенгинск. окр. (Забайк. обл.), причисленные къ тунгусской Армакской управы, названы въ переписномъ матеріалѣ «тунгусами» (см. I, стр. 148). Такого происхожденія вѣроятно и «тунгусы» Сокалтуевского и Хоронутскаго (Харанутскаго) родовъ, говорящіе по бурятски (см. ниже). Напротивъ, немногіе (78 д.) тунгусы Кудинскаго инор. вѣдомства Иркутскаго округа, принадлежащіе къ III Харанутскому (65 д.) и II Ашехабатскому родамъ, имѣющимъ широкое распространеніе у бурятовъ того же вѣдомства, безъ сомнѣнія настоящіе тунгусы, причислившіеся къ названнымъ родамъ, но еще сохранившіе память о своемъ тунгусскомъ происхожденіи.

Нѣкоторые роды весьма многочисленны и у бурятовъ и у тунгусовъ, такъ что не даютъ возможности опредѣлить, къ какой національности они первоначально принадлежали: къ бурятамъ или тунгусамъ, тѣмъ болѣе, что огромное большинство Забайкальскихъ тунгусовъ нынѣ утратили свой родной языкъ и изъясняются частью на русскомъ, частью на бурятскомъ языкѣ. Таковы напр. роды: *Сартольскій* и *Гучитскій*. Изъ нихъ первый у бурятовъ Селенгинской степной думы дѣлится на I и II Сартольскіе роды, общая численность которыхъ равна 4.620 д. (2.234 м.). Онъ же встрѣчается и у тунгусовъ Читинскаго округа въ числѣ 410 д. (195 м.), главнымъ образомъ въ Онгоцонской инор. управѣ. *Гучитскій* (*Гочитскій*) р. тоже встрѣчается у того и другого племени. У бурятовъ Хоринскаго вѣдомства (В. Удинск. окр.) въ числѣ 2.221 д. (1.119 м.) и у тунгусовъ Кужертаевской и Онгоцонской инородныхъ управъ Урульгинской степной думы (Читинск. окр.)—205 д. (97 м.). Сравнительно большая ихъ численность среди бурятовъ наводитъ на мысль о бурятскомъ происхожденіи этихъ родовъ, тѣмъ болѣе, что большинство ихъ «тунгусскихъ» представителей въ настоящее время говорить по бурятски (а остальная часть

¹⁾ При разработкѣ однако данныхъ переписи, для составленія племенныхъ таблицъ, часть ихъ, особенно, если это касалось отдѣльныхъ лицъ, была, въ виду частыхъ ошибокъ счетчиковъ, отнесена, смотря по даннымъ переписныхъ листовъ, то къ главной массѣ представителей того же рода, но другого племени, то въ группу лицъ, не показавшихъ своего рода, какъ было поступлено и съ лицами, носившими фантастическія или искаженные до неузнаваемости названія родовъ.

по русски). Это подтверждается и тѣмъ фактомъ, что въ числѣ 11 родоначальниковъ Хоринскихъ бурятъ мы встрѣчаемъ одного, носившаго имя: *Гучитъ* ¹⁾.

Напротивъ, *Узоновъ* (*Удзоновъ*) родъ, численность котораго среди Читинскихъ тунгусовъ простирается до 2.215 д. (1.123 м.), (въ томъ числѣ 55 д. въ Акшинскомъ округѣ), а среди бурятвъ Селенгинской степной думы всего до 228 д. (99 м.), въ виду этого соображенія скорѣе тунгусскаго корня, каковымъ онъ и отмѣченъ въ переписномъ матеріалѣ перваго района, хотя происхожденіе его изъ Монголіи—онъ вмѣстѣ съ Сартоловымъ родомъ и съ другими чисто бурятскими родами переселился въ предѣлы Забайкальской области въ концѣ XVII ст., во время Элѣтскаго возстанія ²⁾— и говорить въ пользу его бурятской національности. Мы ограничимся этими примѣрами.

Другимъ характернымъ явленіемъ, которое сопутствовало ослабленію родовой связи у тунгусовъ было дробленіе ихъ родовъ. Причины этого явленія разнообразны: съ одной стороны, сильное увеличеніе въ числѣ и, съ другой—чрезмѣрное разселеніе отдѣльныхъ тунгусскихъ родовъ, нѣкоторые изъ которыхъ нынѣ проживаютъ въ 2—3 и болѣе округахъ и даже въ нѣсколькихъ областяхъ (губерніяхъ). Въ виду указанныхъ выше причинъ отдѣльнымъ родовымъ управленіямъ оказалось не подъ силу управлять слишкомъ значительной или разбредшейся на огромномъ пространствѣ группой населенія и своевременно собирать съ него подати. Есть и другія причины, побуждавшія тунгусскіе роды раздѣлиться на части, напр. II Белѣтскій родъ Якутскаго округа распался по преданію на два вслѣдствіе ссоры, происшедшей между его членами изъ-за орлиныхъ перьевъ, которыми прежде оперяли стрѣлы. Отдѣлившаяся часть стала именоваться официально III Белѣтскимъ родомъ, а сама себя называетъ Лонгорку ³⁾. Въ отдѣльныхъ случаяхъ такое дробленіе родовъ можетъ найти объясненіе въ разнохарактерномъ составѣ многихъ тунгусскихъ родовъ, распающихся, какъ мы знаемъ, на колѣна или племена. Но, судя по всему, въ большинствѣ случаевъ между новыми дробными родами и колѣнами прежняго нераздѣльнаго рода не имѣется ничего общаго.

¹⁾ Позднѣевъ, I. с. стр. 189.

²⁾ Куломзинъ, вып. VI, стр. 3 и примѣч.

³⁾ Майновъ, I. с., 174.

И вотъ подъ вліяніемъ указанныхъ выше причинъ отдѣльные роды, которые еще въ концѣ XVIII ст. и отчасти въ началѣ XIX ст. составляли одно цѣлое, стали разбиваться на 2—3 и болѣе частей, нѣкоторыя на 5—7—9 самостоятельныхъ группъ (напр. тунгусы Охотской округи Прим. обл.) обыкновенно съ отдѣльнымъ родовымъ управленіемъ, теряя при этомъ связь со своими ближайшими сородичами, образовавшими другія подобныя группы т. е. съ представителями прежняго нераздѣльнаго рода.

Первое историческое указаніе на разложеніе родового строя среди инородцевъ встрѣчается въ трудахъ «Иркутскаго Комитета о разборѣ инородцевъ» за 1824 годъ. Комитету уже въ то время приходилось удовлетворять ходатайства инородцевъ о перечисленіи изъ одного рода въ другой, и о раздѣленіи рода на двѣ независимыя одна отъ другой части ¹⁾.

Если дробленіе продолжалось дальше, то отдѣльныя группы, на которыя раздѣлился извѣстный родъ (новые роды I—II—III и т. д.), въ свою очередь разбивались на двѣ и болѣе частей, причемъ эти новыя группы, въ отличіе отъ группъ перваго порядка, именовались: «Отдѣльный отъ I—II—III и т. д... рода» или 1—2—3... Отдѣльный отъ I—II—III... рода» (см. стр. 103). Подобныя новыя роды образуютъ обыкновенно особыя стойбища, если они бродячіе, но чаще совмѣстно съ обрывками другихъ родовъ, съ которыми они проживаютъ въ одной территоріи.

Въ нижеслѣдующемъ очеркѣ мы приводимъ цифровыя и географическія данныя касательно тунгусскихъ родовъ Сибири. Гдѣ возможно, мы постарались дать указанія, является-ли данный родъ въ извѣстномъ мѣстѣ кореннымъ или пришлымъ, что имѣетъ значеніе для выясненія характера и направленія передвиженій отдѣльныхъ частей тунгусскаго племени по территоріи Сибири, а также для выясненія вопроса о вымираніи тунгусовъ, путемъ сопоставленія цифровыхъ данныхъ касательно ихъ численности въ извѣстной мѣстности или округѣ въ прежнее время съ таковыми по переписи 1897 года.

Сначала мы набросаемъ картину расселенія тунгусскихъ родовъ по отдѣльнымъ областямъ и губерніямъ Сибири, иначе говоря, дадимъ ихъ географическій и статистическій обзоръ.

¹⁾ Куломзинъ, I. с. вып. VI, стр. 109.

а въ концѣ этого обзора приведемъ перечень важнѣйшихъ изъ нихъ въ алфавитномъ порядкѣ съ указаніемъ общей численности всѣхъ ихъ представителей.

Приморская область.

Анадырская округа.

Мѣстные бродячіе тунгусы (ламуты) дѣлятся на четыре рода: *Долганскій*—189 д. (91 м.), *I Дельянскій*—253 д. (124 м.), *II Дельянскій*—105 д. (55 м.) и *Балаганчиковы*—36 д. (20 м.). У 44 лицъ (25 м.) роды не показаны.

Долганскій р. является единственнымъ безспорно мѣстнымъ родомъ и приписанъ здѣсь, остальные пришлые: *I Дельянскій р.* платитъ ясакъ въ Колымскомъ округѣ Якутской области, *II Дельянскій р.*—въ Гижигѣ. О Балаганчиковыхъ тунгусахъ, которые, судя по всему, оказываются не родомъ, а частью тунгусовъ, названною такъ по какому-нибудь урочищу, ничего не извѣстно, но весьма вѣроятно, что и они пришлые.

По «Свѣдѣнію объ ясакѣ, взимаемомъ съ инородцевъ сѣверныхъ округъ Приморской области, за 1900 г.» въ данной округѣ числится 21 платежная душа тунгусовъ, изъ коихъ 15 принадлежатъ Дельянскому роду и 6 д. «Ламутскому». Эти данныя можетъ быть относятся лишь къ осѣдлому ламутскому населенію, проживающему по Анадыри, принадлежность котораго къ отдѣльнымъ родамъ намъ не извѣстна.

Гижигинская округа.

Преобладающими родами здѣсь являются *I Долганскій*—634 д. (312 м.), *II Долганскій* 174 д. (93 м.), *I Уяганскій*—631 д. (312 м.), *II Уяганскій*—104 д. (48 м.) и *Доканскіе*. Послѣднихъ по переписи три рода: *I Доканскій*—9 д. (6 м.), *II Доканскій*—115 д. (61 м.) и *Охотско-Доканскій*—120 д. (54 м.), можетъ быть идентичный съ *I Д.* родомъ. По вышеприведенному «Свѣдѣнію» изъ Доканскихъ родовъ значится всего одинъ Охотско-Доканскій р. въ 41 пл. д. Кромѣ того здѣсь встрѣчается обрывокъ *Дельянскаго*

(Деллянскаго) рода въ 4 д. (2 м.); остальные 20 д. (4 м.) своего рода не показали.

Представители этихъ родовъ не имѣютъ своихъ самостоятельныхъ кочевій, но въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ встрѣчаются тунгусы разныхъ родовъ, хотя въ каждой мѣстности 1, 2 или 3 являются преобладающими. Такимъ образомъ, *I Долганскій* р. составляетъ все тунгусское населеніе по р. Ахваэмъ (прит. Гижиги), въ верховьяхъ р. Парень (76 д.) и по Омолону (Кол. окр.). Многочисленъ онъ также по р. Пальматкѣ (116 д.), Гижигѣ, въ верховьяхъ Вархалама (274 д.) и ок. сел. Наяхонскаго (53 д.); *II Долганскій* встрѣчается почти лишь въ только что названной мѣстности (167 д.), гдѣ показано мѣстопробываніе и *Охотско-Доканскаго* рода (120 д.). *I* и *II Доканскіе* роды отмѣчены лишь въ верховьяхъ р. Вархалама (*II*—115 д.). Здѣсь же много и тунгусовъ родовъ *Уяганскихъ* (*I*—182 д.; *II*—32 д.). Главная масса *I* Уяганскаго р. была зарегистрирована въ стб. у сел. Наяхонъ, гдѣ онъ въ числѣ 368 д. составлялъ половину всѣхъ тунгусовъ, кромѣ того *I* и *II* Уяганскіе роды встрѣчаются по рр. Пальматкѣ и Гижигѣ.

Подводя итоги отдѣльнымъ группамъ родовъ, носящимъ одно и тоже названіе, мы получимъ слѣдующія цифровыя данныя: въ двухъ Долганскихъ родахъ—808 д. (405 м.), въ Доканскихъ—244 д. (121 м.), въ двухъ Уяганскихъ—735 д. (360 м.) и остальныхъ, считая въ т. ч. 1 ж. ламутку—25 д. (6 м.).

Петропавловская округа.

Тунгусы данной округи подраздѣляются на роды Долганскіе и Уяганскіе, которые въ однѣхъ мѣстностяхъ, именно по рч. Харицовой и въ хребтахъ по рч. Чананъ, въ переписи названы «ламутами», а въ остальныхъ—«тунгусами». У *Долганскаго* р. — 229 д. (119 м.), названнаго здѣсь также *Дулганскимъ*, лишь у 77 д. ламутовъ показано подраздѣленіе—*I* Д. р. *Уяганскихъ* родовъ два: безъ указанія категоріи, вѣроятно *I*—51 д. (25 м.) и *II*—170 д. (87 м.), изъ коихъ 33 д. ламутовъ. Сверхъ того у 12 д. (6 м.) не показанъ родъ. Всѣ тунгусы данной округи

являются позднѣйшими переселенцами. До 1830 г. ихъ вовсе не было въ Камчаткѣ, а послѣ, главнымъ образомъ съ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія, они постепенно стали перебираться въ названную округу преимущественно изъ Гижигинской округи гдѣ часть ихъ и приписана. Платежныхъ душъ у нихъ въ данной округѣ въ 1900 г. числилось 46. Определенныхъ районовъ отдѣльные роды на Камчаткѣ не имѣютъ, а встрѣчаются всѣ въ перемѣшку во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ были застигнуты тунгусы (см. I., стр. 32 сл.); замѣтимъ лишь, что по р. Чавичьѣ преобладаетъ II Уяганскій р. (102 д.).

Охотская округа.

Данная округа отличается большимъ количествомъ родовъ и еще большимъ числомъ подраздѣленій послѣднихъ. Георги за 1766 г. опредѣляетъ число родовъ въ 27, присовокупляя, что кромѣ нихъ въ округѣ встрѣчаются еще не принадлежащія къ этимъ родамъ многочисленныя орды тунгусовъ, состоящія изъ немногихъ лицъ («viele kleine Truppe, die zu keinem Geschlechte gezählt werden») ¹⁾.

Слѣдующая таблица показываетъ, на основаніи данныхъ переписи, численность отдѣльныхъ родовыхъ группъ, которыя въ послѣдствіе распались на нѣсколько частей.

ТАБЛИЦА II.

	населеніе об. п.	въ т. ч. м. п.
6 Годниканскихъ родовъ (I, II, II Оймьякон- скій, 1, 3, 5 Отдѣл. Г. р.)	460	241
2 Горбиканскихъ рода (I, II)	250	137
2 Деллянскихъ рода (Делл., Отд. отъ Д.)	390	184
6 Долганскихъ родовъ (I, II, III, IV, V, VI)	1220	585
3 Келлярскихъ рода (I, III, IV)	351	190
7 Уяганскихъ родовъ (I, IV, V, 1 Отд. отъ VI У. р., VII, IX, X)	787	399
Мямяльскій р.	54	30
Индигирскій (Кукуирскій) р.	50	28
Осѣдлые тунгусы	187	98

¹⁾ „Bemerk. e. Reise im russ. Reiche“, I, 244.

Какъ видно изъ этой таблички, не всѣ подраздѣленія родовъ были отмѣчены переписью въ данной округѣ; такъ, среди *Уяганскихъ* родовъ не хватаетъ II, III, VI и VIII, между *Келлярскими*—II, между *Годниканскими*—2 и 4 Отдѣльныхъ Годниканскихъ родовъ и т. д. Въ виду того, что эти недостающія категоріи родовъ не были зарегистрированы и въ другихъ округахъ, слѣдуетъ признать, что онѣ или вымерли или присоединились къ другимъ группамъ. Интересно отмѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ еще понынѣ фигурируютъ въ податныхъ листахъ (см. стр. 100), гдѣ напр. изъ *Уяганскихъ* вмѣсто 7 родовъ переписи встрѣчаются 14 родовъ, именно I, II, III, Отдѣльный отъ III-го, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, 1 Отд. отъ VII; 2 Отд. отъ VII, Отд. отъ X, причемъ у послѣднихъ трехъ не показано число платежныхъ душъ, вѣроятно потому, что они вымерли. Все же въ этомъ перечнѣ родовъ оказывается семь не упоминаемыхъ въ переписи. Годниканскихъ родовъ въ означенномъ спискѣ показано 8 вмѣсто 6; новыми въ этомъ случаѣ оказываются роды III, IV Годниканскіе, 2 и 4 Отдѣл. Годниканскіе, причемъ у послѣднихъ трехъ не показаны платежныя души. Среди *Келлярскихъ* родовъ и здѣсь не достааетъ II, а имѣется новый: Отд. отъ К. р. и т. д.

Отдѣльные роды и здѣсь не строго придерживаются опредѣленныхъ мѣстностей, но кочуютъ по большей части совмѣстно съ другими родами, почему къ каждому стойбищу приписано нѣсколько родовъ: къ Головинскому—I Годниканскій (45 д.), 5 Отдѣльный отъ Годниканскаго (138 д.), Долганскій VI (112 д.) и Уяганскіе IX (50 д.) и X (179 д.); къ Тауйскому—IV и V Долганскіе (110 д.) и V Уяганскій (68 д.); къ Хабаровскому—Деллянскій (184 д.), II Долганскій (388 д.) и I Уяганскій (249 д.); къ Уяганскому—II Годниканскій (70 д.), II Годниканскій (Оймьяконскій) (92 д.), Отдѣльные Годниканскіе: 1 (33 д.) и 3 (82 д.), Горбиканскіе I (50 д.) и II (198 д.), Кукуирскій (18 д.), I Келлярскій (94 д.), Уяганскій VII (78 д.), 1 Отдѣльный отъ VI Уяганскаго р. (66 д.) и Мямяльскій р. (54 д.); къ Ульгинскому—Келлярскіе III (50 д.) и IV (202 д.) и Уяганскій IV (95 д.); къ Амамыче-Зыбинскому—Отд. отъ Деллянскаго (206 д.), Долганскіе I (345 д.) и III (265 д.) (см. I., стр. 31).

Мѣстопробываніе тунгусовъ отдѣльныхъ родовъ намъ не

известно. Относительно Уяганцевъ д-ръ Слюнинъ сообщаетъ слѣдующее: «Вся пустынная долина Кавы, какъ и морское побережье отъ сел. Инского до Тауйской бухты, лѣтомъ оживляется прикочевывающими съ Колымскаго хребта тунгусами Уягинскаго рода, которые запасаютъ здѣсь нерпичій жиръ и рыбное продовольствіе, часть котораго всегда оставляютъ для будущей весны въ кладовкахъ»¹⁾.

Распаденіе упомянутыхъ родовъ на отдѣльныя части произошло не ранѣе конца XVIII ст., но главнымъ образомъ вѣроятно въ теченіе первой половины XIX ст., потому что С. Крашенинниковъ, посѣтившій этотъ край въ началѣ XVIII ст., застаётъ эти роды въ Охотской округѣ еще не раздробившимися и называетъ ихъ Горбиканскимъ, Долганскимъ, Келарскимъ и Уяганскимъ. Каждый изъ нихъ управлялся тогда своимъ князькомъ и вносилъ ясакъ въ г. Охотскѣ. Изъ этихъ родовъ Долганскіе и Уяганскіе встрѣчаются и въ смежныхъ округахъ Приморской и Якутской областей, а Горбиканскій и Келлярскій (Келарскій) отмѣчены лишь въ Охотской округѣ. О Годниканскомъ и Деллянскомъ родахъ Крашенинниковъ не упоминаетъ²⁾, можетъ быть они позже переселились сюда: Годникапскій изъ Якутскаго округа, гдѣ частью проживаютъ и понынѣ (37 д.); Деллянскій р. вѣроятно происходитъ изъ Колымскаго округа Якутской области. Изъ той же области перебравшись въ Охотскую округу и Мямальскій родъ, который и по нынѣ многочисленъ въ Якутскомъ округѣ (314 д.), а также неизвѣстный родъ изъ Верхоянскаго округа, названный въ переписи «Индибирскимъ».

У Крашенинникова упоминаются, какъ приписанные къ Охотскому острогу, еще роды *Эджанскій* (*Эжанскій*) и *Кункуирскій*. Теперь ихъ въ данной округѣ нѣтъ. Первый вѣроятно выселился на югъ, въ Удскую округу, гдѣ онъ многочисленъ, а второй исчезъ, вѣроятно вымеръ; остатокъ его можетъ быть и есть упомянутый выше Индибирскій родъ, стоянка котораго названа «Кокоюрскимъ улусомъ» (Ср. Кункуирскій родъ Верхоянскаго округа стр. 116).

Кромѣ бродячихъ тунгусовъ въ этой округѣ числится еще

¹⁾ „Охотско-Камчатскій край“, I, 440. Этотъ родъ здѣсь неправильно названъ Уягинскимъ.

²⁾ „Описаніе земли Камчатки“, 1786. Спб., II ч., стр. 290 сл. Онъ упоминаетъ о 7 родахъ бродячихъ ламутовъ, хотя поименовываетъ лишь 6. Можетъ быть седьмымъ родомъ и былъ Годниканскій.

187 д. осѣдлыхъ тунгусовъ, которые обрусѣли и вѣроятно утратили дѣленіе на роды. Около Охотска ихъ оказалось всего 9 д., а между тѣмъ въ серединѣ XVIII ст. ихъ здѣсь было много больше. Въ донесеніяхъ казаковъ за 60-ые годы XVII ст. сохранилось названіе одного рода этихъ, такъ называемыхъ, «пѣшихъ» ламутовъ — *Баянинскаго* ¹⁾. Указанный выше авторъ упоминаетъ о пяти родахъ «пѣшихъ» т. е. безъоленныхъ ламутовъ всего въ 32 платежныхъ души, которые вносили ясакъ въ Охотскѣ. Эти роды, большая часть которыхъ вѣроятно вымерла, а часть проживаетъ среди мѣстныхъ крестьянъ и осѣдлыхъ тунгусовъ, были: Ивьянскій—4 плат. души, Адганскій (Адгинскій)—12 д., Шолганскій (Сологонскій или Шологонскій р. Якутской обл.)—4 д., Уякрскій—3 д. и Нюньчинскій (Нюйчинскій)—9 д. ²⁾. Каждый изъ этихъ бродячихъ родовъ имѣлъ своего князька. Весьма характерно, что пѣшіе ламуты принадлежали къ совершенно другимъ родамъ чѣмъ бродячіе, значить они не происходятъ отъ ихъ обѣднѣвшихъ родовъ.

Упоминаемая Крашенинниковымъ 32 ясачныхъ души въ возрастѣ приблизительно отъ 18 до 50 л. могли соответствовать наличному населенію об. п. прибл. въ 100—120 душъ, а около 100 лѣтъ раньше число ихъ опредѣлялось казаками въ тысячи душъ (см. I., стр. 28 сл.). Эти 32 души являются, такимъ образомъ, жалкими остатками многочисленныхъ прежде пѣшихъ тунгусовъ, которые, несмотря на свое ничтожное число, еще въ серединѣ XVII ст. сохранили своихъ князьковъ.

Малая численность этихъ «пѣшихъ» родовъ уже въ тѣ времена, ихъ неимѣніе оленей, этого главнаго богатства ихъ бродячихъ сородичей, показываетъ, что и тогда они были очень бѣдны и часто подвергались голодовкамъ, что, въ связи съ другими неблагоприятными условіями и съ эпидеміями, безъ сомнѣнія и было причиной ихъ вымиранія. Болѣе стѣсненные въ своихъ передвиженіяхъ и, за исключеніемъ Шолганскаго рода, не имѣющіе сородичей въ другихъ мѣстахъ Сибири, эти тунгусы вѣроятно въ очень отдаленное время осѣли на Охотскомъ морѣ, являясь, такимъ образомъ, настоя-

¹⁾ Н. Слюнинъ, *ibid.*, I, 11 сл.

²⁾ Въ антропологической таблицѣ Майнова (I. с., 120) встрѣчаются еще названія родовъ тунгусовъ Охотскаго округа: Уянкорскаго (= Уякрскому Крашенинникова) и Хотнюканскаго. Въ переписномъ матеріалѣ этихъ родовъ, вѣроятно принадлежащихъ къ осѣдымъ тунгусамъ, нѣтъ.

щими коренными жителями края. Бродячіе представители этого племени по всему вѣроятію пришли сюда уже позже, значительная часть ихъ, какъ мы знаемъ, сравнительно весьма недавно, двигаясь съ востока.

У упомянутыхъ выше 187 душъ (98 м.) Охотскихъ тунгусовъ роды не показаны; изъ нихъ 180 д. (95 м.)—осѣдлые тунгусы Тауйскаго сельскаго общества, по большей части обрусѣлые и вѣроятно утратившіе родовое дѣленіе, и 7 д. (м.) принадлежащихъ къ Мѣтинскому наслегу. Перепись не открыла тунгусовъ въ дер. Инской, о которыхъ сообщаютъ болѣе ранніе источники. Обрусѣвши, они вѣроятно перечислились въ сословіе крестьянъ.

Удская округа.

Наибольшее значеніе въ данной округѣ имѣютъ роды: *Лалыгирскій*—301 д. (162 м.)¹⁾, *Бутальскій* или *Бытальскій*—440 д. (244 м.) и три рода *Эжанскихъ*, состоящіе въ общей сложности изъ 618 д. (346 м.)¹⁾. Вмѣстѣ они составляютъ 70% всѣхъ переписанныхъ въ 1897 г. тунгусовъ.

Разсмотримъ теперь географическое распространеніе отдѣльных родовъ:

Анкагирскій (*Аинкагирскій*) р.—71 д. (41 м.)¹⁾, переписанный совмѣстно съ другими родами въ урочищахъ между р. Амгунью на югѣ и Охотскимъ моремъ на сѣверѣ.

Бытальскій р., главная часть котораго была переписана въ этой же мѣстности, именно по Амгуни—101 д. (56 м.) и по ея притокамъ: Немилену—23 д. (14 м.), Керби (15 д.), Амали—14 д. (9 м.), ок. Сулука—53 д. (27 м.), по р. Тукуру—57 д. (31 м.), р. Тибилень—22 д. (13 м.) Ибуръ—37 д. (21 м.); въ ур. Чумуканъ (8 д.), по р. Каргѣ (6 д.) и т. д. Въ самой сѣверной части округа, ок. порта Аяна, ихъ было зарегистрировано 31 д. (17 м.). Сверхъ того въ предѣлахъ Амурской области кочевали по р. Буреѣ—17 д. и по

¹⁾ Во время Миддендорфа (40 годы прошл. стол.) число представителей трехъ изъ этихъ родовъ было: Лалыгирскаго въ 92 м. и 67 ж., Инкагирскаго въ 20 м. и 11 ж. и Эджанскаго 59 м. и 52 ж. По преданіямъ Инкагиры были весьма многочисленны, но ихъ впослѣдствіи истребила оспа. Вышеприведенныя цифры и Миддендорфъ въ свое время считалъ ниже дѣйствительныхъ.

Урми—16 д. представителей этого рода, записанных въ предѣлахъ Удской округи.

Жерскій р. былъ застигнутъ у мыса Чумукамъ (14 д.), въ ур. Нирянъ (21 д.), въ Удскомъ острожкѣ (26 д.), въ ур. Буруканъ (11 д.), по рч. Каргѣ (9 д.), по притокамъ Тугура (11 д.), по Амуру (8 д.) и т. д. 10 д. показали, что кочуютъ на о-вѣ Сахалинѣ (см. I, стр. 37). Всего этихъ тунгусовъ оказалось—150 д. (72 м.). Этотъ родъ представляетъ изъ себя собственно якутскій наслегъ, но, судя по языку, на $\frac{2}{3}$ отунгусившійся, почему мы его и включили въ этотъ перечень (ср. стр. 108).

Лалыгирскій р. въ наибольшемъ числѣ встрѣчается по р. Амгуни и ея лѣвымъ притокамъ—94 д. (50 м.), въ ур. Буруканъ—33 д. (18 м.), въ мѣст. Куканъ (16 д.), въ мѣст. Сутуръ (12 д.), въ мѣст. Одниканъ (8 д.), въ м. Дубликанъ (9 д.) и т. д. Кромѣ того 26 д. (16 м.) показали свое пребываніе въ предѣлахъ Амурской области, именно по р. Буреѣ, главнымъ образомъ вблизи Чекундинскихъ складовъ, по р. Селимджѣ 42 д. (17 м.) и т. д.

Мякагирскій р.—147 д. (77 м.) на самомъ сѣверѣ округа, преимущественно въ окрестностяхъ порта Аяна. Этотъ родъ приписанъ къ Усть-Майскому вѣдомству Якутскаго округа.

Въ той же мѣстности проживаетъ часть *Эжанскихъ* родовъ, главнымъ образомъ *II Эжанскій*—121 д. (60 м.) и *I Эжанскій* р. (26 д.), главная масса котораго—55 д. (34 м.) бродитъ нѣсколько южнѣе, между Амгунию и Охотскимъ моремъ. Здѣсь же главный центръ и *III Эжанскаго* р.—371 д. (220 м.). *II Эжанскій* родъ тамъ встрѣчается въ числѣ—36 д. (14 м.). Общее число представителей этихъ родовъ въ округѣ было таково: *I Эжанскій*—81 д. (49 м.), *II Эжанскій*—157 д. (74 м.) и *III Эжанскій*, самый многочисленный,—380 д. (223 муж.).

Сверхъ того въ данномъ округѣ было переписано небольшое число тунгусовъ другихъ родовъ: *Белэтскаго*—5 д. (2 м.), *Кюрбюгдинскаго*—22 д. (11 м.), зарегистрированныхъ ок. порта Аяна, *Мямяльскаго*—2 д. (1 м.), *Хатыгинскаго*—3 д. (2 м.), *Энкальскаго*—12 д. (6 м.) и *Алагырскаго*—4 д. (2 м.).

Крашенинниковъ для первой трети XVIII ст. сообщаетъ слѣдующія названія родовъ тунгусовъ, платившихъ ясака въ

Удскомъ острогѣ: *Бутальскій, Лалигирскій, Гойганскій, Оддіанскій, Огинкагирскій, Кишигирскій* ¹⁾).

Первые два рода и по сейчасъ проживаютъ въ данномъ округѣ; въ Огинкагирскомъ можно узнать Анкагирскій (Аинкагирскій) р.; Оддіанскій (Одянскій) встрѣчается въ небольшомъ числѣ Хабаровскомъ округѣ, куда онъ вѣроятно переселился изъ Удской округи. Эти четыре рода и слѣдуетъ считать коренными мѣстными родами. Гойганскій и Кишигирскій не встрѣчаются болѣе ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ, въ виду чего слѣдуетъ предположить, что они вымерли.

Роды Жерскій и Мякагирскій тоже нигдѣ болѣе не были зарегистрированы (Жерскій въ числѣ 13 д. въ Амурской обл. и на о. Сахалинѣ, куда онъ выселился изъ Удской округи), не упоминаются они и въ спискѣ Крашенинникова, потому что вѣроятно переселились въ Удскую округу изъ Якутскаго округа уже послѣ путешествія его въ Сибирь ²⁾).

Всѣ переписанные въ предѣлахъ округа и не упоминаемые у Крашенинникова роды, въ томъ числѣ и столь многочисленные Эжанскіе, происходятъ изъ смежной Якутской области гл. обр. (Усть-Майское вѣд. Як. окр.) ³⁾, откуда они стали выселяться, главнымъ образомъ, начиная со второй половины прошлаго вѣка. Что касается до родовъ *Энгкальскаго* и *Алагырскаго*, то они нигдѣ болѣе не встрѣчаются и происхожденіе ихъ мнѣ не извѣстно. Послѣдній по всему вѣроятію якутскаго происхожденія (ср. Алагарскій якутскій насл. Батурускаго ул. Якутскаго округа).

У 176 лицъ (98 м.) роды не показаны. Большинство изъ нихъ (108 д.) происходитъ изъ долины р. Амгуни и отчасти изъ самой сѣверной части округи (35 ч.).

Х а б а р о в с к і й о к р у г ѣ .

Въ данномъ округѣ собственно нѣтъ мѣстныхъ коренныхъ тунгусскихъ родовъ. Они по большей части происходятъ

¹⁾ Крашенинниковъ I. с., I, 97.

²⁾ Изъ Якутскаго округа эти роды почти исчезли: послѣдній встрѣчается тамъ лишь въ числѣ 8 д. (3 м.), а первый можно повидимому сопоставить съ якутскимъ Жерскимъ насл. Зап. Кангаласскаго ул.

³⁾ Мямальскій и Белѣтскій роды приписаны къ якутскимъ улусамъ того же округа, Хатыгинскій къ Жиганскому ул. Верхоянскаго округа и т. д.

изъ сосѣднихъ мѣстностей, главнымъ образомъ изъ Удской округи, откуда выселились болѣе многочисленныя роды (см. стр. 30): *Лалыгирскій* (*Лалгэръ*, *Лалэгэ*) — 54 д. (27 м.), *Одянскій* — 47 д. (24 м.), не встрѣчающійся болѣе въ Удской округѣ, *Бута* или *Бота* (*Бытальскій* — 39 д. (24 м.), а также обрывки родовъ *Дзеръ* (*Жерскаго*) — 3 м. и *Энкяръ* (вѣроятно *Анкагирскаго*) — 4 д. (2 м.). Изъ другихъ родовъ болѣе многочисленны *Отженъ* (*Одженъ*) — 14 д. (9 м.), *Балауръ* — 12 д. (5 м.), *Бобекинъ* или *Бобякинъ* ¹⁾ 41 д. (24 м.), *Муравьевъ* — 7 д. (4 м.), *Поповъ* — 6 д. (4 м.), *Поротовъ* — 6 д. (3 м.) и *Айнуканскій* — 3 д. (2 м.). Первые два нигдѣ болѣе не встрѣчаются, можетъ быть они не тунгусскаго происхожденія; слѣдующіе три, тоже не извѣстные въ другихъ мѣстахъ, представляютъ повидимому названія фамилій тунгусовъ, забывшихъ свой родъ ¹⁾. Имя послѣдняго рода вѣроятно является искаженіемъ названія гольдскаго рода *Акунка*.

Что касается до разселенія этихъ тунгусовъ въ предѣлахъ Хабаровскаго округа, то роды *Бобекинъ* и *Одянь*, а также роды *Поповъ*, *Поротовъ* и *Дзеръ*, въ полномъ своемъ составѣ проживаютъ въ предѣлахъ Вятской волости, расположенной по нижнему теченію р. Тунгуски (см. I, стр. 38), причемъ первый составляетъ все населеніе кочевій при устьѣ р. Сычуги (на р. Урми) и на р. Ауръ, прит. Ины, а второй — большую часть жителей кочевій: *Гадыкинъ* (по р. Куръ), *Симпунъ*, кочевья при рч. Талой (по р. Куръ) и при рч. Тунтулгинъ.

Въ этой же мѣстности проживаютъ и нѣсколько семей родовъ *Лалыгирскаго* — (10 д.) и *Бытальскаго* (*Бота*) — 12 д., которые встрѣчаются и по Амуру, главнымъ образомъ въ коч. Чечёнай (*Карга*), по правому его берегу (Н. Тамб. вол.). Родъ *Балауръ* проживаетъ лишь въ коч. Какчеми, *Муравьевъ* въ коч. Балго, а р. *Отженъ* въ коч. Чечёнай и Кеути (тамъ же).

19 д. (11 м.) тунгусовъ этого округа не показали своихъ родовъ.

¹⁾ Такъ, напр. въ уроч. Нирянь (на сѣверѣ округа) среди тунгусовъ встрѣчается фамилія: *Бубякинъ*, которая повидимому принадлежитъ къ II Эжанскому роду.

Просматривая роды тунгусовъ Приморской области, мы видимъ, что они могутъ быть разбиты на двѣ группы.

Для первой—сѣверной, обнимающей округи Гижигинскую, Петропавловскую, Анадырскую и Охотскую, наиболѣе характерными родами являются Долганскіе и Уяганскіе, составляющіе главную часть мѣстнаго тунгусскаго населенія этого района. Кромѣ нихъ всюду встрѣчаются менѣе многочисленные тунгусы Дельянскихъ родовъ. Остальные же роды свойственны лишь каждой отдѣльной округѣ, именно Доканскіе—Гижигинской, а роды Годниканскіе, Горбиканскіе, Келлярскіе—Охотской (Анадырская и Петропавловская населены выходцами изъ Гижигинской округи и Колымскаго округа). Изъ этихъ всѣхъ родовъ лишь Уяганскіе и Дельянскіе имѣютъ своихъ представителей въ смежномъ Колымскомъ округѣ и Годниканскіе въ Якутскомъ округѣ Якутской области, откуда они безъ сомнѣнія и происходятъ. Остальные нигдѣ болѣе не встрѣчаются и живутъ здѣсь уже очень давно, хотя вѣроятно и они первоначально жили далѣе на западъ. Это болѣе чѣмъ вѣроятно относительно Долганскаго рода, обьякутившаяся часть котораго проживаетъ въ настоящее время подъ названіемъ *долганъ* на самомъ западѣ тунгусской области, въ бассейнѣ рр. Хатанги и Пясиной. На основаніи историческихъ данныхъ не подлежитъ сомнѣнію, что въ весьма отдаленное время Долганскіе тунгусы жили по нижнему теченію Лены и при появленіи въ странѣ русскихъ и движеніи на сѣверъ якутовъ были разъединены, раздвинуты и оттѣснены на крайніе западъ и востокъ.

Вторую группу—южную, образуютъ тунгусы Удской окр. и Хабаровскаго округа. Сѣверные роды здѣсь уже не встрѣчаются. Болѣе характерными для этихъ мѣстностей являются коренные роды: Лалыгирскій, Анкагирскій, Бытальскій (и Одіанскій), а изъ пришлыхъ значеніе имѣютъ лишь Эжанскіе и Мякагирскій. Въ отличіе отъ тунгусовъ сѣверныхъ округъ, имѣющихъ тѣсную связь съ Колымскимъ округомъ, переселившіеся сюда по большей части изъ Якутскаго округа (Якут. обл.), происходятъ главнымъ образомъ изъ бассейна р. Алдана, причемъ они перебрались частью непосредственно въ область рр. Уды и Тугура, частью черезъ бассейны верхняго теченія Буреи и Амгуни. Небольшая часть Эжанскихъ родовъ можетъ быть выселилась на югъ и изъ Охотской округи (стр. 104).

У 460 лицъ (244 м.) тунгусовъ данной области роды не показаны. Ровно половина изъ нихъ осѣдлые тунгусы (и ламуты) Анадырской и Охотской округъ, уже давно утратившіе родовую связь.

Островъ Сахалинъ.

Происходя почти исключительно изъ Удской округи, куда они и по-сейчасъ приписаны, тунгусы острова Сахалина естественно принадлежать къ тѣмъ же родамъ, которые тамъ встрѣчаются. Наибольше многочисленнымъ родомъ на Сахалинѣ является родъ *Анкагирскій* (*Аинкагирскій*)—48 д. (25 м.); затѣмъ слѣдуютъ: *Дзеринскій* (*Жерскій*)—10 д. (5 м.), *Лалыгирскій*—13 д. (5 м.), *Бытюльскій* (*Бытальскій*) 3 м., встрѣчающійся въ Хабаровскомъ округѣ—*Одянскій*—12 д. (7 м.) и малоизвѣстный *I Идзяль*—7 д. (4 м.). Всѣ эти роды проживали во время переписи въ въ трехъ стойбищахъ западнаго берега Сахалина (Тыки, Лаки, Ванги), въ предѣлахъ Александровскаго округа. Остальные тунгусы названнаго округа, а также проживающіе въ двухъ другихъ округахъ острова, не показали своихъ родовъ. Тунгусы, которые принадлежать къ этой категоріи, составляютъ свыше $\frac{1}{3}$ всѣхъ тунгусовъ острова или 50 д. (34 м.).

Выше было показано, что 30 д. (18 м.) тунгусовъ съ острова Сахалина были зарегистрированы въ предѣлахъ Удской округи (см. I, стр. 37). Они принадлежать къ родамъ названнаго округи: *Жерскому*, *I Эжанскому* и *Лалыгирскому* и включены въ число душъ представителей означенныхъ родовъ, зарегистрированныхъ въ Удской округѣ.

Н. Слюнинъ сообщаетъ, что значительное число тунгусовъ *II Эжанскаго* и *Мякагирскаго* родовъ выселилось въ низовья Амура и на Сахалинъ (*ibid.*, I, 411, 487). Къ сѣверу отъ низовьевъ Амура по Охотскому морю они дѣйствительно были застигнуты переписью 1897 г., но не на островѣ Сахалинѣ. Это наводитъ на мысль, что часть тунгусовъ избѣгла перепись; можетъ быть, впрочемъ, они заключаются въ числѣ лицъ, не показавшихъ своего рода.

Амурская область.

Тунгусскіе роды Амурской области уже потому не представляют большого интереса, что здѣсь нѣтъ коренныхъ тунгусовъ, а почти всѣ представители этого племени происходятъ изъ смежныхъ Якутской и Приморской областей, гдѣ и разсмотрѣны подробнѣе. Такъ какъ большая часть всѣхъ тунгусовъ западной полосы области, проживающихъ въ предѣлахъ Верхне-Амурскаго горнаго округа, на основаніи преобладающихъ родовъ, отнесена нами къ ороचनाмъ, (не распределенные по родамъ тунгусы этой мѣстности отнесены туда же), то на долю тунгусовъ въ В. Амурскомъ горномъ округѣ осталось всего 43 д., именно роды: *Далмайскій* или *Дальмятскій* 37 д. (22 м.) и *Суягорскій*—6 д. (4 м.), не встрѣчающіеся нигдѣ болѣе. Послѣдній вѣроятно гольдскаго происхожденія (ср. ихъ р. Сойгоръ, Соргоръ).

Главная масса тунгусовъ (не считая орочоновъ) въ данной области сосредоточена въ Буреинскомъ горномъ округѣ и здѣсь поэтому встрѣчается наибольшее разнообразіе родовъ. Здѣсь, по Селимджѣ и Бурѣ и ихъ притокамъ, рѣшительно преобладаетъ *Бытальскій* (*Бутальскій*) родъ—175 д. (103 м.), являющійся самымъ многочисленнымъ родомъ Амурской области ¹⁾. Меньшее значеніе имѣютъ роды *Далыгирскій* (?) Удскаго (?) вѣдомства—32 д. (19 м.), тоже не встрѣчающійся въ другихъ мѣстахъ (можетъ быть онъ представляетъ изъ себя искаженіе рода Лалыгирскаго), *Эжанскій*—15 д. (10 м.), *Эдянскій* (*Идянскій*), вѣроятно Одянскій р. Хабаровскаго округа—19 д. (12 м.) и *Лалыгирскій*—6 д. (3 м.).

Также и въ полицейскомъ спискѣ за 1901—1902 гг. (см. I, стр. 51) имѣются указанія на роды тунгусовъ Амурской области. Но, даже принимая во вниманіе значительную подвижность этого племени, разница въ названіяхъ тунгусскихъ родовъ, происшедшая за 4—5 лѣтъ со времени переписи, настолько значительна, что заставляетъ предполагать, что въ ту и другую регистрацію попали не всѣ тунгусы, проживавшіе въ эти годы въ Амурской области, а лишь части ихъ и притомъ не однѣ и тѣ же въ каждую изъ нихъ. Дѣйствительно, нѣкоторые роды въ указанномъ спискѣ появляются вновь,

¹⁾ Изъ 290 лицъ, распределенныхъ по родамъ.

не встрѣчаясь въ данныхъ переписи, и, на оборотъ, изъ числа отмѣченныхъ послѣднею нѣкоторые отсутствуютъ въ первомъ. Вновь открытые въ области роды суть: *Нюрмаганскій* (*Нермагайскій*)—20 чел. (11 м.) по Ниману и въ В. Амурскомъ горномъ округѣ, принадлежащій къ вѣдомству Семи Кангаласскихъ родовъ Якутскаго округа; далѣе родъ *Жерскій* по Селимджѣ и цѣлый рядъ обрывковъ разныхъ родовъ, имена которыхъ переданы по большей части въ искаженной формѣ. *Будтскій* (В. Амурск. горн. окр.), *Беткайскій*, *Бетюйскій*, *Кочугуйскій*, *Чогугудскій* (*Чордутскій* ?), *Батсаевскій*, *Даларскій* (вѣроятно—Далыгирскому). Большая часть ихъ была обнаружена въ Буреинскомъ горномъ округѣ. Напротивъ, среди родовъ упомянутаго списка не имѣется Далмайскаго и Далыгирскаго, а также нѣкоторыхъ ороchonскихъ родовъ.

У 137 д. (86 м.) тунгусовъ области въ переписи роды не показаны. Изъ нихъ 57 д. проживали въ Буреинскомъ и 58 д. въ Верхне-Хинганскомъ горномъ округѣ. Въ бассейнѣ р. Б. Биры у тунгусовъ роды тоже не показаны.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что этими, переписанными въ предѣлахъ Амурской области, тунгусами не ограничивается все тунгусское населеніе бассейновъ Зеи, Буреи и Тунгуски (см. I, стр. 47).

Якутская область.

Колымскій округъ.

Къ западу отъ р. Колымы, въ Большой или Западной тундрѣ, кочуютъ изъ тунгусовъ почти лишь представители тунгусско-юкагирскаго *Бетильскаго* рода числомъ въ 165 д. (90 м.). О немъ см. I, стр. 60 сл. Въ 1859 г. представителей этого рода было 264 д. (131 м.)¹⁾. Большинство остальныхъ ламутовъ округа показали свое мѣстопробываніе къ востоку отъ р. Колымы. Значительная часть изъ нихъ населяетъ бассейнъ верхняго Омолона и его крупныхъ притоковъ—Анюевъ.

I (*Каменно*)-*Деллянскій* родъ кочуетъ преимущественно по р. Омолону и его притоку Б. Олою—132 д. (64 м.); въ верховьяхъ Сухого Анюя—48 д. (24 м.); затѣмъ въ неболь-

1) Данные X ревизской сказки 1858/9 г. заимствованы изъ „Пам. кн. Якутской обл. за 1863 г.“

шомъ числѣ по верхнему теченію Чауна и по рр. Коркодону и Ясачной (прит. р. Колымы). Всего представителей его было зарегистрировано 205 д. (100 м.), а въ X ревизію 227 д. (120 м.). Сверхъ того въ ревизской сказкѣ за 1859 г. значится еще Отдѣльный I Дельянской родъ—55 д. (26 м.); въ переписи его нѣтъ.

II (Каменно-) Деллянской р. проживаетъ преимущественно въ бассейнѣ рр. Коркодона, Ясачной и ея притока Нелемной—80 д. (35 м.). По Ясачной они (зимой) живутъ у устья Нелемной и 10 вер. вверхъ по первой рѣкѣ, среди болѣе многочисленнаго юкагирскаго населенія, вліянію котораго они подпали. Промышляютъ они по р. Поповой. По Коркодону они живутъ тоже между юкагирами прежнихъ родовъ: Нартеннаго и Рыбникова, нынѣ присоединившихся къ другимъ юкагирскимъ родамъ ¹⁾. Встрѣчаются эти тунгусы и по верхнему Омолону и Б. Олою—28 д. (10 м.), въ уроч. Пѣди (Камешекъ)—18 д. (10 м.) и т. д. Итого ихъ 155 д. (69 м.) противъ 98 д. (54 м.) въ X ревизію; сверхъ того въ свѣдѣніяхъ за 1859 г. упоминается еще Отдѣльный отъ II Дельянскаго родъ—65 д. (37 м.), не встрѣчающійся въ переписи.

I Каменный родъ—почти исключительно въ верхнемъ теченіи Омолона, по Б. Олою и р. Курьѣ—174 д. (91 м.), въ верховьяхъ Сухого Анюя (18 д.) и т. д. Всего 200 д. (106 м.), противъ 172 д. (91 м.) въ 1859 г. У трехъ лицъ этого рода въ скобкахъ было проставлено: рд. «Хацай».

II Каменный родъ (*Ходейджилъ*) живетъ разбросанно, преимущественно въ районѣ Алазеи и къ западу отъ нея, по р. Россохѣ и около озеръ Тогусъ-Талалахъ, Береляхъ (ок. Индигирки?), Тистяхъ, мѣстоположеніе которыхъ не извѣстно въ точности. Всего ихъ оказалось 62 д. (32 м.), а въ 1859 г. ихъ было 141 д. (75 м.).

Уяганскій родъ, вѣроятно получилъ свое названіе отъ р. Уяганъ, притока Омолона, въ районѣ котораго можетъ быть онъ первоначально проживалъ. Теперь по Омолону было зарегистрировано всего 18 д., а наибольшее число этихъ ламутовъ было застигнуто въ верховьяхъ Сухого Анюя—152 д. (82 м.); часть ихъ проживала по верхнему теченію Б. Анюя—31 д. (17 м.), въ верховьяхъ Чауна (21 д.) и въ районѣ

¹⁾ В. Юхельсонъ: „Изв. В. Сиб. О. И. Р. Геогр. Общ.“ XXIX. 1898., I., 19 сл.

нижняго теченія Колымы. Общая ихъ численность въ 1897 г. была 250 д. (133 м.), а въ 1859 г.—247 д. (136 м.).

Другіе роды въ округъ обнаружены не были, за исключеніемъ части *Кункугурскаго* (*Кунгурскаго*)—22 д. (10 м.), перебравшейся сюда изъ Верхоянскаго округа.

Наконецъ, у 52 д. (13 м.) названіе рода не показано. Большинство изъ нихъ представляютъ изъ себя членовъ семей другихъ національностей, откуда сильное преобладаніе женщинъ; изъ нихъ 24 ж. входятъ въ составъ чукотскихъ семействъ, кочующихъ въ Западной или Большой тундрѣ.

Верхоянскій округъ.

Верхоянскій округъ отличается большимъ изобиліемъ родовъ, часть которыхъ происходитъ изъ смежныхъ округовъ. Здѣсь большинство тунгусовъ называются ламутами, хотя представители тѣхъ же родовъ въ другихъ округахъ часто именуется «тунгусами» (см. I, стр. 66—67).

Бетюнскій родъ — 48 д. (20 м.) повидимому весь происходитъ изъ Верхне-Вилуйскаго улуса Вилуйскаго округа. Онъ былъ обнаруженъ въ 1 и 3 Хатылинскихъ наслегахъ Жиганскаго улуса.

Жельянскій (*Жельтанскій* X ревизіи) р.—108 д. (58 м.) встрѣчается въ предѣлахъ Эльгетской инор. управы Эльгетскаго улуса—71 д. (36 м.) и въ Удюгейскомъ наслегѣ Усть-Янскаго улуса—26 д. (15 м.), гдѣ принадлежитъ къ Колымской инор. управѣ; кромѣ того 11 д. въ ур. Калтусъ. Въ 1859 г. этихъ тунгусовъ было 127 д. (64 м.).

Кункугурскіе (*Кунгурскіе*) роды—469 д. (248 м.). У 130 д. (70 м.) показанъ просто *Кункугурскій* родъ. 55 д. (33 м.) ихъ принадлежатъ къ Верхоянской ин. упр. Усть-Янскаго улуса (зарегистр. в 2 Ноготск. насл.) и 38 д. (20 м.) къ Колымской ин. упр. того же улуса (Удюг. насл.). Изъ 272 д. (146 м.) I *Кункугурскаго* рода 71 д. (37 м.) принадлежитъ къ Верхоянской ин. упр. Усть-Янскаго ул. (2 Ноготск. насл.) и 142 д. (77 м.) къ Эльгетской ин. упр. Эльгетскаго улуса; изъ послѣднихъ 32 д. проживали въ уроч. Ожогоинь, 24 д. по рч. Сегень и т. д. Въ той же инородной управѣ того же улуса числится 8 д. (5 м.) II *Кункугурскаго*, записанныхъ въ ур. Мятишь, и 59 д. (27 м.) Отдѣльно *Кункугурскаго* рода, изъ коихъ 42 д.

(18 м.) въ ур. Ольбуть. Въ ревизской сказкѣ 1859 г. изъ этихъ родовъ встрѣчается *I Кунгурскій* р., къ которому принадлежали 344 д. (183 м.) тунгусовъ и 241 д. (120 м.) юкагировъ (см. стр. 56 и I, 71) или всего 585 д. (303 м.), и *II Кунгурскій* р. въ 117 д. (68 м.) юкагировъ. Всѣхъ представителей этихъ родовъ, называемыхъ также *Кукуюрскими* и *Кукуирскими*, въ 1859 г. было 702 д. (371 м.).

Кюнскій родъ—140 д. (70 м.) встрѣчается въ предѣлахъ Жиганскаго улуса, главнымъ образомъ во 2 Батулинскомъ наслегѣ — 78 д. (41 м.), но также въ 1 Хатылинскомъ и въ другихъ. Въ X ревизской сказкѣ этотъ родъ названъ *Кунскимъ* и число его опредѣлено въ 232 д. (126 м.).

Ламунхинскій родъ—118 д. (66 м.), проживаетъ преим. въ 1 Ноготскомъ наслегѣ Усть-Янскаго улуса и принадлежитъ къ Верхоянской инор. упр.—87 д. (50 м.); остальные встрѣчаются главнымъ образомъ въ районѣ Жиганскаго улуса—24 д. (11 м.).

Мямяльскій родъ—140 д. (73 м.). Къ Баягантайской инор. упр. изъ нихъ принадлежитъ 117 д. (57 м.), изъ коихъ 45 д. (21 м.) были переписаны на рч. Нянили, прит. р. Оллѣ. 22 д. (15 м.) этого рода числятся въ Верхоянской инор. управѣ въ пред. Усть-Янскаго улуса. Этотъ родъ, какъ и предъидущій, происходятъ повидимому изъ Якутскаго округа.

Тюгясирскій родъ — 399 д. (216 м.). Огромное большинство его представителей — 317 д. (167 м.) входитъ въ составъ Верхоянской инор. упр. Верхоянскаго улуса, проживая въ мѣстностяхъ, указанныхъ въ I вып. стр. 68 сл. Изъ остальныхъ 22 д. (17 м.) были застигнуты въ предѣлахъ Усть-Янскаго и 30 д. (16 м.) Жиганскаго улусовъ. Противъ 1859 г. (265 д.—140 м.) его численность увеличилась на 134 д. (76 м.) (см. прим. стр. 56).

Эжанскій р.—70 д. (33 м.), а въ 1859 г. 136 д. (65 м.).

Остальные роды значенія не имѣютъ: они очень малочисленны и происходятъ по большей части изъ смежныхъ мѣстностей другихъ округовъ. Таковы роды: *Жахутскій* (*Жакутскій*) — 7 д. (2 м.), *Маймаганскій* — 14 д. (7 м.), *Нермаганскій* — 31 д. (16 м.), *Чордунскій* (*Чордутскій*) — 30 д. (13 м.), *Сологонскій* — 15 д. (7 м.), происходящіе почти всѣ изъ Вилюйскаго округа и застигнутые переписью въ разныхъ мѣстностяхъ района Жиганскаго улуса.

Встрѣчаются въ Верхоянскомъ округѣ еще обрывки дру-

тихъ родовъ: *Баригатинскаго (Брагатскаго)*—5 д. (2 м.), *II Каменнаго (Ходейджилъ)*—3 д. (1 м.), *Оспетскаго*—12 д. (5 м.) *Осогостахскаго*—11 д. (7 м.) и *Неуянкирскаго* (2 д.).

Первый происходитъ изъ Вилюйскаго округа, второй изъ Колымскаго, а слѣдующіе два внушаютъ сомнѣніе относительно ихъ тунгусскаго происхожденія. Осогостахскій родъ встрѣчается и у якутовъ Батурусскаго улуса (1 Жехсогонскій наслегъ) Якутскаго округа, хотя и въ ничтожномъ числѣ (16 д.), а Оспетскій напоминаетъ названія I и II Оспетскихъ наслеговъ Дюпсинскаго улуса того же округа. Относительно послѣдняго см прим. на стр. 105.

Слѣдуетъ замѣтить, что и другимъ мѣстнымъ родамъ соответствуютъ однозвучные роды у якутовъ, такъ напр. Чордунскій родъ многочисленъ и среди якутовъ Батурусскаго улуса (III Бетюнскаго насл.) Якутскаго округа—233 д., причемъ и самый только что названный наслегъ тождественъ по своему наименованію съ Бетюнскимъ тунгусскимъ родомъ (см. стр. 115). Также и Кюпскій тунгусскій родъ имѣетъ параллель у якутовъ, гдѣ встрѣчается Кюпайскій родъ (въ 442 д.) въ III Жехсогонскомъ наслегѣ Батурусскаго улуса того же округа. Въ настоящее время трудно рѣшить, былъ ли тотъ или другой родъ изъ носящихъ наименованія якутскихъ родовъ первоначально якутскимъ или тунгусскимъ, впоследствии болѣе или менѣе объякутившимся. Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе, потому что якуты, какъ племя болѣе сильное и духовно и культурно, при своемъ столкновеніи съ тунгусами почти всегда умѣли быстро ихъ ассимилировать, что можно наблюдать во всѣхъ мѣстностяхъ Якутской области, гдѣ тунгусы основались осѣдло около якутовъ. Особенно это наглядно видно на объякутившихся тунгусахъ Вилюйскаго округа и на долганахъ Туруханскаго, у которыхъ еще можно прослѣдить ихъ тунгусское происхожденіе (см. стр. 81 сл.). Что же касается до тождественности самыхъ названій нѣкоторыхъ тунгусскихъ и якутскихъ родовъ, то, по всему судя, она объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что тунгусы нѣкоторыхъ мѣстностей, гдѣ ихъ слишкомъ мало, чтобы образовать самостоятельныя вѣдомства, были причислены къ ближайшимъ якутскимъ улусамъ, причемъ нѣкоторыя ихъ группы при этомъ, оставивъ свое собственное имя, стали обозначать себя именами тѣхъ якутскихъ родовъ и наслеговъ, которые ихъ приняли въ свою среду.

Проводя параллель между родами Верхоянского округа по данным ревизии 1859 г. и переписи 1897 г., мы действительно убеждаемся, что изо всех вышеупомянутых родов мѣстными коренными родами являются лишь Купскій (Кюпскій), Эжанскій, Тюгесирскій (Тюгясирскій), Желтанскій (Жельянскій), I и II Кунгурскіе (Кункугурскіе), потому что только они фигурируютъ въ спискахъ X ревизіи, и кромѣ того Каменно-Ламутскій родъ—97 д. (56 м.), котораго не значится въ переписи. Можетъ быть въ данныхъ переписи онъ включенъ въ Тюгясирскій родъ, число котораго очень увеличилось съ тѣхъ поръ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что почти всѣ крупные мѣстные роды носятъ въ переписномъ матеріалѣ названіе «ламутовъ»: изъ «тунгусовъ» многочисленными оказались лишь Кюпскій и затѣмъ Эжанскій (и Бетюнскій). Такъ же мѣстные тунгусы дѣлились и во время X ревизіи.

У 66 д. (31 м.) роды не показаны.

Якутскій округъ.

Въ районѣ управы *Кангаласскихъ* родовъ, въ юго-западномъ углу Якутскаго округа, проживаютъ представители 7 тунгусскихъ родовъ, въ своей совокупности названныхъ по ближайшимъ якутскимъ улусамъ Кангаласскими (Шологонскій родъ распался на два уже послѣ ревизіи).

Белѣтскіе (*Беллетскіе*) или *Бельдѣтскіе* роды — 618 д. (343 м.). Изъ нихъ I *Белѣтскій* р. — 242 д. (122 м.) кочуетъ преимущественно по рр. Алдану и Тѣмтень (101 д.); II *Белѣтскій* р. — 330 д. (193 м.) главнымъ образомъ по р. Амгѣ—138 д. (81 м.) и по притокамъ Алдана, III *Белѣтскій*—46 д. (28 м.).

Белѣтскіе роды въ общемъ уменьшились противъ X ревизіи, когда въ нихъ было: I—340 д. (174 м.); II—274 д. (160 м.) и III—54 д. (29 м.). Увеличеніе II Белѣтскаго рода лишь кажущееся, потому что къ нему, по Майнову, причислилась часть Кельятскаго рода изъ Вилюйскаго округа, образовавъ его Кельятское колѣно. Въ остальной своей части II Белѣтскій р., какъ и I и III Белѣтскіе, являются коренными мѣстными родами.

Буягирскіе (*Баягирскіе*) роды — 101 д. (54 м.); изъ

нихъ *Буягирскій* бродить по Алдану и Амгѣ съ ихъ притоками—83 д. (44 м.) и *II Буягирскій*—10 д. (5 м.) живетъ среди якутовъ Батурускаго улуса.

Буягирцы считаютъ себя аборигенами края, утверждая, что они въ очень отдаленное время перекочевали сюда съ береговъ Амура, гдѣ осталась часть этого рода (Майновъ, I. с., 169) ¹⁾. Въ 1859 г. численность Буягировъ опредѣлилась въ 290 д. (163 м.), но затѣмъ часть ихъ вѣроятно выселилась въ Амурскую область.

Нюрмаганскій р., называемый по русски *Нюрбаганскимъ* или *Нюрбинскимъ*, по имени оз. Нюрба въ Вилюйскомъ округѣ, откуда онъ по Майнову и происходитъ. Его переселеніе должно было случиться много десятковъ лѣтъ тому назадъ (см. I., стр. 13), потому что во время X ревизіи онъ въ полномъ составѣ числился еще въ Якутскомъ округѣ. Этотъ родъ обитаетъ главнымъ образомъ по лѣвую сторону Лены, въ районѣ Зап. Кангаласкаго улуса, именно по рр. Чинѣ, Талбѣ, Батомѣ, Амгѣ, Тѣмтень и Алдану. Его численность простирается до 204 д. (118 м.), а въ 1859 г. ихъ было всего 167 д. (91 м.).

Въ двухъ *Шологонскихъ* или *Шелогонскихъ* родахъ числятся 340 д. (195 м.). Изъ нихъ:

I Шологонскій р.—128 д. (69 м.) бродить преимущественно по р. Амгѣ (45 д.) и по ея окрестностямъ; нѣкоторая часть его (25 д.) проживаетъ и среди якутовъ Зап. Кангаласкаго улуса (см. также стр. 122).

II Шологонскій р. — 212 д. (126 м.) былъ отмѣченъ главнымъ образомъ по рч. Синя-Хампа (95 д.), но также по другимъ мелкимъ рѣчкамъ той же мѣстности: Этѣкю, Чира-Мондрахъ, Нигмай и др.

Часть Шологонскаго рода также выселилась въ Якутскій округъ изъ Вилюйскаго уже позже X ревизіи, чѣмъ и объясняется его сильная прибыль противъ 1859 г., когда ихъ было 161 д. (95 м.). Г. Майновъ повидимому всѣхъ Шологонцевъ производитъ изъ Вилюйскаго округа, говоря «часть Вилюйскихъ выходцевъ дала начало теперешнему Шологонскому роду». Можетъ быть это и справедливо относительно весьма отдаленнаго отъ насъ времени, потому что о присутствіи

¹⁾ На самомъ дѣлѣ обратно Амурскіе Буягиры (орочоны) происходятъ съ сѣвера изъ Якутскаго округа (см. I. стр. 17).

этого рода въ Якутскомъ округѣ въ прежнія столѣтія никто не упоминаетъ, между тѣмъ какъ въ Вилюйскомъ о нихъ сообщаютъ казаки 30-хъ годовъ XVII в., раньше другихъ посетившіе этотъ край (см. стр. 8).

Никагирскій р. — 22 д. (11 м.), бродитъ по притокамъ Амги. Въ 1859 г. ихъ было 15 д. (11 м.).

Изъ представителей названныхъ родовъ въ районѣ Кангаласской управы было зарегистрировано всего 1.115 д. (643 м.), остальные тунгусы были застигнуты въ смежныхъ мѣстностяхъ среди якутовъ (см. I стр. 84 сл.).

б) Родъ *Ламунхинскихъ* тунгусовъ, обитающихъ къ сѣверу отъ Лены и нижняго Алдана, распадается, судя по переписному матеріалу, на четыре «племени» или колѣна (см. стр. 120).

Дондаконское пл. ¹⁾ — 56 д. (30 м.), жительствоющее по берегамъ рѣчекъ Тумары, Кяли, Байлики, Кюндяндя, Дулгалахъ, Муни.

Ламунхинское пл. — вѣроятно коренная часть всего рода, числомъ въ 61 д. (29 м.), обитаетъ въ тѣхъ же мѣстахъ и кромѣ того по рѣчкамъ Ягинской и Аблундя и частью среди якутовъ Намскаго ул. (21 д.).

Тюгясирское пл. (ср. Тюгясирскій р. *Верхоянскаго ул.) 78 д. (45 м.) тамъ же и по рч. Ляписки.

Хоринское пл. 35 д. (15 м.) по р. Тумарѣ.

Изъ названныхъ четырехъ племенъ (или колѣнъ) Дондаконское и Хоринское нигдѣ болѣе не встрѣчаются у тунгусовъ, но за то послѣднее названіе является очень распространеннымъ среди якутскихъ родовъ и наслеговъ (Хоринскій р., Х. наслегъ). По мнѣнію ученыхъ, эти якутскіе Хоринцы происходятъ отъ Хоринскихъ бурятъ. Дѣло въ томъ, что у якутовъ, согласно г. Сѣрошевскому, сохранились преданія о храбромъ народѣ *хоролахъ* или *хоринцахъ* (хоролләръ), которые въ отдаленное время переселились въ Якутскую область. Возможно и то, что хоринцы выселились на сѣверъ вмѣстѣ съ якутами, какъ извѣстно, жившими когда-то по сосѣдству съ бурятами (см. стр. 1 и 93). Можетъ быть такого же происхожденія или же болѣе позднѣйшаго бурятско-якутскаго являются и тунгусскіе хоринцы (Хоринское пл.).

¹⁾ Майновъ его называетъ Дѣндяхинскимъ.

Общая численность тунгусовъ Ламунхинскаго рода простирается въ данномъ округѣ по переписи до 236 д. (124 м.) между тѣмъ какъ 38 л. тому назадъ число ихъ опредѣлялось въ 449 д. (218 м.), но съ тѣхъ поръ часть ихъ (118 д.) выселилась въ Верхоянскій округъ (см. стр. 116) и часть вѣроятно вымерла.

в) *Баягантайскіе* тунгусы: область — сѣверо-востокъ Якутскаго округа.

Главнымъ родомъ здѣсь является *Мямяльскій* — 314 д. (171 м.), бродящій по мелкимъ рѣчкамъ указаннаго района, каковы Хандыга, Сордоннахъ, Сакрырь, Томпо, Алдану и ихъ притокамъ. Въ 1859 г. представителей этого рода было 532 д. (274 м.), но часть ихъ (140 д.) выселилась съ тѣхъ поръ въ Верхоянскій округъ.

Годниканскій (*Готинканскій*) р. — 38 д. (18 м.) по рр. Хандыгѣ, Тырѣ, Брюгадѣ и Менькюля. Въ 1859 г. его численность была 89 д. (48 м.). Сверхъ того X ревизія отмѣтила еще не встрѣчающійся въ переписи III Годниканскій р. численностью въ 89 д. (42 муж.).

Кюпкюгюрскій (= *Кюпскій*?) р. — 12 д. (5 м.) по рр. Ольчань, Индигиркѣ и ихъ притокамъ.

г) *Майскіе* тунгусы, какъ извѣстно, дѣлятся на кочевыхъ и бродячихъ, причемъ первые обитаютъ ниже по Алдану, близь якутскихъ поселеній, отъ которыхъ они заимствовали занятіе скотоводствомъ. Бродячіе — скитаются по болѣе верхнему теченію Алдана, по р. Маѣ и ихъ притокамъ. Лишь одинъ Кюпскій родъ цѣликомъ перешелъ къ кочевому образу жизни, въ большей или меньшей степени также роды I—II—III Эжанскіе и Бытальскій. Кюрбюгдинскій родъ Майскихъ тунгусовъ, напротивъ, почти весь остался бродячимъ.

Бытальскій родъ — 659 д. (325 м.). На долю бродячихъ тунгусовъ приходится 501 д. (257 м.). Они проживаютъ по берегамъ Учура (прит. Алдана) — 127 д., Тиркань, Хонху, Алгыму, въ ур. Хотонь, Юрякъ, Нелькань и др. Нѣкоторые изъ нихъ показали, что обыкновенно бродятъ по р. Зеѣ, Селимджѣ, Буреѣ, Ниману и др. въ предѣлахъ Амурской области. Кочевые представители этого рода — 158 д. (68 м.) проживаютъ по рр. Ланѣ, Моинубуть, Кутана, Бѣлькячѣ, Алдану и др. 10 д. (2 м.) этого рода записаны среди якутовъ.

Въ 1859 г. ихъ численность опредѣлялась значительно выше—въ 806 д. (448 м.) бродячихъ и 168 д. (91 м.) кочевыхъ. Значительная ихъ часть выселилась съ тѣхъ поръ въ Амурскую область и въ Удскую окр. и въ Хабаровскій округъ Приморской (см. I., 35).

Кюрбюгдинскій р. 141 д. (66 м.), въ т. ч. бродячихъ тунгусовъ—117 д. (54 м.), гл. образомъ по рр. Маѣ, Тодѣ, Нётъ, Нёва и др.; въ небольшомъ числѣ и между якутами. Названіе этотъ родъ можетъ быть получилъ отъ р. Кюрбы. Въ 1859 г. представителей этого рода было 125 д. (74 м.) бродячихъ и 50 д. (23 м.) кочевыхъ.

Мякагирскій р.—8 д. (3 м.), который почти въ полномъ составѣ выселился въ Удскую округу (см. стр. 55). Въ 1859 г. число ихъ опредѣлялось 326 д. (182 м.).

Сологонскій (*Шологонскій*)—30 д. (19 м.)—бродячій родъ. Въ перечнѣ родовъ X ревизіи въ данномъ округѣ онъ не упоминается, вѣроятно происходитъ изъ Якутскаго или Вилюйскаго округовъ (ср. стр. 119 и 126).

Кюпскій р.—141 д. (63 м.), главнымъ образомъ по р. Алдану, затѣмъ у оз. Моколь, въ уроч. Тонь-Кюрё, Кытыль, Тугулакъ-Аласъ, Тумусахъ и т. д. Въ X ревизію въ этомъ родѣ числилось 113 д. (56 м.) (ср. стр. 116).

Эжанскіе ¹⁾ роды встрѣчаются среди бродячихъ и кочевыхъ тунгусовъ (см. I., стр. 88). Ихъ всего 1.526 д. (809 м.), изъ коихъ 574 д. (317 м.) бродячихъ и 943 д. (488 м.) кочевыхъ; остальные 9 д.—4 м. (среди якутовъ) не извѣстно какой категоріи инородцевъ.

I Эжанскій р.—558 д. (288 м.), изъ коихъ 96 д. (47 м.) бродячихъ по р. Маѣ и по рр. Аиму, Ускунь и Уй (притоки Маи), Яппа-Тёрдя, Томыть, Кюрбя и въ ур. Усть-Утка, Хохыръ и Нильколь.

Кочевыхъ представителей этого рода—456 д. (239 м.). Они кочуютъ по Алдану, Маѣ и ихъ притокамъ.

II Эжанскій р.—456 д. (232 м.). Изъ нихъ бродячихъ—25 д. (14 м.); кочуютъ они преимущественно по р. Маймаканъ (л. прит. Маи) и въ уроч. Нельканъ.

Кочевые въ числѣ 429 д. (217 м.) проживаютъ преимуще-

¹⁾ Ихъ имя можетъ быть происходить отъ прав. притока Лены Эджанъ, Эдсанъ.

ственно по рр. Маѣ (61 д.), Юдѣ (74 д.), Юкомдѣ (41 д.), Хатаргану (58 д.), Анкѣ (49 д.), Мокою, на о. Березинѣ и т. д. 2 д. (1 м.) тунгусовъ этого рода живутъ среди якутовъ.

III *Эжанскій* р. — 512 д. (289 м.). Изъ нихъ бродячихъ 453 д. (256 м.). Они показали своимъ мѣстопребываніемъ преимущественно рр. Бурею (96 д.) и Зею (21 д.) въ предѣлахъ сѣверной части Амурской области, рр. Хонху (84 д.) и Туголь (77 д.) и въ меньшей степени р. Учуръ (38 д.), Еть, Чонкой, Кунури, Юпъ, Симигахъ и др.

Кочующихъ тунгусовъ этого рода 58 д. (32 м.). Они проживаютъ ок. оз. Чѣпонда, по рч. Миль (л. прит. Алдана), при оз. Эльгя и т. д.

По даннымъ 1859 г. численность Эжанскихъ родовъ была: бродячихъ: I—176 д. (102 м.), III—499 д. (282 м.) и кочевыхъ: I—421 д. (207 м.); II—399 д. (211 м.) и III—137 д. (67 м.). Больше всего измѣнились въ числѣ, именно уменьшились, изъ бродячихъ—I Эжанскій и изъ кочевыхъ—III Эжанскій родъ. Часть Эжанскихъ тунгусовъ выселилась въ Удскую округу Приморской области.

Сверхъ того у 125 д. (66 м.) тунгусовъ Якутскаго округа роды не показаны.

Названія и численность тунгусскихъ родовъ Якутскаго округа за 1766 г. были согласно Георги ¹⁾ слѣдующія: *Бурогаатаръ* (147 взрос. м. душъ), *Бургатъ* (19 м.). Оба эти рода у насъ повидимому соотвѣтствуютъ одному роду съ колеблющимся названіемъ Барагатскій, (Брагатскій, Барангатскій).

Мекагиръ (61 м.) = Мякагирскій р. переписи нынѣ весь выселился въ Удскую округу.

I—IV *Ешайскіе* (267 м.) = I—III Эжанскимъ р.

I—II *Купскіе* (90 м.) = Кюпскому р.

Шологонъ (37 м.) = Шологонскому р.

I—III *Бельдѣтскіе* (128 м.) = тѣмъ же родамъ.

Буягирскій (82 м.) = тому же роду.

Нениганъ (53 м.) почти весь переселился изъ Якутской области въ Амурскую, гдѣ его представители считаются оро-чонами. Часть его перебралась еще далѣе къ югу въ Манчжурію (см. I., стр. 15).

¹⁾ „Bemerk. e. Reise im. russ. Reiche.“ I, 244.

Шомгай (235 м.) и *Вухлатъ* (172 м.) не могутъ быть отождествлены ни съ однимъ изъ родовъ Якутской области по даннымъ переписи и X ревизіи.

Вилюйскій округъ.

Въ X ревизію (1859 г.) въ немъ считалось 9 коренныхъ родовъ. Теперь есть и пришлые. О нихъ ревизія умалчиваетъ. Если они и пребывали тогда въ данномъ округѣ, то вѣроятно были отнесены во время регистраціи въ мѣста, откуда они происходили.

Перепись 1897 г. застала въ данномъ округѣ слѣдующіе роды:

Бетинскій (*Бетюнскій*) 385 д. (185 м.) въ уроч. Муна, Локуръ, Билляхъ, Конора, Диринъ, Онорхой, Сыкыла и т. д. 52 д. показали окрестности оз. Джоссеи.

Бетильскій р.—11 д. (6 м.) въ Кыргыдайскомъ наслегѣ Средне-Вилюйскаго улуса, среди якутовъ.

Въ ревизской сказкѣ 1859 г. вмѣсто этихъ двухъ родовъ имѣются роды: Бетильскій—202 д. (116 м.) и Бетюльскій (?) въ 505 д. (277 м.). Огромный недочетъ населенія по даннымъ переписи противъ ревизіи по всему вѣроятію объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Бетюльскій р. (Бетюнскій ?) родъ ревизіи или большая его часть въ переписномъ матеріалѣ фигурируетъ подъ названіемъ Чордунскаго р., (см. стр. 51).

Брагатскій р.—471 д. (241 м.) бродитъ въ районѣ Сунтарскаго улуса. Онъ былъ зарегистрированъ въ кочевьяхъ по рч. Ботовіи и въ ур. Чона, Сурскукаръ-Тёрдѣ, Оруктахъ, Хамта, Хаялахъ, Дярбиргалахъ и др. (см. I, стр. 80), также по р. Оленеку (32 д.). 36 д. (17 м.) представителей этого рода были застигнуты среди якутовъ Сунтарскаго и 8 д. (4 м.) Мархинскаго улусовъ.

Жахутскій р.—606 д. (301 м.). Главная его масса—384 д. (180 м.) бродитъ въ собственномъ районѣ въ предѣлахъ Средне-Вилюйскаго улуса. Эти тунгусы были переписаны въ кочевьяхъ въ уроч. Арылахъ, Хатыгнахъ, Мугурунда, Джаингда, Кольжаръ, Хочоть и др. (см. I, стр. 78), 21 д. (11 м.) въ уроч. Бетите, Тыюгорбутъ, Сыралта Верхне-Вилюйскаго улуса, остальные среди якутовъ Средне-Вилюй-

скаго улуса. 177 д. (99 м.) не показали своего мѣстопробыванія. Въ 1859 г. ихъ число простиралось до 710 д. (381 м.).

Кельтятскій р.—187 д. (98 м.) въ числѣ 12 д. (3 м.) въ ур. Бялюся и Сяимякитъ Верхне-Виллюйскаго улуса и 112 д. (60 м.) въ уроч. Тора-кѣль, Кыбыгыжанъ, Олбуть и 139 д. (74 м.) въ неуказанныхъ мѣстахъ. Сильная убыль этого рода противъ X ревизіи, когда онъ состоялъ изъ 237 д. (129 м.), объясняется выселеніемъ части его въ Якутскій округъ.

Осогостахскій р.—17 д. (8 м.) въ Средне-Виллюйскомъ улусѣ ¹⁾. О немъ см. стр. 117.

Тобуйскій (Тогуйскій) р. ²⁾—126 д. (62 м.) въ собственныхъ кочевьяхъ въ предѣлахъ Верхне-Виллюйскаго улуса; мѣстности не указаны. Въ 1859 г.—191 д. (106 м.).

Угулятскій р.—534 д. (237 м.) бродитъ въ собственной области, принадлежащей къ Верхне-Виллюйскому улусу (уроч. Мерегежанъ, Багачанъ, Арбанда I и II, Кюндя, Олба-кѣль и др.—см. I, стр. 79). Среди якутовъ того же и Мархинскаго улуса зарегистрировано всего 20 д. (7 м.). Въ 1859 г. ихъ было 486 д. (254 м.).

Хатыгинскій (Хатылинскій) родъ — 792 д. (380 м.) напоминаетъ своимъ названіемъ имена четырехъ наслеговъ (I—IV Хатылинскіе) Батурускаго ул. Главная часть этого рода—639 д. (309 м.) проживаетъ въ окрестностяхъ оз. Джоссеи и 101 д. (50 м.) бродитъ въ лѣсистыхъ пространствахъ Верхне-Виллюйскаго улуса, въ уроч. Усунъ-кѣль, Бысланъ-Берята, Чараннахъ и др. (см. I, стр. 79). 42 д. (15 м.) проживаютъ среди якутовъ того же улуса. Въ X ревизію численность этого рода опредѣлялась въ 470 д. (253 м.), что показываетъ огромное увеличеніе его численности за послѣднія четыре десятилѣтія.

Чордунскій (Чордуйскій, Чордутскій, Чердутскій) ³⁾

¹⁾ Ср. якутскій Осогостахскій р. I Жехсогонскаго насл. Батурускаго улуса Якутскаго округа (16 д.). Майновъ (I. с., 142) упоминаетъ въ этомъ же наслегѣ еще р. Бадирскій (см. стр. 81), который онъ признаетъ тунгусскаго происхожденія, но въ переписномъ матеріалѣ этого рода ни въ указанномъ наслегѣ, ни въ другихъ не значится.

²⁾ Ср. одноименный (Тогуйскій) родъ якутовъ Онёрскаго насл. Дюсинскаго ул. Якутскаго окр.

³⁾ Ср. якутскій Чордунскій р. (233 д.) III Бетюнскаго насл. Батурускаго ул. Якутскаго окр.

р.—426 д. (208 м.). Изъ нихъ 252 д. (123 м.) проживаютъ въ районѣ оз. Джоссеи, 46 д. (22 м.) бродятъ въ уроч. Русукёля, Чекезя, Масъ-Арылахъ Верхне-Виллюйскаго улуса, 9 д. (5 м.) живутъ среди якутовъ того же улуса; 38 д. бродятъ по р. Оленеку и его притоку Силигирь, 28 д. были зарегистрированы въ стоянкѣ въ ур. Джалтакъ, 21 д. въ ур. Жоррома, 17 д. въ ур. Коновка, 11 д. изъ мѣстности р. Хотуй. Объ этомъ родѣ см. I, 51.

Шологонскіе (Шелогонскіе) роды — 444 д. (223 м.). Изъ нихъ *Шологонскій* р. — 423 д. (213 м.) бродитъ въ уроч. Амчакъ 122 д. (62 м.), Исякъ, Хорулахъ, Кянникянъ, Кулусуннахъ и др. (см. I, стр. 79 сл.) Мархинскаго улуса и 36 д. (19 м.) въ уроч. Кяряхтяхъ, Магинь, Боруллолахъ. Тегюрюнь, Мугурдахъ, Чимпядя В. Виллюйскаго ул. Остальные 55 д. (27 м.) живутъ среди якутовъ тѣхъ же улусовъ. *II Шологонскій* р. въ числѣ 21 д. (10 м.) живетъ среди якутовъ Средне-Виллюйскаго улуса. Въ 1859 г. въ Шелогонскомъ родѣ числилось 382 д. (226 м.).

Сверхъ того въ предѣлахъ Сунтарскаго улуса были переписаны 34 д. (21 м.) «*Комбойскаго* рода Лимпійскаго вѣдомства(?)» Туруханскаго края (вѣроятно Илимпейскаго рода). Они были переписаны въ кочевьяхъ въ уроч. Баторь, Маркоку, Срюнда, Екотъ, Чона. Имя Комбойскаго рода среди тунгусовъ Туруханскаго края не встрѣчается, хотя можетъ быть оно и извѣстно тунгусамъ.

Сверхъ того у 28 д. (14 м.) тунгусовъ роды не показаны.

Въ XVII и XVIII вѣкахъ вмѣсто указанныхъ родовъ тунгусовъ по Виллюю проживали совершенно иные, лишь часть которыхъ можно сопоставить съ другими родами того же племени, обитающими въ сосѣднихъ округахъ. Изъ этихъ родовъ упоминаются по средней Ленѣ: *Жиганцы* и *Долганы*, которые теперь обитаютъ въ Туруханскомъ краѣ. Первые въ концѣ XVIII в. достигли самаго запада Якутской области и жили у Оленека; переходъ ихъ черезъ эту рѣку совершился уже позже. Шаховъ въ 1671 г. засталъ на Виллюѣ *Мургатцихъ*, *Баягирскихъ* тунгусовъ и *Тамтакулей*, а на картѣ Ремезова за 1701 г. отмѣчены ниже Нижне-Виллюйскаго и Танарейскаго зимовій, за р. Варкой, тунгусы *Снигири*, а дальше внизъ по Виллюю *Тыгны*, *Шалагоны*, *Икалэтагалы*.

Имугаты (см. стр. 8), изъ коихъ нынѣ проживаютъ въ предѣлахъ округа лишь Шологоны. Баягиры—родъ весьма распространенный, но въ данномъ округѣ ихъ теперь нѣтъ; живутъ они еще въ Якутскомъ округѣ, откуда часть выселилась въ Амурскую область, но главная ихъ масса сосредоточена въ Читинскомъ округѣ (Забайк. обл.). Всѣ остальные, перечисленные выше, роды или вымерли, или окончательно ассимилировались съ якутами, или извѣстны официально подъ другими названіями.

Олекминскій округъ.

Преобладающее значеніе здѣсь имѣеть родъ *Жуюганскій* (*Жеюганскій*) — 579 д. (304 м.), получившій свое названіе отъ р. Жуи. Изъ нихъ лишь 12 д. (7 м.) проживаютъ среди якутовъ Олекминской инор. управы, всѣ остальные на собственныхъ земляхъ, въ районѣ которыхъ находятся и пріиски Олекминской системы. Больше всего ихъ было переписано по рр. Чеморхѣ (прит. Б. Патомы) — 74 д., по рч. М. Мамыканъ, по р. Жуѣ (119 д.), при устьяхъ рр. Таймендры, Ходукана, Барчика, Б. Балаганнахъ, Печеры, по рр. Вачѣ, Хомолхо, Багажиктѣ, Хорѣ, а также по р. Хайбуркѣ, около Михайловскаго ключа и въ другихъ мѣстахъ близъ пріисковъ.

Брагатскій (*Барагатскій, Барангатскій, Баранатскій*) р. — 63 д. (28 м.), изъ коихъ 21 д. (9 м.) проживаетъ въ разныхъ урочищахъ Олекминской инор. управы, среди якутовъ, и 42 д. (19 м.) бродить вблизи пріисковъ Олекминской системы, на землѣ Жуюганскихъ тунгусовъ, по рч. Хомолхо, Анагрѣ, у ключа Заголданъ и т. д. Объ этомъ родѣ см. стр. 51.

Остальные роды весьма малочисленны и по большей части пришлые изъ другихъ мѣстностей: *I Белэтскій* (1 м.), *Бетильскій* р. (1 м.), *Киндыгирскій* р.—6 д. (3 м.), *Нермаганскій* р.—2 ж., *Сологонскій* р.—12 д. (9 м.), *Тобуйскій* — 11 д. (8 м.), *Челчегирскій* (*Чильчагирскій*) — 1 м. и рядъ обрывковъ родовъ съ искаженной транскрипціей, которые въ другихъ округахъ не встрѣчаются: *Конарскій* р.—9 д. (1 м.), *Ногайскій* р.—11 д. (6 м.), *Хангыгырскій*

(Хахагирскій ?) р. — 3 д. (1 м.), Хорогирскій р. 13 д. (10 м.).

Не извѣстно, чѣмъ слѣдуетъ объяснить почти полное исчезновеніе изъ Олекминскаго округа и вообще изъ Якутской области Хангагынскаго (Хахагынскаго) рода, который еще въ 1859 г. состоялъ изъ 152 д. Можетъ быть онъ присоединился къ Жуюганскому роду, численность котораго почти удвоилась съ тѣхъ поръ. Въ виду того, что по г. Майнову старинное названіе этого рода было Хачегаръ, онъ сопоставляетъ его съ Забайкальскимъ Почегорскимъ родомъ (см. стр. 134), предполагая, что Олекминскіе представители этого рода, какъ и одноименные съ Амурскими и Забайкальскими роды Якутской области, происходятъ съ юга, что однако болѣе чѣмъ сомнительно, по крайней мѣрѣ для послѣднихъ двухъ столѣтій (см. прим. на стр. 119).

У 146 д. (75 м.) тунгусовъ, преимущественно бродящихъ на землѣ Жуюганскаго рода (74 д.) и въ районѣ приисковъ Витимской системы (52 д.), роды не показаны.

Такимъ образомъ, оказывается, что кромѣ Жуюганскаго рода и пожалуй Брагатскаго всѣ остальные представляютъ изъ себя обрывки разныхъ родовъ, главнымъ образомъ пришлыхъ изъ другихъ мѣстъ. По болѣе раннимъ даннымъ въ Олекминскомъ округѣ значилось 5 главныхъ родовъ, численность коихъ (мужчинъ) въ разные періоды XVII и XVIII ст., усматривается изъ слѣдующей таблички, составленной на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ И. Майновымъ ¹⁾.

Т А Б Л И Ц А Ш.

Названія родовъ.	Приписное населеніе мужского пола.						
	1767 г.	1782 г.	1796 г.	1812 г.	1824 г.	1835 г.	1859 г.
1. Жеюганскій	64	98	123	152	166	210	178
2. Логоцкій	40	59	65	62	66	69	?
3. Киндигирскій	48	57	73	100	99	110	167
4. Хахагынскій	90	?	139	134	154	102	152
5. Брагатскій	147	173	208	249	263	?	(339)

¹⁾ „Тр. В. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.“, 1898, II, I. с., 11—14 и 35.

Въ настоящее время изъ этихъ родовъ въ предѣлахъ округа встрѣчаются лишь Жуюганскій, который съ 1767 г. увеличился до переписи въ 5 разъ, и Брагатскій, который послѣ 1824-го года былъ перечисленъ въ Вилюйскій округъ, гдѣ и проживаетъ главная его масса. Въ обоихъ округахъ нынѣ числится 269 м. д. этого рода, что показываетъ увеличеніе его за 45 года до 1812 г. на 171⁰/₀, а въ слѣдующія 85 лѣтъ его численность почти не измѣнилась. Логоцкій р., судя по даннымъ переписи, нынѣ нигдѣ не встрѣчается, а отъ Киндыгирскаго и Хахагынскаго было обнаружено лишь нѣсколько душъ. Можетъ быть они составляютъ часть тѣхъ 146 д. (75 м.), у которыхъ роды не показаны; остальные можетъ быть присоединились къ Жуюганскому роду. Выселиться въ другія мѣста могли лишь Киндыгирцы, которые встрѣчаются еще въ другихъ районахъ, а присутствіе родовъ Логоцкаго и Хахагынскаго нигдѣ болѣе не было обнаружено.

* * *

Резюмируя все вышеизложенное о родахъ тунгусовъ Якутской области, мы видимъ, что наиболѣе многочисленны представители родовъ: *Брагатскаго* (*Барагатскаго*, *Барангатскаго*) въ 1859 г.—523 д. (339 д.) и въ 1897 г.—539 д. (271 м.), главнымъ образомъ въ Вилюйскомъ округѣ, но также и въ Олекминскомъ (въ Верхоянск. окр. 5 д.—2 м.).

Роды *Белѣтскіе* I, II, III, называемые также *Белѣтскими*, въ 1859 г. состояли изъ 668 д. (363 м.), а въ 1897 г. перепись опредѣлила ихъ число въ—619 д. (344 м.). Проживаютъ они въ Якутскомъ округѣ ¹⁾.

Бетюнскій р.—433 д. (205 м.) въ округахъ Вилюйскомъ и Верхоянскомъ.

Бетильскій р.—177 д. (97 м.) главнымъ образомъ въ Колымскомъ округѣ.

Буягирскіе роды—111 д. (59 м.) въ Якутскомъ округѣ; *Бытальскій* р.—659 д. (325 м.) въ Якутскомъ окр.; *Жахутскій* (*Жакутскій*) — 613 д. (303 м.) въ Вилюйскомъ; *Жельянскій* р. — 108 д. (58 м.) въ Верхоянскомъ; *Жуюганскій*—579 д. (304 м.) въ Олекминскомъ; *Каменные* р. — 265 д. (139 м.) въ Колымскомъ, тамъ же *Каменно-Дельян-*

¹⁾ Въ этомъ перечнѣ мы приводимъ все число душъ каждаго рода, достигнутое въ предѣлахъ Якутской обл., но изъ ихъ мѣстожительствъ указываемъ лишь округа, гдѣ они проживали въ значительномъ числѣ.

скіе — 360 д. (169 д.); *Кельтятскій* — 187 д. (98 м.) въ Вилюйскомъ окр.; *Кюрбюгдинскій* — 145 д. (66 м.) въ Якутскомъ; *Кюнскій* — 281 д. (133 м.) въ Якутскомъ и Верхоянскомъ; *Кункугурскіе* р. — 491 д. (258 м.) въ Верхоянскомъ; *Ламунхинскій* р. — 179 д. (95 м.) въ Верхоянскомъ и отчасти въ Якутскомъ; *Мямяльскій* р. — 454 д. (244 м.) въ тѣхъ же округахъ; *Нюрбуганскій* или *Нюрмаганскій* (*Нермаганскій*) — 237 д. (134 м.) тамъ же; *Тобуйскій* р. — 137 д. (70 м.) гл. обр. въ Вилюйскомъ; *Тюгясирскій* р. — 477 д. (261 м.) гл. обр. въ Верхоянскомъ, а также въ Якутскомъ; *Угулятскій* р. — 534 д. (237 м.) въ Вилюйскомъ; *Уяганскій* р. — 250 д. (133 м.) въ Колымскомъ; *Хатыгинскій* р. — 792 д. (380 м.) въ Вилюйскомъ окр.; *Шологонскіе* р. (вм. съ идентичнымъ *Сологонскимъ* — 57 д.) — 841 д. (453 м.), гл. обр. въ Якутскомъ и Вилюйскомъ окр.; *Чордунскій* р. (см. стр. 51 и 117) — 456 д. (221 м.) въ Вилюйскомъ и отчасти Якутскомъ окр.; *Эжанскіе* р. (I, II, III), самая многочисленная родовая группа Якутской области, — 1596 д. (842 м.), гл. обр. въ Якутскомъ округѣ.

Изъ этого перечня видно, что, если не принимать въ расчетъ отдѣльныхъ лицъ и семей, случайно забредшихъ въ чужой районъ, то всякій округъ имѣеть свои собственные роды, которые, хотя и живутъ чаще въ перемѣшку другъ съ другомъ, но по большей части ограничиваются лишь извѣстнымъ округомъ.

У 417 д. (199 м.) тунгусовъ Якутской области роды не показаны.

Противъ данныхъ X ревизіи въ численности родовъ произошли значительныя перемѣны, которыя частью объясняются выселеніемъ частей родовъ въ другіе округа Якутской области, въ Амурскую область и въ Удскую округу, частью ихъ вымираніемъ (см. I, 57). Сильное увеличеніе нѣкоторыхъ родовъ вѣроятно слѣдуетъ приписать присоединенію къ нимъ частей другихъ родовъ или даже цѣлыхъ родовъ (см. напр. Олекминскій окр.). Отчасти несогласіе между данными за оба года имѣеть ту причину, что за X ревизію у насъ имѣются данныя о постоянномъ т. е. приписномъ населеніи, которое, числясь въ данномъ округѣ, уже тогда могло проживать въ иномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ перепись 1897 г. намъ даетъ свѣдѣнія о наличномъ населеніи.

Иркутская губернія.

Принадлежность тунгусовъ къ тому или другому роду въ данной губерніи почти нигдѣ не показана. Изъ 2.191 д. (1.103 м.) наличнаго населенія этого племени лишь у 220 д. (109 м.) отмѣчены въ переписномъ матеріалѣ роды.

Иркутскій округъ. Тунгусы Кочергатскаго стойбища показаны принадлежащими къ *II Ашехабатскому* роду — 13 д. (6 м.), Зогинскаго къ *III Харанутскому* — 65 д. (28 м.) и Верхне-Кетскаго улуса — 48 д. (21 м.) къ родовому управленію *Отдѣльнаго Сейгутскаго* рода. Всѣ эти роды не тунгусскіе, а бурятскіе, къ которымъ причислились тунгусы названныхъ селеній и стойбищъ, въ виду чего ихъ можно считать не показавшими своихъ настоящихъ (прежнихъ) родовъ. Общее число таковыхъ здѣсь равно 134 д. (59 м.).

Балаганскій округъ. Единственное тунгусское селеніе округа Малобѣльскій улусъ населенъ, судя по даннымъ переписи, представителями *Малобѣльскаго* же рода 41 д. (23 м.), хотя это названіе повидимому лишь наименованіе улуса. Не показавшихъ рода — 3 д. (2 м.).

Верхоленскій округъ. Тунгусы небольшого коч. Качикъ В. Кудинскаго инороднаго вѣдомства въ числѣ 12 д. (7 м.) принадлежать къ роду *Шинькинскому*, нигдѣ болѣе не встрѣчаемому. Они причислились къ бурятскому роду Ользонову. Всѣ остальные тунгусы, какъ одиночные, такъ и составляющіе два самостоятельныхъ вѣдомства — Очеульское и Тутурское, не показали своихъ родовъ. Ихъ 601 д. (300 м.).

Киренскій округъ. Роды не показаны у тунгусовъ самостоятельныхъ вѣдомствъ, а лишь у отдѣльныхъ лицъ, по большей части пришлыхъ изъ Вилюйскаго округа Якутской области; таковы 27 д. (16 м.) представителей р. *Барагатскаго* и 10 д. (5 м.) *Сологонскаго*. Сверхъ того у 4 д. (3 м.) тунгусовъ Курейскаго вѣдомства показанъ неизвѣстный *Давыдкинскій* родъ (и у 38 д. того же вѣдомства имѣются названія десятковъ). Не показавшихъ своего рода въ этомъ округѣ оказалось — 1.358 д. (688 м.).

Маакъ¹⁾, называя Кондогирскую группу тунгусовъ (какъ

¹⁾ I. с., III, 39—40.

и Курейскую) родомъ, дѣлитъ ее на четыре участка, которые Миддендорфъ считаетъ родами—*Чечогиръ*, *Осокеръ*, *Акари* и *Каплинъ*. Къ этимъ родамъ послѣдній ученый присовокупляетъ еще три: *Очокогеръ*, *Павгарака* и *Монголи* (ср. р. Мунгальскій стр. 134). Изъ нихъ наиболѣе многочисленъ былъ Чечогирскій и Каплинскій, численность р. Монголи не превышала во время путешествія Миддендорфа—5 чел., а Акари—2—3 чел. Въ другомъ трудѣ того же автора названы родами лишь четыре первыхъ, изъ коихъ р. Каплинъ подраздѣлялся на пять подгруппъ: *Голье*, *Монголи*, *Павгиракай*, *Очекагиръ* и *Мумьялырь*, вымершій въ онцѣ XVIII ст. ¹⁾.

Относительно Курейскихъ тунгусовъ мы подобныхъ подраздѣленій не имѣемъ.

Сверхъ того намъ извѣстны изъ самага конца XVIII в. названія еще двухъ родовъ Киренскаго округа: *Киндягатскаго* и *Мамагатскаго*, о которыхъ одинъ оффиціальнй источникъ сообщаетъ, что они заходили иногда на р. Чону ²⁾. Первый можетъ быть идентиченъ съ Киндыгирскимъ, второй—съ Маймаганскимъ р. (см. стр. 116).

Такимъ образомъ, у 1.971 д. (994 м.) или 90% всѣхъ тунгусовъ губерніи роды въ переписномъ матеріалѣ не показаны, а изъ остальныхъ у 126 д. (55 м.) отмѣчены бурятскіе роды, къ которымъ причислились мѣстные тунгусы, у 57 д. (33 м.) неизвѣстные и нигдѣ болѣе не встрѣчающіеся обрывки самостоятельныхъ родовъ и у 37 д. (21 м.) пришлыхъ извѣстные роды Якутской области.

Забайкальская область.

Читинскій округъ.

Наибольшее разнообразіе родовъ тунгусскихъ встрѣчается въ Читинскомъ округѣ, гдѣ сосредоточена половина всего тунгусскаго населенія. Несмотря на происходящее въ настоящее время значительное перемѣщеніе тунгусовъ разныхъ родовъ, все же въ отдѣльныхъ инородческихъ управахъ его преобладаютъ коренные роды данной мѣстности, къ которымъ примѣшиваются роды смежныхъ и даже болѣе отдаленныхъ управъ.

¹⁾ Middendorf въ „Mél. Asiat.“ VIII, 1, 1877. S. 335 и „Globus“, XXXI, № 17.

²⁾ Маакъ, I. с., 4.

Сильно обрусѣлые тунгусы часто не помнят дѣленія на роды, но это лишь одна изъ причинъ, почему роды не показаны у 1712 д. (827 м.) или у болѣе чѣмъ половины (54%) тунгусовъ Шундуинской управы, у 407 д. (211 м.) Урульгинской (вкл. двор. Гантимуровыхъ), 455 д. (225 м.) Маньковской, 252 д. (125 м.) Оловской и у 303 д. (181 м.) тунгусовъ другихъ мѣстностей, или всего у 3.129 д. (1.569 м.).

Относительно названій родовъ слѣдуетъ замѣтить, что они совершенно не установлены, въ виду чего подвержены значительнымъ колебаніямъ въ переписномъ матеріалѣ, что отчасти зависитъ отъ того, что разные счетчики разнo ихъ слышали и выговаривали, отчасти отъ того, что тотъ же родъ въ разныхъ мѣстностяхъ и даже отдѣльныхъ селеніяхъ называется нѣсколько иначе—это впрочемъ въ одинаковой степени касается и всѣхъ наименованій инородческихъ родовъ и вообще географическихъ именъ въ Сибири. Установить правильную транскрипцію родовъ при подобныхъ условіяхъ и при нашемъ маломъ знакомствѣ съ мѣстной номенклатурой оказывается не возможнымъ, въ виду чего мы и [приводимъ въ скобкахъ и менѣе употребительныя въ данной мѣстности названія, исправляя однако показанія счетчиковъ или переписчиковъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда имя рода передано завѣдомо невѣрно.

а) Въ *Оловской* инородной управѣ главными родами являются: *Мальцевскій*—2.089 д. (1.001 м.) составляющій до 30% тунгусскаго ея населенія. Слѣдующими по важности родами являются: *Дулигарскій* (*Дулегорскій*) I—1.632 д. (812 м.)¹⁾, *Сухановскій*—872 д. (416 м.), *Узонскій*—776 д. (399 м.), *Кылтегерскій* (*Кылтятскій* ?)—623 д. (304 м.) и *Баягирскій* II—431 д. (221 м.). Меньшее значеніе имѣютъ здѣсь роды: *Нироновскій*—224 д. (96 м.), *Почегорскій* (*Поцагорскій*)—82 д. (38 м.), *Баягирскій*²⁾—56 д. (32 м.) и *Тулуягирскій*—19 д. 9—м.; (не считая ороحوновъ этого рода см. стр. 140).

Большинство представителей этихъ родовъ живутъ въ перемѣшку другъ съ другомъ въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ. У этихъ осѣдлыхъ и сильно обрусѣлыхъ тунгусовъ родовое управленіе потеряло уже значеніе. *Мальцевскій* родъ составляетъ почти все населеніе с. Зюльзинскаго (835 д.) и боль-

¹⁾ Въ т. ч. у 57 д. (32 м.) не указанъ № рода („I“).

²⁾ № рода, мож. б. I, не указанъ.

шую часть сел. Илимскаго (462 д.), Олеканъ (302 д.) и до половины Старо-Оловскаго (тунгусскаго) и Зюльзиканскаго, но кромѣ того въ большей или меньшей степени въ 12 другихъ селеніяхъ.

Дулигарскій I составляетъ большинство населенія сел. Усть-Начинскаго (266 д.), В. Куренгскаго, Усть-Даинскаго и Усть-Наринзорскаго (397 д.). Встрѣчается онъ еще въ 18 селеніяхъ (В. Кырлыченскомъ, Тунгусскомъ Оловѣ, Кадаѣ, В. Кіѣ, Мильгидунѣ и т. д.)

Сухановскій родъ населяетъ с. В. Курлыченское (351 д.), Улей (101 д.), Тунг. Оловъ (110 д.) и Бушулейское (153 д.), называемое по этому роду также Сухановскимъ. Въ другихъ 10 селеніяхъ ихъ меньше.

Узонскій родъ сосредоточенъ почти весь въ трехъ селеніяхъ: В. Хилѣ (41 д.), Н. Хилѣ (510 д.) и Кокуѣ (167 д.), все населеніе которыхъ онъ составляетъ (въ послѣднемъ 19 д. предст. др. родовъ). Въ другихъ 6 селеніяхъ онъ очень малочисленъ.

Кылтегерскій (Кэлтегерскій) р. составляетъ до половины населенія ул. Кыкерскаго; довольно многочисленъ онъ еще въ сел. Илимѣ, Олеканѣ, Цагакшиной, Зюльзиканскомъ и Зюльзинскомъ; въ другихъ 5 селеніяхъ его мало.

Нироновскій родъ преобладаетъ въ с. Аркіинскомъ; встрѣчается также въ с. Мильгидунѣ и друг.

Остальные роды, по большей части пришлые, всюду, гдѣ встрѣчаются, составляютъ меньшинство населенія. Представителей *Баягирскаго II* рода больше въ сел. Усть-Наринзорскомъ, въ Тунгусскомъ и Старомъ Оловѣ и Кадаѣ. *Почегорскій, Тулуягирскій* и *Баягирскій* всюду малочисленны.

[Сверхъ того 225 д. (138 м.) тунгусовъ этой управы были зарегистрированы въ Нерчинскомъ округѣ и 17 д. (9 м.) въ Нерчинско-Заводскомъ].

б) *Урульгинская* инор. управа. Первое по численности мѣсто занимаетъ родъ *Почегорскій (Поцагорскій)* — 569 д. (278 м.), преобладающій однако лишь въ сел. Байцатуевскомъ (250 д.); встрѣчается онъ въ 12 селеніяхъ, (д. Князе-Береговой, Карымской ул., Торгаконскомъ, Наринъ-Талачѣ и др.).

Дулигатскій (Дулегатскій) родъ — 436 д. (218 м.) не преобладаетъ нигдѣ, хотя болѣе многочисленъ въ сел. Князе-Береговой, Князе-Урульгѣ, Дондаковомъ, Наринъ- и Средней-Талачѣ и т. д.

Мунгальскій (Монгольскій) родъ — 504 д. (240 м.) составляетъ часть населенія сел. Карымской, Князе-Поселья, Князе-Береговой, Князе-Урульги, Усть-Талачинской, В. и Ср. Талачи и 6 другихъ селеній.

Яравнинскій, представленный 346 д. (167 м.), сгруппированъ почти весь въ четырехъ селеніяхъ: Шергалджинскомъ (на Читѣ и Улдургѣ), Сахалтуевскомъ и Бургени.

Телембинскій родъ — 277 д. (136 м.) преобладаетъ въ сел. Усть-Ницичунѣ; встрѣчается также въ ул. Кужертаевскомъ и Наринь-Талачѣ и др.

Кылтегерскій (Кылтегирскій, Кэлтегерскій) р. — 235 д. (112 м.) сосредоточенъ преимущественно въ ул. Беріѣ, гдѣ преобладаетъ; въ меньшемъ числѣ также въ В. Талачѣ и др.

Домо-Дулегатскій — 208 д. (93 м.) и *Князе-Дулегатскій* — 80 д. (39 м.) роды нигдѣ не преобладаютъ. Представителей первыхъ больше въ Верх.-и Наринь-Талачѣ, второго въ с. Дондаковомъ. Вѣроятно эти оба рода составляютъ отдѣльныя вѣтви Дулегатскаго рода. Возможно, что сюда же принадлежитъ и родъ *Домуевскій* — 45 д. (24 м.), названіе котораго можетъ быть является сокращеніемъ перваго изъ упомянутыхъ выше.

Остальные роды этой управы очень малочисленны и мѣсто-пребываніе ихъ здѣсь имѣетъ случайный характеръ: *Вака-сильскій* (6 д.), *Гуновскій* (4 д.), *Дулегарскій* (11 д.), *Сартутскій* (10 д.), *Узонскій* (5 д.), *Улятскій* (3 д.), *Челкагирскій* (2 д.).

Сверхъ того въ данной управѣ проживаетъ 266 д. (141 м.) потомственныхъ дворянъ *Гантимуровыхъ*, происходящихъ изъ *Нелюдскаго* рода и составляющихъ часть населенія селеній Князе-Поселья, -Береговой, -Урульги и одной заимки.

[Въ трехъ смежныхъ округахъ тунгусовъ этой управы оказалось всего 44 д. (22 м.)].

в) *Шундуинская* инор. управа. Здѣсь главную роль играютъ роды *Улятскій* — 666 д. (328 м.), *Челкагирскій (Чилкагирскій)* — 499 д. (239 м.) и *Намятскій* — 178 д. (91 м.). Улятскій р. составляетъ все тунгусское населеніе 8 селеній: Хара-Быркинскаго, Тургинско-Подгорнаго, Усть-Тургинскаго, Гурбонорскаго, Алакойскаго, Тутъ-Халтуйскаго, Зукултуйскаго и Шорокундуйскаго, изъ коихъ наиболѣе крупныя сел. Хара-Быркинское (379 д.) и ул. Усть-Тургинскій (94 д.);

въ 4 селеніяхъ этотъ родъ проживаетъ совмѣстно съ другими. Челкагирскій родъ преобладаетъ въ сел. Б. Соктуѣ, д. и ул. Быркинскихъ и въ ул. Биликтуевскомъ, Коркиринскомъ. Намятскій р. составляетъ главную массу населенія сел. М. Соктуя и д. Эдартуйской; встрѣчается въ небольшомъ числѣ еще въ 6 другихъ селеніяхъ.

Долотскій родъ—72 д. (34 м.) нигдѣ не преобладаетъ въ 5 селеніяхъ, въ которыхъ встрѣчается, но его больше въ ул. Биликтуевскомъ.

Дулигатскій р. — 50 д. (25 м.) составляетъ все населеніе ул. Тоготуйскаго.

Яравнинскій р. въ числѣ 5 д. (2 м.) встрѣчается въ Соктуѣскомъ улусѣ.

Въ переписномъ матеріалѣ значится въ данной управѣ еще родъ *Сокалтуевскій*, проживающій въ числѣ 75 д. (34 м.) въ только что названномъ улусѣ. Но, такъ какъ этотъ родъ у тунгусовъ нигдѣ болѣе не встрѣчается, можно подозрѣвать, что онъ представляетъ видоизмѣненное названіе бурятскаго Сахалтуевскаго рода, который составляетъ часть жителей бурятской управы Улдургинской, недавно отдѣлившейся отъ Урульгинской думы. Здѣсь онъ встрѣчается въ 9 улусахъ, причемъ число его членовъ равно 182 д. (87 м.). Наше предположеніе отчасти подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что населеніе ул. Соктуѣскаго принадлежитъ къ той части тунгусовъ этой управы, которая говоритъ на бурятскомъ языкѣ.

Какъ указано выше, болѣе половины тунгусскаго населенія этой управы не показали въ переписномъ матеріалѣ своей принадлежности къ тому или другому роду.

[Въ трехъ сосѣднихъ округахъ проживаетъ еще 261 д. (137 м.) тунгусовъ этой управы, въ т. ч. въ Нерчинскомъ 191 д. (109 м.), въ Акшинскомъ, считая и показавшихъ свой родъ,—64 д. (25 м.) и въ Нерчинско-Заводскомъ—7 д. (3 м.)].

г) *Маньковская* инор. управа. Здѣсь наиболѣе многочисленны роды *Баягирскіе*, представителей которыхъ въ этой управѣ 1.788 д. (904 м.) или до 30% всего ея тунгусскаго населенія. Изъ нихъ на долю *I Баягирскаго* рода приходится 377 д. (199 м.). Эти тунгусы наиболѣе многочисленны въ д. В. Калгуканской (200 д.), Шоноктуѣйской и В. Тарсукаѣйской (66 д.). Въ этой послѣдней показаны впрочемъ тунгусы просто Баягирскаго рода. *Баягирскій II* родъ

имѣть 1.411 д. (705 м.) представителей въ данной управѣ, которые составляютъ преобладающую часть населенія д. Маньковской (588 д.), Усть-Начинской (159 д.) и ул. Залайскаго. Многочисленны они также въ сел. Шоноктуйскомъ, Барунъ-Кондуйскомъ и въ д. Чупинской; встрѣчается онъ еще въ 13 селеніяхъ.

Намятскій р.—771 д. (384 м.) составляетъ ок. половины населенія д. В. Тарсукайской и часть Усть-Тарсукайской и ул. Усть-Хоркиринскаго, Талманъ-Борзинскаго, д. Селендинской, В. Калгуканской и еще шести другихъ селеній.

Чипчинутскій (*Чипчинскій*)—613 д. (315 м.) составляетъ около $\frac{2}{3}$ населенія ул. Нарынъ (209 д.) и $\frac{1}{3}$ дер. Акурайской. Встрѣчается также въ д. Маньковской, Усть-Хоркиринской и еще въ 12 селеніяхъ.

Дулигарскіе роды — 1.390 д. (685 м.). Изъ нихъ *Дулигарскій I*—1.140 д. (571 м.) преобладаетъ въ сел. Олдопдинскомъ, въ д. Нижне-Гирюнинскѣй (214 д.) и въ В.-Гирюнинской, въ ул. Гуруханскомъ, Мыгнэно-Озерскомъ; многочисленъ онъ также въ д. Маньковской и въ сел. Барунъ-Кондуйскомъ; встрѣчается еще въ 11 другихъ селеніяхъ, причемъ у 17 д. (8 м.) показанъ просто родъ Дулигарскій. *Дулигарскій II* р.—250 д. (114 м.). Изъ 8 селеній, гдѣ проживаютъ его представители, онъ болѣе многочисленъ въ д. В. Калгуканской и въ ул. Талманъ-Борзинскомъ.

Конурскій р. — 551 д. (275 м.) въ наибольшемъ числѣ встрѣчается въ д. Шоноткуйской, Усть-Тарсукайской, В. Тарсукайской, Селендинской и В. Калгуканской и кромѣ того въ 6 другихъ селеніяхъ.

Дуларскій р. — 321 д. (167 м.) преобладаетъ въ сел. Шоноктуйскомъ, въ ул. Талманъ-Борзинскомъ, въ д. В. Калгуканской; кромѣ того встрѣчается еще въ 6 селеніяхъ. Не есть-ли Дуларскій родъ видоизмѣненіе имени Дулигарскаго?

Долотскій р.—161 д. (72 м.)—проживаетъ главнымъ образомъ въ сел. Барунъ-Кондуйскомъ (126 д.) и еще въ 3 селеніяхъ.

Представителей другихъ родовъ здѣсь мало: *Улятскій* (*Улятуевскій*)—4 д. (2 м.) и *Челкагирскій*—6 д. (3 м.).

[Въ трехъ смежныхъ округахъ перепись открыла еще 1.026 д. (562 м.) представителей этой управы; именно въ Акшинскомъ—535 д. (282 м.), въ Нерчинскомъ—129 д. (83 м.) и въ Нерчинско-Заводскомъ—362 д. (197 м.)].

д) *Онгоцонская* инор. управа. Господствующими являются: *Сартольскій* (*Сортольскій*) родъ, представителей котораго въ управѣ числится 390 д. (184 м.). Преобладаетъ онъ въ ул. Алтанскомъ (106 д.), Нижне-Кыринскомъ (71 д.), Хурулгинскомъ (156 д.), Билютуевскомъ (39 д.) и еще въ 2 улусахъ.

Сартутскій (*Сортотскій*, *Сартотскій*) р. ¹⁾ проживаетъ въ ул. Нижне- и В.-Бырцинскихъ (162 и 197 д.), гдѣ этотъ родъ преобладаетъ, и еще въ 9 улусахъ, главнымъ образомъ В. Кыринскомъ ул. (66 д.) и въ сел. Бырцинскомъ (89 д.), въ ул. Курултэкэнскомъ (74 д.), Тарбалджейскомъ (71 д.) и Улачинскомъ (53 д.). Общее число представителей этого рода простирается здѣсь до 794 д. (383 м.).

Вакасылскій р. — 471 д. (245 м.) составляетъ около половины населенія ул. Хурулгинскаго, Нижне-Кыринскаго и Тарбалджейскаго; въ небольшомъ числѣ онъ встрѣчается и въ другихъ 7 селеніяхъ.

Луникерскій р.—476 д. (232 м.) составляетъ большинство населенія ул. Курултэевскаго (59 д.); многочисленъ онъ также въ ул. Билютуевскомъ, В.- и Нижне-Кыринскомъ, Былыринскомъ, въ с. Бырцинскомъ; встрѣчается еще въ 9 улусахъ.

Чимчагитскій р.—146 д. (70 м.) встрѣчается въ небольшомъ числѣ въ 10 селеніяхъ, изъ коихъ въ наибольшемъ числѣ въ с. Бырцинскомъ и въ ул. Тарбалджейскомъ.

Вышеупомянутые роды являются коренными въ данной управѣ. Сверхъ того въ ней встрѣчаются пришлые роды:

Гучитскій (*Гутчитскій*) р.—51 д. (24 м.) главнымъ образомъ въ ул. Улачинскомъ и Хурулгинскомъ.

Хоронуцкій р.—47 д. (26 м.), гл. обр. въ ул. Билютуевскомъ (см. стр. 97).

Узонскій р.—42 д. (20 м.), гл. обр. въ ул. Хурулгинскомъ.

Тукчинскій р.—7 д. (3 м.) и *Яравнинскій* р.—1 д.

¹⁾ Въ переписномъ матеріалѣ оба эти рода показаны особо, такъ же самостоятельно они являются и въ историческомъ актѣ 1727 г., касающемся Акшинскихъ казаковъ, которые происходятъ отъ инородцевъ этой и двухъ другихъ управъ (см. стр. 141). Но въ трудѣ по „изслѣдованію землевладѣнія и землепользованія Забайкальской области“ (вып. VIII, 171) оба рода повидимому ошибочно соединены въ одинъ подъ названіемъ Сартольскаго, а о Сартотскомъ, самомъ многочисленномъ родѣ управы, тамъ совсѣмъ не упоминается. Замѣтимъ еще, что Чимчагитскій р. тамъ смѣшанъ съ Чильчагирскимъ.

[Сверхъ того 408 д. (197 м.) тунгусовъ этой управы были зарегистрированы въ Акшинскомъ округѣ].

е) *Кужертаевская* инородная управа. Преобладающимъ является р. *Узонскій* (*Удзонскій*)—1.375 д. (694 м.), составляющій все населеніе ул. Наринь-Кундуя, Зимовьинскаго, Цагань-Арала, Ульзутуя, Кылыгэя, Усть-Адагулика, Улань-Загантая, Шонходуя, Жибкошинскахъ ул. и дер., ул. Тулутаевского, Кылыгэйскаго, Тарбагатаевского, ул. Урея и дацановъ Кужертаевского и Тарбагатаевского, д. Онкоекской и Ново-Тулутаевской и большую часть тунгусовъ д. Кужертаевской и ул. Акши; меньше его въ ул. Онгоцонѣ. [Сверхъ того 55 д. (28 м.) въ Акшинскомъ округѣ].

Гуновскій р.—343 д. (171 д.) составляетъ все населеніе улусовъ: Булуктуй, Шара-Кундуй, Хабцагайтуй, Дунданурь, Зунь-Нурь, Гуновскаго дацана (при Шарак. ул.) и большинство ул. Хамхактуя. [Сверхъ того 94 д. (38 м.) этого рода проживаютъ въ Акшинскомъ округѣ].

Тукчинскій р.—310 д. (167 м.) составляетъ преобладающую часть населенія ул.: Хосутуй, Зуткулей, Чиндалей и Тукчинскаго дацана.

Гучитскій р.—154 д. (73 м.) составляетъ $\frac{2}{3}$ населенія ул. Онгоцона.

Баликагирскій р. живетъ въ числѣ 48 д. (24 м.) въ трехъ улусахъ среди другихъ родовъ.

Большинство инородцевъ этого рода проживаютъ однако внѣ предѣловъ управы, на казачьихъ земляхъ Акшинскаго округа и отчасти въ другихъ мѣстахъ, состоя пастухами чужихъ и своихъ стадъ (см. I, стр. 136 сл.). Такъ какъ они у себя не пользуются покосами, инородная управа и не привлекаетъ ихъ къ платежу губернскаго земскаго сбора ¹⁾).

Эти пять родовъ являются коренными мѣстными родами. Всѣ остальные пришлые.

Сартотскій или (*Сартутскій*) р.—20 д. (11 м.) встрѣчается въ ул. Акшѣ, *Сартольскій* (*Сортольскій*) въ ул. Онгоцонѣ—15 д. (6 м.), въ которомъ проживаютъ еще обрывки другихъ родовъ: *Луникерскаго* 14 д. (7 м.) и *Дулигатскаго* 10 д. (6 м.).

¹⁾ Куломзинъ, вып. VШ, стр. 177.

Наконецъ, въ д. Кужертаѣ имѣютъ мѣстожителство 45 д. (27 м.) потомственныхъ дворянъ *Гантимуровыхъ*.

[Значительное число представителей этой управы проживаетъ въ предѣлахъ Акшинскаго округа. Ихъ оказалось 568 душъ (271 муж.)].

Изъ этихъ данныхъ усматривается, что въ настоящее время тунгусскіе роды пяти управъ Урульгинской степной думы не имѣютъ, за немногими исключеніями, особыхъ географическихъ районовъ, гдѣ бы они встрѣчались одни. Въ большинствѣ случаевъ въ однихъ и тѣхъ селеніяхъ проживаютъ представители нѣсколькихъ родовъ часто въ такой пропорціи, что оказывается невозможнымъ опредѣлить, къ району какого рода они принадлежатъ. Чаще однако коренной родъ все же преобладаетъ въ селеніяхъ своего прежняго района, особенно въ Кужертаевской и Онгоцонской управахъ съ кочевымъ населеніемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. роды Узонскій и Гуновскій въ первой управѣ, они и по-сейчасъ составляютъ все населеніе селеній своего географическаго района.

Въ бурятской *Агинской* степной думѣ встрѣчаются обрывки разныхъ тунгусскихъ родовъ: *Баликагирскаго* (21 д.), *Узонскаго* (17 д.), *Тукчинскаго* (13 д.), *Гуновскаго* (7 д.), *Сартольскаго* (5 д.), *Кылтегерскаго* (4 д.) и вѣроятно идентичнаго съ нимъ *Кылтятскаго* (7 д.), *Баягирскаго* (4 д.). Отдѣльныя лица показаны принадлежащими къ несуществующимъ тунгусскимъ родамъ: *Дунуйкурскому*, *Сынгырьдырьскому* и завѣдомо бурятскому роду *Барунъ-Хоацайскому*. У 25 д. (15 м.) названія родовъ не показаны.

Не указаны они и у обрусѣлыхъ тунгусовъ, проживающихъ въ русскихъ селеніяхъ и въ гор. Читѣ, за исключеніемъ 8 д. (2 м.) въ этомъ городѣ, принадлежащихъ къ дворянамъ *Гантимуровымъ*.

Орочоны или бродячіе оленные тунгусы даннаго округа принадлежатъ къ Урульгинской степной думѣ. Они распадаются на четыре рода: *Бультегерскій*, *Тулуягирскій*, *Лакшикагирскій* и *Катчитскій*, изъ коихъ первый причисленъ къ Урульгинской инородной управѣ, а остальные къ Оловской. Послѣдній родъ по своему названію напоминаетъ *Гучитскій* родъ осѣдлыхъ тунгусовъ той же степной думы. Подробнѣе объ этихъ орочонахъ (см. I, стр. 19 сл.).

Акшинскій округъ.

Происходя по большей части изъ инородческихъ управъ Читинскаго округа: Маньковской, Онгоцонской и Кужертаевской, тунгусы-инородцы даннаго округа естественно должны принадлежать къ тѣмъ родамъ, которые тамъ господствуютъ, хотя въ переписныхъ листахъ помѣтки о родахъ въ данномъ округѣ и встрѣчаются сравнительно рѣдко. Изъ отмѣченныхъ въ данномъ округѣ родовъ выясняется, что они происходятъ преимущественно изъ послѣднихъ двухъ управъ. Изъ нихъ преобладаютъ представители родовъ: *Гуновскаго*—94 д. (38 м.), *Узонскаго*—55 д. (28 м.), *Тукчинскаго*—14 д. (7 м.), *Баликагирскаго*—15 д. (6 м.), *Чинчинутскаго*—10 д. (6 м.) и *Улятскаго*—6 д. (3 м.). У 1.497 д. (743 м.) роды не показаны.

Нѣтъ въ переписныхъ листахъ указаній о родахъ и у *казаковъ-тунгусовъ* даннаго округа ¹⁾, но изъ историческихъ актовъ мы узнаемъ, что они были набраны изъ 12 родовъ (по 5 юрть), которые и нынѣ преобладаютъ у тунгусовъ названныхъ выше трехъ управъ. Эти роды въ 1727 г. были слѣдующимъ образомъ распределены по карауламъ: *Сарадульскій* р — въ караулѣ Бальжиканскомъ, на р. Бальжиканѣ, Куркунскомъ, Букукунскомъ и Алтанскомъ (на р. Алтанѣ); *Сартольскій* въ кар. Кыринскомъ противъ маяка Табунъ-Тологой; *Цамцыгинскій* въ кар. В. Ульхунскомъ на р. Кыринѣ; *Почегатскій* въ кар. Мангутскомъ близъ маяка Мангутскаго; *Ульзюцкій* въ кар. Нижне-Ульхунскомъ на р. Учирху; *Гуновъ* р. въ кар. Дурулгуйскомъ, Токторскомъ и Могойтуйевскомъ на вершинѣ р. Дороми и бл. оз. Цаганъ-Нора; *Баликагирскій* р. — въ кар. Кубухаевскомъ, Цасучѣвскомъ и въ Чиндантъ-Туевской крѣпости на р. Амалгѣ; *Уляцкій* въ кар. Кулусутаевскомъ у оз. Тари (Бар. Торей); *Намяцкій* въ кар. Чиндантскомъ и Ключевскомъ у оз. Тараба-Даху; *Челкагирскій* въ кар. Цаганъ-Олуевскомъ и Соктуевскомъ у оз. Халсутая; и, наконецъ, *Конурскій*, *Долоцкій* и *Намяцкій* рр. въ Стар. Цурухайтуѣ на р. Аргуни ²⁾.

Изъ названныхъ родовъ лишь Ульзюцкій не встрѣчается среди родовъ Урульгинскаго вѣдомства, остальные тѣ же, что мы поименовали выше при описаніи родовъ Кужертаевской, Онгоцонской и Маньковской управъ (*Сарадульскій*==*Сартут-*

¹⁾ Въ ихъ числѣ 52 д. (24 м.) дворянъ Гантимуровыхъ.

²⁾ Вуссе, *ibid*, 26 и 55.—Мѣстоположеніе карауловъ не всюду показано точно.

скому, Цамцыгинскій—Чимчагитскому, Почегатскій-Почегорскому р. переписи).

Въ самомъ же началѣ XVIII ст. въ охранѣ границы принимали участіе лишь 8 родовъ: *Канурскій*, *Намяцкій*, *Долоцкій*, *Челкагирскій*, *Уляцкій*, *Баликагирскій*, *Гуновъ* и *Ульзуккій*, которые несли службу въ семи караулахъ отъ крѣпости Цурухайтуй на р. Аргуни на западъ до перевала черезъ Становой хребетъ, на вершинѣ р. Учирху¹⁾. Остальные роды были привлечены къ отбыванію казачьей службы уже въ послѣдствіи. Припомнимъ къ слову, что и внѣ предѣловъ Акшинскаго округа тунгусы отчасти принимали участіе въ охранѣ государственной границы (см. стр. 143).

Нерчинскій и Заводо-Нерчинскій округа. Роды проживающихъ въ этихъ округахъ тунгусовъ изъ сосѣднихъ управъ Урульгинскаго вѣдомства въ огромномъ большинствѣ случаевъ не показаны, за исключеніемъ отдѣльныхъ лицъ: въ первомъ—7 д. (3 д.) представителей родовъ *Сухановскаго*, *Киндыгирскаго*, *Баягирскаго* и во второмъ 5 д. (3 м.)—*Дулигарскаго*.

Орочоны Нерчинскаго округа принадлежатъ по большей части къ родамъ *Киндыгирскому* и *Булѣтскому* (*Белѣтскому*)—см. I, стр. 20.

Селенгинскій округъ.

Въ Селенгинскомъ округѣ тунгусы составляютъ населеніе половины улусовъ Армакскаго инородной управы. Они за исключеніемъ 84 д. (41 м.) осѣдлыхъ и обрусѣлыхъ инородцевъ с. Армакскаго, которые своего рода не показали, принадлежатъ исключительно къ двумъ мѣстнымъ родамъ—*Заяктаевскому* (*Заяктаевскому*) и *Цингидинову* (*Цингидинову*). Первый составляетъ населеніе пяти улусовъ названной управы и $\frac{2}{3}$ жителей с. Армакскаго (см. I, стр. 149). Его представителей числится всего 499 д. (242 м.).

Тунгусы второго рода проживаютъ въ пяти другихъ улусахъ той же управы и 10 д. (5 м.) въ с. Армакскомъ (см. тамъ же). Онъ состоитъ изъ—337 д. (159 муж.).

1) Названія карауловъ нынѣшнія.

Заектаевъ родъ, *Цинкзевъ* (можетъ быть = Цингидинову), а также не существующій нынѣ *Култуцкій* родъ, приписанные прежде къ Култушному острогу на южной оконечности озера Байкала (тогда Иркутск. губ.), тоже участвовали въ кордонной службѣ по Китайской границѣ. Такъ, по росписи казачьяго населенія 1727 г. первые два изъ нихъ содержали караулы Хамнейскій и Цакирскій (по 5 юртъ), а Култуцкій р. — караулы Харацайскій и Цежесскій, тоже къ западу отъ Кяхты. Впослѣдствіе однако послѣдняя часть пограничной стражи слилась съ бурятскимъ полкомъ и въ административныхъ актахъ не сохранилось памяти о тунгусскомъ происхожденіи части мѣстныхъ гарнизоновъ ¹⁾, иначе говоря, они окончательно превратились въ бурятовъ, въ виду чего и въ переписномъ матеріалѣ слѣдовъ не оставили.

Что же касается до инородцевъ *I* и *II Тыртеевскихъ* родовъ той же Армакской управы, названныхъ въ переписномъ матеріалѣ «тунгусами», то мы на основаніи вышеуказанныхъ соображеній отнесли ихъ къ бурятамъ (см. I., стр. 149).

Баргузинскій округъ.

Здѣсь главными родами являются *Мунгальскій*—242 д. (120 м.) въ Баргузинской инор. управѣ, главнымъ образомъ въ ул. Бѣловодско-Хабаржанскомъ (161 д.), и *Чильчагирскій*—1.190 д. (615 м.), изъ котораго состоитъ все населеніе В. Ангарскаго родоваго управленія и большая часть жителей Баунтовской инор. управы. Въ послѣдней этотъ родъ подраздѣляется на двѣ части, изъ коихъ численность *I Чильчагирскаго* равна 532 д. (287 м.) и *II-го*—204 д. (107 м.). Просто *Чильчагирскій* родъ въ числѣ 397 д. (199 м.) составляетъ населеніе В. Ангарскаго Чильчагирскаго родоваго управленія; 57 д. (22 м.) этого рода проживаютъ въ Бодонскомъ селеніи и въ другихъ колоніяхъ Баргузинской инор. управы, въ селеніяхъ Читканской вол. и Баргузинской степной думы. Затѣмъ значеніе имѣетъ родъ *Киндыгирскій*—252 д. (139 м.), составляющій все населеніе Нижне-Ангарскаго Киндыгирскаго родоваго управленія; къ *III. Киндыгирскому* р.—68 д.

¹⁾ Буссе, I. с., 27, 50 сл.

(37 м.) принадлежить остальная часть тунгусовъ Баунтовской управы. Всего представителей *Киндыгирскихъ* родовъ — въ предѣлахъ округа опредѣлилось въ 320 д. (176 м.).

Родъ *Шемагирскій* (видоизмѣненіе *Самагирскаго*) — 65 д. (35 м.) составляетъ особое родовое управление Подлеморско-Шемагирское (см. I, стр. 146).

Нѣсколько меньшее значеніе имѣютъ въ округѣ родъ *Лимагирскій* — 106 д. (53 м.), проживающій въ колоніяхъ Баргузинской инор. управы, главнымъ образомъ въ ул. Бѣловодско-Хабаржанскомъ (39 д.) и въ с. Бодонскомъ (38 д.). Въ первомъ и другихъ селеніяхъ Баргузинской управы встрѣчаются и немногіе тунгусы *Баликагирскаго* рода — 68 д. (27 м.) и *Смѣшаннаго* — 13 д. (4 м.), вѣроятно представляющаго изъ себя конгломератъ обрывковъ нѣсколькихъ родовъ. Кромѣ того въ ул. Сахули (Баргуз. упр. и вѣд.) было зарегистрировано 3 д. (2 м.) тунгусовъ неизвѣстнаго *Ямагирскаго* (*Лимагирскаго?*) рода. Не показавшихъ своего рода въ этомъ округѣ оказалось — 111 д. (50 м.).

В.-Удинскій округъ. Большинство мѣстныхъ тунгусовъ принадлежатъ къ Баргузинскому округу (см. I, стр. 153), кромѣ 4 д. (2 м.) *Шилишерскаго* р. (мож. б. = *Чильчагирскому*). Остальные роды, гдѣ они показаны, оказались совсѣмъ новыми, не встрѣчающимися въ другихъ мѣстностяхъ: *Бэжэриетскій* — 31 д. (17 м.) изъ ур. Жилинда по Витиму, *Биллирганскій* р. — 28 д. (16 м.) и *Хиндагатскій* — 14 д. (7 м.) изъ ур. Хосодо и Биту по Витиму. У 13 д. (7 м.) роды не показаны. Относительно перваго рода см. стр. 148, а второй можетъ быть является искаженіемъ Баликагирскаго р.

* * *

Въ итогѣ по Забайкальской области 24.557 д. (12.159 м.) мѣстныхъ тунгусовъ (не считая ороченовъ) показали свою принадлежность къ извѣстному роду. Остальные въ числѣ 8.870 д. (4.465 м.) или 26,5⁰/₀ не дали соотвѣтствующихъ показаній. Частью это обусловливалось тѣмъ обстоятельствомъ, что они забыли родовое дѣленіе, перейдя къ полусѣдлому и осѣдлому образу жизни, обрусѣвъ и смѣшавшись браками съ русскимъ и бурятскимъ населеніемъ. Таковы, напр. казаки Акшинскаго округа, обрусѣлые тунгусы Читинскаго округа и с. Армакскаго Селенгинскаго. Частью тунгусы этой категоріи просто не показали своего рода, хотя безъ сомнѣнія еще помнить свою принад-

лежность къ тому или другому изъ нихъ (пришлое тунгусское населеніе округовъ Нерчинскаго, Нерчинско-Заводскаго и т. д.).

Изъ тунгусовъ, показавшихъ свой родъ, наибольшія численныя группы образуютъ роды:

Баягирскіе — 2.280 д. (1.160 м.), [*Бультегерскій* (ороч.) — 184 д. (90 м.)], *Вакасылскій* — 477 д. (249 м.), *Гуновскій* — 448 д. (215 м.), *Гучитскій* — 205 д. (97 м.), *Долотскій* — 233 д. (106 м.), *Дулларскій* — 321 д. (167 м.), *Дулгарскій* — 3.056 д. (1.517 м.), *Дулегатскій* — 496 д. (249 м.), а съ *Домо-* и *Князе-Дулегатскими* — 774 д. (381 м.), [сюда же можетъ быть принадлежить и *Домуевскій* — 45 д. (24 м.)], *Заектаевъ* — 499 д. (242 м.), [*Катчитскій* (= *Гучитскій* ?) ороч. — 114 д. (54 м.)], *Киндыгирскіе* — 339 д. (184 м.), *Конурскій* — 551 д. (275 м.), *Кыльтегерскій* — 869 д. (421 м.), [*Лакишкагирскій* (ороч.) — 141 д. (65 м.)], *Лимагирскій* — 106 д. (53 м.), *Луникерскій* — 490 д. (239 м.), *Мальцевскій* — 2.089 д. (1.001 м.), *Мунгальскій* — 746 д. (360 м.), *Намятскій* — 949 д. (475 м.), *Нироновъ* — 224 д. (96 м.), *Почегорскій* — 651 д. (316 м.), *Сартольскій* — 410 д. (195 м.), *Сартутскій* — 824 д. (400 м.), *Сухановскій* — 875 д. (417 м.), *Телембинскій* — 277 д. (136 м.), *Тукчинскій* — 344 д. (182 м.), [*Тулуягирскій*, (орочонскій) съ 19 д. (9 м.), названныхъ «тунгусами» — 481 д. (256 м.)], *Узонскій* — 2.270 д. (1.151 м.), *Улятскій* — 689 д. (343 м.), *Цингидиновъ* — 337 д. (159 м.), *Чилкагирскій* (Чит. окр.) — 507 д. (243 м.) и вѣроятно идентичныя съ нимъ *Чильчагирскіе* р. (Баргуз. окр.) — 1.190 д. (615 м.) или вмѣстѣ 1.697 д. (858 м.), *Чимчагитскій* — 146 д. (70 м.), *Чипчинутскій* — 623 д. (321 м.), *Яравнинскій* — 352 д. (170 м.).

Огромное большинство этихъ родовъ приходится на долю Читинскаго округа, гдѣ проживаетъ главная масса тунгусовъ. Въ Селенгинскомъ окр. изъ этихъ родовъ встрѣчаются Заектаевъ и Цингидиновъ, которые являются мѣстными родами, а въ Баргузинскомъ преобладающее значеніе приобрѣтаютъ роды Киндыгирскіе, Лимагирскій и Чильчагирскіе, отчасти и Мунгальскій, частицы которыхъ встрѣчаются и въ другихъ округахъ, какъ и въ Баргузинскомъ можно встрѣтить отдѣльныя семьи родовъ Читинскаго округа.

Всѣ остальные роды имѣютъ меньшее значеніе, хотя можетъ быть и довольно многочисленны въ округахъ, откуда у насъ не имѣется свѣдѣній о родахъ (ср. стр. 133, 141 сл.).

Въ числѣ этихъ лицъ, не показавшихъ своего рода, можно указать на потом. дворянъ *Гантимуровыхъ*, происходящихъ изъ Нелюдскаго рода, нынѣ повидимому забытаго—371 д. (194 м.); въ т. ч. въ Читинскомъ округѣ—319 д. (170 м.) и въ Акшинскомъ—52 д. (24 м.).

Съ вышеприведеннымъ спискомъ родовъ Забайкальскихъ тунгусовъ, по даннымъ переписи 1897 г., полезно сопоставить названія ихъ за прежніе періоды времени. Относительно казаковъ Акшинскаго округа мы привели оффиціальныя данныя за 1727 г. и за начало XVIII ст. (см. стр. 141 сл.). Теперь приведемъ соотвѣтствующія данныя по Читинскому округу за 1766 г. Подобное сопоставленіе поучительно въ томъ отношеніи, что выясняетъ происхожденіе названій нѣкоторыхъ родовъ, а также, какія изъ близкихъ по созвучію наименованій, которыхъ среди названій этихъ родовъ не мало, слѣдуетъ считать принадлежащими самостоятельнымъ родамъ и на какія слѣдуетъ смотрѣть какъ на видоизмѣненія одного и того же имени.

Въ виду того, что административное дѣленіе края въ прежнее время было совершенно иное, намъ напередъ слѣдуетъ выяснитъ, какіе изъ районовъ Забайкальской области оказываются удобосравнимыми. Судя по всѣмъ даннымъ, можно принять, что тунгусы Урульгинской степной думы Читинскаго округа и инородцы и казаки Акшинскаго округа соотвѣтствуютъ тунгусамъ прежняго Нерчинскаго воеводства и тѣмъ, которые были приписаны къ острогамъ Яравнинскому и Телембинскому, а также бродившимъ въ верховьяхъ р. Витима.

а) Въ *Нерчинскомъ* воеводствѣ, по даннымъ Георги за 1766 г. ¹⁾, числились слѣдующіе роды тунгусовъ (въ скобкахъ нынѣшнія соотвѣтствующія имъ названія): Чилкаиръ (Чилкагирскій), Улэдъ (Улятскій), Намэдъ (Намятскій), Тукчинъ (Тукчинскій), Удзунъ (Удзонскій, Узонскій), Сартотъ (Сартотльскій г.), Падшегоръ (Почегорскій), Сарадуръ (Сартотскій), Дулегать (Дулегатскій), Буликагитъ (Баликагирскій), Гуни-Монголь (Гуновскій ?), Јолтогетъ (у Палласа Кёлтöйетъ =

¹⁾ „Bemerk. e. Reise im russ. Reiche“, I, 244.

Кылтятскій, Кылтегерскій ?), Боягитъ (Баягирскій), Шунинканъ, Кудзеликъ.

б) Къ *Телембинскому* острогу были приписаны роды: Почегоръ (Почегорскій), Луникеръ (Луникерскій), Баягиръ (Баягирскій), Мунгаръ (Мунгальскій), Сортоць (Сартольскій ?), Шуминъ, Казеинсъ, Кранисъ.

в) Къ *Яравнинскому* острогу принадлежали pp. Луникеръ (Луникерскій), Шуминскій II, Почагорскій (id.), Балакагирскій (id.) и Табууть.

Изъ этого перечня мы видимъ, что большинство прежнихъ названій родовъ соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ, но, что, съ другой стороны, весьма многихъ крупныхъ родовъ Урульгинской степной думы мы вовсе не находимъ въ этомъ спискѣ, и что отдѣльные изъ прежнихъ родовъ отсутствуютъ въ спискѣ тунгусскихъ родовъ края по даннымъ переписи 1897 г. Изъ первыхъ, т. е. изъ не поименованныхъ у Георги родовъ кочевыхъ тунгусовъ, назовемъ слѣдующіе весьма многочисленныя (см. стр. 145): Вакасильскій, Гучитскій, Долотскій, Дуларскій, Конурскій, Мальцевскій, Нироновъ, Сухановскій, Телембинскій, Чипчинутскій, Чимчагитскій, Яравнинскій.

Изъ этихъ родовъ Дулигарскій можетъ быть тождественъ съ Дулегатскимъ. въ виду частаго смѣшенія у разныхъ авторовъ буквы *p* и *t* въ названіяхъ родовъ тунгусовъ (см. выше: у Георги Боягитъ и Баягиръ, Буликагитъ и Балакагиръ и т. д.). Конурскій и Долотскій вѣроятно пропущены у Георги, потому что они упоминаются еще въ спискѣ родовъ, перечислившихся въ казаки, относящемся къ 1727 г. (см. стр. 141). Названія родовъ Мальцеваго, Ниронова и Сухановаго, не встрѣчающіяся въ спискахъ 1727 и 1766 г.г., вѣроятно позднѣйшаго происхожденія. По всему вѣроятію они представляютъ изъ себя искусственныя группы тунгусовъ, приписанныя раньше къ извѣстнымъ острогамъ и замѣнившія впоследствии свои родовыя наименованія новымъ названіемъ (см. стр. 93). Чимчагитскій родъ встрѣчается въ спискѣ 1727 г. и, слѣдовательно, пропущенъ у Георги; отсутствуютъ тамъ и pp. Вакасильскій, Гучитскій, Чипчинутскій и многіе другіе менѣе многочисленныя. Но и среди остальныхъ родовъ Георги, которые мы выше сопоставили съ родами по переписи 1897 г., нѣкоторые внушаютъ извѣстныя сомнѣнія относительно ихъ тождественности между собою: на примѣръ Кѳлтѳйетъ или

Юлтогетъ вѣроятно соотвѣтствуетъ Кылтятскому, который въ свою очередь можетъ быть идентиченъ съ Кылтегерскимъ (частица—*гиръ*, *геръ* не принадлежитъ къ корню имени), Гуни-Монголь—Гуновскому и т. д., но не навѣрное.

Если отсутствіе нѣкоторыхъ родовъ у Георги и можетъ быть приписано неполнотѣ его списка, то нельзя объяснить обратное явленіе пропускомъ ихъ въ переписи. Объяснить его можно, либо перемѣной ихъ наименованій съ XVIII ст., либо ихъ вымираніемъ. Эти роды суть Шунинканъ (Шумуканъ)¹⁾, Кудзеликъ (у Палласа: Куйдзелькъ), Шуминъ, Казеинсъ, Краинсъ, Табуутъ. Послѣдній напоминаетъ Тобуйскій родъ Вилюйскаго округа Якутской губ. Первый изъ названныхъ родовъ вѣроятно вымеръ. Исчезновеніе же слѣдующихъ четырехъ родовъ, напротивъ, слѣдуетъ приписать образованію изъ нихъ искусственныхъ родовъ—Телембинскаго и Яравнинскаго, изъ группъ тунгусовъ, приписанныхъ къ одноименнымъ острогамъ.

II. Другую группу тунгусовъ Забайкальской области образовали Баргузинскіе, подвѣдомственные въ XVIII ст. Баргузинскому комиссару. Они соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ Баргузинскимъ тунгусамъ Сюда относятся тунгусы, приписанные къ слѣдующимъ острогамъ:

а) *Баргузинскому*. Роды: Линагиръ (Лимагирскій переписи), Баликагиръ (id.), Чичагиръ (Чильчагирскій), Киндигиръ-Намякинъ (Киндыгирскій), Шамагирскій (Шемагирскій). Эти роды и по-нынѣ проживаютъ въ Баргузинскомъ округѣ, хотя далеко не всѣ въ районѣ Баргузинской Тунгусской управы, которой соотвѣтствуютъ прежніе тунгусы Баргузинскаго острога. Напротивъ, въ числѣ мѣстныхъ родовъ не упоминается р. Мунгальскій, довольно многочисленный здѣсь въ настоящее время и можетъ быть перешедшій сюда изъ района Телембинскаго острога (см. стр. 143).

б) *Баунтовскому*. Роды I—II Чильчагирскіе (id.) и Чамагирскій (= Шемагирскій?). Радде въ концѣ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія упоминаетъ въ «Баунтовской мѣстности» еще родъ Кильчаиръ, который вѣроятно представляетъ изъ себя видоизмѣненное имя перваго рода.

¹⁾ У него встрѣчаются оба наименованія этого рода; въ 1766 г. въ немъ числилось всего 5 ясачныхъ душъ. Въ то время наиболѣе многочисленнымъ родомъ былъ Улятскій, имѣвшій 436 взрослыхъ мужскихъ душъ, нынѣ же онъ занимаетъ лишь 11-е мѣсто (если не считать тунгусовъ, не распределенныхъ по родамъ, и Акшинскихъ казаковъ).

в) *Кучидайскому*—тунгусы, жившіе по Витиму и Баргузину. Роды: Киндигирскій (id.) и Віакеркскій. Послѣдній родъ (Бэкэріэтскій р.) былъ застигнутъ переписью среди Хоринскихъ бурятовъ В.-Удинскаго округа, проживавшихъ въ южной полосѣ Баргузинскаго округа.

г) Сверхъ того по верхнему теченію В. Ангары бродили и тогда тунгусы родовъ: Чичагирскаго (= Чильчагирскаго ?), Шамагирскаго (id.) и Киндигирскаго (id.).

Итакъ, въ Баргузинскомъ округѣ измѣненія въ составѣ тунгусовъ и въ названіяхъ ихъ родовъ со времени XVIII ст. оказываются сравнительно ничтожными.

Енисейская губернія.

Тунгусскіе роды Енисейскаго округа и Туруханскаго края не имѣютъ ничего общаго, ни между собою, ни съ тунгусскими родами другихъ, даже смежныхъ, районовъ Сибири. Происходитъ это отчасти отъ того, что многіе Туруханскіе роды получили свои прозвища отъ казаковъ, при первой встрѣчѣ съ ними, причемъ русскіе при этомъ руководствовались главнымъ образомъ названіями рѣкъ, около которыхъ они ихъ застigli (Боганидскій, Илимпейскій, Усть-Турыжскій и др.), а также нѣкоторыми другими соображеніями. Кромѣ этихъ прозвищъ, подъ которыми данные тунгусы извѣстны оффициально и въ литературѣ, они, безъ сомнѣнія, имѣли свои собственныя или по крайней мѣрѣ болѣе древнія, которыя намъ однако не извѣстны и которыя можетъ быть у отдѣльныхъ родовъ и сохранились по настоящее время. Сопоставленіе же названій тунгусскихъ родовъ возможно было бы лишь при знакомствѣ нашемъ и съ природными названіями тунгусскихъ родовъ Енисейской губерніи. Лишь одинъ изъ Туруханскихъ родовъ (Чапогирскій) и всѣ роды Енисейскаго округа носятъ названія, имѣющія тунгусскій характеръ. Но и они не представляютъ родства съ родами другихъ областей, если не принять во вниманіе отдаленнаго сходства названій Куркугирскихъ родовъ Енисейскаго округа съ Кункугирскими Верхоянскаго округа, которые могутъ быть вѣтвями одного и того же рода, часть котораго осталась на родинѣ въ Якутской губерніи и часть выселилась на западъ.

Еще одну опорную точку для сравненія между тунгусами

крайняго запада и востока тунгусской области даютъ долгане племя, которое, какъ мѣстными властями, такъ и прежними исследователями края, принималось за тунгусовъ и лишь съ 40-хъ годовъ истекшаго столѣтія отнесено Миддендорфомъ къ якутамъ, съ которыми эти инородцы весьма схожи по своему образу жизни, виду и на языкѣ которыхъ они изъясняются. Названіе этого загадочнаго племени «долгане», напоминающее тунгусовъ Долганскаго рода, и понынѣ бродящихъ по глухимъ мѣстамъ сѣвера Приморской области, и тотъ фактъ, что въ официальныхъ источникахъ они съиздавна считаются тунгусами, даетъ намъ право предполагать, что подъ именемъ «долганъ» фигурируютъ настоящіе тунгусы Долганскаго рода, объякутившіеся, подобно Жиганцамъ, подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей якутовъ Затундринскаго рода.

Это предположеніе находитъ подтвержденіе въ историческихъ данныхъ, которыя намъ сообщаютъ, что въ серединѣ XVII ст. тунгусы Жиганскаго и Долганскаго родовъ дѣйствительно проживали въ Якутской области по р. Ленѣ, книзу отъ устья Вилюя: «Петръ Бекетовъ въ 1632 г. посланъ былъ съ партией казаковъ подъ предводительствомъ Галкина внизъ по Ленѣ къ тунгусскимъ родамъ Долганскому и Жиганскому, которые и обложены тогда же ясакомъ»¹⁾. И у кн. Кострова упоминается, что Жиганцы пришли въ Туруханскій край, на р. Хету, съ востока. Одинъ такой переходъ ихъ орды имѣлъ мѣсто въ 1805 г.²⁾

Ниже мы приводимъ сопоставленіе численности отдѣльныхъ родовъ Туруханскаго края за 1859 и 1897 гг., но это сопоставленіе большаго значенія не имѣетъ, въ виду того, что разница въ численности отдѣльныхъ родовъ и даже ихъ половъ за названные два года иногда столь значительна, что заставляетъ полагать, что данныя обоихъ годовъ представляютъ не удобосравнимыя величины. Больше интереса представляетъ

¹⁾ Третьяковъ: „Туруханскій край“, стр. 139.

Миддендорфъ совершенно основательно предполагаетъ, что подобнае переселеніе Жиганскихъ тунгусовъ и долганъ, которыхъ онъ однако считаетъ скорѣе якутами, на западъ, должно было имѣть мѣсто въ серединѣ XVII ст., когда Мангазейскіе и Якутскіе казаки стали хищнически обирать инородцевъ, требуя отъ нихъ ясакъ два и болѣе разъ въ годъ. Къ этому времени относится и движеніе якутовъ изъ долины средней Лены на сѣверъ, западъ и востокъ. („Reise im äusserst. N. u. O. Sibir“, IV, I. c.).

²⁾ Кн. Костровъ: „Зап. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. Общ.“, IV, 1857, 106.

сравненіе тѣхъ же данныхъ касательно всего тунгусскаго населенія края (ср. стр. 43 сл.).

Переходимъ къ обзору географическаго распространенія и численности тунгусскихъ родовъ Енисейской губерніи.

Енисейскій округъ.

Какъ указано выше, свѣдѣній относительно мѣстностей, гдѣ кочуютъ тунгусы Енисейскаго округа, въ переписномъ матеріалѣ не имѣется. Мы ихъ принуждены заимствовать изъ «Списковъ населенныхъ мѣстъ Енисейской губерніи за 1859 г.», хотя конечно съ тѣхъ поръ безъ сомнѣнія произошли нѣкоторыя перемѣны въ географическомъ распространеніи отдѣльныхъ группъ этихъ инородцевъ.

Куркугирскіе роды. Въ 1897 г. ихъ численность простиралась по переписи до 100 сем. и 666 д. (352 м.). Мѣста кочевій—берега праваго притока Верхней Тунгуски Иркинѣвой и ея л. притока Бѣдобы (см. I., 157). Изъ нихъ *I Куркугирскій* р. состоялъ въ 1897 г. изъ 67 хоз. и 491 д. (251 м.), *II Куркугирскій* изъ 15 хоз. и 93 д. (45 м.) и *III Куркугирскій* изъ 18 хозяйствъ и 82 д. (46 м.).

Каменско-Черноульскій р. бродитъ по пр. прит. Ангары Каменкѣ и состоитъ изъ 10 хоз. и 80 д. (46 м.).

Всѣ остальные мѣстные роды бродятъ по разнымъ правымъ притокамъ Ангары и вообще во всей мѣстности между Верхней и Средней Тунгусками, причемъ иногда заходятъ въ смежныя мѣстности Туруханскаго края и Киренскаго округа Иркутской губерніи. Съ культурнымъ міромъ они имѣютъ сношенія лишь рѣдко, когда они періодически выходятъ къ русскимъ селеніямъ (напр. Заледѣвскому Яркинскому, по Чадобцу), чтобы заpastись нужнѣйшими припасами и предметами домашняго обихода. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ ихъ кочевьяхъ не имѣется и въ указанномъ выше оффиціальномъ источникѣ за 1859 г., который не даетъ намъ и численности тунгусовъ отдѣльныхъ родовъ даннаго округа по X ревизіи (см. I., 157 сл.).

II Лапагирскій р. въ 1897 г. 3(1)¹⁾ хоз. 12 д. (6 м.),

¹⁾ Въ скобкахъ хозяйства лицъ одинокихъ.

хотя по отношенію Енисейскаго губернатора, отъ 27 іюля 1900 г., онъ ко дню переписи окончательно вымеръ. По этому же отношенію отъ *I Ланагирскаго* рода живъ лишь 1 мужчина (Ник. Алек. Викторовъ 35 л.), а остальные всѣ вымерли отъ оспы (I., 158 сл.).

<i>Нанудальскій</i>	р.	въ 1897 г.	9	хоз.	и	34	д.	(20 м.).
<i>Панкагирскій</i>	»	»	»	10	»	»	69	» (38 »).
<i>Чемдальскій</i>	»	»	»	56(2)	»	»	276	» (137 »).
<i>Ятоульскій</i>	»	»	»	8	»	»	46	» (30 »).

Распредѣленіе этихъ родовъ между двумя русскими волостями, расположенными по Ангарѣ (Кежемской и Пинчугской— см. I, стр. 160), до извѣстной степени выясняетъ, какимъ образомъ они распредѣлены въ упомянутомъ районѣ.

Панкагирскій родъ бродитъ преимущественно въ сѣверной части Енисейскаго округа и въ Туруханскомъ краѣ, такъ какъ онъ фигурируетъ у нѣкоторыхъ авторовъ, напр. у Третьякова рядомъ съ Чапогирскимъ р. въ цифровыхъ данныхъ VIII и X ревизій (см. стр. 159). Также и въ припискахъ къ образцамъ тунгусскихъ нарѣчій Енисейской губ. относительно этого рода сказано, что онъ бродитъ въ предѣлахъ Туруханскаго края, по временамъ выходя за припасами въ приходъ Чадобской церкви (на устьѣ р. Чадобца Пинчугской вол. Енисейскаго окр.).

Еще меньше у насъ свѣдѣній о родахъ *Питско-Варагонскомъ* и *Верхне-Чумскомъ*, которые въ 1859 г. бродили между нижнимъ теченіемъ Подкаменной Тунгуски и Енисеемъ, въ районѣ Сѣверо-Енисейскаго горнаго округа, главнымъ образомъ въ бассейнѣ р. Б. Питъ, также по рр. Удерею, Мамону, Вангашу, Калами и др. (Верхне-Чумскіе тунгусы выходили на сугланъ въ д. Дубинину и Усть-Питскую). Въ 1859 г., къ каковому относятся и только что сообщенныя географическія свѣдѣнія, числилось первыхъ 98 душъ и вторыхъ 4 д. об. п. Въ 1897 г. во всемъ этомъ районѣ было зарегистрировано 33 д. (17 м.) тунгусовъ. Даже если ихъ всѣхъ принять принадлежащими къ этимъ родамъ, то окажется огромная убыль за 38 л. въ 67,6⁰/₀.

Изъ этихъ тунгусовъ Питско-Варагонскій родъ указанъ лишь у 6 д. (2 м.), у остальныхъ названія родовъ не показаны.

Изъ приложенія къ упомянутому выше отношенію Енисейскаго губернатора (см. I., 158), видно, что среди нихъ имѣются двѣ фамиліи: Делицины — 4 м. и 5 ж. и Кузнецовы — 4 м. и 2 ж., которые по ревизской сказкѣ 1858/9 г. принадлежать къ представителямъ этого рода, но относительно другихъ приведенныхъ тамъ фамилій тунгусовъ даннаго района (Толстыхъ, Комягиныхъ, Филипповыхъ) подобное сопоставленіе не сдѣлано и поэтому точное число лицъ, завѣдомо принадлежащихъ къ Питско-Варагонскому роду, нынѣ не извѣстно. Верхне-Чумскій же родъ по всему вѣроятію нынѣ слѣдуетъ считать вымершимъ.

Столь же мало свѣдѣній въ переписномъ матеріалѣ и относительно *Милитскаго* рода, единственнаго тунгусскаго рода, который въ полномъ составѣ проживалъ по лѣвую сторону Енисея, въ бассейнѣ р. Сымъ (на сугланъ онъ выходилъ въ урочище по этой рѣкѣ, въ 7 вер. отъ д. Ярцевой). Въ 1859 г. онъ состоялъ изъ 127 д. об. п., а въ переписи 1897 г. онъ вовсе не упоминается, а всѣхъ тунгусовъ по лѣвой сторонѣ Енисея было зарегистрировано 31 д. (19 м.), которые однако были переписаны не по р. Сыму, а по М. Касу, Оленьей (прит. Кети) и т. д. (см. I., стр. 159). Если даже ихъ всѣхъ считать за представителей Милитскаго рода, что однако было бы не справедливо (см. I., 5 сл.), то послѣдній уменьшился въ числѣ за 38 л. на 75,6%. Изъ упомянутаго выше отношенія губернатора усматривается, что дѣйствительно принадлежащими къ этому роду можно считать два семейства Лихачевыхъ въ 9 д. (6 мужч.).

Кромѣ этихъ коренныхъ родовъ Енисейскаго округа въ немъ было зарегистрировано еще небольшое число другихъ пришлыхъ родовъ отчасти со столь неправильной транскрипціей, что сопоставить многіе изъ нихъ съ другими родами этихъ инородцевъ представляется невозможнымъ: Илимпейскій р. — 3 м. (см. ниже), Ньюшкагирскій — 9 д. (5 м.) изъ Нижне-Илимской управы Киренскаго окр. (Ирк. губ.), Ламаркинскій р. — 2 ж. (оттуда же), Каплинскій р. — 1 м. (оттуда же — см. стр. 132). Сверхъ того у 135 д. (74 м.) тунгусовъ роды не показаны; изъ нихъ 71 д. (36 д.) проживаютъ въ русскихъ селеніяхъ и почти всѣ (61 д.) обрусѣли.

Туруханскій край.

По этому району Енисейской губ. перепись даетъ болѣе детальныя свѣдѣнія о географическомъ распространеніи отдѣль-

ныхъ родовъ. Въ нижеизложенномъ мы одновременно приводимъ и соотвѣтствующія данныя за конецъ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія, чтобы прослѣдить происшедшія съ тѣхъ поръ измѣненія. Изъ этого сопоставленія усматривается, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ области отдѣльныхъ родовъ за оба періода времени не совпадаютъ другъ съ другомъ. Отчасти это объясняется нѣкоторымъ передвиженіемъ тунгусовъ за истекшія до переписи 40 лѣтъ, отчасти вѣроятно меньшей точностью географическихъ данныхъ за 50-ые годы и, наконецъ, можетъ быть и временемъ года, такъ какъ тунгусы не всегда лѣто и зиму проживаютъ въ однихъ и тѣхъ же районахъ.

Боганидскій р. (у кн. Кострова—Долгано-Боганидскій) ¹⁾ по «Спискамъ нас. мѣстъ 1859 г.» проживаетъ въ районѣ р. Боганиды (прит. р. Хеты), отъ которой и получилъ свое названіе. Третьяковъ выражается точнѣе и отводитъ ему районъ между рр. Боганидой и Хетой. Приблизительно въ этой же мѣстности его застигла и перепись 1897 г. Въ наибольшемъ числѣ онъ встрѣчался по притокамъ р. Хеты: Разсохѣ (35 д.) и Волочанкѣ (35 д.), по Хетѣ и ея другимъ притокамъ (37 д.), затѣмъ по р. Дудыпѣ (31 д.) и по ея притоку Костыхтахъ (14 д.), также ок. озеръ: Подхребетнаго (9 д.), Чоча (8 д.) и Чонко (14 д.), въ верховьяхъ р. Таймыра (12 д.) и т. д.

Всего представителей этого рода въ 1897 г. было зарегистрировано 39 хоз. и 208 д. (123 м.), а въ 1859 г. 108 д. (59 м.), что показываетъ увеличеніе въ 100 д. или почти въ два раза.

Жиганско-Тунгусскій ²⁾ р. по даннымъ за 1859 г. проживалъ по р. Дудинѣ и при озерахъ Норильскихъ, изъ которыхъ беретъ начало р. Пясины; въ послѣдней мѣстности ихъ застала и перепись 1897 г. По кн. Кострову они жили также ок. озера Ессейскаго (Джоссеи). На сугланъ они выходили въ сел. Дудинское. Ихъ численность напротивъ уменьшилась съ 1859 г., когда ихъ считалось 144 д. (74 м.), до 1897 г., когда ихъ оказалось всего 18 хоз. (въ т. ч. 1 один.) и 87 д. (46 м.), почти на 40%.

Этотъ родъ въ 1632 г. казаки встрѣтили по средней Ленѣ,

¹⁾ Онъ повидимому соединилъ въ одинъ два рода: Боганидскій и Долгано-Тунгусскій.

²⁾ У кн. Кострова—Жаганскій р.

гдѣ среди нихъ было устроено Жиганское зимовье. Потомъ онъ, какъ и Долганскій родъ, жившій въ тѣхъ же мѣстахъ, переселились въ Туруханскій край. Въ одномъ оффиціальному источникѣ, относящемся къ самому концу XVIII в. ¹⁾ видно, что этотъ родъ тогда проживалъ на самомъ западѣ Якутской губерніи по сю сторону р. Арга-Сола бассейна Оленека и переходъ его далѣе въ Енисейскую губернію долженъ былъ совершиться не ранѣе начала XIX ст., съ каковыхъ поръ онъ успѣлъ на половину объякутиться. Объ этапахъ Долганскаго рода мы свѣдѣній не имѣемъ, но его переходъ въ Туруханскій край долженъ былъ совершиться раньше, въ виду чего онъ къ настоящему времени не только окончательно объякутился, но и по физическому типу приблизился къ якутамъ (долгане).

Илимпейскій р., по кн. Кострову за 1857 г., обиталъ по берегамъ Н. Тунгуски ²⁾. По даннымъ «Списк. на с. м. 1859 г.» онъ бродилъ по берегамъ р. Сѣверной (пр. прит. Н. Тунгуски) и около оз. Ессейскаго. Латкинъ за 60-е годы прошл. стол. отводитъ имъ нѣсколько иной районъ—верховья р. Курейки (пр. прит. Енисея), лѣвые притоки р. Илимпеи (л. прит. Ангары) и окрестности озера Воеволи. Эта область болѣе или менѣе совпадаетъ съ данными переписи, которая однако не отмѣтила ихъ по Илимпеѣ, но близъ другихъ рѣкъ и озеръ той же мѣстности. Именно, по даннымъ переписи Илимпейскій р. обитаетъ въ верхнемъ теченіи Хатанги, главнымъ образомъ по ея лѣвому истоку Хотую (84 д.) и по р. Моэрѣ (пр. истокъ Моньеро ?)—30 д., по р. Хетѣ (19 д.), а также у озеръ: Хантайскаго—35 д., Хомеска (Комешка)—34 д. и Воеволи—15 душъ, того же района и т. д., затѣмъ въ бассейнѣ верхняго теченія Курейки, по самой Курейкѣ и ея притокамъ: Ехтамъ и Бельдюнчанѣ (75 д.), по правымъ притокамъ Нижней Тунгуски: Турѣ или Турыгѣ съ падающей въ нее Хочучумой и съ ея притоками: Темпечи и Ембечима г. (79 д.), въ верховьяхъ р. Вилюя (24 д.), Оленека

¹⁾ „А Туруханская съ Жиганами и Олекминская съ западной стороны граница по Оленкѣ рѣкѣ, именуемой Арга-Сола и сія Арга-Сола именуется отъ Оленека раздѣляясь, таковая жъ на двое проходитъ къ западу, то на оную доходятъ и обитаніе имѣють туруханскіе тунгусы..., а жиганскіе далѣе не проходятъ черезъ ту границу туда доходятъ Олекминскіе и Оленскіе тунгусы и якуты и въ смежности имѣють промыслы и дружество“. (Изъ „Дѣла о топограф. опис. Олекм. окр. 1794 г.“ у Майнова, I. с., 6).

²⁾ „Очерки Туруханскаго края“ („Зап. Сиб. Отд. Геогр. Общ.“, 1857, IV, 84 сл.).

(11 д.) и у озеръ Темпеке (11 д.), Сюринда (86 д.), Еканды (= Яконгна ?) — 52 д., Иваканъ (22 д.) и др., въ районѣ верховьевъ праваго истока Хатанги—Моньеро и въ смежныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, крайнимъ западнымъ предѣломъ этого рода слѣдуетъ считать 61° в. д. (верхнее теченіе Курейки), на востокъ—приблизительно 77° в. д., уже въ предѣлахъ Вилюйскаго округа Якутской области, на сѣверѣ— $68^{\circ}30'$ с. ш. и на югѣ— 64° с. ш. Но конечно въ этомъ огромномъ районѣ обитаютъ и представители другихъ тунгусскихъ родовъ, а на сѣверо-западѣ отчасти и самоѣды. Общая численность тунгусовъ этого рода по переписи 1897 г. оказалась 113 хоз. и 677 д. (350 м.), а по даннымъ за 1859 г.—372 д. (212 м.), что показываетъ увеличеніе численности этого рода на 305 д. или почти въ два раза, можетъ быть вслѣдствіе причисленія къ нему частей другихъ родовъ.

Лѣтніе роды (II, III и IV) по переписи 1897 г. состояли изъ 65 хоз. и 381 д. (198 м.). *I Лѣтній* р., кочевавшій по кн. Кострову по Н. Тунгускѣ, къ этому времени окончательно вымеръ; еще въ 1859 г. онъ вслѣдствіе своей малой численности былъ присоединенъ къ Нижне-Чумскому роду. Въ 1859 г. въ названныхъ трехъ родахъ числилось 371 д. (206 м.), что показываетъ прибыль за 38 л. лишь въ 10 д. По кн. Кострову *II Лѣтній* родъ, какъ и *III-ій*, проживалъ главнымъ образомъ по пр. притоку Енисея Дудиной, причемъ на сугланъ онъ выходилъ въ сел. Карасинское и Плахинское. «Списки населенныхъ мѣстъ Енис. губ. за 1859 г.» т. е. почти за тотъ же періодъ времени передвигаютъ его область далѣе къ востоку, въ мѣстность, орошаемую Боганидой и Авамомъ. Третьяковъ присоединяетъ сюда еще текущую далѣе на востокъ р. Хету. По даннымъ переписи этотъ родъ обитаетъ въ только что указанномъ районѣ, но болѣе по рр. Хетѣ и Пясинѣ съ ихъ притоками, чѣмъ по Боганидѣ, гдѣ было застигнуто всего 7 д. По Пясинѣ и ея пр. притоку Дудыптѣ съ впадающимъ въ нее Авамомъ и др. рѣкамъ ихъ оказалось 142 д., по р. Хетѣ и ея притокамъ Меймечи, Волочанкѣ и др. 57 д. и т. д.; отдѣльными семьями они обитаютъ близъ русскихъ поселковъ этого района. Общая численность этого рода по переписи 1897 г. равна 34 хоз. (въ т. ч. 1 од.) и 213 д. (114 м.), а въ 1859 г. ихъ было 192 д. (97 мужч.).

III Лѣтній р. обитаетъ главнымъ образомъ въ районѣ

озеръ Норильскихъ (по кн. Кострову по смежной съ ними р. Дудиной). По даннымъ переписи 1897 г. ихъ здѣсь оказалось—28 д., при оз. Китѣ—24 д., при р. Авамъ—12 д., Хетѣ—6 д., Дудыптѣ—3 д. и т. д. Всего ихъ было записано 16 хоз. и 88 д. (44 м.), почти то же число, что въ 1859 г.—88 д. (48 м.).

IV Лѣтній р. кочеваль прежде между рр. Курейкой и Хантайкой и у озеръ Мантуйскаго, Сухарихи и Хантайскаго, а по кн. Кострову по Лѣтней Курейкѣ, прав. прит. Енисея. Въ 1897 г. главная часть его обитала на сѣверѣ этого района, около Хантайскаго озера (52 д.), остальные у оз. Карасинскаго, бл. Енисея (10 д.), у оз. Сухарихи (8 д.), и т. д. Всего этотъ родъ состоялъ во время переписи изъ 15 хоз. (въ т. ч. 1 од.) и 80 д. (40 м.), а въ 1859 г. изъ 101 д. (61 м.), такъ что мужское населеніе его убыло на 21 чел. или на 33⁰/₀, а женское осталось не измѣнившимся, что наводитъ на мысль о неточности данныхъ 1859 г. относительно числа женщинъ.

Нижне-Чумскій р. съ присоединеніемъ къ нему I Лѣтняго рода, уже почти вымершаго ко времени послѣдней ревизіи, состоялъ въ 1859 г. изъ 69 д. (36 м.), бродившихъ по Н. Тунгускѣ и въ мѣстности между этой рѣкой и Подкаменной Тунгуской. Перепись 1897 г. нашла 5 хоз. и 23 д. (10 м.) представителей этого племени у озера Мундуйскаго (Мантуйскаго). Здѣсь убыль равна $\frac{2}{3}$ прежняго населенія.

Усть-Турьжскій р. въ числѣ 15 хоз. (1 од.) и 57 д. (36 м.) бродить по р. Хотую (л. истоку Хатанги), а также по нѣкоторымъ озерамъ того же района. 38 лѣтъ тому назадъ этихъ тунгусовъ было почти столько же: 59 д. (37 м.), причемъ ихъ стойбища находились вблизи оз. Турынги и Ессейскаго или, по другимъ источникамъ (Латкинъ, Третьяковъ), по притоку Н. Тунгуски Турѣ или Турыгѣ (откуда прозвище) и по хребту въ верховьяхъ р. Курейки. У кн. Кострова этотъ родъ не упоминается.

Чапогурскій р., по даннымъ переписи, живетъ въ настоящее время очень разбросанно, скитаясь небольшими группами среди другихъ тунгусскихъ родовъ и иныхъ инородцевъ, отъ верховьевъ р. Таза на западъ до верховьевъ Оленека и во-

сточной границы Туруханскаго края на востокъ и отъ Норильскихъ озеръ на сѣверъ до Нижней Тунгуски на югъ.

Въ наибольшемъ числѣ онъ былъ застигнутъ переписью: по р. Поколь-кы (л. прит. Енисея)—15 д., въ верховьяхъ Худосеи (л. прит. р. Таза)—47 д., по Н. Тунгускѣ и у оз. Мундуйскаго — 39 д., у Норильскихъ озеръ — 18 д., по р. Ирбѣ—30 д., въ верховьяхъ Оленека—13 д. и т. д.

«Списки насел. мѣстъ 1859 г.» даютъ ему болѣе тѣсный районъ, занимающій лишь восточную часть области, гдѣ онъ встрѣчается въ настоящее время, именно оба берега Н. Тунгуски и оз. Воеволи (Вайволи), къ которому Третьяковъ присоединяетъ еще р. Сѣверную (пр. прит. Подкаменной Тунгуски) и Нижнюю Тунгуску. По этимъ послѣднимъ источникамъ численность его (съ присоединеніемъ къ нему части Панкагирскаго рода, вѣроятно по большей части мужчинъ) простиралась до 272 д. (175 м.). Это число, въ которомъ мужчины составляютъ $\frac{2}{3}$, наводитъ на сомнѣніе относительно точности регистраціи женщинъ. Между тѣмъ въ 1897 г. перепись могла насчитать всего 44 (и 1 од.) хоз. и 226 д. (118 м.) представителей этого рода. Хотя и теперь число мужчинъ превышаетъ число женщинъ, но не въ той мѣрѣ, какъ прежде, такъ что въ результатѣ мужчины утратили 57 д., а женщины увеличились на 11 д. Въ итогѣ получается убыль этого рода за 38 л. на 46 д., что впрочемъ можно было ожидать уже а priori въ виду сильнаго несоотвѣтствія въ численности обоихъ половъ, если оно дѣйствительно имѣло мѣсто.

Кромѣ этихъ родовъ въ спискахъ, показывающихъ численность отдѣльныхъ тунгусскихъ родовъ по VIII и X ревизіи, у многихъ авторовъ (Третьяковъ, Латкинъ, кн. Костровъ) фигурируетъ еще кочующій по Енисею и Н. Тунгускѣ *Подкаменно-Тунгусскій* родъ тунгусовъ, численность котораго по VIII ревизіи была 94 д. (61 м.) и по X-й—96 д. (52 м.). По переписи такого рода у тунгусовъ вовсе не значится. Родъ, носящій подобное названіе, встрѣчается въ переписи лишь у остяковъ (Енисейскихъ), но онъ имѣется и въ вышеприведенныхъ источникахъ, причемъ въ VIII рев. въ немъ числилось 137 д. (96 м.) и въ X рев.—81 д. (51 м.); въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Енисейской губ.» за 1859 г. о немъ однако не упоминается, какъ и у Миддендорфа.

Въ нижеслѣдующей табличкѣ мы сопоставляемъ статисти-

ческія данныя о численности тунгусовъ коренныхъ Туруханскихъ родовъ по VIII ревизіи (1834 г.), X ревизіи (185^{8/9} г.) и по переписи 1897 г. (ревизіи даютъ приписное населеніе, перепись — наличное).

ТАБЛИЦА IV.

Названія тунгусскихъ родовъ	VIII ревизія ¹⁾ 1834 г.		X ревизія ¹⁾ 1859 г.		Перепись 1897 г.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Туруханскаго края:						
1. Подкаменно-Тунгусскій	61	33 (—)	52	44	—	—
2. Жиганскій	73	26 (—)	74	70	46	41
3. Боганидскій	57	23 (50)	59	49	123	85
4. Чапогирскій (съ частью Панкагирскаго ²⁾)	131	72 (112)	175	96	118	108
5. Усть-Турыжскій	36	22 (26)	37	22	36	21
6. II Лѣтній	86	32 (82)	97	85	114	99
7. III „	59	29 (53)	48	40	44	44
8. IV „	58	40 (64)	61	40	40	40
9. Нижне-Чумскій (съ I Лѣт- нимъ)	41	27 (40)	36	33	10	13
10. Илимпейскій	208	101 (189)	212	160	350	327

Кромѣ этихъ коренныхъ Туруханскихъ тунгусскихъ родовъ въ данномъ краѣ среди долганъ было зарегистрировано еще нѣсколько инородцевъ изъ Вилюйскаго округа, говорящихъ по якутски, названія родовъ которыхъ заставляютъ ихъ отнести къ тунгусамъ, именно:

Бетынскій (Бетюнскій) Ессейскій тунгусскій р. въ

¹⁾ Данныя 8 и 10 ревизіи заимствованы у Третьякова („Туруханскій край“, 159). Цифры въ скобкахъ у данныхъ VIII ревизіи взяты отъ Миддендорфа (l. c.) и относятся къ 1838 г. (?). Число мужчинъ у него близко подходитъ къ даннымъ VIII ревизіи, почему нами и опущено, а число женщинъ оказывается болѣе близкимъ къ истинному (по даннымъ ревизіи оно значительно ниже дѣйствительнаго — см. стр. 39 настоящаго выпуска).

²⁾ Въ переписномъ матеріалѣ о Панкагирскомъ родѣ въ Туруханскомъ краѣ не упоминается, а лишь въ Енисейскомъ округѣ.

числѣ 10 хоз. и 48 д. (23 м.), зарегистрированныхъ по Разсохѣ, по Боганидѣ, у ст. Мироновской (Кѣль), у Дудынты— 22 д., по средней Хетѣ, у с. Хатангскаго и т. д.

Хатыгинскій р.: 2 хоз.—14 д. (6 м.) по р. Боганидѣ и въ верховьяхъ Таймыра. Сюда же вѣроятно слѣдуетъ отнести и Катышинскій (?) Ессейскій р. (вѣр. искаженіе Хатыгинскаго) 1 хоз. 3 д. (2 м.) у ст. Спиридоновской. Проживаетъ этотъ родъ главнымъ образомъ въ окрестностяхъ оз. Ессейскаго или Джоссеи.

Чордунскій (*Чердынскій*) Ессейскій р.: 2 хоз. 11 д. (6 м.) у оз. Спиридоновскаго. Часть тунгусовъ этого рода, проживающихъ и въ восточной части Туруханскаго края, была зарегистрирована въ Вилюйскомъ округѣ (стр. 126).

Вѣроятно эти уже на родинѣ окончательно обьякутившіеся тунгусскіе роды отчасти примкнули къ Долгано-Ессейскому роду, главная часть котораго проживаетъ по нижней Хатангѣ, по Попигаю и около озера и ст. Спиридоновскихъ. Вѣроятно, этотъ родъ, какъ и два рода упомянутыхъ выше, происходитъ изъ окрестностей оз. Ессейскаго, откуда ихъ прозвище.

По даннымъ 1859 г. эти роды, какъ пришлые, не значатся въ числѣ тунгусовъ Туруханскаго края.

У 96 д. (38 м.) тунгусовъ даннаго края роды не показаны. Они проживаютъ по большей части въ русскихъ селеніяхъ сельскихъ обществъ: Нижне-Подгороднаго—23 д. (12 м.) и В. Имбатскаго—16 д. (2 м.); остальные—среди долганъ и другихъ инородцевъ.

Замѣтимъ здѣсь попутно, что общее число *долганъ*, которые безъ сомнѣнія тунгусскаго происхожденія (см. стр. 150): по переписи 1897 г.—967 д. (472 м.), изъ коихъ 90 хоз.: 522 д. (255 м.) представителей *Долгано-Ессейскаго* и 77 хоз.: 425 д. (213 м.) *Долгано-Тунгусскаго* родовъ; остальные не распределены по родамъ.

Въ X ревизію въ первомъ родѣ числилось 382 д. (195 м.) и во второмъ—191 д. (108 м.).

По Кастрену долгане дѣлятся на три небольшихъ племені: 1) *Dolgan* въ районѣ Хатанги, 2) *Adjàn* (ср. Эжанскіе роды Якутской губ.) и 3) *Dongòt*. Оба послѣдніе живутъ у Норильскихъ озеръ, въ пятидневномъ пути отъ Дудинки ¹⁾.

¹⁾ „Reiseberichte etc.“, 266 сл.

Первое и третье племя соотвѣтствуютъ вѣроятно двумъ Долганскимъ родамъ переписи и ревизій, а второе Жиганскому роду тунгусовъ, который выселился въ Туруханскій край одновременно съ долганами. Предположеніе это подтверждается и однимъ мѣстожительствомъ тѣхъ и другихъ. Замѣтимъ, что Жиганцы еще не вполне обьякутились и часть ихъ и по сейчасъ еще говоритъ на родномъ языкѣ.

* * *

Георги за вторую половину XVIII стол. упоминаетъ слѣдующія названія родовъ Енисейскихъ тунгусовъ: *Чапогиръ* (id.), *Иркуркугиръ* (Куркугирскіе), *Панкагиръ* (id.) и неизвѣстныхъ: *Чечигиръ*, *Шивокигиръ* и кромѣ того отдѣльныя семьи, не принадлежавшія къ этимъ родамъ ¹⁾. Въ этомъ неполномъ перечнѣ родовъ заслуживаетъ вниманія, что всѣ ихъ названія носятъ чисто тунгусскій характеръ, что наводитъ на мысль, что многіе изъ географическихъ названій родовъ, подъ которыми они извѣстны въ настоящее время, изобрѣтены уже позже или же, что еще вѣроятнѣе, что нѣкоторые изъ его родовъ представляютъ изъ себя лишь орды или колѣна, на которыя они дѣлятся и наименованія которыхъ другимъ не были извѣстны. Такимъ образомъ, Миддендорфъ прямо говоритъ, что встрѣтилъ въ Туруханскомъ краѣ нѣсколькихъ тунгусовъ Чапогирскаго рода Ялегринской орды, Малгачагринскаго рода (? орды), Тильбянтебульской орды и Буягирскаго рода. Послѣдній родъ проживаетъ въ сосѣдней Якутской области и вѣроятно сюда попалъ случайно.

Общій обзоръ тунгусскихъ родовъ Сибири.

Въ нижеслѣдующемъ обзорѣ мы приводимъ перечень главнѣйшихъ тунгусскихъ родовъ Сибири съ указаніемъ мѣстностей, гдѣ они преобладаютъ. Дробленіе отдѣльныхъ родовъ на группы (I—II—III и т. д.) мы указываемъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это имѣетъ значеніе: отмѣчать же эти подраздѣленія всюду въ виду того не представляетъ интереса и даже не желательно, что, съ одной стороны, это уже сдѣлано при описаніи родовъ каждой губерніи (области), и, съ другой стороны, въ виду того, что дробленіе нѣкоторыхъ родовъ, встрѣчающихся въ 2—3 и болѣе округахъ, имѣло мѣсто не всюду, и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно произошло, оно не-

¹⁾ I. с. I, 244 сл.

всегда совершалось однимъ и тѣмъ же порядкомъ, такъ что напр. II—родъ одного округа не всегда соотвѣтствуетъ II—роду другого и т. д.

Анкагирскій (*Аинкагирскій*) родъ—123 д. (68 м.) въ Удскомъ округѣ и на Сахалинѣ.

Баликагирскій р. — 152 д. (68 м.) въ Читинскомъ и Баргузинскомъ окр.

Барагатскій (*Брагатскій*, *Барангатскій*) р. — 566 д. (287 м.) въ Якутской области, главнымъ обр. въ Вилюйскомъ округѣ (471 д.), отчасти въ Олекминскомъ¹⁾. [Ср. Багарадскій якутскій родъ (одноим. насл.) Зап. Кангаласскаго ул. Якутскаго окр.—272 д.].

Баягирскіе (*Буягирскіе*) р. — 2.420 д. (1.236 м.). Въ т. ч. 2.280 д. (1.160 м.) въ Читинскомъ округѣ: *I Баягирскій* р.—377 д. (199 м.), *II Баягирскій* р.—1.842 д. (926 м.) и безъ указанія подраздѣленія—61 д. (35 м.). Въ Якутскомъ округѣ (*Буягирскій* р.)—101 д. (54 м.), въ т. ч. *I Б.* р.—91 д. (49 м.) и *II Б.* р.—10 д. (5 м.) Изъ этой области часть его перекочевала въ Амурскую область, гдѣ была зарегистрирована въ числѣ 39 д. (22 м.) подъ названіемъ орочноновъ.

Белѣтскіе (*Беллетскіе*) или *Бельдѣтскіе* р. — 669 д. (367 м.), гл. обр. въ Якутскомъ округѣ; изъ нихъ *I Белѣтскій* р.—293 д. (146 м.); *II Белѣтскій* р.—330 д. (193 м.) и *III Белѣтскій* р.—46 д. (28 м.).

Бетильскій р.—177 д. (97 м.) въ Колымскомъ округѣ (Як. обл.).

Бетинскій (*Бетынскій*, *Бетюнскій*) р.—481 д. (228 муж.) въ Вилюйскомъ и Верхоянскомъ округахъ Якутской области, откуда часть его (48 д.) перебралась въ Туруханскій край (Енис. губ.).

Боганидскій р.—208 д. (123 м.) въ Туруханскомъ краѣ (Енис. губ.).

Бультегерскій (орочонскій) р. въ Читинск. окр.—184 д. (90 м.).

¹⁾ Въ бассейнѣ р. Баргузина, по рр. Бодону, Уро и т. д., по Риттеру (I. с., 73), имѣются слѣды древнихъ пашенъ, которыя тунгусы приписываютъ жившему здѣсь до нихъ народу *баргитовъ*. Не отъ этого-ли народа происходитъ названный тунгусскій родъ? Это тѣмъ болѣе возможно, что въ прежнее время Брагатскій родъ тунгусовъ былъ многочисленъ въ смежномъ съ Баргузинскимъ округомъ Олекминскомъ округѣ Якутской обл. (см. стр. 129).

Бытальскій (Бутальскій) р. — 1.316 д. (699 м.) имѣть обширное распространение. Главная его масса проживаетъ въ предѣлахъ Якутскаго округа—659 д. (325 м.), затѣмъ въ Удской окр.—440 д. (244 м.) и въ Амурской области 175 д. (103 м.), куда они спустились изъ Якутскаго округа. Меньше ихъ въ Хабаровскомъ округѣ и мало на Сахалинѣ.

Вакасильскій родъ—477 д. (249 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Годниканскій р.—498 д. (259 м.), изъ коихъ 460 д. (241 м.) въ Охотской округѣ и 38 д. (18 м.) въ Якутскомъ, откуда вѣроятно они выселились въ Охотскую округу.

Горбиканскій р.—254 д. (140 м.) въ Охотской (въ т. ч. 4 д. (3 м.) въ Якутскомъ окр.).

Гуновскій р.—448 д. (215 м.), изъ коихъ въ Читинскомъ округѣ 354 д. (177 м.) и въ Акшинскомъ 94 д. (38 муж.).

Гучитскій р.—205 д. (97 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Дельянскіе (Деллянскіе) р. — 754 д. (366 м.) въ сѣверной части Приморской области, именно 358 д. (179 м.) въ Анадырской и 390 д. (184 м.) въ Охотской округѣ. Сюда же вѣроятно слѣдуетъ отнести и *Каменно-Дельянскіе* роды Колымскаго округа численностью въ 360 д. (169 м.), изъ коихъ I К.-Д. р.—205 д. (100 м.) и II К.-Д. р.—155 д. (69 м.). Съ ними число тунгусовъ Дельянскихъ родовъ будетъ 1.114 д. (535 муж.).

Доканскіе роды—244 души (121 м.) въ Гижигинской округѣ.

Долганскіе р.—2.446 д. (1.200 м.) въ сѣверной части Приморской области, въ т. ч. 1.220 д. (585 м.) въ Охотской, 808 д. (405 м.) въ Гижигинской, 229 д. (119 м.) въ Петропавловской и 189 душъ (91 муж.) въ Анадырской округахъ.

Здѣсь мѣсто напомнить, что долгане Туруханскаго края вѣроятно происходятъ отъ тунгусовъ Долганскаго рода. Общая ихъ численность опредѣлилась по даннымъ переписи въ 1897 г. въ 967 д. (472 м.), изъ коихъ 522 д. (255 м.) приходятся на долю *Долгано-Ессейскаго* и 425 д. (213 м.) на долю *Долгано-Тунгусскаго* родовъ (см. стр. 160).

Долотскій (Дулатскій) р.—233 д. (106 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Дуларскій родъ—321 душа (167 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Дулигарскій р.—3.056 д. (1.517 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Дулегатскій (*Дулигатскій*) р.—496 д. (249 м.) въ Читинскомъ округѣ. Тамъ же встрѣчаются роды *Домо-Дулегатскій* — 198 д. (93 м.) и *Княже-Дулегатскій* — 80 д. (39 м.) или всего Дулегатскихъ родовъ 774 д. (381 м.)

Жахутскій (*Жакутскій*)—613 д. (303 м.) въ Вилюйскомъ округѣ и въ прилегающихъ частяхъ Туруханскаго края.

Жельянскій родъ—108 д. (58 м.) въ Верхоянскомъ округѣ.

Жерскій р.—153 д. (80 м.) въ Удской округѣ и на Сахалинѣ. Онъ якутскаго происхожденія, но на $\frac{2}{3}$ отунгусился (на родномъ языкѣ говоритъ лишь 59 душъ—24 муж.,—(см. стр. 107).

Жуюганскій родъ—579 д. (304 м.) въ Олекминскомъ округѣ.

Заяктаевъ (*Заектаевъ*) р.—499 д. (242 м.) въ Селенгинскомъ округѣ.

Илимпейскій р.—677 д. (350 м.) въ Туруханскомъ краѣ.

Каменные роды—265 душъ (139 муж.) въ Колымскомъ округѣ.

Каменно-Дельянскіе р. — см. *Дельянскіе*.

Катчитскій (орочонскій) родъ—114 душъ (54 муж.) въ Читинскомъ округѣ.

Келлярскій родъ—353 души (192 муж.) въ Охотской округѣ.

Келтятскій родъ—187 душъ (98 муж.) въ Вилюйскомъ округѣ (ср. *Кылтегерскій* р.).

Киндыгирскіе р.—376 д. (204 м.), изъ коихъ 320 д. (176 м.) въ Баргузинскомъ округѣ, остальные почти всѣ орочоны Амурской области и Нерчинскаго округа.

Конурскій родъ—560 душъ (276 муж.) въ Читинскомъ округѣ (9 д. въ Олекм. окр.).

Кункугурскіе роды—491 д. (258 м.) въ Верхоянскомъ округѣ.

Куркугурскіе роды—666 д. (352 м.) въ Енисейскомъ

округъ, въ т. ч. 491 д. (251 м.)—*I Куркугирскій*, 93 д. (45 м.)—*II Куркугирскій* и 82 д. (46 м.)—*III Куркугирскій*.

Кылтегерскій (*Келтегерскій*) р.—869 д. (421 м.) въ Читинскомъ округѣ. Съ этимъ родомъ вѣроятно родственъ р. *Келтятскій* (*Кылтятскій*).

Кюпскій р.—281 д. (133 м.) въ Якутскомъ и Верхоянскомъ округахъ Якутской области. (Ср. Кюпняйскій якутскій р. III Жехсогонск. насл. Батурусскаго ул. Якутскаго округа — 442 души).

Кюрбюгдинскій р.—167 д. (77 м.) въ Якутскомъ округѣ (въ т. ч. Удской округи—22 д.).

Лакшикагирскій (орочонскій) р.—141 д. (65 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Лалыгирскій р.—374 д. (197 м.) главнымъ образомъ въ Удской округѣ, своемъ коренномъ мѣстонахожденіи — 301 д. (162 м.). Отсюда онъ разошелся по смежнымъ мѣстностямъ, по: Хабаровскому окр.—54 д. (27 м.), Амурской обл.—6 д. и Сахалину—13 д.

Ламунхинскій р.—179 д. (95 м.) въ Верхоянскомъ (118 д.) и Якутскомъ (61 д.) округахъ.

Лимагирскій р.—106 д. (53 м.) въ Баргузинскомъ округѣ.

Луникерскій р.—490 душъ (239 муж.) въ Читинскомъ округѣ.

Льтніе роды — 381 д. (198 м.) въ Туруханскомъ краѣ; изъ нихъ *II Льтній* р. — 213 д. (114 м.), *III-й* — 88 д. (44 м.) и *IV-й* — 80 д. (40 м.); *I-й* р. вымеръ.

Мальцевскій р.—2.089 д. (1.001 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Мунгальскій р.—746 д. (360 м.): въ Читинскомъ округѣ—504 д. (240 м.) и въ Баргузинскомъ—242 д. (120 м.).

Мякагирскій родъ—155 душъ (80 муж.) въ Удской округѣ.

Мямяльскій (*Мемяльскій*) р.—510 д. (275 м.): въ Якутскомъ округѣ—314 д. (171 м.) и Верхоянскомъ 140 д. (73 м.) и сверхъ того 54 д. (30 м.) въ Охотской, куда онъ перебрался по всему вѣроятію изъ Якутскаго округа.

Намятскій родъ—949 душъ (475 муж.) въ Читинскомъ округѣ.

Нироновскій родъ—224 души (96 муж.) въ Читинскомъ округѣ.

Нюрмаганскій (Нюрбуганскій) р.—237 д. (134 м.) въ Якутскомъ (и Верхоянскомъ) округѣ.

Почегорскій родъ—651 д. (316 муж.) въ Читинскомъ округѣ.

Сологонскій (Шологонскій) р. — 871 д. (469 м.). Подъ вторымъ наименованіемъ этотъ родъ болѣе извѣстенъ: — 784 д. (418 м.), изъ коихъ 444 д. (223 м.) проживали въ Вилюйскомъ и 340 д. (195 м.) въ Якутскомъ, въ которомъ онъ подраздѣляется на *I Шологонскій* р.—128 д. (69 м.) и *II-й*—212 д. (126 м.). Остальные 87 д. (51 м.) этого рода отмѣчены въ переписномъ матеріалѣ Сологонскимъ родомъ; встрѣчаются они въ разныхъ округахъ Якутской области—57 д. (35 м.), въ Киренскомъ округѣ Иркутской губ.—10 д. (5 м.) и въ Амурской области подъ названіемъ орочоново—20 д. (11 м.).

Сартольскій р.—410 д. (195 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Сартутскій р.—824 д. (400 м.) тамъ же.

Сухановскій родъ—875 душъ (417) муж. въ Читинскомъ округѣ.

Телембинскій р.—277 д. (136 м.) тамъ же.

Тобуйскій родъ—137 душъ (70 муж.) въ Вилюйскомъ округѣ.

Тукчинскій родъ—344 души (182 муж.) въ Читинскомъ округѣ.

Тулуягирскій родъ—481 д. (256 м.) въ Читинскомъ округѣ. За исключеніемъ 19 д. (9 м.) всѣ представители этого рода названы въ переписномъ матеріалѣ «орочонами».

Тюясирскій р.—477 д. (261 м.) въ Верхоянскомъ и Якутскомъ округахъ: 399 д. (216 м.) и 78 д. (45 м.).

Узонскій р.—2.270 д. (1.151 м.) въ Читинскомъ округѣ (въ т. ч. въ Акшинскомъ окр. 55 д.—28 м.).

Угулятскій р.—534 души (237 муж.) въ Вилюйскомъ округѣ.

Улятскій родъ—689 душъ (343 муж.) въ Читинскомъ округѣ.

Уяганскіе роды—1.993 д. (1.004 м.), главнымъ образомъ въ сѣверной части Приморской обл.—1.743 д. (871 м.), именно, въ Охотской округѣ—787 д. (399 м.), Гижигинской—

735 д. (360 м.) и Петропавловской — 221 д. (112 м.).
Остальные — 250 д. (133 м.) проживали въ Колымскомъ округѣ, откуда вѣроятно и происходятъ Уяганскіе тунгусы Приморской области.

Хатыгинскій (Хатылинскій) р.—812 д. (390 м.) въ Вилюйскомъ округѣ и въ окрестностяхъ оз. Джоссеи въ Туруханскомъ краѣ.

Цингидиновъ р.— 337 д. (159 м.) въ Селенгинскомъ округѣ.

Чапогирскій р.—226 д. (118 м.) въ Туруханскомъ краѣ.

Чемдальскій родъ—276 д. (137 муж.) въ Енисейскомъ округѣ.

(Чилкагирскій) Челкагирскій р.—507 д. (243 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Чильчагирскій р.—190 д. (615 м.) въ Баргузинскомъ округѣ, изъ коихъ *I Чильчагирскій*—532 д. (287 м.) и *II-й*—204 д. (107 м.) и неуказанной категоріи 454 д. (221 м.).

Имена рр. Чилкагирскаго и Чильчагирскаго вѣроятно являются видоизмѣненіями одного и того же названія, происходящаго можетъ быть отъ тунгусскаго имени р. Шилки—Шилкирь¹⁾.

Чимчагитскій родъ—146 д. (70 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Чипчинутскій родъ—623 д. (321 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Чордунскій, (Чордутскій, Чордуйскій) р.—467 душъ (227 м.): въ Вилюйскомъ округѣ—426 д. (208 м.), Верхоянскомъ —30 д. (13 м.) и въ Туруханскомъ краѣ, глав. обр. ок. озера Джоссеи. (Ср. якутскій Чордунскій р. Бетюнск. наслега Батурусск. ул. Якутскаго окр.—233 д.).

Шологонскіе роды см. Сологонскій р.

Эжанскіе роды—2.229 д. (1.198 м.), главнымъ образомъ въ Якутской губерніи—1.596 д. (842 м.), именно въ Якутскомъ округѣ—1.526 д. (809 м.), въ Верхоянскомъ округѣ всего 70 д. (33 м.). Второе мѣсто занимаетъ Удская округа — 618 д. (346 м.). Въ Амурской обл. было зарегистрировано лишь 15 д. (10 м.) представителей этого рода, зашедшихъ сюда изъ смежныхъ округовъ. Въ Якутскомъ округѣ этотъ

¹⁾ Это имя означаетъ вѣроятно на тунгусскихъ нарѣчіяхъ: „рѣка“ вообще, потому что такъ негидальцы называютъ Амуръ (также „Мамгу“). Ср. также названія притоковъ Оленека: Силигирь (см. стр. 8).

родъ распадается на три части: *I-й Эжанскій* — 558 д. (288 м.), *II-й*—456 д. (232 м.) и *III-й*—512 д. (289 м.).

Яравнинскій р.—350 д. (170 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Изъ остальныхъ тунгусовъ болѣе многочисленную группу представляютъ потомств. дворяне *Гантимуровы* (см. стр. 146), которыхъ по даннымъ 1897 г. оказалось 371 д. (194 м.). Проживаютъ они почти всѣ въ Читинскомъ округѣ.

Меньшее значеніе имѣютъ слѣдующіе роды тунгусовъ, численность которыхъ въ отдѣльныхъ округахъ не превышаетъ 30—80 человѣкъ.

Агдаримскій (*Агдарыльскій*) ороchonскій р.—66 д. (35 м.) въ Амурской области.

Балаганчиковы — 36 д. (20 м.) въ Анадырской округѣ (см. стр. 100).

Билурганскій р.—28 д. (16 м.) (можетъ быть искаженіе *Баликагирскаго*) въ южн. части Баргузинскаго округа.

Бобекинъ р. — 41 д. (24 м.) въ Хабаровскомъ округѣ (см. стр. 109).

Бэжэриетскій р.—32 д. (17 м.) въ южн. части Баргузинск.окр.

Далмятскій (*Далмайскій*) р.—37 д. (22 м.) въ Амурской области.

Далыгирскій (?) р.—32 д. (19 м.) въ Амурской области.

Домуевскій р.—45 д. (24 м.) въ Читинскомъ округѣ.

Дондаконское кол. (*Ламунхин. р.*)—56 д. (30 м.) въ Якутскомъ округѣ.

Иглагирскій (орочонск.) р.—37 д. (19 м.) въ Амурской области.

Каменно-Черноульскій р. — 80 д. (46 м.) въ Енисейскомъ округѣ.

Комбойскій (?) р.—34 д. (21 м.) въ Вилюйскомъ округѣ (см. стр. 126).

Малобѣльскій р.—41 д. (23 м.) въ Балаганскомъ округѣ (см. стр. 131).

Нанудальскій р.—34 д. (20 м.) въ Енисейскомъ округѣ.

Нижне-Чумскій р.—23 д. (10 м.) въ Туруханскомъ краѣ.

Никагирскій р. — 85 д. (47 м.)—въ Амурской области (орочоны) и въ Якутскомъ округѣ (22 д.).

Одянскій р.—47 д. (24 м.) въ Хабаровскомъ округѣ.

Осогостахскій р. — 28 д. (15 м.) въ Верхоянскомъ и Вилюйскомъ округахъ (см. стр. 117).

Панкагирскій р.—69 д. (38 м.) въ Енисейскомъ округѣ.
Сокалтуевскій («тунгусскій» родъ переписи) — 75 д. (34 м.) въ Читинскомъ округѣ, вѣроятно бурятскій родъ (см. стр. 136), почему въ общее число тунгусовъ не включень

Усть-Турыжскій р.—57 душъ (36 мужч.) въ Туруханскомъ краѣ.

Хоринское кол. Ламунхинскаго рода — 35 д. (15 м.) въ Якутскомъ округѣ.

Хоронуцкій р. — 47 д. (26 м.) въ Читинскомъ округѣ, вѣроятно бурятскаго происхожденія (ср Харанутскій р. бурятовъ въ Селенгинскомъ округѣ).

Шемагирскій (*Шамагирскій*) р. — 65 д. (35 м.) въ Баргузинскомъ округѣ. Этотъ родъ по Шренку слѣдуетъ считать родоначальникомъ племени самагировъ въ Приморской области.

Атоульскій р. — 46 д. (30 м.) въ Енисейскомъ округѣ.

Остальные роды представляютъ изъ себя, частью обрывки уже вымершихъ родовъ, частью искаженныя до неузнаваемости названія вышеупомянутыхъ родовъ, частью отдѣльныя семьи отунгусившихся инородцевъ другихъ племенъ.

Наконецъ, у 12.520 д. (6.341 м.) тунгусовъ (орочоновъ, ламутовъ) роды не показаны. Они составляютъ 20% наличнаго числа тунгусовъ. Больше всего ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ Забайкальской области — 8.891 д. (4.479 м.) или 26,4% всѣхъ ея тунгусовъ, именно 3.130 д. (1.570 м.) въ Читинскомъ округѣ, 4.542 д. (2.225 м.) въ Акшинскомъ, 605 д. (365 м.) въ Нерчинскомъ, 400 д. (215 м.) въ Нерчинско-Заводскомъ, 111 д. (50 м.) въ Баргузинскомъ и т. д. Въ Приморской области ихъ 460 д. (244 м.), въ т. ч. 187 д. (98 м.) въ Охотской округѣ, 176 д. (98 м.) въ Удской и т. д. Въ Якутской области не показавшихъ рода 417 д. (199 м.); изъ нихъ 146 д. (75 м.) въ Олекминскомъ, 125 д. (66 м.) въ Якутскомъ округѣ и т. д. Въ Иркутской губерніи ихъ 1.971 д. (994 м.), въ т. ч. 1.358 д. (688 м.) въ Киренскомъ, 601 д. (300 м.) въ В.-Ленскомъ, 134 д. (59 м.) въ Иркутскомъ округѣ и т. д., что составляетъ почти все ихъ тунгусское населеніе. Въ Амурской области ихъ 500 д. (279 м.), въ Енисейской губерніи — 231 д. (112 м.) и на островѣ Сахалинѣ — 50 д. (34 м.).

ГЛАВА VI.

Я з ы к ъ.

Въ соотвѣтствіи съ чрезвычайной развѣтвленностью тунгусскаго племени и большой разбросанностью его кочевій и вообще мѣстожителствъ тунгусскія нарѣчія представляютъ весьма большое разнообразіе въ своемъ составѣ, въ значительной степени объясняемое заимствованіями у своихъ многочисленныхъ и разноплеменныхъ сосѣдей отдѣльныхъ словъ и выраженій и измѣненіемъ своего запаса словъ подъ вліяніемъ чужихъ языковъ. Нѣкоторыя различія отдѣльныя нарѣчія представляютъ повидимому и въ фонетическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ и даже въ мѣстѣ ударенія ¹⁾).

Но за этими изытіями тунгусскій языкъ, подразумѣвая подъ этимъ терминомъ совокупность всѣхъ нарѣчій тунгусовъ собственно, остался всюду однимъ и тѣмъ же: на берегахъ Енисея, и въ бассейнѣ р. Амура, и на островѣ Сахалинѣ, какъ по коренному запасу словъ, такъ и по своему грамматическому строю и даже по общимъ законамъ фонетики, причемъ большее или меньшее сходство отдѣльныхъ нарѣчій до извѣстной степени находится въ отношеніи прямо пропорціональномъ къ разстояніямъ между центрами обитанія разныхъ группъ этого племени, иначе говоря, какъ правило, нарѣчія тунгусовъ двухъ смежныхъ мѣстностей представляютъ наибольшее сходство между собою, въ то время какъ группы ихъ, живущія на разстояніи въ нѣсколько тысячъ верстъ другъ отъ друга показываютъ въ этомъ отношеніи наибольшія уклоненія. Это наглядно демонстрируется образцами тунгусскихъ нарѣчій, приведенными въ концѣ этого выпуска. Въ общемъ же

¹⁾ Языкъ сѣверныхъ тунгусовъ имѣетъ по Мааку удареніе на предпоследнемъ, а у южныхъ, на Шилкѣ, онъ находится на последнемъ слогѣ (Майновъ, I. с., 81).

тунгусы разных мѣстностей болѣе или менѣе хорошо понимаютъ другъ друга; даже въ случаѣ наибольшаго несогласія нарѣчій имъ достаточно бываетъ побыть въ сообществѣ своихъ сородичей нѣсколько дней, чтобы привыкнуть къ ихъ выговору и вообще чтобы освоиться съ особенностями ихъ рѣчи и начать понимать другъ друга.

Указанная выше чрезвычайная разбросанность тунгусскихъ кочевій и вообще мѣстожителствъ, заставляющая ихъ жить по большей части небольшими группами среди чуждаго имъ и часто болѣе культурнаго и жизнеспособнаго народа, повліяла не только на сильное возрастаніе числа тунгусскихъ нарѣчій и говоровъ, но и повлекла за собою сильную ассимиляцію ихъ съ окружающими ихъ народами. Они стали принимать ихъ образъ жизни, дѣлаясь среди якутовъ и бурятовъ скотоводами и среди русскихъ — земледѣльцами. Усваивая болѣе высокую культуру и вступая со своими сосѣдями въ брачныя сожителства, тунгусы повсемѣстно быстро утрачиваютъ свои національныя особенности и свой родной языкъ и принимаютъ языкъ своихъ сосѣдей. Это замѣчается въ большей или меньшей степени и у другихъ туземныхъ племенъ Сибири, но въ особенности касается тунгусовъ, которые значительно легче чѣмъ другіе инородцы, напр. татары, якуты, буряты, чукчи и др. расстаются со всѣми достояніями своей прежней культуры и приобщаются къ національностямъ своихъ сосѣдей, не всегда даже болѣе культурныхъ.

Если инородцы, подвергающіеся ассимиляціи, болѣе или менѣе многочисленны, то процессъ замѣны родного языка чужимъ совершается постепенно. Языкъ народности, находящейся въ подобномъ положеніи, начинаетъ медленно измѣняться подъ вліяніемъ языковъ своихъ сосѣдей: въ немъ можно наблюдать постоянно возрастающую замѣну коренныхъ словъ заимствованными изъ этихъ послѣднихъ. Но при прогрессирующей ассимиляціи родной языкъ начинаетъ вовсе забываться, причемъ весьма часто этой послѣдней стадіи сліянія двухъ племенъ предшествуетъ другая—переходная, когда слабѣйшая народность или ея часть усвоила вполне языкъ своихъ сосѣдей, но еще не успѣла забыть родного языка, которымъ и пользуется при сношеніяхъ со своими сородичами. Въ такомъ положеніи находится между прочимъ часть обрусѣлыхъ тунгусовъ Маньковской инородной управы Урульгинской степной

думы Читинскаго округа (Забайк. обл.), которые говорят почти одинаково хорошо и по тунгусски и по русски (другая значительно большая часть этих тунгусовъ уже окончательно позабыла родной языкъ). Также и большая часть тунгусовъ Иркутской губерніи говоритъ на этихъ же двухъ языкахъ. Мѣстами еще не совсѣмъ обурятившіеся тунгусы говорятъ на своемъ языкѣ и на бурятскомъ, а въ Якутской области почти всѣ тунгусы и другія ея туземныя народности пользуются якутскимъ языкомъ, какъ разговорнымъ, при своихъ сношеніяхъ не только съ якутами, но и съ другими племенами (см. ниже).

Такъ какъ огромное большинство нерусскихъ сосѣдей тунгусовъ бродячіе и кочевые инородцы и въ виду того, что и по своей религіи тунгусы не отличаются отъ якутовъ, русскихъ и отчасти бурятовъ и другихъ, то о принадлежности извѣстной группы лицъ къ тунгусскому племени иногда оказывается возможнымъ заключать почти лишь по названіямъ ихъ родовъ¹⁾, которые они помнятъ еще долгое время послѣ того, какъ они окончательно ассимилировались со своими сосѣдами.

Благодаря этому признаку и нѣкоторымъ отмѣткамъ въ переписныхъ мѣстахъ (см. стр. 75), составителю данной работы удалось получить весьма цѣнныя, можно сказать единственныя въ своемъ родѣ, статистическія данныя о языкахъ, на которыхъ говорятъ отдѣльныя племена Сибири, въ данномъ случаѣ—тунгусы.

Эти данныя представляютъ большой интересъ не только съ той точки зрѣнія, что показываютъ, въ какомъ направленіи въ разныхъ частяхъ Сибири происходятъ смѣшенія между разными племенами и насколько успѣшно въ этой крайнѣ совершается ассимиляція съ господствующимъ русскимъ населеніемъ, но и даютъ возможность опредѣлить болѣе или менѣе точно дѣйствительную численность тунгусскаго племени, безъ чего абсолютно невозможно имѣть правильнаго сужденія о характерѣ естественнаго прироста этого народа за извѣстный періодъ времени.

Разсмотримъ теперь этотъ вопросъ по отдѣльнымъ областямъ и губерніямъ Сибири, а въ концѣ приведемъ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи этихъ данныхъ.

¹⁾ За извѣстными исключеніями (ср. стр. 131).

Приморская область.

Анадырская округа. Ламуты говорят на *родномъ* языкѣ кромѣ 44 д. (25 м.) обрусѣлыхъ представителей ихъ, проживающихъ осѣдло среди другихъ обрусѣлыхъ инородцевъ въ селеніяхъ по Анадырю, тоже говорящихъ лишь по *русски*.

Гижигинская округа. Всѣ тунгусы говорятъ на *родномъ* языкѣ. Кромѣ того 73 д. (41 м.) бродячихъ коряковъ I Гижигинскаго рода изъясняются на этомъ языкѣ. Они кочуютъ по р. Вархаламу среди тунгусовъ.

Петропавловская округа. Изъ мѣстныхъ тунгусовъ и ламутовъ лишь 20 д. (10 м.) не говорятъ на родномъ языкѣ, усвоивъ нарѣчіе своихъ сосѣдей *коряковъ*.

Охотская округа. Въ этой округѣ на чужихъ языкахъ говорятъ: 5 д. (2 м.) на якутскомъ и 62 д. (29 м.) на русскомъ. Послѣдніе—осѣдлые тунгусы—проживаютъ въ д. Ольскоѣ, гдѣ и составляютъ большинство ея населенія (71⁰/₀).

Удская округа. Изъ мѣстныхъ тунгусовъ 80 д. (41 м.), проживающихъ въ самой сѣверной части округа, говорятъ по *якутски*, именно 31 д. (17 м.) въ ур. Нирянь, 22 д. (9 м.) въ Удскомъ острогѣ, 8 д. (5 м.) на мысу Чумуканъ, 4 д. (1 м.) въ ур. Ала и 15 д. (9 м.) въ другихъ мѣстахъ. Происходятъ они изъ смежнаго Якутскаго округа. Всѣ остальные показали родной языкъ.

Хабаровскій округъ. По переписи на чужомъ языкѣ говорятъ лишь 18 д. (8 м.) представителей рода Лалыгирскаго, обитающіе въ сел. Анчунъ по Горину. Въ виду того, что у мѣстныхъ самагировъ, (по переписи ошибочно «гольдовъ») показанъ «гольдскій» языкъ, то достовѣрно не извѣстно, какъ въ данномъ случаѣ понимать выраженіе «гольдскій» языкъ. Вѣрнѣе они говорятъ на родномъ языкѣ.

Итакъ, всюду въ Приморской области тунгусы и (ламуты), говорящіе на чужихъ языкахъ, составляютъ меньшинство мѣстныхъ представителей этого племени. Подводя итогъ по данной области, мы получимъ, что изъ наличнаго ея числа тунгусовъ въ 8.848 д. (4.544 м.) на чужихъ языкахъ изъясняются всего 229 д. (115 м.) или 2,6⁰/₀. Изъ нихъ на долю *русскаго* языка приходится 106 д. (54 м.) или 1,2⁰/₀, на

долю якутскаго 85 д. (43 м.) или до 1⁰/₀ и на остальныхъ говорятъ 38 д. (18 м.), въ т. ч. 20 д. (10 м.) на коряцкомъ и 18 д. (8 м.) на гольдскомъ (?).

Всѣ остальные тунгусы области въ числѣ 8.619 д. (4.429 м.) или 97,4⁰/₀ говорятъ на родномъ языкѣ.

Островъ Сахалинъ.

Всѣ мѣстные тунгусы изъясняются на родномъ языкѣ и многіе понимаютъ и даже говорятъ по русски. Нѣкоторые изъ нихъ, часто бывающіе у бухты Терпѣнія, знаютъ кромѣ того и айнской языкъ, который въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Корсаковского округа является разговорнымъ языкомъ при взаимныхъ сношеніяхъ между собою айновъ, ороковъ, тунгусовъ и отчасти при ихъ сношеніяхъ съ мѣстными властями и японскими рыбопромышленниками ¹⁾.

Амурская область.

Кромѣ 36 д. (21 м.) тунгусовъ Буреинскаго горнаго округа, принадлежащихъ къ Далыгирскому (?) роду, и 15 д. (10 м.), живущихъ въ станицахъ, русскихъ деревняхъ, въ городѣ и т. д. или всего 51 д. (31 м.), изъясняющихся лишь по русски, всѣ остальные говорятъ на родномъ языкѣ.

Изъ проживающихъ въ данной области оленныхъ тунгусовъ или *орочоново* 45 д. (23 м.) изъясняются лишь по русски, 17 д. (10 м.) по якутски, а остальные 615 д. (331 м.) еще знаютъ свой языкъ (см. I, стр. 20).

Якутская область.

Колымскій округъ. Изъ 1.111 д. (553 м.) мѣстныхъ ламутовъ (и тунгусовъ) 235 д. (115 м.) изъясняются на чужихъ языкахъ и нарѣчіяхъ.

Большая ихъ часть—216 д. (104 м.) или 19,4⁰/₀ считаютъ своимъ роднымъ языкомъ нарѣчія мѣстныхъ аборигеновъ—*юкагировъ*, почти вымершихъ въ настоящее время.

¹⁾ „Сахалинскій календарь“ на 1899 г.

Изъ нихъ 142 д. (81 м.) принадлежать къ тунгусскому Бетильскому роду, кочующему по Западной или Большой тундрѣ, между рр. Б. Чукочей и Алазейей. Кромѣ того среди 24 ламутскихъ жень чукчей названной тундры Колымскаго округа 15 показали роднымъ языкомъ мѣстное юкагирское нарѣчіе. Онѣ повидимому по большей части принадлежать къ Бетильскому роду. Дѣти отъ этихъ смѣшанныхъ браковъ обыкновенно являются двуязычными. Среди чукчей Восточной тундры, расположенной къ востоку отъ Колымы, оказалось лишь 3 д. (1 м.) тунгусовъ говорящихъ по-юкагирски. Нарѣчіе всѣхъ этихъ 160 ламутовъ называется обыкновенно либо по району, гдѣ оно встрѣчается, *тундренымъ*, либо *тунгусско-юкагирскимъ*, потому что на немъ говорить много тунгусовъ (ламутовъ) Бетильскаго рода¹⁾, отчасти и потому, что оно заключаетъ въ себѣ не мало тунгусскихъ словъ, чѣмъ отличается отъ языка прежнихъ юкагировъ. На этомъ тундренномъ нарѣчій говорятъ и два другихъ рода, живущихъ о бокъ съ упомянутыми тунгусо-юкагирами, которые слѣдуетъ признать потомками прежнихъ юкагировъ (см. I, стр. 71).

До послѣдняго времени, когда это нарѣчіе еще не было изслѣдовано, всѣ мѣстные жители, не знакомые съ инородческими языками, а съ ихъ словъ и многіе изслѣдователи края, полагали, что Бетильскіе и другіе мѣстные тунгусы говорятъ на «тунгусскомъ» языкѣ и лишь въ самое послѣднее время обнаружилась эта ошибка.

Другая часть ламутовъ въ числѣ 56 д. (22 м.), показавшихъ роднымъ языкомъ юкагирскій, принадлежитъ къ II Каменно-Дельянскому роду, бродящему вмѣстѣ съ остатками юкагировъ по Коркодону (и его притоку Разсохѣ) и по Ясачной (и ея притоку Нелемной). Это болѣе чистое юкагирское нарѣчіе, въ отличіе отъ тунгусско-юкагирскаго, можетъ быть названо по мѣсту своего распространенія, въ болѣе верхнихъ частяхъ бассейна Колымы, — *верховымъ*.

На долю остальныхъ нарѣчій даннаго округа приходится всего 19 д. (11 м.); изъ нихъ 11 д. (5 м.) говорятъ только по *якутски*, 7 д. (5 м.) — по *русски* и 1 м. по *чукотски*.

¹⁾ Родной языкъ изъ нихъ показано лишь 23 чел.

Всѣ остальные ламуты въ числѣ 876 д. (438 м.) или 78,8⁰/₀ говорятъ на родномъ языкѣ.

Верхоянскій округъ. 458 д. (211 м.) или 27,1⁰/₀ мѣстныхъ тунгусовъ и ламутовъ показали роднымъ языкомъ *якутскій*. Огромное большинство ихъ приходится на долю Жиганскаго улуса (см. I., стр. 71) и прилегающихъ къ нему мѣстностей; въ остальныхъ улусахъ ихъ оказалось всего 42 д. (19 м.), хотя въ качествѣ второго языка, употребляемаго всѣми мѣстными инородцами при сношеніяхъ не только съ якутами, но и между собою, на немъ говорятъ почти всѣ тунгусы края. Изъ отдѣльныхъ родовъ ламутовъ болѣе объякутились: Кюпскій, Ламунхинскій и Тюясирскій, а изъ тунгускихъ — обрывки родовъ: Бетюнскаго, Эжанскаго, Чордунскаго, Нюрмаганскаго и другихъ.

На *русскомъ* языкѣ изъясняется 7 д. (4 м.). Изъ остальныхъ у 131 д. (75 м.) или 8⁰/₀, главнымъ образомъ Ламунхинцевъ, показанъ «юкагирскій» языкъ ¹⁾. Большинство изъ нихъ принадлежитъ къ Кун(ку)гурскому и отчасти Жельянскому родамъ, бродящимъ въ предѣлахъ II Ноготскаго и Удюгейскаго наслеговъ Усть-Янскаго улуса и приписанныхъ къ Колымской инор. управѣ Колымскаго округа, откуда вѣроятно и происходятъ (Жельянскаго рода теперь тамъ не имѣется, а есть Дельянскій). При изслѣдованіи этого «юкагирскаго» языка, на которомъ кромѣ ламутовъ въ данномъ округѣ говорятъ и мѣстные юкагиры, В. Йохельсонъ, изучившій языкъ этихъ послѣднихъ, пришелъ къ заключенію, что онъ оказывается обыкновеннымъ *тунгусскимъ* языкомъ, ничѣмъ не отличающимся отъ нарѣчій этого языка, на которомъ изъясняются и другіе тунгусы и ламуты края ²⁾.

Это обстоятельство наглядно показываетъ, какъ мало можно довѣряться народной номенклатурѣ языковъ. Возможно, что эти ламуты сначала объюкагирились, какъ это имѣло мѣсто въ Колымскихъ тундрахъ, и говорили одно время по юкагирски, но впоследствии, по мѣрѣ вымиранія юкагировъ и притока новыхъ ламутовъ, опять обламутились, безъ того, чтобы мѣстные

¹⁾ Такъ этотъ языкъ и показанъ ошибочно въ моей работѣ: „Essai d'une statistique et d'une géographie des peuples palaeasiatiques de la Sibérie“, 1903 (стр. 42 сл.).

²⁾ „Предварительный отчетъ объ изслѣдованіи инородцевъ Колымскаго и Верхоянскаго округовъ“. (Изв. Восточн. Сибир. Отд. И. Р. Географич. О., XXIX, 98, I, 19 сл.).

крестьяне и обрусѣлые инородцы, не знающіе мѣстныхъ нарѣчій, это замѣтили. Это могло случиться тѣмъ легче, что и юкагиры этого округа, принадлежащія къ родамъ Буяк-сирскому и Каменному, усвоили этотъ языкъ.

Ламутовъ и тунгусовъ, говорящихъ на *родномъ* языкѣ, считая въ томъ числѣ и неправильно показавшихъ «юкагирскій» языкъ, 1.223 д. (661 м.) или 72,5⁰/₀, изъ коихъ 31 д. тунгусовъ и 1.192 д. ламутовъ т. е. родной языкъ въ значительно большей степени сумѣли сохранить коренные ламуты, чѣмъ пришлые тунгусы.

Вилюйскій округъ. Почти все мѣстное тунгусское населеніе—3.885 д. (1.880 м.) или 96⁰/₀—позабыло родную рѣчь и говоритъ на языкѣ своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей-якутовъ. Это въ одинаковой степени касается какъ тѣхъ изъ нихъ, которые живутъ среди якутовъ, такъ и тѣхъ, которые имѣютъ самостоятельныя кочевья. Это объякутеніе произошло уже давно, но еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ небольшая часть тунгусовъ, жившихъ въ верховьяхъ лѣвыхъ притоковъ Вилюя и отчасти Оленека повидимому еще пользовались родною рѣчью. Нынѣ же лишь 177 д. (104 м.) или ок. 4⁰/₀, преимущественно живущихъ обыкновенно въ предѣлахъ Туруханскаго края, показали роднымъ языкомъ *тунгусскій*. Часть изъ нихъ (34 д.) принадлежитъ къ Комбойскому (Илимпейскому?) роду и происходитъ изъ смежнаго Туруханскаго края Енисейской губерніи. Эти тунгусы были застигнуты переписью въ предѣлахъ Мархинскаго улуса.

Якутскій округъ. Здѣсь, гдѣ сосредоточена главная масса тунгусскаго населенія области, оно почти вполнѣ сохранило *родной* языкъ. Лишь 14 д. (6 м.) показали что знаютъ лишь *якутскій* языкъ и 1 женщина—*русскій*. Это столь благоприятное для тунгусскаго племени явленіе однако лишь кажущееся: живя сравнительно болѣе тѣсно чѣмъ другія группы тунгусовъ, они въ большинствѣ случаевъ вполнѣ владѣютъ роднымъ языкомъ, но даже въ домашнемъ быту его сильно вытѣсняетъ якутскій, болѣе необходимый въ этомъ краѣ, въ виду большей численности якутскаго племени. Майновъ (I. с., 166) сообщаетъ, что у Кангаласцевъ западнаго берега Лены въ настоящее время уже господствуетъ якутскій языкъ, который и по восточному ея берегу, близъ якутскихъ поселеній, вытѣсняетъ тунгусскій не только въ качествѣ разго-

ворнаго, но и домашняго языка. Теперь, по г. Майнову, изъ 100 семействъ этихъ тунгусовъ не болѣе 20 — 30 чаще и охотнѣе употребляютъ въ домашнемъ быту родной языкъ. Владѣютъ якутскимъ языкомъ въ качествѣ разговорнаго и всѣ кочевые Майскіе тунгусы и многіе другіе.

Олекминскій округъ. И здѣсь, большинство тунгусовъ—773 д. (404 м.) или 90,1% говоритъ на *родномъ* языкѣ. Лишь 85 д. (44 м.) или до 10% показали *якутскій* языкъ, именно 30 д., (15 м.), проживавшихъ среди якутовъ Олекминской инородной управы, и 54 д. (28 м.), застигнутыхъ въ зимовьяхъ и временныхъ избушкахъ, въ районѣ пріисковъ Олекминской системы. Послѣдніе принадлежатъ преимущественно къ Жуюганскому роду.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ сгруппированы статистическія данныя касательно числа тунгусовъ и ламутовъ отдѣльныхъ округовъ Якутской области, говорящихъ на разныхъ языкахъ.

ТАБЛИЦА V.

Названія округовъ.	Наличное населеніе въ 1897 году.												%, гов. надр. яз.
	Всего.		Тунгусскій языкъ.		Другіе языки.								
					Якутск.		Юкагирскій.		Русскій.		Итого.		
	м.	ж.	а. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	
1. Колымскій . .	553	558	438	438	5	6	105 ¹	112	5	2	115	120	21,2
2. Верхоянскій .	876	812	661	562	211	247	—	—	4	3	215	250	27,5
3. Якутскій . . .	2.390	2.122	2.384	2.113	6	8	—	—	—	1	6	9	0,3
4. Вилюйскій . .	1.984	2.078	104	73	1.880	2.005	—	—	—	—	1.880	2.005	95,7
5. Олекминскій .	448	410	404	369	44	41	—	—	—	—	44	41	9,9
Итого . . .	6.251	5.980	3.991	3.555	2.146	2.307	105¹	112	9	6	2.260	2.425	38,3

Изъ этой таблицы усматривается, что 4.685 д. (2.260 м.) или 38,3% наличнаго тунгусскаго населенія области счи-

¹⁾ Въ т. ч. 1 ж., говорящая по чукотски.

тасть своимъ роднымъ языкомъ чужіе языки, причеиъ наимеиъе сохранили свою родную рѣчь тунгусы западной и сѣверо-западной части области (Вилуйскій окр. и Жиганскій улусъ Верхоянскаго окр.), гдѣ почти всѣ говорятъ лишь по якутски. Второе мѣсто въ этомъ отношеиіи занимаютъ ламуты Колымскаго округа, значительная часть которыхъ промѣняла свой языкъ на юкагирскій. Тунгусы Якутскаго округа, сгруппированные въ большемъ числѣ на сравнительно меньшемъ пространствѣ, чѣмъ въ другихъ округахъ, лучше другихъ сумѣли сохранить свой родной языкъ. Впрочемъ, какъ мы видѣли выше, здѣсь данныя переписи не вполне вѣрно показываютъ дѣйствительность: и среди нихъ число лицъ, говорящихъ лишь по якутски, значительно болѣе зарегистрированныхъ переписью 14 чел., не говоря уже о томъ, что большое число лицъ среди нихъ, помня еще родной языкъ, даже въ домашнемъ обиходѣ болѣе пользуются якутскимъ. И здѣсь окончательная утрата родного языка частью мѣстныхъ тунгусовъ вопросъ непродолжительнаго времени.

Въ процентномъ отношеиіи тунгусы Якутской обл., говорящіе на разныхъ языкахъ, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

На *тунгусскомъ* (ламутскомъ) языкѣ говорятъ въ Якутской области—7.546 д. об. п. (3.991 м.) или 61,7⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ, на *якутскомъ*—4.453 д. (2.146 м.) или 36,4⁰/₀, на *юкагирскомъ*—217 д. ¹) (105 м.) или 1,8⁰/₀ и на *русскомъ*—15 д. (9 м.) или до 0,1⁰/₀.

Русскій языкъ, такимъ образомъ, въ качествѣ разговорнаго языка, значенія въ краѣ не имѣетъ, хотя многіе тунгусы знаютъ его на ряду со своимъ собственнымъ. Оно и понятно: на 30.000 д. русскаго населенія области до 4.000 д. обитаютъ въ городахъ, жители которыхъ имѣютъ очень мало соприкосновенія съ тунгусами. Остальныя 26.000 д. приходятся на прииски и отдѣльныя русскія поселенія по Ленѣ, Колымѣ, Янѣ и другимъ крупнымъ рѣкамъ. Но эти русскія селенія и поселки окружены по большей части сплошной массой якутскаго населенія, которое изолируетъ ихъ отъ общенія съ тунгусами. Къ тому же, въ виду значительнаго численнаго перевѣса въ краѣ якутовъ, которые составляютъ 84⁰/₀ внѣгородскаго и 42⁰/₀ городского населенія области, русскій языкъ естественно не можетъ имѣть широкаго примѣненія среди безграмотныхъ инородцевъ, для которыхъ,

независимо отъ ихъ національности, разговорнымъ языкомъ является якутскій—большая часть тунгусовъ Якутской обл. знаетъ этотъ языкъ. Усвоили его въ отдѣльныхъ, болѣе глухихъ, пунктахъ страны и русскіе старожилы, позабывшіе при этомъ свой родной языкъ.

Здѣсь мѣсто указать на подмѣченный изслѣдователемъ Якутскаго сѣвера г. Юхельсономъ фактъ, что языкознание у мѣстныхъ инородцевъ уменьшается по мѣрѣ движенія отъ восточной границы области къ р. Ленѣ. Тунгусо-юкагиры (т. е. юкагиры и объюкагирившіеся ламуты Бетильскаго рода), бродящіе между Колымой и Алазеей, знаютъ четыре языка: юкагирскій, якутскій ламутскій и чукотскій. Между Алазеей и пр. притокомъ Индигирки—Ирченомъ бродячее населеніе говоритъ на трехъ языкахъ: ламутскомъ, якутскомъ и чукотскомъ. Къ западу отъ Индигирки, гдѣ нѣтъ чукчей, отпадаетъ чукотскій языкъ и мѣстные инородцы (ламуты и юкагиры), говорятъ только на ламутскомъ и якутскомъ языкахъ, а къ западу отъ Яны господствуетъ одинъ якутскій языкъ. На ламутскомъ языкѣ здѣсь говорятъ лишь тѣ ламуты, которые иногда прикочевываютъ на хребетъ Тасъ-Тумса изъ Верхоянскаго округа ¹⁾).

Въ особенности интересно прослѣдить взаимное вліяніе другъ на друга юкагировъ и ламутовъ въ лингвистическомъ отношеніи. Попавъ въ среду юкагировъ I и II Алазейскихъ родовъ, тунгусы Бетильскаго и II Каменно-Ламутскаго рода промѣняли свой языкъ на тундренное нарѣчіе юкагирскаго языка, господствующее нынѣ между Колымой и Алазеей. Къ западу отъ Алазеи тунгусы и юкагиры уже плохо говорятъ по юкагирски и лучше по ламутски, что слѣдуетъ приписать ихъ постоянному соприкосновенію съ коренными Верхоянскими тунгусскими родами, еще вполне сохранившими свою родную рѣчь. Еще далѣе на западъ, за Индигирку, юкагирскій языкъ пропадаетъ и якутскій вытѣсняетъ ламутскій, въ свою очередь исчезающій за Яной. Что касается Верхнеколымскихъ юкагировъ и живущихъ съ ними о бокъ обрывковъ тунгусскихъ родовъ (I и II Каменно-Дельянскихъ), то они

¹⁾ В. Юхельсонъ (I. с., стр. 32) упоминаетъ здѣсь и Вилюйскій округъ, относительно котораго, однако, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ мѣстные тунгусы позабыли родной языкъ, почему упоминаніе здѣсь о Вилюйскомъ округѣ не имѣетъ основанія (самъ г. Юхельсонъ въ этомъ округѣ повидимому не былъ).

по большей части тоже знают три языка: юкагирскій, якутскій и ламутскій, причемъ на р. Коркодонѣ, вдали отъ якутовъ, они худо говорятъ по якутски, а въ области р. Ясачной нехорошо владѣютъ ламутскимъ языкомъ ¹⁾.

Не такъ легко расстаются со своими національными достоинствами, а въ томъ числѣ и съ роднымъ языкомъ, другіе инородцы края — якуты и чукчи, которые сьумѣли навязать свои нарѣчія своимъ менѣе стойкимъ въ этомъ отношеніи сосѣдямъ. Они сами рѣдко знаютъ другіе языки (исключая русскаго), прибѣгая къ нимъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда никакъ нельзя обойтись своими собственными.

Иркутская губернія.

Большинство тунгусовъ Иркутской губерніи еще понынѣ ведетъ бродячій образъ жизни, скитаясь по лѣсамъ и горамъ и живя особнякомъ отъ остального населенія губерніи. Въ виду этого, мѣстные тунгусы и по-сейчасъ болѣе или менѣе сохранили свои племенные особенности, нравы, обычаи и языкъ. Лишь небольшая часть тунгусовъ, проживающая въ русскихъ деревняхъ и въ собственныхъ селеніяхъ, расположенныхъ въ чертѣ русскихъ волостей, говоритъ лишь по-русски.

Иркутскій округъ. По *русски* говорятъ 6 д. (3 м.), остальные 128 д. (56 м.) на—*родномъ* языкѣ.

Балаганскій округъ. Изъ 44 д. (25 м.) тунгусовъ этого округа 11 д. (8 м.) говоритъ по *тунгусски*, остальные по *бурятски*. Послѣдніе живутъ въ ул. Малобѣльскомъ Ныгдинскаго вѣдомства. Относительно разговорнаго языка тунгусовъ означеннаго вѣдомства мы въ приложеніи къ образцамъ рѣчи (см. стр. 170) находимъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Настоящее молодое поколѣніе тунгусовъ, приписанныхъ Ныгдинской инородной управѣ, совершенно забыло свой родной тунгусскій и считаетъ за таковой бурятскій. Въ давнія времена племя это, забредя въ среду бурятъ, породнилось съ ними посредствомъ браковъ. Самъ мужчина тунгусъ, почти постоянно на промыслѣ въ тайгѣ, а дѣти остаются съ матерью буряткой и научаются ея языку, да если и дома хозяйинъ, то онъ все-таки говоритъ также по бурятски, такъ

¹⁾ В. Юхельсонъ, см. «Изв. В. Сиб. Отд. Геогр. Общ.» XXIX, 93. I, 19—33.

какъ жена его не знаетъ по тунгусски. Такимъ путемъ и забылся тунгусами ихъ родной языкъ и усвоился бурятскій. Въ настоящее время немного осталось тунгусовъ (человѣка 2—3), помнящихъ свой родной языкъ, да и тѣ, которые помнятъ его и еще иногда говорятъ на немъ (всегда же они всѣ говорятъ по-бурятски и по-русски, такъ какъ хорошо знаютъ и этотъ языкъ, и на немъ очень чисто говорятъ не только мужчины, но и женщины-тунгуски подростки) между собою, утратили уже много словъ и не знаютъ названій нѣкоторыхъ предметовъ, напр.: небо, сестра, слово и т. д. Слова эти и оставлены въ листѣ [образцовъ рѣчи] безъ заполнения. Вообще же въ разговорѣ и на тунгусскомъ языкѣ много примѣшивается словъ бурятскихъ и даже русскихъ» (Завѣдывающій Киренскимъ уч. Балаг. окр. миссіон. Аларскаго Иннокент. стана, свящ. Ник. Затопляевъ).

Верхоленскій округъ. Лишь *русскій* языкъ знаютъ 41 д. (16 м.), въ т. ч. 26 д. (9 м.) принадлежатъ къ Очеульскому вѣдомству и 12 д. (6 м.) проживаютъ въ предѣлахъ Качугской волости.

Остальные 572 души (291 мужч.) показали *тунгусскій* языкъ.

Киренскій округъ. *Русскій* языкъ показанъ у 227 д. (112 м.) или у 16,2% тунгусовъ округа. Изъ нихъ 148 д. (70 м.) составляютъ все тунгусское населеніе улусовъ Закурдаевского, Коченгскаго и Жилищинскаго Нижне-Илимскаго вѣдомства (см. I, стр. 109). Кромѣ того, лишь по русски говорятъ тунгусы, проживающіе въ русскихъ селеніяхъ волостей: Преображенской—29 д. (19 м.), Карапчанской—16 д. (9 м.), Н. Илимской—16 д. (8 м.), Коченгской—8 д. (4 м.) и Макаровской—10 д. (2 мужч.).

Остальные тунгусы въ числѣ 1.172 д. (600 м.) или 83,8% говорятъ на *родномъ* языкѣ, какъ и единственная женщина тунгуска Нижнеудинскаго округа, хотя многіе изъ нихъ знаютъ по русски. Это напр. касается тунгусовъ Киренско-Хандинской инор. упр., проживающихъ на окраинахъ волостей Орлингской и Усть-Кутской, между которыми всѣ взрослые хорошо знаютъ русскій языкъ. Кромѣ русскихъ они ни съ какими другими чужестранцами не сталкиваются, въ виду чего ихъ языкъ отличается сравнительною чистотою.

Въ итогѣ по губерніи оказывается, что по *русски* гово-

рить 274 д. (131 м.) осѣдло-живущихъ тунгусовъ, составляющіе 12,5⁰/₀ всѣхъ мѣстныхъ тунгусовъ, на бурятскомъ языкѣ 33 д. (17 м.) или 1,5⁰/₀ и 1.884 д. (955 м.) или 86,0⁰/₀ изъясняется по *тунгусски*.

Забайкальская область.

Въ данной области, сосредоточивающей въ себѣ половину всего тунгусскаго населенія Сибири, тунгусы за немногими исключеніями живутъ осѣдло среди русскихъ и бурятовъ. По-заимствовавъ отъ своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей ихъ образъ жизни и вѣру, они въ то же время промѣняли свой языкъ на ихъ языки, такъ что изо всѣхъ осѣдло-живущихъ представителей этого племени на родномъ языкѣ говорить лишь 30⁰/₀ тунгусовъ Маньковской управы; остальные—кочевые и осѣдлые тунгусы Читинскаго и Селенгинскаго округовъ и часть Баргузинскихъ, а также Акшинскіе казаки почти окончательно утратили родную рѣчь. Интересно отмѣтить тотъ фактъ, что, принявши святое крещеніе и поселившись осѣдло, тунгусы весьма скоро русѣютъ, между тѣмъ какъ тѣ изъ нихъ, которые исповѣдываютъ буддистскую религію столь же легко приобщаются къ бурятской національности. Обратныхъ случаевъ т. е. усвоенія бурятами тунгусскаго языка почти не наблюдается даже при численномъ перевѣсѣ въ какой-нибудь мѣстности тунгусовъ: всюду они подпадаютъ вліянію своихъ болѣе культурныхъ сосѣдяхъ. Почти вполнѣ сохранили родную рѣчь бродячіе тунгусы (орочоны) той же Урульгинской степной думы, и въ настоящее время живущіе въ привольныхъ лѣсахъ сѣвера Забайкальской обл. бродячей жизнью своихъ предковъ. Разсмотримъ теперь этотъ вопросъ подробнѣе, по отдѣльнымъ округамъ.

Читинскій округъ. Родной языкъ сохранился, не считая орочоновъ, лишь у 30⁰/₀ тунгусовъ Маньковской управы. Всѣ остальные утратили родную рѣчь и говорятъ, либо по русски (гл. образомъ въ управахъ: Урульгинской, Оловской, Шундуинской и Маньковской), либо по бурятски (гл. обр. въ управахъ Онгоцонской и Кужертаевской).

а) *Оловская* управа. По *тунгусски* изъ осѣдло-живу-

щих инородцевъ говорить всего 12 д. (9 м.), на *бурятскомъ* нарѣчій—9 д. (6 м.) и на *якутскомъ*—1 м.

Всѣ остальные 7.034 д. (3.437 м.), составляющіе 99,7⁰/₀ всѣхъ кочевыхъ тунгусовъ, изъясняются лишь на *русскомъ* языкѣ.

б) *Урульгинская* управа. По *тунгусски* знаютъ лишь 12 д. (4 м.). По *бурятски* изъясняются 251 д. (119 м.) и по *монгольски*—355 д. (161 м.), а такъ какъ подъ тѣмъ и другимъ нарѣчіемъ слѣдуетъ подразумѣвать одно *монголо-бурятское* нарѣчіе, на которомъ говоритъ большая часть бурятовъ Забайкальской области, то общее число говорящихъ на этомъ послѣднемъ нарѣчій простирается до 606 д. (280 м.) или 19,2⁰/₀. Обурятившіеся тунгусы живутъ въ улусахъ Шергалдинскомъ (2 полов.) и Сахалтуевскомъ; показавшіе роднымъ языкомъ монгольскій, проживаютъ главнымъ образомъ въ ул. Кужертаевскомъ, Наринъ-Талача и Усуглійскомъ.

Всѣ остальные тунгусы данной управы показали роднымъ языкомъ *русскій*. Ихъ оказалось 2.538 д. (1.266 м.) или 80,5⁰/₀ всѣхъ мѣстныхъ тунгусовъ.

в) *Шундуинская* управа. 919 д. (445 м.) или 28,9⁰/₀ изъясняются по *бурятски*. Они живутъ въ улусахъ: Усть-Шерокундуйскомъ, Дуройскомъ, Тургинско-Подгорномъ, Усть-Тургинскомъ, Гурбоноорскомъ, Алакойскомъ, Тутъ-Халтуйскомъ, Зукултуйскомъ, Шарокундуйскомъ, Актіинскомъ, Биликтуевскомъ, Быркинскомъ, Тоготуйскомъ, Коркиринскомъ, большинство населенія которыхъ они составляютъ.

Остальные 2.263 д. (1.101 м.) или 71,1⁰/₀ говорятъ по *русски*. Знающихъ родной языкъ въ данной управѣ не имѣется.

г) *Маньковская* инор. управа. Эта единственная управа осѣдлыхъ тунгусовъ округа, гдѣ часть населенія говоритъ на *родномъ* языкѣ. Сохранился тунгусскій языкъ въ слѣдующихъ селеніяхъ, гдѣ почти все населеніе говоритъ на немъ: въ д. В. Турсукайской, ул. Гуруханскомъ, Залайскомъ, д. Мыгнэно-Озерской, ул. Нарый, ул. Талманъ-Борзинскомъ, Усть-Даинскомъ; кромѣ того, по тунгусски изъясняется большая часть (около ²/₃) жителей, д. Усть-Турсукайской, с. Усть-Быркиринскаго (Хоркиринскаго) и ул. Шарынчинскаго и отдѣльныя лица другихъ селеній. Всѣхъ тунгусовъ, показавшихъ роднымъ языкомъ *тунгусскій*, оказалось 1.820 д. (901 м.) или

30,0%. Изъ нихъ 304 д. (153 м.), главнымъ образомъ жители д. В. Турсукайской, показали, что говорятъ кромѣ этого языка еще по *русски*, хотя по всему вѣроятію это касается въ одинаковой степени почти всѣхъ тунгусовъ управы, показавшихъ роднымъ языкомъ тунгусскій.

На *бурятскомъ* языкѣ говоритъ всего 36 д. (22 м.) или 0,6% тунгусовъ этой управы, главнымъ образомъ въ с. Барунъ-Кондуйскомъ. Всѣ остальные тунгусы говорятъ на *русскомъ* языкѣ. Ихъ оказалось въ 1897 г. 4.204 д. (2.109 м.) или 69,4% всѣхъ тунгусовъ управы.

д) *Кужертаевская* управа. Огромное большинство всѣхъ ея жителей показали роднымъ языкомъ *монгольскій*. Ихъ оказалось 1.460 д. (732 м.). На *бурятскомъ* языкѣ говоритъ 328 д. (156 м.), именно въ улусахъ: Урей, Онгоцонъ и Акша.

Вмѣстѣ на обоихъ этихъ языкахъ (монголо-бурятское нарѣчіе) изъясняются 1788 д. (888 м.) или 76,6% всѣхъ тунгусовъ управы. Наконецъ, на *русскомъ* языкѣ говорятъ тунгусы деревень: Кужертаевской, Жипкошинской, Онкоевской и Ново-Тулутаевской. Ихъ всего 546 д. (292 м.) или 23,4%. Родной языкъ въ данной управѣ вымеръ.

е) *Онгоцонская* ин. управа. И здѣсь преобладаетъ *монгольскій* языкъ, на которомъ говоритъ 2.080 д. (1.019 м.), на *бурятскомъ*—98 д. (46 м.) На томъ и другомъ (монголо-бурятское нар.) изъясняется 2.178 д. (1.065 м.) или 89,8%. Остальные 248 д. (124 м.) или 10,2%, знаютъ лишь по *русски*. Они живутъ главнымъ образомъ въ селеніяхъ Усть-Улуринскомъ и Бырцинскомъ. *Тунгусскій* языкъ вымеръ и здѣсь.

Бродячіе орочны Урульгинской и Оловской инор. управъ почти всѣ сохранили *родной* языкъ, именно 854 д. (430 м.) или 94,7%. Остальные 48 д. (27 м.) или 5,3% показали *русскій* языкъ. Они принадлежатъ главнымъ образомъ къ Лакшикагирскому роду и проживаютъ почти всѣ (42 д.) въ селеніи обрусѣлыхъ тунгусовъ—Зюльзиканскомъ и остальные въ другихъ селеніяхъ той же Оловской и Урульгинской управъ.

Изъ 167 тунгусовъ, проживающихъ въ *русскихъ волостяхъ* и *станцияхъ*—143 д. (82 м.) или 85,6% говорятъ на *русскомъ* языкѣ и 22 д. (11 м.) на *тунгусскомъ*; на *бурятскомъ* лишь 2 д. (1 м.).

Живущіе въ гор. *Читъ* 39 д. (27 м.) всѣ показали род-

нымъ языкомъ *тунгусскій*. На *пріискахъ* и по Забайкальской жел. дорогѣ изъ 26 д. (17 м.) тунгусовъ 24 д. (15 м.) говорили по *русски* и 2 м. по *бурятски*; наконецъ, тунгусы *Агинской* степной думы говорятъ поровну по *тунгусски*—53 д. (39 м.) и по *бурятски*—55 д. (29 м.), по *русски* только 5 д. (3 м.).

Въ таблицѣ на стр. 187 сгруппированы всѣ вышеприведенныя данныя о языкѣ Читинскихъ тунгусовъ.

Въ итогѣ оказывается что, 17.005 д. (8.429 м.) или 69,2% всѣхъ тунгусовъ округа, ведущихъ осѣдлый образъ жизни, говорятъ на *русскомъ* языкѣ, что свидѣтельствуеетъ о значительной степени обрусѣнія мѣстнаго тунгусскаго населенія. Затѣмъ на *монголо-бурятскомъ* нарѣчій изъясняется 5.595 д. (2.738 м.) или 22,8%, изъ коихъ *бурятскій* показали 1.700 д. (826 м.) и *монгольскій* 3.895 д. (1.912 м.). На *родномъ* языкѣ умѣеть говорить лишь 1.958 д. (991 м.) или 8,0%, главная масса которыхъ приходится на Маньковскую инородную управу. По тунгусски же говорятъ и почти всѣ орочоны или бродячіе тунгусы округа 854 д. (430 м.) или 94,7% всѣхъ мѣстныхъ орочоновъ (см. I, 20).

Здѣсь мѣсто припомнить, что осѣдло-живущіе тунгусы часто говорятъ на двухъ и даже трехъ языкахъ, такъ напр. тунгусы Маньковской инородной управы, еще помнящіе родной языкъ, по большей части знаютъ и по русски, такъ что всего умѣющихъ говорить по русски среди тунгусовъ Урульгинской степной думы (не считая орочоновъ) не менѣе 80%.

Акшинскій округъ. Большинство тунгусовъ даннаго округа, какъ кочевыхъ инородцевъ, такъ и казаковъ, говоритъ на *монголо-бурятскомъ* нарѣчій. Ихъ по переписи оказалось 3.472 д. (1.664 м.) или 73,3% всѣхъ тунгусовъ округа, въ томъ числѣ 933 д. (444 м.) кочевыхъ инородцевъ и 2.539 д. (1.220 м.) казаковъ. Тѣ и другіе происходятъ отъ тунгусскихъ родовъ, которые и понынѣ встрѣчаются въ сосѣднихъ Онгоцонской и Кужертаевской управахъ; инородцы же имѣютъ сородичей и въ Маньковской и отчасти въ другихъ инородныхъ управахъ Урульгинскаго вѣдомства (хотя въ матеріалѣ показанія о родахъ тунгусовъ Акшинскаго округа встрѣчаются рѣдко и то лишь у инородцевъ). Эти обурятившіеся тунгусы составляютъ 83,4% всѣхъ казаковъ-тунгусовъ и 55,2% всѣхъ кочевыхъ инородцевъ этого племени.

ТАБЛИЦА VI.

Названия управъ и районовъ Читинскаго округа.	Наличное число тунгусовъ въ 1897 г., говорящихъ по													
	Итого.		тунгуски.			русски.			монголо-бурятеки.			Итого на друг. язык.		
	Въ абсол. числахъ.		Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.	
1. Урульгинская ин. упр.	1.530	1.606	4	8	0,4	1.266	1.272	80,4	280	326	19,2	1.546	1.598	99,6
2. Оловская „ „	3.453 ₁₎	3.603	9	3	0,2	3.437	3.597	99,7	6	3	0,1	3.443	3.600	99,8
3. Шундуинская „ „	1.546	1.636	—	—	—	1.101	1.162	71,1	445	474	28,9	1.546	1.636	100,0
4. Маньковская „ „	3.032	3.028	901	919	30,0	2.109	2.095	69,4	22	14	0,6	2.131	2.109	70,0
5. Кужертаевская „ „	1.180	1.154	—	—	—	292	254	23,4	888	900	76,6	1.180	1.154	100,0
6. Онгоцонская „ „	1.189	1.237	—	—	—	124	124	10,2	1.065	1.113	89,8	1.189	1.237	100,0
7. Агинская степная дума	71	42	39	14	46,9	3	2	4,4	29	26	48,7	32	28	53,1
8. Русскія волости и ста- ницы.	94	73	11	11	13,2	82	61	85,6	1	1	1,2	83	62	86,8
9. Приски и Забайк. жел. дор.	17	9	—	—	—	15	9	92,0	2	—	8,0	17	9	100,0
10. г. Чита.	27	12	27	12	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	12.159¹⁾	12.400	991	967	8,0	8.429	8.576	69,2	2.738	2.857	22,8	11.167	12.433	92,0
Сверхъ того орочны .	457	445	430	424	94,7	27	21	5,3	—	—	—	27	21	5,1
Всего . . .	12.616₁₎	12.845	1.421	1.391	11,0	8.456	8.597	67,0	2.738	2.857	22,0	11.194	11.454	89,0

По *русски* говорить всего 754 д. (381 м.) или 16,0%, изъ коихъ 403 д. (203 м.) инородцевъ и 351 д. (175 м.) казаковъ. Такъ какъ послѣдніе, по даннымъ переписи, не могли быть выдѣлены изъ состава русскихъ казаковъ, то свѣдѣнія о нихъ мы заимствовали изъ данныхъ комиссіи Куломзина, гдѣ число казаковъ-инородцевъ въ Акшинскомъ округѣ (за тотъ же годъ) почти вполнѣ соотвѣтствуетъ числу казаковъ-тунгусовъ; но мы прибѣгали къ этому приему лишь въ рѣдкихъ случаяхъ разногласія между обоими источниками, именно, когда число казаковъ-инородцевъ по даннымъ комиссіи Куломзина было значительно больше числа казаковъ, говорящихъ по бурятски и тунгусски по даннымъ переписи и когда, слѣдовательно, можно было предполагать, что часть казаковъ тунгусовъ показала русскій языкъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ мы брали данныя переписи безъ измѣненія. Такимъ образомъ, число казаковъ-тунгусовъ, говорящихъ лишь по русски, должно быть въ сущности большимъ того, какое мы приводимъ.

Касательно географическаго распространенія тунгусовъ, говорящихъ по русски, замѣтимъ, что кочевые инородцы изъ нихъ довольно равномерно распредѣлены по отдѣльнымъ станциямъ, гдѣ вообще живутъ тунгусы; что же касается до казаковъ, то ихъ оказалось естественно больше тамъ, гдѣ по даннымъ переписи замѣчается наибольшій недочетъ тунгусовъ противъ данныхъ ст. секр. Куломзина, именно въ Дуроевской станицѣ, гдѣ мы 281 д. (148 м.) казаковъ, говорящихъ по русски, должны были признать за обрусѣлыхъ тунгусовъ, въ т. ч. 191 д. (95 м.) въ пос. Кайластуѣ, 31 д. (17 м.) въ пос. Стар. Цурухайтуйскомъ, 35 д. (21 м.) въ Н. Цурухайтуйскомъ, 6 д. (3 м.) въ Урулюнгуйскомъ, 18 д. (12 м.) въ Дуроевскомъ; далѣе въ пос. Средне-Борзинскомъ стан. Зоргольской—18 д. (10 м.).

Сверхъ того по русски изъясняются и дворяне Гантимуровы казачьяго сословія, каковыхъ оказалось въ пос. Дуроевскомъ—50 д. (23 м.) и въ Убырь-Тохторскомъ—2 д. (1 м.). Казаки, говорящіе по русски, составляютъ 11,5% всѣхъ казаковъ-тунгусовъ, а инородцы — 23,8% всѣхъ тунгусовъ-инородцевъ.

Наконецъ, 510 д. (268 м.) тунгусовъ или 10,7% наличнаго ихъ числа пользуются еще *родною* рѣчью. Изъ нихъ

оказалось всего 155 д. (87 м.) казаковъ—5,1⁰/₀ всѣхъ представителей этого сословія среди тунгусовъ, главнымъ образомъ въ пос. Кайластуѣ—49 д., 45 д. въ пос. Дуроевскомъ—Дуроевской станицы, 37 д. въ пос. Абагайтуевскомъ Цаганъ-Олуевской стан. и 18 д. въ пос. Буринскомъ Зоргольской станицы. Остальные 355 д. (181 м.) приходятся на долю тунгусовъ-инородцевъ. Они составляютъ 21,0⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ этого сословія и преобладаютъ въ поселкахъ: Кайластуѣ—50 д. (22 м.) и Ганцакулѣ—27 д. (14 м.) Дуроевской станицы, въ пос. Тутхалтуевскомъ Дурулгуевской ст.—38 д. (18 м.), въ пос. Зоргольскомъ—88 д. (47 м.) и въ Буринскомъ (Зоргольской ст.)—61 д. (30 м.)

Баргузинскій округъ. Огромное большинство всѣхъ тунгусовъ даннаго округа говоритъ на *родномъ* языкѣ. Это въ одинаковой степени касается, какъ живущихъ осѣдло, такъ и бродящихъ представителей даннаго племени. Въ общемъ, на русскомъ языкѣ говоритъ большая часть тунгусовъ, проживающихъ среди русскихъ Читканской волости и Верхне-Ангарскаго отдѣльнаго общества. Въ первой живутъ—64 д. (29 м.) Баргузинской инор. управы, въ т. ч. 57 д. (25 м.) въ с. Бодонскомъ¹⁾, главнымъ образомъ представители родовъ Лимагирскаго и отчасти Шемагирскаго, и во второмъ—78 д. (34 м.) тунгусовъ непоказанныхъ родовъ.

Въ Верхне-Ангарскомъ родовомъ управленіи по русски говорятъ лишь 4 д. (2 м.), въ Нижне-Ангарскомъ—5 д. (2 м.) и въ Подлеморско-Шемагирскомъ—16 д. (6 м.); всѣ же остальные изъясняются на родномъ языкѣ.

Большинство тунгусовъ Баргузинской инородной управы, проживающихъ въ самостоятельныхъ селеніяхъ и въ бурятскихъ улусахъ, сохранили свою родную рѣчь. Тоже касается и тунгусовъ Баунтовской инородной управы.

Подводя итоги вышеприведеннымъ даннымъ, мы получимъ, что въ предѣлахъ Баргузинскаго округа 167 д. (73 м.) или 7,9⁰/₀ говоритъ по *русски* и 1.951 д. (1.009 м.) или 92,1⁰/₀ по *тунгусски*.

Слѣдуетъ замѣтить, что небольшая часть тунгусовъ даннаго округа была застигнута переписью въ предѣлахъ

Верхнеудинскаго округа. Ихъ оказалось 92 д. (50 м.).

¹⁾ Не смѣшивать съ одноименнымъ селомъ Читканской волости.

О мѣстѣ ихъ кочевій по Витиму см. I, стр. 152. Изъ нихъ лишь *родной* языкъ показали 16 д. (10 м.), у всѣхъ же прочихъ въ числѣ 76 д. (40 м.) показанъ «тунгусско-бурятскій» языкъ, что вѣроятно надо понимать такъ, что они говорятъ, какъ по тунгусски, такъ и по бурятски. Въ нижеслѣдующей таблицѣ, мы ихъ показали говорящими на родномъ языкѣ.

Нерчинскій округъ. Происходя изъ обрусѣлыхъ управъ смежнаго Читинскаго округа, мѣстные тунгусы почти всѣ говорятъ только на *русскомъ* языкѣ. Среди осѣдлыхъ тунгусовъ ихъ 524 д. (318 м.). *Монгольскій* языкъ показали роднымъ 23 д. (14 м.) и *бурятскій* 12 д. (6 м.) или вмѣстѣ 35 д. (20 м.). Представители монголо-бурятскаго нарѣчія встрѣчаются главнымъ образомъ въ Улятуевскомъ станичномъ округѣ, гдѣ ихъ 19 д. Наконецъ, на *родномъ* языкѣ умѣеть говорить лишь 35 д. (17 м.), изъ коихъ 22 д. (11 м.) проживаетъ въ городѣ.

Въ процентномъ отношеніи представители отдѣльныхъ языковъ распредѣляются такимъ образомъ: тунгусы, говорящіе по русски, составляютъ 88,5⁰/₀, на монголо-бурятскомъ нарѣчій 5,9⁰/₀ и на родномъ 5,6⁰/₀.

Почти всѣ бродячіе тунгусы округа — *орочоны* говорятъ на *родномъ* языкѣ, ихъ 44 д. (23 м.); на русскомъ языкѣ изъясняются только 6 д. (4 м.).

Нерчинско-Заводскій округъ. Сказанное о Нерчинскихъ тунгусахъ имѣетъ силу и по отношенію къ Нерчинско-Заводскимъ. И здѣсь большинство ихъ усвоило *русскую* рѣчь. Ихъ 320 д. (167 м.) или 79,0⁰/₀. *Монгольскій* языкъ показали 6 д. (3 м.) и *бурятскій* — 6 д. (4 м.) или оба нарѣчія вмѣстѣ — 12 д. (7 м.) или 3,0⁰/₀ тунгусовъ округа. Изъ нихъ 9 д. (5 м.) знаетъ и по русски. Наконецъ, на *родномъ* языкѣ изъясняется 73 д. (44 м.) тунгусовъ или 18,0⁰/₀, преимущественно въ Донинскомъ и Манкечурскомъ станичныхъ округахъ и въ Дучарской волости.

Селенгинскій округъ. Всѣ тунгусы даннаго округа позабыли родной языкъ. Жители с. Армакскаго Армакской инор. управы, уже давно крещеные и обрусѣвшіе, и одинъ тунгусъ, живущій среди бурятъ, говорятъ по *русски*. Ихъ 355 д. (167 м.) или 38,6⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ данной управы и округа. Всѣ же остальные ея тунгусы, исповѣдующіе ламайскую религію и живущіе о бокъ съ бурятами, говорятъ-

по *бурятски*. Ихъ 565 д. (275 м.) или 61,4⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ данной управы и даннаго округа.

Троицко-Савскій округъ. Изъ пяти тунгусовъ даннаго округа говорятъ по *бурятски*—2 м. и по *русски*—3 мужчинъ.

Въ таблицѣ на стр. 192 сведены въ одно всѣ данныя, касающіяся языка, на которомъ изъясняются тунгусы Забайкальской области.

Какъ усматривается изъ этихъ данныхъ, огромное большинство (86,2⁰/₀) всѣхъ тунгусовъ области (не считая оро-чоновъ) уже забыло родной языкъ, а такъ какъ въ данной области проживаетъ болѣе половины всѣхъ тунгусовъ, то это въ значительной степени оказывается справедливымъ и для всего тунгусскаго племени, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ мѣстахъ (напр. Вилюйскій округъ Якутской обл.) часть тунгусовъ забыла родной языкъ.

Львиная доля изъ лицъ, говорящихъ на чужихъ языкахъ, приходится на долю *русскаго* языка. Этихъ тунгусовъ оказалось 19.128 д. (9.538 м.) или 57,2⁰/₀ всѣхъ представителей этого племени. Особенно великъ ихъ процентъ въ округахъ: Нерчинскомъ, Нерчинско-Заводскомъ и Читинскомъ.

Второе мѣсто занимаютъ *монгольскій* и *бурятскій* языки, которые показаны у 9.681 д. (4.706 м.) или 29,0⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ области, преимущественно въ округахъ Акшинскомъ и Селенгинскомъ.

Родной языкъ сохранили лишь 4.617 д. (2.379 м.) или 13,8⁰/₀, которые встрѣчаются главнымъ образомъ въ округахъ Читинскомъ и Баргузинскомъ. Почти всѣ они, однако, кромѣ тунгусскаго языка, знаютъ еще, либо по русски, либо по бурятски, а нѣкоторые лица оба эти языка. По тунгусски (орочонски) же говорить и большинство *орочоновъ* области 898 д. (453 м.) или 94,3⁰/₀; остальные изъясняются по русски.

Если принять во вниманіе и оро-чоновъ, то процентныя отношенія отдѣльныхъ языковъ представятся въ такомъ видѣ: русскій — 55,8⁰/₀, монголо-бурятскій — 28,2⁰/₀ и тунгусскій — 16,0⁰/₀.

ТАБЛИЦА VII.

Названия округовъ Забай- кальской области.	Н а л и ч н о е ч и с л о т у н г у с о в ъ , г о в о р я щ и х ъ п о :													
	Всего.		тунгусски.			русски.			монголо-бурятски.			Итого на чужихъ языкахъ.		
			Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.
	м. п.	ж. п.	м. ж.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.	
1. Читинскій	12.159	12.400	991	967	8,0	8.429	8.576	69,2	2.738	2.857	22,8	11.167	11.433	92,0
2. Акшинскій	2.313	2.423	268	242	10,7	381	373	16,0	1.664	1.803	73,3	2.045	2.181	89,3
3. Баргузинскій	1.082	1.036	1.009	942	92,1	73	94	7,9	—	—	—	73	94	7,9
4. Верхнеудинскій	50	42	50 ²⁾	42 ²⁾	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5. Нерчинскій	355	237	17	16	5,6	318	206	88,5	20	15	5,9	338	221	94,4
6. Нерчинско-Заводскій	218	187	44	29	18,0	167	153	72,0	7	5	3,0	174	158	82,0
7. Селенгинскій	442	478	—	—	—	167	188	38,6	275	290	61,4	442	478	100,0
8. Троицко-Савскій	5	—	—	—	—	3	—	60,0	2	—	40,0	5	—	100,0
Итого	16.624	16.803	2.379	2.238	13,8	9.538	9.590	57,2	4.706	4.975	29,0	14.244	14.565	86,2
Сверхъ того орочны	484	468	453	445	94,3	31	23	5,7	—	—	—	31	23	5,7
Всего	17.108	17.271	2.832	2.683	16,0	9.569	9.613	55,8	4.706	4.975	28,2	14.276	14.588	84,0

1) въ т. ч. 1 м., говорящій по якутски.

2) въ т. ч. 40 м. и 36 ж. говорятъ и по бурятски.

Енисейская губернія.

Почти всѣ тунгусы Енисейской губерніи говорятъ и понимаютъ на родномъ языкѣ. Этотъ столь благопріятный для тунгусскаго племени фактъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ данной губерніи тунгусы и посейчасъ ведутъ бѣдную жизнь, лишь въ опредѣленные сроки (осенью или зимою) приближаясь къ русскимъ селеніямъ, расположеннымъ по р. Енисею, по Ангарѣ и т. д. Благодаря тому же обстоятельству, они лучше другихъ тунгусовъ сохранили свои племенные особенности, нравы, обычаи и образъ жизни.

Енисейскій округъ. Изъ говорящихъ на чужихъ языкахъ, здѣсь встрѣчается всего 61 д. (29 м.), знающихъ лишь по *русски*. Почти всѣ они обитаютъ въ русскихъ селеніяхъ Пинчугской вол.—48 д. (25 м.), въ т. ч. 17 д. въ д. Гаврильской; въ Анциферовской вол.—11 д. (3 м.) и т. д. Они почти вполнѣ обрусѣли. По отношенію къ наличному тунгусскому населенію они составляютъ 4,6⁰/₀. Остальные 1.272 д. (673 м.) или 95,4⁰/₀ говорятъ на *родномъ* языкѣ.

Въ Туруханскомъ краѣ тунгусовъ, говорящихъ не на родномъ языкѣ—212 д. (110 м.) или 11,6⁰/₀, изъ коихъ на долю *русскаго* языка, приходится всего 8 д. (4 м.). Всѣ остальные—204 д. (106 м.) усвоили *якутскій* языкъ. Сюда, во-первыхъ, принадлежатъ всѣ тунгусы, пришлые изъ Вилюйскаго округа Якутской обл., гдѣ эти инородцы, какъ мы знаемъ, позабыли свой языкъ. Таковы всѣ представители родовъ: Хатыгинскаго, Чордынскаго и большая часть тунгусовъ Бетынскаго (45 изъ 48), зарегистрированные въ предѣлахъ Туруханскаго края. Кромѣ того, часть тунгусовъ кореннаго мѣстнаго тунгусскаго Боганидскаго рода въ числѣ 65 д. (35 м.) тоже говорятъ лишь по якутски. Они научились этому языку отъ своихъ сосѣдей-якутовъ Затундринскаго рода и отъ долганъ, говорящихъ по якутски. Также большинство тунгусовъ Жиганскаго рода въ числѣ 66 д. (35 м.) показали роднымъ языкомъ *долганское* нарѣчіе, усвоенное отъ сосѣднихъ долганъ и представляющее изъ себя повидимому лишь небольшое видоизмѣненіе *якутскаго* языка. Всѣ тунгусы, говорящіе по якутски, обитаютъ по Дудыптѣ, отчасти также по Боганидѣ, въ верховьяхъ р. Таймыра и у Норильскихъ озеръ (ср. I, стр. 163).

Т А Б Л И Ц А VIII.

Названія губерній и областей.	Н а л и ч н о е т у н г у с с к о е н а с е л е н и е в ь 1897 г о д у , г о в о р я щ е е п о																			
	Всего.		тунгусски.			русски.			бурятски.			якутски.			юкагирски.			Итого на чужих языкахъ.		
			Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.	Въ абс числ.		Въ процен- тахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.		м. п.	ж. п.	
1. Амурская .	623	481	559	432	89,8	54	42	8,7	—	—	—	10	7	1,5	—	—	—	64	49	10,2
2. Приморская	4.544	4.304	4.429	4.190	97,4	54	52	1,2	—	—	—	43	42	1,0	10	10	0,2	115	114	2,6
3. Сахалинъ, о.	83	60	83	60	100,0	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4. Якутская .	6.251	5.980	3.991	3.555	61,7	9	6	0,1	—	—	—	2.146	2.307	36,4	105	112	1,8	2.260	2.425	38,3
5. Иркутская .	1.103	1.088	955	929	86,0	131	143	12,5	17	16	1,5	—	—	—	—	—	—	148	159	14,0
6. Забайкаль- ская	17.108	17.271	2.832	2.683	16,0	9.569	9.613	55,8	4.706	4.975	28,2	1	—	—	—	—	—	14.276	14.588	84,0
7. Енисейская	1.662	1.507	1.523	1.373	91,4	33	36	2,2	—	—	—	106	98	6,4	—	—	—	139	134	8,6
Всего . . .	31.375	30.693	14.373	13.224	44,5	9.850	9.892	31,8	4.723	4.991	15,7	2.306	2.454	7,6	115	122	0,4	17.002	17.469	55,5

1) На коряцкомъ языкѣ.

2) Въ т. ч. 18 душъ (8 муж.) говорятъ на гольдскомъ (?) языкѣ (см. I, стр. 39).

3) Въ т. ч. 1 м. и 1 ж., говоряще на родномъ языкѣ, въ Томскомъ округѣ Томской губерніи и 1 жен. въ Березовскомъ округѣ [Тоб. губерніи].

Всѣ остальные тунгусы края говорятъ на *родномъ* языкѣ. Ихъ 1.619 д. (846 м.) или 88,4⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ.

Въ другихъ округахъ Енисейской губерніи проживаетъ всего 5 д. (4 м.) тунгусовъ, которые всѣ изъясняются на *родномъ* языкѣ.

Въ итогѣ по Енисейской губерніи получается, что 2.896 д. (1.523 м.) изъ зарегистрированныхъ въ ея предѣлахъ тунгусовъ говорятъ лишь на *родномъ* языкѣ. Они составляютъ 91,4⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ губерніи. Остальные 273 д. (139 м.) или 8,6⁰/₀ говорятъ только на чужихъ языкахъ. Изъ нихъ 204 д. (106 м.) усвоили *якутскій* языкъ (6,4⁰/₀), а остальные *русскій*—69 д. (33 м.) или 2,2⁰/₀.

Сверхъ того 2 д. (1 м.) тунгусовъ были обнаружены въ Томскомъ округѣ Томской и 1 ж. въ Тобольской губерніи. Они показали *родной* языкъ.

* * *

Если подвести итоги всѣмъ статистическимъ даннымъ касательно родного языка тунгусовъ (и орочоновъ), сообщеннымъ въ разныхъ частяхъ этой главы, то въ результатѣ получится VIII таблица (стр. 194), охватывающая всю Восточную Сибирь.

Эта таблица показываетъ, что на *родномъ* языкѣ въ настоящее время изъ тунгусовъ Сибири изъясняется всего 27.507 д. (14.373 м.) или 44,5⁰/₀ т. е. менѣе половины всѣхъ представителей этого племени.

Всѣ прочіе въ числѣ 34.471 д. (17.002 м.) или 55,5⁰/₀ забыли родную рѣчь и изъясняются лишь на чужихъ нарѣчьяхъ. Если принять во вниманіе, что первая группа тунгусовъ, т. е. говорящихъ на родномъ языкѣ, въ значительной части случаевъ владѣетъ кромѣ того и другими языками—русскимъ, бурятскимъ, якутскимъ, а вторая совершенно не знаетъ по тунгусски, то только что приведенныя цифровыя отношенія окажутся еще менѣе въ пользу тунгусскаго языка. Изъ числа лицъ, не говорящихъ на родномъ языкѣ, 19.742 д. (9.850 м.) или 31,8% т. е. почти треть всѣхъ тунгусовъ Сибири усвоила *русскій* языкъ, 9.714 д. (4.723 м.) или 15,7%, т. е. около $\frac{1}{6}$ части всѣхъ тунгусовъ, считаетъ роднымъ языкомъ *бурятскій*, 4.760 д. (2.306 м.) или 7,6⁰/₀—*якутскій* и 237 д. (115 м.) или 0,4⁰/₀—*юкагир-*

скій (и *коряцкій*). О распредѣленіи лицъ, говорящихъ на разныхъ языкахъ, по территоріи Восточной Сибири, достаточно сказано выше. Тѣ же данныя по отдѣльнымъ округамъ видны изъ вышеприведенной таблицы.

Интересно отмѣтить, что денаціонализація тунгусовъ т. е. потеря ихъ языка и прежней культуры совершилась уже послѣ присоединенія Восточной Сибири къ Россіи, иначе говоря съ середины XVII ст. До только что названнаго періода времени почти всѣ тунгусы говорили на родномъ языкѣ, развѣ только, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которые проживали среди бурятовъ, усвоили нарѣчіе послѣднихъ, но такъ какъ въ XVII в. значительная часть даже Забайкальскихъ тунгусовъ вела еще бродячій образъ жизни и жила въ значительной степени въ сторонѣ отъ бурятовъ, то число такихъ лицъ, утратившихъ родной языкъ, не должно было быть велико. Якуты же въ тѣ времена жили въ довольно тѣсномъ районѣ по средней Ленѣ и по Алдану и большаго вліянія на тунгусовъ, жившихъ во всей остальной части области, имѣть не могли: мы знаемъ, что въ Вилюйскомъ округѣ, гдѣ тунгусы наиболѣе объякутились, якутовъ тогда вовсе не было. Естественно, что при подобныхъ условіяхъ даже для сношеній между отдѣльными племенами Якутской области якутскій языкъ значенія имѣть не могъ, какое онъ имѣетъ въ настоящее время (см. стр. 179).

Такимъ образомъ, завоеваніе страны русскими имѣло своимъ послѣдствіемъ не только вымираніе и уменьшеніе въ числѣ многихъ охотничьихъ и рыбачьихъ племенъ, но и утрату національныхъ особенностей у части уцѣлѣвшихъ по наши дни, большинство которыхъ естественно приобщилось къ русской культурѣ, но часть, главнымъ образомъ тунгусовъ, также къ якутской и бурятской, причемъ обрусѣніе (и объякутеніе) шло рука объ руку съ принятіемъ тунгусами христіанской религіи и съ переходомъ ихъ къ осѣдлому образу жизни, между тѣмъ какъ обурятеніе ихъ было тѣсно связано съ обращеніемъ ихъ въ буддистскую религію и съ переходомъ ихъ отъ бродячаго къ кочевому хозяйству.

ГЛАВА VII.

С о с л о в і я.

Какъ и буряты, тунгусы распадаются на *инородцевъ* и на *казаковъ*. Первые ¹⁾ составляютъ огромное большинство всѣхъ тунгусовъ и подраздѣляются въ юридическомъ отношеніи, согласно «уставу объ инородцахъ 1822 г.» на три категории, различающіяся между собою своими правами, большей и меньшей сложностью управленія и размѣрами взимаемыхъ податей.

Первой категоріей инородцевъ являются отличающіеся нисшей степенью гражданственности *бродячіе* инородцы, которые въ вышеуказанномъ уставѣ характеризуются словами: «бродячіе или ловцы, живущіе въ отдаленіи и разсѣяніи». Сюда были причислены всѣ тѣ инородческія племена, которыя, занимаясь звѣроловствомъ и рыболовствомъ, постоянно проживаютъ ради своего промысла въ наиболѣе глухихъ и отдаленныхъ мѣстахъ и мѣняютъ свои мѣстожительствва независимо отъ времени года и вообще безъ опредѣленнаго порядка. Въмѣсто отвода участковъ земли по родамъ, какъ-то практиковалось относительно кочевыхъ инородцевъ, имъ были предоставлены въ полное пользованіе цѣлыя полосы земли по берегамъ рѣкъ, въ горахъ и т. д., гдѣ они искони промыслили причемъ имъ было разрѣшено безпрепятственно передвигаться съ мѣста на мѣсто, не стѣсняясь границами уѣздовъ и губерній. Во главѣ каждаго рода этихъ инородцевъ поставленъ избираемый на три года староста (прежде также князьцы), на обязанности котораго лежало и лежитъ теперь взимать и передавать мѣстному начальству ясакъ, чинить словесную расправу между своими сородичами при немаловажныхъ проступкахъ, доставлять мѣстной полиціи разныя необходимыя свѣдѣнія напр. статистическаго харак-

¹⁾ Куломзинъ, I. с., V, 80—111.

тера и т. д. ¹⁾). Будучи иногда присоединяемы ради удобства управленія къ управамъ или степнымъ думамъ кочевыхъ инородцевъ ²⁾, бродячіе инородцы все же не входили въ ихъ составъ и были освобождены отъ исполненія земскихъ повинностей и отъ уплаты суммъ на содержаніе инородныхъ управъ и степныхъ думъ.

Къ этой категоріи принадлежитъ менѣе половины всѣхъ тунгусовъ Сибири, иначе говоря, почти всѣ тунгусы, проживающіе внѣ Забайкальской области, а также представители этого племени, обитающіе въ сѣверной окраинѣ этой послѣдней. Скитаясь ради промысла по глухимъ дебрямъ и по гористымъ мѣстностямъ Восточной Сибири, которыхъ и по сей часъ почти не коснулась ни переселенческая волна, ни всюду проникающая культура, эти тунгусы до сихъ поръ удержали свой примитивный образъ жизни и почти нигдѣ не проявляютъ склонности къ осѣдлости. Они почти всѣкрещены и лучше другихъ сохранили свой языкъ и свои національныя черты.

Вторая категорія инородцевъ это *кочевые инородцы*, т. е. туземцы, занимающіеся главнымъ образомъ скотоводствомъ, и ради этого занятія въ зависимости отъ времени года мѣняющіе мѣста своихъ кочевій въ опредѣленныхъ предѣлахъ. Кочевые инородцы участвуютъ въ общихъ губернскихъ повинностяхъ и обязаны содержать на свой счетъ степное управленіе, въ которое группируются родовыя управленія, ихъ нисшія административныя единицы. Родовое управленіе могутъ имѣть лишь тѣ роды, которые состоятъ изъ 15 и болѣе семействъ. Во главѣ такого управленія стоитъ выборный староста или наследственный князецъ (съ однимъ или двумя помощниками), обязанности котораго тѣ же, что и у соответствующихъ должностныхъ лицъ бродячихъ инородцевъ. Родовыя управленія иногда группируются въ инородныя управы, которыя въ свою очередь иногда соединяются въ степныя думы, иногда же родовыя управленія соединяются прямо въ степныя думы или

¹⁾ Если часть рода живетъ вдали отъ главной его массы, то для управленія ею иногда тоже избираются старосты или самими инородцами особый приказный или капраль («Землевѣдѣніе» 1900, I, 70).

²⁾ Такимъ образомъ, Читинскіе орочовы причислены къ Урульгинской и Оловской управамъ Урульгинской степной думы (см. I, стр. 127).

же лишь въ инородныя управы, иногда же имѣютъ независимое существованіе ¹⁾). Высшее мѣстное административное управленіе инородцами называется степной думой, которая состоитъ изъ главнаго родоначальника, засѣдателей и головъ инородческихъ управъ, причемъ первый утверждается въ своей должности генераль-губернаторомъ.

Степная дума представляетъ собою общественное собраніе, на которомъ лежатъ однѣ хозяйственныя обязанности, а третьей и послѣдней послѣ управъ инстанціей словесной расправы, является мѣстная сельская (земская) полиція, рѣшенія которой могутъ однако быть обжалованы въ окружномъ судѣ.

Въ первое время появленія русскихъ въ Забайкальѣ, они разрѣшали каждому кочевому роду или каждой группѣ инородцевъ кочевать гдѣ они кочевали до того. Впослѣдствіе однако, ограждая ихъ земли отъ вторженія на нихъ постороннихъ лицъ, мѣстныя власти все-же излишнія и пустопорожныя земли отводили русскимъ крестьянамъ. Такимъ образомъ, Сибирскій приказъ въ 1706 г. сдѣлалъ распоряженіе: «отводить пашни изъ порожнихъ земель, которая-бъ была не ясашная и не на ясашныхъ мѣстахъ, чтобъ ясашнымъ иноземцамъ въ томъ землею тамъ владѣнія никакого утѣсненія и споръ не было». Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, при увеличеніи въ краѣ русскаго населенія, инородцы принуждены были уступить ему и часть своихъ земель. Но и по сейчасъ кочевые инородцы имѣютъ назначенныя каждому поколѣнію или роду во владѣніе земли, часто весьма обширныя, на которыхъ безъ ихъ согласія не разрѣшается селиться постороннимъ лицамъ. Въ случаѣ перехода ихъ къ осѣдлому образу жизни, кочевые инородцы имѣютъ право перечислиться въ разрядъ сельскихъ или городскихъ обывателей, причемъ за ними, какъ за всѣми инородцами вообще, сохраняется свобода отъ рекрутской повинности.

Но помимо этого, согласно уставу 1822 г., было установлено, что при производствѣ каждой ревизіи тѣ инородцы, которые прочно осѣли и стали заниматься земледѣліемъ, обязательно должны быть переведены въ разрядъ осѣдлыхъ ино-

¹⁾ I. с., V, стр. 84—85. Таковы три самостоятельныхъ родовыхъ управленія Баргузинскаго округа (I, стр. 146).

родцевъ, хотя по ст. 25 того же устава для такого перевода требовалось ихъ согласіе. Эта послѣдняя статья повидимому касалась лишь времени, прошедшаго между двумя извѣстными ревизіями (см. ниже). Впослѣдствіе однако правительство отказалось отъ этихъ насильственныхъ мѣръ ассимиляціи инородцевъ и вслѣдствіе этого, благодаря продолжавшемуся переходу инородцевъ къ земледѣлію и осѣдлому образу жизни, народилась въ Сибири, главнымъ образомъ, въ центральныхъ губерніяхъ и областяхъ, цѣлая категорія лицъ, юридически принадлежащихъ къ «кочевымъ» инородцамъ, но ведущихъ осѣдлый образъ жизни, часто мало чѣмъ отличающійся отъ быта смежныхъ русскихъ крестьянъ.

Въ такомъ положеніи находится большая часть тунгусовъ Забайкальской области Читинскаго, Селенгинскаго и другихъ округовъ, численность которыхъ простирается до 20.000 д., что составляетъ около трети всѣхъ тунгусовъ Сибири. Въ отличіе отъ бродячихъ, эти тунгусы весьма сильно ассимилировались со своими осѣдлыми и болѣе культурными сосѣдями—русскими и бурятами, на которыхъ нынѣ и походятъ во всѣхъ отношеніяхъ: они по большей части или православные или ламаиты, говорятъ или по русски или по бурятски (монгольски) и по своему образу жизни мало отличаются отъ нихъ.

Осѣдлые инородцы составляютъ третью извѣстную категорію инородцевъ. Они сравнены въ правахъ и обязанностяхъ съ сословіями, въ которыя они вступаютъ и управляются на основаніи общихъ законовъ. Осѣдлые инородцы, которые въ виду своей разбросанности и малочисленности не могутъ образовать особая управленія, причисляются къ русскимъ деревнямъ. Такимъ образомъ, и отдѣльныя селенія осѣдлыхъ инородцевъ, которыя по той или другой причинѣ не могутъ имѣть свою управу, присоединяются къ смежнымъ русскимъ волостямъ. Какъ и крестьяне, осѣдлые инородцы, живущіе въ селеніяхъ, имѣютъ право на надѣль въ 15 (прежде иногда на 30) десятинъ. Способъ происхожденія осѣдлыхъ инородцевъ указанъ выше. Юридически отличаясь отъ инородцевъ второй категоріи, они ведутъ совершенно одинаковый образъ жизни съ той ихъ частью, которая перешла къ осѣдлой жизни, но, какъ и они, освобождены отъ воинской повинности, чѣмъ отличаются отъ крестьянъ.

Часть осѣдлыхъ инородцевъ, проживая среди русскихъ настолько слилась съ ними, что не всегда можетъ быть обнаружена статистическимъ путемъ ¹⁾, да это и не имѣло бы практическаго интереса.

Нѣкоторые изъ нихъ перечислились въ крестьянское сословіе добровольно, другіе, какъ мы видѣли, были перечислены насильно. Такія лица въ переписномъ матеріалѣ иногда называются «крестьянами изъ инородцевъ» но чаще, просто «крестьянами».

Въ прежнее время число инородцевъ, переведенныхъ въ государственные крестьяне, было весьма значительно; такимъ образомъ лишь въ 1824 г. въ уѣздахъ: Иркутскомъ, Нерчинскомъ и Верхнеудинскомъ было перечислено въ сословіе государственныхъ крестьянъ 6.283 душъ м. п. инородцевъ (буряты и тунгусовъ), въ томъ числѣ лишь 425 д. м. п. изъявили на это свое согласіе. Сверхъ того въ томъ же году перечислились въ мѣщанское сословіе 68 инородцевъ м. п. ²⁾.

Среди тунгусовъ осѣдлые инородцы образуютъ самую малочисленную категорію инородцевъ, встрѣчаясь въ небольшомъ числѣ въ Забайкальской области, Иркутской губерніи и въ Охотской округѣ Приморской области. Всѣ они совершенно обрусѣли, забыли родной языкъ, усвоили русскій образъ жизни и вообще ничѣмъ не отличаются отъ русскихъ крестьянъ.

Въ переписномъ матеріалѣ разряды инородцевъ приведены далеко не всюду, чаще всего въ графѣ о сословіи значится просто «инородецъ» и рѣже «кочевой, осѣдлый или ясачный и бродячій инородецъ», въ виду этого, приводимыя ниже статистическія данныя касательно численности отдѣльныхъ разрядовъ инородцевъ у тунгусовъ не вполне точны, хотя, опираясь на другіе достовѣрные источники и на основаніи раз-

¹⁾ Число ихъ можетъ быть приблизительно опредѣлено по фискальнымъ спискамъ, такъ какъ осѣдымъ инородцамъ производится особый учетъ для опредѣленія суммы, взимаемой съ нихъ оброчной подати, которая по закону 1827 года, передается изъ Госуд. Казначейства въ Кабинетъ его Величества въ возмѣщеніе послѣднему убытковъ, которые онъ несетъ отъ исключенія инородцевъ изъ ясака. Но въ этихъ спискахъ вѣроятно фигурируютъ лишь ревизскія души 1858 г.

²⁾ „Комм. д. изсл. землевл. и т. д. Забайк. обл.“, вып. V, прилож., стр. 146.

ныхъ соображеній и побочныхъ указаній въ переписныхъ листахъ ¹⁾, ихъ и можно признать болѣе или менѣе близкими къ истинѣ.

Казаки ²⁾. За исключеніемъ единичныхъ лицъ, тунгусы казачьяго сословія имѣются въ Забайкальской области лишь въ Акшинскомъ, гдѣ входятъ въ составъ Забайкальскаго казачьяго войска. Привлечены были тунгусы къ охранѣ государственной границы уже съ самаго начала XVIII ст., причемъ караулы въ 7 пунктахъ отъ крѣпости Цурухайтуя на Аргуни до перевала черезъ Становой хребетъ, содержали 8 родовъ, число которыхъ впослѣдствіе возросло до 12 (см. II, стр. 141). На западномъ склонѣ Станового хребта до Кяхты и далѣе до устья р. Харацай въ 15 караулахъ службу несли буряты 8 родовъ и 11 родовъ Хоринскаго тайши. Далѣе на западъ, но еще въ предѣлахъ нынѣшней Забайкальской области, 3 караула содержали Култукскіе тунгусы, о дальнѣйшей судьбѣ которыхъ см. II, стр. 143.

Инородцы, зачисленные въ казаки, были освобождены отъ платежа ясака, но воинская повинность весьма тяжело легла на тунгусскую стражу, охранявшую гористую и неудобную для скотоводства мѣстность отъ Бальшиханскаго (Баладжинскаго) караула Аргунскаго острога на протяженіи 800 вер.

Здѣсь тунгусскіе казаки были распределены между 22 караулами, причемъ въ 12 западныхъ изъ нихъ было поставлено по 25 чел. и въ 10 восточныхъ по 12 чел., остальные назначены въ крѣпости. Кромѣ тунгусовъ въ каждый караулъ было назначено по одному русскому эфрейтору и по 6 русскихъ казаковъ.

Тунгусская стража несла свою службу безсмѣнно, въ виду того, что большая часть представителей этого племени откочевала далеко внутрь страны. «Оторванная отъ своихъ занятій и очаговъ она скоро такъ обнищала, что лишилась лошадей и питалась собаками и всякимъ гнусомъ».

¹⁾ Напр. осѣдлые инородцы, живущіе среди кочевыхъ, всегда показаны какъ таковые, часто и живущіе среди русскихъ; бродячіе инородцы переписывались по упрощенному способу, при которомъ нѣкоторыя графы остались незаполненными. Замѣтимъ еще, что сомнѣнія относительно разряда инородцевъ въ Забайкальской обл., гдѣ только и встрѣчаются всѣ ихъ три категоріи, не могутъ быть разрѣшены на основаніи трудовъ Комиссіи ст. секр. Куломзина по той же области и за тотъ же 1897 г., потому что тамъ по сословіямъ распределены не отдѣльныя національности (тунгусы, буряты), а инородцы вообще.

²⁾ Куломзинъ, I. с., V, 58 сл. и Бусса „Забайкальское инородческое войско“. („Тр. Пріам. отд. И. Р. Геогр. О.“ за 1895 г.).

Съ 1750 г. тунгусы-казаки были преобразованы въ пятисотенный Тунгусскій полкъ. Полкъ комплектовался изъ казачьихъ семействъ, а въ случаѣ недостатка въ людяхъ, то изъ другихъ приписанныхъ къ отбыванію пограничной службы и наиболѣе «добрыхъ и здоровыхъ родовъ» тунгусовъ.

Въ виду бѣдности тунгусовъ имъ было назначено казенное жалованье въ размѣрѣ 6 руб. въ годъ. Оружіе (гл. обр. луки) казаки-инородцы обязаны были имѣть свое, также лошадей; запасныхъ же коней тунгусы-казаки получали отъ Хоринскихъ бурятовъ, на обязанности которыхъ лежало содержаніе лишь одного караула.

Въ отставку казаки изъ инородцевъ выходили лишь въ случаѣ негодности къ службѣ, причемъ замѣнялись молодыми людьми изъ подростяющаго поколѣнія казачьяго сословія.

Управленіе указаной линіею было поручено кн. Гантимурову (см. ниже), который былъ подчиненъ пограничной канцеляріи, но по внутреннему и хозяйственному управленію могъ дѣйствовать самостоятельно за исключеніемъ рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, которыя подлежали вѣдѣнію воеводскаго управленія.

Въ 1785 г. въ виду обострившихся отношеній съ Непобѣдной Имперіей генераль-губернаторъ Якобіи въ видахъ усиленія охраны Нерчинской части границы склонилъ бурятовъ и князя Гантимура выставить ополченіе, которое состояло изъ 2.500 конныхъ бурятовъ и 1.500 тунгусовъ, но оно скоро было распущено. Въ 1851 г. казаки пограничныхъ отдѣленій какъ русскіе, такъ и инородцы, получили другое устройство и вошли въ составъ пѣшаго и коннаго Забайкальскаго войска, часть котораго составляютъ и по-нынѣ. Въ означенномъ году численность казаковъ бывшаго Тунгусскаго полка равнялась 1.667 чел. О нынѣшней численности казаковъ-тунгусовъ см. ниже.

Дворяне Гантимуровы. Живя за немногими исключеніями совершенно какъ другіе мѣстные инородцы, часть тунгусовъ Урульгинской управы принадлежитъ къ дворянскому сословію, а главная ихъ вѣтвь къ княжескому роду фамиліи Гантимуровыхъ ¹⁾.

¹⁾ Относительно происхожденія фамиліи Гантимуровыхъ является сомнѣніе, были ли они даурами или тунгусами. Даурскими князьями они иногда называются въ русскихъ историческихъ актахъ и Китайское правительство во время переписки съ Москвой, возникшей по поводу

При завоеваніи русскими Забайкальскаго края князья Гантимуровы жили съ подвластными имъ тунгусами Нелюдскаго и другихъ родомъ на берегахъ Шилки и Ингоды, гдѣ и по-сейчасъ живутъ ихъ потомки. Въ срединѣ же XVII ст. Бекетовъ обложилъ этихъ тунгусовъ ясакомъ, что вынудило предка нынѣшнихъ князей Гантимуровыхъ уйти со своими людьми за Аргунь, въ Монголію. Но уже немного лѣтъ спустя онъ вернулся въ занятый русскими край съ войскомъ отъ Богдойскаго царя (см. I., 22), но вмѣсто враждебныхъ дѣйствій перешелъ на сторону русскихъ. Объ этомъ вторичномъ водвореніи дворянъ Гантимуровыхъ въ Сибирь въ челобитной двухъ изъ ихъ представителей къ царю Петру Алексѣевичу написано слѣдующее: «прошлыхъ де давныхъ годѣхъ дѣдъ ихъ Гантимуръ служилъ Богдойскому царю четвертнымъ бояриномъ и былъ владѣтель и имѣлъ подъ собою воины и отъ Богдойскаго царя съ братомъ его царскимъ посланъ былъ на службу краснымъ воеводой особымъ полкомъ подъ Комарскій острогъ на русскихъ людей съ войною и будучи де дѣдъ ихъ Гантимуръ подъ Комарскомъ острогомъ съ русскими людьми бою не далъ и, какъ отступили полки, и онъ ихъ дѣдъ съ дѣтьми своими и съ родомъ, которыя подъ нимъ были, изъ державы Богдойскаго государства отошелъ и пришелъ въ Нерчинскъ съ дѣтьми своими и совсѣмъ родомъ поклонился намъ великому государю больше 500 человекъ»... Потомъ онъ привлекъ къ себѣ изъ своей родины Манчжуріи, съ береговъ Науна, своего родственника—зайсана Бокая со своими людьми и «боемъ и призывомъ ясашный платежъ умножилъ». Богдойскій царь присылалъ за нимъ своего воеводу и увеличивъ ему окладъ и почести хотѣлъ его вернуть обратно, но Гантимуръ отвергъ его предложеніе и остался вѣренъ русскому царю.

бъжавшаго въ Забайкалье Гантимура съ людьми подчеркиваетъ ихъ происхожденіе изъ страны, орошаемой р. Науномъ. Хотя это могло относиться и къ ихъ кратковременному пребыванію тамъ послѣ бѣгства съ береговъ Ингоды (см. II, стр. 22), но все же скорѣе всего допустить, что Гантимуръ (изъ рода Нелюдскаго) были даурскаго происхожденія и выселились на Ингоду съ юга (это подтверждается и монгольскимъ именемъ ихъ родоначальника: Ханъ-Тимуръ). Остальные же инородцы, надъ которыми они правили, были по всему вѣроятію тунгусами, которые во всемъ Приамурьѣ были подвластны и платили дань даурамъ (см. II, стр. 22, прим.).

¹⁾ Куломзинъ, I. с., V., прилож., стр. 20.

Китайское правительство на этомъ не остановилось и потребовало у русскихъ властей выдачи Гантимура. Русское правительство въ этомъ ему отказало и послѣдствіемъ этого обстоятельства были обострившіяся отношенія между обоими государствами, поведшія даже къ открытію военныхъ дѣйствій. Переселившись въ русскія владѣнія, Гантимуръ крестился вмѣстѣ со своимъ сыномъ Катанаемъ и получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Москву. По дорогѣ туда Гантимуръ, во св. крещеніи Петръ, умеръ въ Нарымѣ, а его сынъ, во св. крещеніи Павелъ, прибылъ въ столицу и былъ милостиво принятъ Петромъ Алексѣвичемъ, записанъ со своимъ родствомъ дворянами по Московскому списку и щедро одаренъ. Съ тѣхъ поръ дворяне Гантимуровы неоднократно пользовались широкими милостями Московскихъ царей, которые пожертвовали имъ вотчины и зачислили часть ихъ въ конный казачій полкъ. Со времени перехода Гантимуровъ въ Сибирь, изъ прямыхъ потомковъ Петра Гантимура—князей Гантимуровыхъ избирается начальникъ Урульгинской степной думы, состоящей изъ пяти тунгусскихъ и одной бурятской управъ (см. I, стр. 128), причемъ эта должность, соотвѣтствующая старшинамъ другихъ степныхъ думъ, въ данномъ случаѣ является наследственной въ ихъ родѣ. Нынѣ число дворянъ Гантимуровыхъ равняется 371 д. (194 м.), причемъ большинство ихъ проживаетъ въ Читинскомъ округѣ (см. ниже).

* * *

Теперь приведемъ статистическія данныя касательно сословій тунгусовъ по отдѣльнымъ областямъ (губерніямъ) и округамъ и въ концѣ подведемъ итоги каждому сословію и покажемъ, какимъ образомъ все тунгусское населеніе Сибири распредѣляется по этому признаку.

Приморская область.

Почти всѣ тунгусы этой области принадлежатъ къ числу *бродячихъ инородцевъ*. Ихъ 8.408 д. (4.316 м.) или 95,0⁰/о. Осѣдлые инородцы встрѣчаются лишь въ Охотской округѣ, хотя официально они повидимому и не именуются «осѣдлыми». Общихъ число равно 196 д. (103 м.). Они тамъ составляютъ

населеніе дер Арманской—93 д. (53 м.) и Ольской—87 д. (42 м.). Осѣдлыми же можно считать и окончательно обрусѣлыхъ ламутовъ, живущихъ въ деревняхъ по р. Анадыри Анадырской округи. Ихъ 44 д. (25 м.). Всего осѣдлыхъ инородцевъ въ области будетъ такимъ образомъ 240 д. (128 м.) или 2,7⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ.

Нѣкоторая часть тунгусовъ Усть-Майскаго вѣдомства Якутскаго округа, застигнутая въ предѣлахъ Удской округи, считается *кочевыми* инородцами, но, такъ какъ тѣ же роды бываютъ и бродячими и кочевыми, а въ переписномъ матеріалѣ не имѣется указаній, какую часть изъ нихъ слѣдуетъ отнести къ той или другой категоріи, то мы опредѣлили ихъ число приблизительно. По Слюнину ¹⁾ родъ Мякагирскій того же вѣдомства тоже переведенъ въ кочевые инородцы, но оставшіяся въ Якутскомъ округѣ 8 д. этого рода значатся по переписи бродячими. Всѣхъ кочевыхъ инородцевъ можно полагать въ Удской округѣ не менѣе 200 д. или 2,3⁰/₀.

Амурская область и остров Сахалинъ. Всѣ мѣстные тунгусы *бродячіе инородцы*.

Якутская область.

Большинство тунгусовъ области или 10.984 д. (5.628 м.)—89,8⁰/₀ принадлежитъ къ разряду *бродячихъ инородцевъ*. Лишь половина тунгусовъ Усть-Майскаго вѣдомства Якутскаго округа въ числѣ 1.247 д. (623 м.) или 10,2⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ округа считаются *кочевыми инородцами* (см. I, стр. 90 сл.). Въ отличіе отъ бродячихъ представителей этого племени, снискивающихъ себѣ пропитаніе оленеводствомъ и звѣроловствомъ, эти кочевые инородцы занимаются по примѣру якутовъ преимущественно разведеніемъ рогатаго скота.

¹⁾ I. с. I, 487.

Иркутская губернія.

Большинство мѣстныхъ тунгусовъ—*бродячіе инородцы*. Ихъ 1943 д. (982 м.) или 88,7%. *Осѣдлыхъ* инородцевъ всего около 200 д. (100 м.) или 9,1%. Они принадлежать исключительно къ Нижне-Илимскому вѣдомству и проживаютъ въ собственныхъ селеніяхъ (см. I, стр. 109) и въ русскихъ деревняхъ Преображенской (29 д.) и другихъ волостей. *Кочевыми* же являются лишь тунгусы одного Верхне-Кетскаго улуса, принадлежащаго къ управленію Отдѣльнаго Сейгутскаго рода (Иркутск. окр.). Ихъ всего 48 д. (21 м.) или 2,2%.

Забайкальская область.

Большинство тунгусовъ принадлежать къ *кочевымъ инородцамъ*. Остальная ихъ часть приходится на долю *казаковъ* и *бродячихъ инородцевъ*, *осѣдлыхъ* же инородцевъ здѣсь почти нѣтъ.

Читинскій округъ. Почти всѣ мѣстные тунгусы и по нынѣ принадлежать къ разряду *кочевыхъ инородцевъ* хотя жители управъ Оловской, Маньковской, Урульгинской и Шундуинской и части остальныхъ двухъ управъ Урульгинскаго вѣдомства уже давно перешли къ осѣдлой жизни и занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Въ переписномъ матеріалѣ въ графѣ о сословіи они по большей части показаны просто «инородцами» или «тунгусами».

Число кочевыхъ тунгусовъ простирается въ данномъ округѣ до 24.240 д. (11.989 м.) или 95,3%.

Изъ *бродячихъ* инородцевъ въ данномъ округѣ проживаютъ принадлежащіе къ тому же Урульгинскому вѣдомству *орочоны* — 902 д. (457 м.) или 3,5% мѣстныхъ тунгусовъ. Небольшая часть ихъ проживаетъ въ селеніяхъ (см. I, стр. 10).

Изъ другихъ сословій среди мѣстныхъ тунгусовъ встрѣ-

чаются еще *дворяне фамилии Гантимуровыхъ*, коихъ 266 д. (141 м.) проживаютъ въ управѣ Урульгинской, главнымъ образомъ въ трехъ селеніяхъ: Князе-Посельѣ, Князе-Береговой, Князе-Урульгѣ, расположенныхъ по р. Ингодѣ (см. I, стр. 117), 45 д. (27 м.) въ управѣ Кужертаевской и 8 д. (2 м.) въ городѣ Читѣ или всего 319 д. (170 м.) или 1,2% тунгусовъ округа.

Селенгинскій округъ. Почти всѣ тунгусы округа, несмотря на то, что живутъ въ селеніяхъ, принадлежатъ къ категоріи *кочевыхъ* инородцевъ, кромѣ 51 д. (27 м.) въ с. Армакскомъ, которые считаются *осѣдлыми инородцами* (другіе тунгусы того же села, тоже обрусѣлые, названы просто «крещеными тунгусами» и юридически принадлежатъ къ разряду кочевыхъ инородцевъ).

Баргузинскій округъ. Тунгусы Баргузинской Тунгусской управы—440 д. (206 м.) или 20,8% — *кочевые инородцы*, принадлежащіе же къ Баунтовской управѣ и къ В. и Н. Ангарскимъ и Подлеморско-Шемагирскому родовымъ управленіямъ—1.678 д. (876 м.) или 79,2% суть *бродячіе* инородцы.

Нерчинскій, Нерчинско-Заводскій и Троицко-Савскій округа. Всѣ тунгусы происходятъ изъ Читинскаго округа и вслѣдствіе этого принадлежатъ къ разряду *кочевыхъ* инородцевъ. Отдѣльные лица изъ казачьяго сословія и тунгусскаго происхожденія, которыя здѣсь могли встрѣтиться, не могли быть на основаніи данныхъ переписи выдѣлены изъ состава русскихъ и бурятскихъ казаковъ, такъ какъ они забыли родной языкъ.

Акшинскій округъ. Тунгусы распадаются на *кочевыхъ инородцевъ* и на *казаковъ*. Первые тоже происходятъ изъ Читинскаго округа. Число ихъ въ 1897 г. зимою было опредѣлено переписью въ 1.691 д. (831 м.) или 35,7% всѣхъ тунгусовъ округа, хотя, какъ указано выше, часть ихъ въ это время пребывала внѣ предѣловъ имперіи (см. I, стр. 136 сл.). Въ наибольшемъ числѣ тунгусы-инородцы были записаны въ станицахъ: В. Ульхунской—206 д. (95 м.), гл. образомъ въ пос. Кырицкомъ, Мангутской—127 д. (61 м.), Акшинской—102 д. (51 м.), гл. обр. въ пос. Нарасунскомъ, въ ст. Могойтуевской—143 д. (69 м.), гл. образ. въ пос. Мо-

гойтуевскомъ, въ ст. Дурулгуевской — 202 д. (89 м.), гл. обр. въ пос. Дурулгуевскомъ, I Чиндантской 85 д. (40 м.), II Чиндантской — 181 д. (89 м.), гл. обр. въ пос. Кулусутуй, Цагань-Олуевской — 151 д. (71 м.), гл. обр. въ заимкахъ и урочищахъ, въ ст. Дуроевской — 207 д. (105 м.), гл. обр. въ пос. Кайластуй, въ заимкахъ и урочищахъ, въ ст. Зоргольской — 229 д. (131 м.), гл. обр. въ пос. Зоргольскомъ. Меньше ихъ оказалось въ ст. Букукунской 30 д. (17 м.), гл. обр. въ пос. Алтанскомъ и въ ст. Чалбучинской — 26 д. (13 м.), гл. обр. въ пос. I Буддуруйскомъ. Подробнѣе объ этомъ см. въ таблицѣ распредѣленія тунгусскаго населенія Акшинскаго округа по сословіямъ — I приженіе (I, 173—175).

Казаки въ числѣ 3.045 д. (1.482 м.) или 64,3% проживаютъ во всѣхъ станицахъ кромѣ Акшинской и Чалбучинской. Въ Букукунской стан. ихъ числится 509 д. (251 м.). Здѣсь они составляютъ почти все тунгусское населеніе. Въ В. Ульхунской — 492 д. (230 м.), въ т. ч. 265 д. (130 м.) въ пос. Тыринскомъ; въ ст. Мангутской — 547 д. (259 м.), изъ коихъ 237 д. въ Мангутскомъ и 298 д. въ Ульхунскомъ поселкахъ; въ ст. Могойтуевской — 290 д. (137 м.); въ ст. Дурулгуевской — 124 д. (52 м.), гл. обр. въ пос. Кубухаевскомъ, въ I Чиндантской — 164 д. (82 м.), гл. обр. въ Борзинскомъ пос.; въ II Чиндантской — 184 д. (95 м.), гл. обр. въ пос. Кулусутуй; въ Цагань-Олуевской ст. — 224 д. (105 м.), гл. обр. въ пос. Ключевскомъ и Абагайтуйевскомъ; въ ст. Дуроевской — 467 д. (252 м.), изъ коихъ въ пос. Кайластуй — 261 д. Въ Зоргольской ст. ихъ всего 39 д. (18 м.) и въ Чалбучинской — 3 д. (см. I., 133—135 и I приложение).

Въ числѣ казаковъ-тунгусовъ Акшинскаго округа имѣются дворяне фамиліи Гантимуровыхъ, число которыхъ перепись 1897 г. опредѣлила въ 24 м. и 28 ж.

* * *

Въ итогѣ цифровыя данныя касательно сословныхъ группъ тунгусскаго населенія Забайкальской области представляются въ слѣдующемъ видѣ:

ТАБЛИЦА IX.

Названія округовъ.	Наличное туземное население въ 1897 году.		И н о р о д ц ы.						Казанки.		Потомствъ.			
	М. П.	Ж. П.	Освѣдлые.		Кочевые.		Бродячье.		Итого.	М. П.	Ж. П.	М. П.	Ж. П.	
			М. Ж.	Ж. П.	М. П.	Ж. П.	М. П.	Ж. П.						
1. Читинскій	12.159	12.400	—	—	11.989	12.251	—	—	11.989	12.251	—	—	170 ¹⁾	149 ¹⁾
2. Акинскій	2.313	2.423	—	—	831	860	—	—	831	860	1.482	1.563	—	—
3. Баргузинскій	1.082	1.036	—	—	206	234	876	802	1.082	1.036	—	—	—	—
4. В.-Удинскій	50	42	—	—	—	—	50	42	50	42	—	—	—	—
5. Нерчинскій	355	237	—	—	355	237	—	—	355	237	—	—	—	—
6. Нерчинско-Заводскій	218	187	—	—	218	187	—	—	218	187	—	—	—	—
7. Селенгинскій	442	478	27	24	415	454	—	—	442	478	—	—	—	—
8. Троицко-Савскій	5	—	—	—	5	—	—	—	5	—	—	—	—	—
Итого	16.624	16.803	27	24	14.019	14.223	926	844	14.972	15.091	1.482	1.563	170¹⁾	149¹⁾
Сверхъ того орочны	484	468	—	—	—	—	484	468	484	468	—	—	—	—
Всего	17.108	17.271	27	24	14.019	14.223	1.410	1.312	15.456	15.559	1.482	1.563	170¹⁾	149¹⁾

1) Въ числѣ казакъ Акинскаго округа еще 52 д. (24 м.) дворянъ Гантимуровыхъ.

Изъ этой таблицы усматривается, что огромное большинство всѣхъ тунгусовъ Забайкальской области принадлежать къ сословію *инородцевъ*. Ихъ 31.015 д. (15.456 м.) или 90,2⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ. Изъ отдѣльныхъ подраздѣленій этого сословія рѣшительно преобладаютъ *кочевые* инородцы — 28.242 д. (14.019 м.) или 91,1⁰/₀ инородцевъ. *Бродячихъ* (включая орочоновъ) всего 2.722 д. (1.410 м.) или 8,8⁰/₀ инородцевъ. *Осѣдлыхъ* почти нѣтъ. Кочевые проживаютъ во всѣхъ округахъ кромѣ Верхнеудинскаго, гдѣ встрѣтились лишь бродячіе, которые своею численностью превышаютъ кочевыхъ и въ Баргузинскомъ округѣ.

Изъ другихъ сословій въ области встрѣчаются среди тунгусовъ еще *казаки*, сгруппированные въ станицахъ Акшинскаго округа. Ихъ всего 3.045 д. (1.482 м.) или 8,9⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ области.

Наконецъ, въ этой же области проживаютъ и *потомственные дворяне* изъ семейства Гантимуровыхъ (см. стр. 135, 140, 146). Ихъ всего 371 д. (194 м.), хотя въ таблицу вошли лишь 319 д. (170 м.) или 0,9⁰/₀, проживающіе въ Читинскомъ округѣ (остальные, какъ казаки, включены въ группу этихъ послѣднихъ).

* * *

Въ началѣ истекшаго столѣтія всѣ вышеуказанныя группы тунгусскаго населенія вполнѣ соответствовали по своему образу жизни и культурному развитію тѣмъ юридическимъ понятіямъ, которыя они представляли. «Осѣдлыми» считались тѣ изъ инородцевъ, которые отъ кочеваго и бродячаго образа жизни перешли къ осѣдлой жизни земледѣльцевъ, «кочевыми» — скотоводы, періодически мѣняющіе свои мѣста въ зависимости отъ ихъ кормовыхъ средствъ и, наконецъ, «бродячими» считались всѣ прочіе инородцы, не имѣющіе постоянной осѣдности и занимающіеся звѣроловствомъ, рыболовствомъ, а также оленеводствомъ. Послѣдняя группа и по сейчасъ сохранила свой прежній образъ жизни, а вторая, на ²/₃ перейдя уже къ осѣдлой жизни, и по-нынѣ юридически считается «кочевой» (см. стр. 200).

Сопоставленіе данныхъ о прежней численности отдѣльныхъ сословныхъ группъ тунгусскаго населенія съ настоящей даетъ намъ возможность имѣть правильное сужденіе о боль-

шой или меньшей жизнеспособности каждой изъ нихъ. Къ сожалѣнію однако перемѣны въ очертаніяхъ и площадяхъ отдѣльныхъ округовъ и даже губерній, происшедшія въ теченіи истекшаго столѣтія, сильно затрудняютъ подобное сопоставленіе по отдѣльнымъ округамъ и заставляютъ ограничиться сравненіемъ извѣстнаго ихъ комплекса. Гагемейстеръ ¹⁾ сообщаетъ намъ за 1840 г. слѣдующія данныя о численности тунгусовъ Забайкальской области и Иркутской губерніи:

Забайкальская область. *Бродячіе* инородцы: въ Нерчинскомъ округѣ—329 м. и 404 ж. и въ сѣверной части Верхне-Удинскаго округа—1252 м. и 1143 ж. или всего 1581 м. и 1547 ж.

Кочевые инородцы области—1763 м. и 1613 ж. и *полуосѣдлые* 4280 м. и 4438 ж.—потомки выходцевъ съ береговъ Науна подъ предводительствомъ Гантимура (см. выше) или тѣ и другіе вмѣстѣ 6043 м. и 6051 ж.

Въ виду того, что границы области подверглись съ тѣхъ поръ значительнымъ перемѣнамъ въ юго-западномъ ея углу, гдѣ эта область увеличилась за счетъ Иркутской губерніи, намъ слѣдуетъ для большей убѣдительности сопоставленія воспользоваться для этого данными и по Иркутской губерніи, гдѣ имѣлись (какъ и нынѣ) лишь бродячіе инородцы. Въ 1840 г. въ Иркутскомъ округѣ числилось 890 м. и 816 ж. тунгусовъ, бродившихъ по берегамъ Байкала и по хребтамъ Саянскихъ горъ, и въ Киренскомъ округѣ, главнымъ образомъ по лѣвой сторонѣ Лены—826 м. и 869 ж. или всего 1716 м. и 1685 ж. Итого въ означенныхъ губерніи и области въ 1840 году числилось 9340 м. и 9283 ж. или 18.623 д. об. п. Въ 1897 г. по даннымъ переписи въ томъ же районѣ число тунгусовъ опредѣлилось въ 36.569 д. (18.211 м.), что показываетъ, что тунгусское населеніе Иркутской губерніи и Забайкальской области *удвоилось* за періодъ времени въ 57 лѣтъ.

Проанализируемъ теперь эти данныя, разбивъ указанная числа на отдѣльныя сословныя группы: число кочевыхъ и полуосѣдлыхъ указаннаго района инородцевъ опредѣлялось въ 1840 году въ 12.094 д. (6043 д.),

¹⁾ „Статистическое обозрѣніе Сибири“, II., 1854 г.

между тѣмъ какъ въ 1897 г. эта группа тунгусовъ (осѣдлые и кочевые) состояла уже изъ 28.541 д. (14.167 м.) т. е. она *возрасла* за 57 л. на 16.447 д. или на 136⁰/₀!

Число *бродячихъ* инородцевъ области и губерніи опредѣлялось въ 1840 г. въ 6529 д. (3297 м.). Въ 1897 же году эта группа состояла всего изъ 4665 д. (2392 м.) т. е. она за тотъ же періодъ времени потеряла 1664 д. или 28,6⁰/₀ своего прежняго числа.

Правда, со времени 1840 г. отдѣльные тунгусы могли быть перечислены изъ категоріи бродячихъ въ разрядъ кочевыхъ или осѣдлыхъ, но, если подобные случаи и могли имѣть мѣсто, они не могутъ болѣе или менѣе существенно повліять на наглядные выводы, которые можно сдѣлать изъ сопоставленія отдѣльныхъ сословныхъ группъ тунгусовъ за разные періоды времени, именно что переходъ отъ бродячей жизни оленеводовъ и охотниковъ къ кочевому образу жизни скотоводовъ и къ осѣдлому земледѣльцевъ значительно повышаетъ жизнеспособность инородцевъ Сибири и тунгусовъ въ частности, которые, вымирая въ стадіи бродячихъ инородцевъ, показываютъ положительный естественный приростъ, перейдя на одну изъ вышеупомянутыхъ болѣе высокихъ ступеней культурнаго развитія.

Енисейская губернія. За исключеніемъ 4 д. (3 м.) тунгусовъ Канскаго округа, перечислившихся въ сословіе крестьянъ, всѣ прочіе тунгусы губерніи принадлежатъ къ разряду *бродячихъ* инородцевъ.

* * *

Въ слѣдующей таблицѣ сопоставлены всѣ вышеприведенныя статистическія данныя касательно численности отдѣльныхъ сословныхъ группъ тунгусовъ Восточной Сибири (по округамъ).

ТАБЛИЦА X.

Названія губерній и областей	Наличное тунгусское население въ 1897 г.		И н о р о д ц ы.								Казаки.		Потомств. дворяне.	
			Осѣдлые.		Кочевые.		Бродячіе.		Итого.					
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1. Амурская обл.	623	481	—	—	—	—	623	481	623	481	—	—	—	—
2. Приморская обл.	4.544	4.304	128	112	100	100	4.316	4.092	4.544	4.304	—	—	—	—
3. Сахалинъ, о-въ	83	60	—	—	—	—	83	60	83	60	—	—	—	—
4. Якутская обл.	6.251	5.980	—	—	623	624	5.628	5.356	6.251	5.980	—	—	—	—
5. Забайкальская обл.	17.108	17.271	27	24	14.019	14.223	1.410	1.312	15.456	15.559	1.482 ³⁾	1.563 ³⁾	170 ³⁾	149 ³⁾
6. Иркутская губ.	1.103	1.088	100	100	21	27	982	961	1.103	1.088	—	—	—	—
7. Енисейская „	1.662	1.507	3 ²⁾	1 ²⁾	—	—	1.659	1.506	1.662	1.507	—	—	—	—
Итого	31.375¹⁾	30.693¹⁾	258²⁾	237²⁾	14.763	14.974	14.702¹⁾	13.770¹⁾	29.723¹⁾	28.981¹⁾	1.482³⁾	1.563³⁾	170³⁾	149³⁾

¹⁾ Въ т. ч. 1 м. и 1 ж. бродячихъ инородцевъ въ Томскомъ округѣ Томской губ. и 1 ж. въ Березовскомъ округѣ Тобольской губ.

²⁾ 4 д. (3 м.) государственные крестьяне.

³⁾ См. примѣчаніе на стр. 210.

Изъ этой таблицы явствуетъ, что огромное большинство всѣхъ тунгусовъ Сибири принадлежитъ къ сословію *инородцевъ* — 58.704 д. (29.723 м.) или 94,6% всѣхъ представителей этого племени. На остальные сословія приходится всего 3364 д. (1652 м.) или 5,4%, въ томъ числѣ 3045 д. (1482 м.) или 4,9% *казаковъ*, остальные *потомственные дворяне* фамиліи Гантимуровыхъ. Эти оба сословія встрѣчаются лишь въ Забайкальской области.

Инородцы въ свою очередь подраздѣляются на *осѣдлыхъ*, которыхъ очень мало (0,8%), на кочевыхъ и бродячихъ. *Кочевые* встрѣчаются лишь въ Забайкальской и отчасти въ Якутской (и Приморской) областяхъ, хотя по своему числу и занимаютъ первое мѣсто среди всѣхъ категорій инородцевъ этого племени. Ихъ 29.737 д. (14.763 м.) или 50,7%.

Бродячіе пользуются наибольшимъ распространеніемъ, встрѣчаясь во всѣхъ областяхъ и губерніяхъ Сибири, и по числу немного уступаютъ кочевымъ инородцамъ; ихъ всего 28.472 д. (14.702 м.) или 48,5% инородцевъ (45,9% всѣхъ тунгусовъ).

Мы знаемъ изъ предъидущаго, что тунгусы въ значительной степени утратили свои племенные особенности. Отдѣльныя сословныя группы представляютъ въ этомъ отношеніи слѣдующія градаціи. Осѣдлые всюду почти совсѣмъ обрусѣли; кочевые инородцы Забайкальской области, гдѣ сосредоточена ихъ главная масса, перейдя по большей части къ осѣдлой жизни, также частью обрусѣли, частью обурятились. Это же касается и казаковъ-тунгусовъ и дворянъ, изъ коихъ первые почти всѣ превратились въ буряты, а вторые въ русскихъ. Остаются одни бродячіе тунгусы, которые и по-сейчасъ являются носителями прежней тунгусской культуры.

Живя по большей части вдали отъ русскихъ и отъ полукультурныхъ народовъ Сибири — буряты и якутовъ, они и по наши дни сумѣли сохранить въ большей или меньшей чистотѣ свои обычаи и нравы, свой образъ жизни, свой языкъ и свои религіозныя воззрѣнія, несмотря на то, что большинство изъ нихъ приняло святое крещеніе. Весьма удобнымъ критеріумомъ для сужденія о степени сохраненія національности у извѣстнаго племени можетъ служить языкъ, который по большей части окончательно вымираетъ лишь тогда, когда данный народъ путемъ столкновенія съ сосѣдями уже въ значительной степени утратилъ, какъ чистоту своего физиче-

скаго типа, такъ и своего духовнаго міра. Шренкъ, примѣняя этотъ критерій для сужденія о національности, видитъ даже въ этомъ признакъ *ultimum moriens* народа, съ утратой котораго послѣдній перестаетъ существовать какъ самостоятельная величина. Если примѣнить этотъ признакъ къ тунгусамъ Сибири (см. стр. 194 сл.), то окажется, что названный народъ уже болѣе чѣмъ на половину не существуетъ, превратившись въ русскихъ, бурятовъ и якутовъ, причѣмъ даже малокультурные юкагиры сумѣли ассимилировать себѣ часть тунгусовъ. Остановимся теперь на этомъ вопросѣ и прослѣдимъ, въ какой степени отдѣльныя сословія тунгусовъ сумѣли сохранить свой родной языкъ. Это намъ до извѣстной степени покажетъ, насколько каждое изъ нихъ въ настоящее время осталось вѣрно своей національности.

Оседлые инородцы. Изъ 495 д. (258 м.) говорятъ на *родномъ* языкѣ лишь 138 д. (77 м.) или 27,9%, живущіе въ дер. Арманской и отчасти Ольской Охотской округи (Прим. обл.). Всѣ остальные—72,1% вполне *обрусѣли*.

Кочевые инородцы. Изъ 29.737 д. (14.673 м.) этого разряда инородцевъ на родномъ языкѣ говорятъ лишь 4.356 д. (2.186 м.) или 14,6%.

Изъ нихъ живущіе въ Иркутской губерніи и Якутской (и Приморской) области, почти всѣ сохранили родную рѣчь, а изъ Забайкальскихъ лишь 2.866 д. (1.445 м.) или 10,2%. Всѣ остальные промѣняли ее на русскую и бурятскую рѣчь и, наконецъ,

Изъ 28.472 д. (14.702 м.) *бродячихъ* инородцевъ на *родномъ* языкѣ говорятъ 23.161 д. (12.136 м.) или 81,3% всѣхъ тунгусовъ этого разряда.

Если мы здѣсь еще присовокупимъ, что изъ *казаковъ-тунгусовъ* говорятъ на родномъ языкѣ лишь 155 д. (87 м.) или 5,1%, а изъ *потомственныхъ дворянъ* Гантимуровыхъ никто, то мы можемъ сказать, что намъ удалось статистическимъ путемъ доказать, что въ настоящее время изъ всѣхъ сословныхъ группъ тунгусовъ лишь категорія бродячихъ инородцевъ въ большей или меньшей степени сохранила свои національныя особенности и можетъ считаться чисто-тунгусской, между тѣмъ какъ всѣ остальные группы въ общемъ уже болѣе или менѣе приобщились къ другимъ національностямъ, удержавъ пока однако названіе тунгусовъ какъ признакъ ихъ тунгусскаго происхожденія. Если мы при прове-

деніи разграничительной линіи между этими двумя категоріями тунгусовъ положимъ въ основаніе *сословный* признакъ, то число тунгусовъ по существу (бродячіе инородцы) будетъ 28.472 д. или 45,9⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ, а число лицъ, принадлежащихъ къ этому племени, почти лишь по имени—всѣ прочія группы сословій, будетъ равна 33.596 д. или 54,1⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ. Принявъ же какъ признакъ для такого разграниченія *родной языкъ*, мы получимъ, что первая группа состоитъ изъ 27.597 д. или 44,5% всѣхъ тунгусовъ и вторая изъ 34.471 д. или 55,5⁰/₀. Другими словами, будемъ ли мы руководствоваться языкомъ или сословіемъ, въ обоихъ случаяхъ настоящихъ тунгусовъ въ 1897 г. по даннымъ въ общей переписи оказывается менѣе половины (ок. 45⁰/₀) всего числа лицъ, которыя носятъ названіе тунгусовъ.

Какъ мы неоднократно указывали въ теченіи настоящаго труда, жизнеспособность обѣихъ вышеприведенныхъ группъ тунгусскаго племени совершенно различная. Группа бродячихъ инородцевъ, говорящихъ на родномъ языкѣ, представляя въ экономическомъ и социальномъ отношеніи нисшую степень культурнаго развитія, переходъ отъ которой къ болѣе высокой ступени кочевниковъ и осѣдлыхъ земледѣльцевъ весьма затруднителенъ для невѣжественныхъ и обнищавшихъ дикарей, почти повсемѣстно показываетъ отрицательный приростъ, зависящій главнымъ образомъ отъ значительнаго перевѣса числа смертныхъ случаевъ надъ числомъ рожденій и въ гораздо меньшей отъ приобщенія части ея представителей къ другой (кочевой и осѣдлой) группѣ, которая напротивъ сильно увеличивается въ числѣ почти исключительно путемъ положительнаго естественнаго приращенія. Такимъ образомъ, чисто національная часть тунгусскаго племени быстрыми шагами идетъ на встрѣчу своему исчезновенію, причемъ это вымирание значительно опережаетъ переходъ этого бродячаго населенія къ кочевой и осѣдлой жизни и ассимиляцію съ болѣе культурными сосѣдями. Но сильный приростъ почти денационализовавшейся кочевой и осѣдлой части этого племени доказываетъ, что при благоприятныхъ условіяхъ тунгусское племя обладаетъ значительной жизнеспособностью, хотя это достояніе и покупается у нихъ, какъ и у многихъ другихъ первобытныхъ народовъ, дорогою цѣною—утратою національности—und bist du einmal Mensch geworden, so ist es aus mit dir (Faust).

ГЛАВА VIII.

Религіозный составъ.

Въ религіозномъ отношеніи тунгусы распадаются на христіанъ, ламаитовъ и язычниковъ.

По численности первое мѣсто принадлежитъ *христіанамъ* (православнаго исповѣданія). Это касается не только тѣхъ тунгусовъ, которые обрусѣли и ведутъ осѣдлый образъ жизни, но и кочевыхъ и бродячихъ, вполне сохранившихъ свои племенные особенности. Вообще тунгусы изъ всѣхъ коренныхъ народовъ Сибири больше всего показали склонность усваивать религію, образъ жизни и языкъ своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей. Но конечно христіанство ихъ, какъ и другихъ инородцевъ Россіи, коснулось лишь чисто внѣшней, обрядовой, его стороны, между тѣмъ какъ по существу они остались тѣми же язычниками, какими они были раньше того.

Они правда знаютъ, что дѣтей надо крестить, что бракъ долженъ быть освященъ священникомъ и что надъ покойникомъ послѣдній долженъ прочесть молитву. Эти обряды, смыслъ которыхъ они не понимаютъ, они все же болѣе или менѣе исполняютъ, но не въ тѣ сроки, какъ того требуетъ церковь. Бракъ освящается иногда много лѣтъ послѣ его заключенія, причемъ священникъ подчасъ попутно крестить 2—3 дѣтей новобрачныхъ, покойниковъ же, скончавшихся въ тайгѣ рѣдко отпѣваютъ, а хоронятъ чаще по языческимъ обрядамъ. Вообще, постоянно скитаясь по непроходимымъ тайгамъ и урманамъ своей обширной родины, бродячіе тунгусы даже не каждый годъ выходятъ на сугланы, т. е. на сборища въ мѣста, назначенныя для уплаты ясака, куда пріѣзжаютъ для совершенія требъ и ихъ пастыри. Въ эти дни инородцы исполняютъ всѣ свои духовныя потребности

за цѣлый годъ или даже за цѣлый рядъ лѣтъ: они крестятъ дѣтей, вѣнчаются, отпѣваютъ покойниковъ, хотя бы умершихъ вдали, и, присутствуя при богослуженіи въ убогой часовнѣ усердно крестятся, кладутъ земные поклоны и ставятъ передъ иконами восковыя свѣчи.

И дома у многихъ изъ нихъ имѣются иконы, которыя они бережно хранятъ въ футлярахъ, но въ праздники онѣ вынимаются и ставятся на видное мѣсто и благочестивые инородцы передъ ними усердно молятся. Но дальше этихъ внѣшнихъ проявленій религіознаго чувства у нихъ обыкновенно не идетъ и сущность христіанскаго ученія для нихъ совершенно темна. Это ясно иллюстрируется вопросами, которые они предлагаютъ иногда путешественникамъ касательно христіанской религіи: напр. какой Богъ больше: Никола-Богъ или Троица-Богъ?

Обращеніе тунгусовъ въ христіанство началось еще въ XVII ст., вскорѣ послѣ ихъ подчиненія Россіи, но за исключеніемъ тѣхъ, которые поселились вблизи русскихъ остроговъ и зимовій по Енисею, Онѣ, по Охотскому морю и Анадыри и образовали вмѣстѣ съ ними осѣдлое населеніе первыхъ поселковъ, оно слабо распространялось между инородцами вообще и между тунгусами въ частности. Это обстоятельство находитъ объясненіе въ незначительной численности русскаго населенія первыхъ два столѣтія по завоеваніи Сибири, въ малодоступности и пустынности ихъ территорій, въ отсутствіи людей, которые знали бы туземные языки и въ недостаткѣ пастырей для просвѣщенія всей массы инородцевъ Сибири. Но даже тамъ, гдѣ таковыя имѣлись, они не всегда стояли на высотѣ своего положенія: многіе изъ нихъ гораздо болѣе заботились о мірскихъ дѣлахъ, чѣмъ о благѣ своей паствы, и не могли внушить къ себѣ должнаго уваженія со стороны полудикихъ племенъ. Нѣкоторые изъ этихъ пастырей были далеко не безупречнаго поведенія. Этотъ не всегда удовлетворительный составъ церковнослужителей объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что за это трудное и тяжелое дѣло часто брались люди неподготовленные и часто невысокой нравственности и что нравы въ тогдашней Сибири вообще были весьма грубы и дики. Дѣйствительно, прежніе бытоописатели Енисейской губерніи, гдѣ и понынѣ часть тунгусовъ пребываетъ въ язычествѣ, пишутъ объ нихъ: «Миссіонеры, разѣзжавшіе

по тунгусскимъ стойбищамъ, пьянствуютъ, спаиваютъ инородцевъ и даже прелюбодѣйствуютъ съ тунгусскими и инородческими женщинами. Въ иныхъ мѣстностяхъ дѣло доходило до того, что инородцы покушались убить за это миссіонеровъ».

Конечно при такихъ обстоятельствахъ тунгусы не очень торопились мѣнять вѣру своихъ отцевъ на возвышенное ученіе Христа, хотя, какъ сказано выше, они легче чѣмъ другіе туземцы Сибири расстаются со своей прежней религіей и вообще съ достояніемъ своей прежней культуры, что обнаруживается напр. въ Туруханскомъ краѣ, гдѣ почти всѣ тунгусы христіане, между тѣмъ какъ среди проживающихъ о бокъ съ ними самоѣдовъ еще половина придерживается язычества.

Еще во второй половинѣ XVIII ст. большая часть тунгусовъ пребывала въ язычествѣ, но къ самому концу этого столѣтія, по крайней мѣрѣ въ Якутской области, замѣчается оборотъ въ пользу христіанства, въ значительномъ числѣ христіанскія имена начинаютъ встрѣчаться въ ревизскихъ сказкахъ тунгусскихъ родовъ лишь съ начала или вѣрнѣе съ 20-хъ годовъ истекшаго столѣтія¹⁾, причемъ въ послѣдующія десятилѣтія его обратились въ православіе почти всѣ тунгусы Сибири, какъ бродячіе, такъ и кочевые, которые не успѣли раньше примкнуть къ ламайской религіи.

Въ Забайкальской области обращеніе тунгусовъ въ христіанство началось еще въ XVI ст., когда крестилась семья князей Гантимуровыхъ и за ними многіе инородцы изъ подвѣдомственныхъ ей родовъ. Живя болѣе густо, чѣмъ другіе тунгусы, обитавшіе къ сѣверу отъ Ингоды и Шилки, они раньше другихъ перешли къ осѣдлости и, будучи окружены съ юга кольцомъ русскихъ поселеній, скоро приняли христіанство и обрусѣли. Въ меньшей степени это касается тунгусовъ, жившихъ къ югу отъ названныхъ рѣкъ, гдѣ вліяніе русскаго населенія до извѣстной степени парализовалось успѣхами сильнаго въ южной и западной частяхъ области ламаизма.

¹⁾ И по-сейчасъ у тунгусовъ сохранились языческія имена или прозвища, которыя въ ихъ средѣ часто болѣе популярны, чѣмъ христіанскія имена; такимъ образомъ, въ переписномъ матеріалѣ по Петропавловской округѣ (Прим. обл.) у мѣстныхъ ламутовъ Долганскаго рода наряду съ этими послѣдними отмѣчены слѣдующія прозвища мужскія: няревла—„гордый“, гарпанъ—„стрѣлокъ“, арманъ—„горбатый“, энгая—„богатый“, мынгани—„серебро“; женскія: мандакъ—„серебро“, тэргыкъ—„полдень“, атыканъ—„старушка“.

Впрочемъ и въ средней полосѣ Читинскаго округа православіе приняла большая часть тунгусовъ Шундуинской управы, прилегающей къ густо населеннымъ русскимъ мѣстностямъ Нерчинскаго (и Акшинскаго) округа, многія изъ селеній котораго расположены и череполосно съ тунгусскими улусами и деревнями названной управы. Въ расположенной къ востоку отъ нея болѣе изолированной отъ русскихъ Маньковской управѣ, гдѣ тоже преобладаютъ христіане, еще по-сейчасъ сохранилось не мало язычниковъ. Южнѣе этихъ двухъ управъ тунгусы, какъ мы увидимъ ниже, уже подпали вліянію бурятъ и исповѣдываютъ ламайскую вѣру.

Такимъ образомъ, христіанство можетъ развиваться еще лишь среди тунгусовъ Маньковской управы. Что же касается до обращенія ламаитовъ въ православіе, то оно совершается весьма туго. Какъ и въ другихъ мѣстахъ Сибири, въ христіанство нынѣ переходятъ чаще порочныя лица, желающія этимъ путемъ избѣгнуть наказаніе, лица чувствующія себя обиженными родовичами или сосѣдями и ожидающія переходомъ въ христіанство пріобрѣсти заступниковъ, семьи совсѣмъ обнищавшія и тому подобные элементы. Такъ было еще въ 20-хъ годахъ истекшаго столѣтія, такъ дѣло обстоитъ и теперь. Но въ общемъ миссіонерская дѣятельность въ Забайкальской области успѣха не имѣетъ.

Хотя крещеніе и не обязываетъ прозелитовъ къ перемѣнѣ образа жизни, но, чувствуя себя чуждыми среди своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, перешедшіе въ христіанство обыкновенно группируются около христіанскихъ селеній русскихъ или инородческихъ и этимъ путемъ скоро окончательно русѣютъ. Къ выселенію новокрещенцевъ изъ ихъ прежнихъ мѣстожительствъ побуждаютъ ихъ и мѣстныя власти и русское духовенство, имѣя въ виду изолировать ихъ отъ вреднаго вліянія сообщничества съ представителями другихъ религій, которое иногда имѣло послѣдствіемъ отпаденіе ихъ отъ христіанства и возвращеніе къ прежней вѣрѣ. Если число новокрещенцевъ было довольно значительно, то изъ нихъ образовывали самостоятельное селеніе или ихъ приселяли къ ближайшему селенію инородцевъ, принявшихъ православіе. И даже среди сплошнаго ламаитскаго населенія, говорящаго по бурятски, подобные поселки образуютъ какъ бы русскіе островки, потому что наряду съ принятіемъ христіанства эти инородцы начинали и

здѣсь усваивать русскій образъ жизни и русскій языкъ. Таковы деревни обрусѣлыхъ христіанъ-тунгусовъ среди сплошнаго обуряченнаго тунгусскаго населенія управъ Кужертаевской (д. Кужертай, д. Жишкошинская, Онкоекская, Ново-Тулутаевская) и Очгоцонской (с. Бырцинское, д. Усть-Улуринская). Замѣтимъ, что во избѣжаніе притѣсненія со стороны иновѣрческихъ ихъ единоплеменниковъ послѣдніе должны были выдѣлить причитающійся на долю новокрещенцевъ земельный надѣлъ въ особый участокъ. Сверхъ того для защиты ихъ правъ въ степной думѣ каждая 280 душъ крещеныхъ инородцевъ имѣють въ ея составѣ по одному выборному лицу.

По даннымъ переписи 1897 г. Христіане въ числѣ 49.161 д. (25.082 м.) составляютъ свыше $\frac{1}{5}$ (точнѣе 81,5⁰/о) всѣхъ тунгусовъ Сибири.

Второй по важности религіей тунгусовъ является *ламаизмъ* или *ламайская* («желтая») вѣра, которая представляетъ собою обширную вѣтвь буддизма, распространенную въ Тибетѣ, Монголіи и Джунгаріи. Въ Забайкальѣ эта вѣра проникла сравнительно недавно, всего два столѣтія тому назадъ. причемъ усиленіе ея за счетъ шаманизма продолжалось еще въ теченіе всего прошлаго столѣтія и не прекратилось вполнѣ и понынѣ. О постепенномъ развитіи ламайскаго вѣроученія въ предѣлахъ Забайкальской области у насъ имѣются слѣдующія интересныя свѣдѣнія: «Появленіе ламаизма въ Забайкальской области относится къ XVII в. Въ 1689 г. среди поступившихъ въ подданство Россіи монгольскихъ родовъ находились уже послѣдователи ламайскаго ученія съ двумя ширетуями (старшими ламами) во главѣ; коренные же обитатели Забайкалья—тунгусы и буряты—придерживались первобытнаго язычества—шаманства. Съ этого времени вплоть до опредѣленія русско-китайской границы по трактату 1728 г., монгольскіе и тибетскіе ламы безпрепятственно прибывали въ предѣлы Забайкалья и проповѣдывали здѣсь свое ученье. Такъ, между прочимъ въ 1712 г. въ бурятскія кочевья пришли изъ Тибета 50 ламъ, которые и были росписаны инородческими старшинами по отдѣльнымъ родамъ. По свидѣтельству архіепископа Нила буряты долго не поддавались навязчивымъ ламамъ подъ предлогомъ невозможности выполнять въ кочевомъ быту всѣ требующія ламаизмомъ обряды и только благодаря искусству

врачеванія ламамъ удалось одержать надъ ними духовную побѣду. Успѣхамъ ламаизма въ Забайкальѣ не мало благоприятствовало то обстоятельство, что Посольскій Приказъ, въ вѣдѣннн котораго тогда находилась Сибирь, обращалъ главное вниманіе на сохраненіе спокойствія во вновь присоединенномъ краѣ и на «береженіе его отъ Китая», вопросамъ же административнаго характера придавалъ второстепенное значеніе и въ частности къ распространенію въ Забайкальѣ новой религіи относился совершенно равнодушно. Гостепріимно принимая къ себѣ пришлыхъ тибетскихъ и монгольскихъ ламъ, буряты въ свою очередь стали посылать свою молодежь въ центры буддійскаго просвѣщенія, по преимуществу въ сосѣднюю Ургу, отстоящую всего въ 252 километрахъ отъ нашей границы. Такимъ образомъ, постепенно установилась тѣсная и непрерывная связь между Забайкальемъ и Монголіей» ¹⁾).

Желая ограничить нежелательный наплывъ въ Забайкалье ламъ изъ китайскихъ подданныхъ, графъ С. Рагузинскій предписалъ пограничной стражѣ въ особой инструкціи: «ламъ заграничныхъ, чужихъ подданныхъ, въ улусы къ себѣ ясачнымъ инородцамъ не пропускать и довольствоваться тѣми ламами, которые послѣ разграниченія съ Китаемъ остались на российской сторонѣ для того, дабы российскихъ подданныхъ пожитки не чужимъ, но своимъ доставались». Такимъ образомъ, въ то время правительство видѣло главное неудобство въ наплывѣ монгольскихъ ламъ въ предѣлы Сибири почти лишь въ матеріальныхъ потеряхъ инородческаго населенія. Но это распоряженіе не остановило развитія ламаизма въ Забайкальѣ, такъ какъ вмѣсто пришлыхъ ламъ стали создаваться мѣстные, не уступавшіе иностраннымъ своими познаніями, и вмѣстѣ съ этимъ стали возникать въ разныхъ частяхъ страны религіозные центры—«дацаны». Въ 1741 г. въ Забайкальѣ числилось уже 150 ламъ и 11 капищъ или дацановъ.

Въ этомъ же году была сооружена главная Килогонтуйская или Цонгольская кумирня и ламаизмъ оффиціально былъ признанъ дозволенною религіею. Въ 1758 г. у Гусинаго озера былъ основанъ обширный дацанъ, явившійся рассадникомъ ургинскихъ религіозныхъ обычаевъ и воззрѣннн. Между

¹⁾ Куломзинъ, I. с., VI, 129—130.

этими дацанами и ихъ представителями — главными ламами долгое время велась упорная борьба изъ за первенства, которая усилилась еще религіозной рознью, существовавшей не только между отдѣльными бурятскими родами, но также между забайкальскими бурятами-ламаитами — съ одной стороны, и иркутскими бурятами-ламаитами, а также ламаитами-тунгусами, съ другой стороны. И эти религіозныя распри имѣли послѣдствіемъ увеличеніе численности ламайскаго духовенства, такъ какъ не только каждый главный лама старался умножить число своихъ приверженцевъ, но и каждая группа ламаитовъ старалась получить своихъ собственныхъ ламъ. И число ихъ росло: въ 1741 г. въ Забайкальѣ считалось 150 ламъ и 11 кумирень, а въ 1774 г. первыхъ насчитывалось уже 617, а кумирень — 10 большихъ и 6 малыхъ.

Вообще отношеніе Сибирскаго начальства того времени не только къ ламаитамъ, но и къ магометанамъ отличалось крайней непослѣдовательностью, такъ какъ распоряженія стѣснявшія ихъ распространеніе, смѣнялись другими, составленными въ полнѣйшемъ духѣ свободы совѣсти и даже поощрявшими развитіе указанныхъ двухъ религій. И благодаря этой недалновидной политикѣ, въ Сибири въ XVIII ст. возникаютъ и укрѣпляются двѣ новыя религіи, которыя при завоеваніи русскими края въ немъ едва существовали и которыя до известной степени удалили отъ православной Россіи свыше 266.000 ея подданныхъ (186.000 буддистовъ Забайкальской обл. и Иркутской губ. и 80.000 магометанъ — коренныхъ татаръ Тобольской и Томской губ.).

Усиленіе ламаизма шло рука объ руку съ ослабленіемъ шаманизма, за счетъ котораго оно развивалось. Правительство въ лицѣ своихъ главныхъ начальниковъ края относилось индифферентно къ обращенію язычниковъ въ новую, оффиціально признанную, вѣру и, хотя въ 1807 г. шаманствующимъ было разрѣшено свободное отправленіе своихъ обрядовъ, но уже два года спустя Иркутскій губернаторъ Трескинъ, предоставивъ вновь назначенному бандидо-хамбѣ Жамсуеву неограниченную власть надъ монголо-бурятскимъ духовенствомъ, предложилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ принять мѣры къ «пресѣченію шаманства», которое еще раньше подвергалось преслѣдованію со стороны послѣдователей ламайскаго ученія, видѣвшихъ въ немъ

отвратительное заблужденіе—«черную, грубую вѣру», подлежащую искорененію ¹⁾).

«Исходя изъ такого взгляда, раздѣлявшагося до извѣстной степени русскими властями, ламы не стѣснялись никакими средствами для борьбы съ шаманствомъ, въ чемъ встрѣчали себѣ полную поддержку со стороны мѣстнаго начальства. Полиція по указаніямъ ширетуевъ преслѣдовала шамановъ, хватала ихъ, сажала въ ручныя и ножныя колодки, морила голодомъ, сжигала принадлежности шаманства и т. д. Бѣдные шаманисты, говорилъ архіепископъ Ниль, всюду были преслѣдуемы. Ни лѣса, ни горы не укрывали ихъ отъ мести ламъ, цѣлыми стадами рыскавшихъ по всему Забайкалью и даже въ окрестностяхъ Иркутска» ²⁾).

Съ тѣхъ поръ ламаизмъ не переставалъ развиваться, такъ что въ концѣ истекшаго столѣтія считалъ въ числѣ своихъ послѣдователей уже значительную часть инородцевъ Забайкальской области. Въ Иркутской же губерніи среди бурятовъ еще посейчасъ преобладаютъ шаманисты.

Изъ тунгусовъ ламайскую вѣру нынѣ исповѣдываютъ лишь обитатели нѣкоторыхъ частей Забайкалья; именно, тунгусы Селенгинскаго и Акшинскаго округовъ, затѣмъ инородцы Кузержтаевской и Онгоцонской управъ Читинскаго округа и весьма небольшая часть другихъ. Въмѣстѣ съ принятіемъ ламайской религіи тунгусы названныхъ мѣстностей сильно обурятились. Послѣдователей ламаизма среди тунгусовъ по переписи 1897 г. оказалось 9258 д. (4535 м.), что составляетъ 15,3% всѣхъ тунгусовъ Сибири.

Самая незначительная часть Сибирскихъ тунгусовъ придерживается еще *язычества*, въ которомъ пребывали всѣ племена Сибири при ея покореніи. Ихъ язычество или шаманство находится на самой низкой ступени религіознаго развитія, на той ступени, на которой не существуетъ еще строго опредѣленнаго культа и богослуженія. Шаманисты хотя иногда и вѣрятъ въ существованіе высшаго божества, которое управляетъ всѣмъ міромъ, но все же оно большой роли не играетъ и на судьбы людей по ихъ представленію неизмѣримо большее вліяніе имѣетъ цѣлый сонмъ злыхъ и добрыхъ божествъ и

¹⁾ Куломзинъ, I. с., VI. 130—132.

²⁾ *ibid*, VI, 133.

духовъ, которые населяютъ всю матеріальную видимую природу: горы, рѣки, лѣса, скалы. Будучи болѣе или менѣе независимы другъ отъ друга и отъ высшихъ божествъ, всѣ они требуютъ умиловительныя жертвы, которыя имъ и приносятъ благочестивые инородцы при всякихъ важныхъ случаяхъ жизни, напр. въ случаѣ болѣзни, передъ началомъ рыбнаго или звѣринаго промысла, во время путешествія и т. д. Къ такимъ духамъ причисляются обыкновенно и души умершихъ, особенно богатырей. Толкователями воли боговъ являются жрецы или шаманы, которыми бываютъ какъ мужчины, такъ и женщины, хотя и рѣже. Призванный напр. къ ложу больного—шаманъ является не только жрецомъ, но и врачомъ своей паствы—онъ послѣ продолжительныхъ кривляній и заклинаній вызываетъ при помощи боя въ священный барабанъ того или другого бога, получаетъ отъ него откровеніе съ указаніемъ, какую жертву онъ требуетъ за исполненіе желаемаго.

Цѣль настоящей книги не позволяетъ намъ вдаваться въ подробности касательно шаманскаго культа вообще и тунгусскаго въ частности, сообщимъ здѣсь лишь, что, хотя по даннымъ переписи шаманистовъ среди тунгусовъ въ Сибири числится всего 1544 д. (735 м.) или 4,4⁰/₁₀ всѣхъ тунгусовъ, но что по существу дѣла къ этой категоріи слѣдуетъ отнести всѣхъ бродячихъ и часть кочевыхъ тунгусовъ, уже многія десятки лѣтъ считающихся православными, но, какъ было показано выше, усвоившихъ лишь внѣшнюю сторону христіанской религіи. Официально, по даннымъ переписи, шаманисты сохранились лишь въ двухъ пунктахъ: въ Енисейской губерніи, въ бассейнѣ правыхъ притоковъ Верхней Тунгуски или Ангары, и въ Читинскомъ округѣ Забайкальской области, гдѣ они составляютъ часть тунгусскаго населенія Маньковской управы и часть сѣверныхъ бродячихъ тунгусовъ.

* * *

Теперь переходимъ къ обзору статистическихъ данныхъ, касающихся религіи тунгусовъ Сибири, въ связи съ географическимъ распространеніемъ послѣдователей отдѣльныхъ исповѣданій по ея территоріи.

Въ областяхъ *Приморской, Амурской и Якутской*, а

также на островѣ *Сахалинѣ* всѣ тунгусы (въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова) православные.

То же касается и *Иркутской* губерніи, гдѣ лишь въ ул. Качикъ Верхне-Кудинскаго вѣдомства (Верхоленск. окр.) 12 д. (7 м.) показали себя нехристіанами ¹⁾.

Забайкальская область — центр тунгусскаго населенія Сибири — представляет наибольшее разнообразіе въ религіозномъ отношеніи: среди мѣстныхъ тунгусовъ имѣются не только христіане, но и буддисты (ламаиты) и язычники.

Ламаиты изъ тунгусовъ проживаютъ на югѣ области. Они составляютъ почти все тунгусское населеніе Селенгинскаго округа, южной полосы Читинскаго, а также Акшинскаго округа. По отношенію къ наличному числу тунгусовъ области они составляютъ около $\frac{1}{5}$ части (19,4%). *Язычники-шаманисты* — 4,6% сохранились на самомъ сѣверѣ области — у Баргузинскихъ тунгусовъ и части Читинскихъ орооченовъ — и отчасти въ средней полосѣ области, главнымъ образомъ въ Маньковской управѣ. *Православные* составляютъ почти все населеніе сѣверной и большую часть средней полосы области и по своему числу (68,6%) рѣшительно преобладаютъ надъ остальными религіями.

Теперь разсмотримъ распредѣленіе послѣдователей отдѣльныхъ религій по округамъ Забайкальской области въ связи съ ихъ численностью.

Читинскій округъ. *Ламаиты* составляютъ почти все населеніе южныхъ тунгусскихъ управъ — Онгоцонской и Ку-жартаевской за исключеніемъ отдѣльныхъ ихъ деревень (см. стр. 222), въ которыхъ проживаютъ крещеные инородцы.

Нѣсколько сотъ тунгусовъ ламаитовъ проживаетъ и далѣе къ сѣверу, въ Шундуинской и Урульгинской управахъ (въ послѣдней въ ул. Шергальджинскомъ, Сохалтуевскомъ, Нарынъ-Талача и др.). Общее число ламаитовъ изъ тунгусовъ въ Читинскомъ округѣ простиралось въ 1897 г. до 4942 д. (2439 м.), что составляетъ 19,4% его тунгусскаго населенія.

Язычники-шаманисты въ числѣ 1166 д. (553 м.) или 4,6% наполовину проживаютъ въ нѣкоторыхъ улусахъ

¹⁾ Семейное положеніе ихъ показано „женатъ, вдовъ“ и т. д. съ припиской „не вѣнчанъ“.

Маньковской управы (ул. Залайскомъ, Усть-Коркиринскомъ, Барунъ-Кондуйскомъ, Нарынъ и друг.) среди преобладающаго православнаго населенія. Интересно отмѣтить, что на ряду съ сохраненіемъ своей прежней вѣры здѣшніе тунгусы сохранили и родной языкъ, исчезнувшій среди осѣдлаго и кочеваго населенія другихъ мѣстностей области.

Число язычниковъ среди тунгусовъ Шундуинской управы весьма невелико, а въ другихъ мѣстностяхъ округа совсѣмъ ничтожно.

Другая часть шаманистовъ среди тунгусовъ принадлежитъ къ бродячему (орочонскому) населенію сѣверной полосы округа. Изъ нихъ около 272 д. (141 м.) Тулуягирскаго рода бродятъ по Нерчѣ, Нерчугану, Олекмѣ, Витиму, Амалату и др. рѣкамъ. Среди другихъ орочонскихъ родовъ ихъ мало.

Православные въ числѣ 19.353 д. (9.624 м.) составляютъ огромное большинство (76,0%) тунгусовъ округа и въ частности управъ Урульгинской, Оловской, Маньковской и Шундуинской, расположенныхъ въ сѣверной и средней частяхъ области. Небольшая ихъ часть сгруппирована и въ немногихъ селеніяхъ Онгоцонской и Кужертаевской управъ, гдѣ почти все населеніе составляютъ ламанты (см. стр. 222).

Интересно съ этими данными, касающимися тунгусовъ, сопоставить соотвѣтствующія данныя касательно религіознаго состава бурятскаго населенія Читинской области. Язычниковъ среди нихъ вовсе не было обнаружено, православные оказываются въ меньшинствѣ (2,1%), а главная масса (97,9%) исповѣдуетъ ламайскую вѣру. Эти данныя еще разъ подтверждаютъ не разъ высказанное нами наблюденіе, что тунгусы изо всѣхъ племенъ Сибири наиболѣе легко расстаются со своимъ образомъ жизни и съ достояніемъ своей культуры и въ частности наиболѣе легко подвергаются руссификаціи.

Баргузинскій округъ. *Язычники* здѣсь сохранились въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Тунгусско-Баргузинской управы, главнымъ образомъ въ ул. Бѣловодско-Хабаржанскомъ. Во всей названной управѣ они составляютъ около половины населенія. Въ другихъ управахъ и родовыхъ управленіяхъ округа ихъ почти нѣтъ. Общее ихъ число простирается до 234 д. (111 м.), что составляетъ 11,1% тунгусскаго населенія округа.

Ламанты въ числѣ 34 д. (29 м.) или 1,6% проживаютъ въ селеніяхъ Баргузинской управы. Всѣ остальные

тунгусы округа въ числѣ 1.850 д. (942 м.) или 87,3⁰/₀ принадлежать къ *православной* церкви.

Селенгинскій округъ. Кочевые тунгусы Армакской управы, живущіе въ улусахъ черезполосно съ бурятами той же управы и Закаменскаго вѣдомства, исповѣдываетъ *ламайскую* вѣру. Ихъ 593 д. (290 м.) или 64,5⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ округа. Напротивъ огромное большинство осѣдлыхъ тунгусовъ с. Армакскаго приняли святое крещеніе и обрусѣли. Ихъ 327 д. (152 м.) или 35,5⁰/₀.

Акшинскій округъ. Большинство тунгусовъ, зарегистрированныхъ въ предѣлахъ округа, какъ мѣстныхъ — казаковъ, такъ и инородцевъ, пришлыхъ изъ смежныхъ управъ: Кужертаевской, Онгоцонской и Маньковской, исповѣдываютъ *ламайскую* вѣру. *Язычники* встрѣчаются лишь среди инородцевъ, происходящихъ изъ послѣдней управы. Ихъ 89 д. (42 м.) или 1,9⁰/₀.

Православныхъ тунгусовъ въ Акшинскомъ округѣ оказалось 1.029 д. (538 м.) или 21,7⁰/₀, которые приблизительно поровну распредѣляются между казаками (506 д.) и инородцами (523 д.). Они проживаютъ въ поселкахъ среди русскихъ казаковъ. Всѣ остальные тунгусы округа придерживаются *ламайской* вѣры. Ихъ 3.618 д. (1.733 м.) или 76,4⁰/₀ тунгусовъ округа. Изъ нихъ 2.539 д. (1.220 м.) принадлежать къ казачьему и 1.079 д. (513 м.) къ инородческому сословіямъ. По отношенію ко всѣмъ казакамъ-тунгусамъ округа ламаиты составляютъ 83,4%, а по отношенію къ инородцамъ того же племени 63,8%.

Въ Верхнеудинскомъ округѣ бродячіе тунгусы наполовину принадлежать къ *ламайской* вѣрѣ—48 д. (25 м.) и половина—42 д. (23 м.)—къ *языческой*. *Православныхъ* всего 2 д. въ городѣ.

Въ округахъ Троицко-Савскомъ, Нерчинскомъ и Нерчинско-Заводскомъ почти всѣ тунгусы *христиане*. *Ламаитовъ* во второмъ—2 д. и въ третьемъ 21 д. (17 м.) и *язычниковъ* въ первомъ 1 м., во второмъ — 9 д. (5 м.) и въ третьемъ—3 ж.

Подводя итогъ всему вышеприведенному, мы получимъ слѣдующую таблицу.

ТАБЛИЦА XI.

Изаванія округовъ.	Наличное тунгусское население въ 1897 году.														
	Всего.			Христиане.				Ламаиты.				Язычники.			
	Въ абсолютныхъ числахъ.			Въ абсолютныхъ числахъ.			Въ процент.	Въ абсолютныхъ числахъ.			Въ процент.	Въ абсолютныхъ числахъ.			Въ процент.
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.		м.	ж.	об. п.		м.	ж.	об. п.	
1. Читинскій	12.616	12.845	25.461	9.624	9.729	19.353	76,0	2.439	2.503	4.942	19,4	553	613	1.166	4,6
2. Акшинскій.	2.313	2.423	4.736	538	491	1.029	21,7	1.733	1.885	3.618	76,4	42	47	89	1,9
3. Баргузинскій	1.082	1.036	2.118	942	908	1.850	87,3	29	5	34	1,6	111	123	234	11,1
3. Верхнеудинскій . . .	50	42	92	2	—	2	2,1	25	23	48	52,2	23	19	42	45,7
5. Нерчинскій.	382	260	642	375	256	631	98,6	2	—	2	0,0	5	4	9	1,4
6. Нерчинско-Заводскій	218	187	405	201	180	381	94,0	17	4	21	5,2	—	3	3	0,8
7. Селенгинскій	442	478	920	152	175	327	35,5	290	303	593	64,5	—	—	—	—
8. Троицко-Савскій . . .	5	—	5	4	—	4	75,0	—	—	—	—	1	—	1	25,0
Итого . . .	17.108	17.271	34.379	11.838	11.739	23.577	68,6	4.535	4.723	9.258	26,9	735	809	1.544	4,5

Енисейская губернія. Тунгусы данной губерніи по религіи распадаются на христіанъ и язычниковъ-шаманистовъ, изъ коихъ первые значительно преобладаютъ.

Туруханскій край. Почти всѣ тунгусы *православные*, *язычниковъ* среди нихъ всего 15 чел. (6 м.).

Енисейскій округъ. Большинство — 968 д. (543 м.) или 72,6⁰/₀ *православные*, *шаманистовъ*—365 д. (159 м.) или 27,4⁰/₀. Изъ нихъ проживали въ предѣлахъ Кежемской волости—323 д. (139 м.), въ Анциферовской—17 д. (8 м.) и въ Пинчугской—25 д. (12 м.). Изъ отдѣльныхъ родовъ тунгусовъ шаманисты въ большемъ числѣ сохранились среди Панкагирскаго рода (ок. 40 чел.), Чемдальскаго (40 чел.), II Куркугирскаго (14 д.) и главнымъ образомъ среди представителей I Куркугирскаго рода, гдѣ язычники въ числѣ около 240 д. составляютъ половину общаго ихъ числа. Среди остальныхъ родовъ этихъ волостей ихъ всего 31 чел.

По отношенію къ наличному тунгусскому населенію Енисейской губерніи православные составляютъ 88,0⁰/₀, а язычники въ числѣ 380 д. (165 м.) — 12,0⁰/₀.

Причина, почему столь значительное число тунгусовъ пребываютъ въ данной губерніи и понынѣ въ язычествѣ, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь они проживаютъ среди необъятныхъ пустынныхъ пространствъ, лишь очень рѣдко сталкиваясь съ цивилизованнымъ міромъ. Дѣйствительно, даже въ сугланахъ, куда они стекаются въ назначенные сроки для уплаты ясака, они показываются не ежегодно, а своихъ пастырей они могутъ видѣть лишь здѣсь.

* * *

Сгруппировавъ все сказанное выше о численности представителей разныхъ религій въ отдѣльныхъ областяхъ и губерніяхъ Восточной Сибири, мы получимъ слѣдующую таблицу.

ТАБЛИЦА XII.

Названія областей и губерній.	Наличное тунгусское население въ 1897 году.											
	Всего.			Христіане.			Ламаиты.			Язычники.		
	Въ абсолютныхъ числахъ.			Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.	Въ абсол. числахъ.		Въ процен- тахъ.
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.		м.	ж.		м.	ж.	
1. Приморская область	4.544	4.304	8.848	4.544	4.304	100,0	—	—	—	—	—	—
2. Амурская „	623	481	1.104	623	481	100,0	—	—	—	—	—	—
3. Сахалинъ, островъ	83	60	143	83	60	100,0	—	—	—	—	—	—
4. Якутская область	6.251	5.980	12.231	6.251	5.980	100,0	—	—	—	—	—	—
5. Иркутская губ.	1.103	1.088	2.191	1.096	1.083	99,4	—	—	—	7	5	0,6
6. Забайкальская область	17.108	17.271	34.379	11.838	11.739	68,6	4.535	4.723	26,9	735	809	4,5
7. Енисейская губ.	1.662	1.507	3.169	1.497	1.292	88,0	—	—	—	165	215	12,0
Итого	¹⁾ 31.375	¹⁾ 30.693	¹⁾ 62.068	¹⁾ 25.933	¹⁾ 24.941	82,0	4.535	4.723	14,9	907	1.029	3,1

¹⁾ Въ т. ч. 1 м. и 1 ж. въ Томскомъ округѣ (Томск. губ.) и 1 ж. въ Березовскомъ окр. (Тоб. губ.).

ГЛАВА IX.

З а н я т і я .

По образу жизни изслѣдователи Сибири XVIII ст. подраздѣляли тунгусовъ на три категоріи, на: «конныхъ, оленныхъ и собачьихъ». Подъ первыми они подразумѣвали тѣхъ представителей этого племени, которые жили въ болѣе южныхъ частяхъ Забайкальской области и занимались разведеніемъ лошадей и рогатаго скота. Оленными очевидно были тѣ, которые, занимаясь охотой, держали въ то же время и стада оленей и, наконецъ, тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣли другихъ домашнихъ животныхъ кромѣ собакъ и занимались охотой и рыболовствомъ, они обозначали именемъ «собачьихъ». Само собою разумѣется, что подобное дѣленіе и въ тѣ времена могло быть лишь приблизительно вѣрнымъ, потому что тунгусы одной категоріи при измѣнившихся условіяхъ нерѣдко переходили въ другую, такъ что составъ ихъ постоянно мѣнялся и не представлялъ того постоянства, какое въ немъ видѣли упомянутые изслѣдователи. Георги (1775 г.) внесъ въ это дѣленіе нѣкоторую поправку: онъ счелъ болѣе удобнымъ разбить ихъ всего на двѣ группы на «степныхъ (=конныхъ)» и «лѣсныхъ», которыхъ онъ въ свою очередь подраздѣлилъ на «оленныхъ» и «рыболововъ». Мы не будемъ долѣе останавливаться на этихъ дѣленіяхъ, скажемъ однако, что группировка Георги въ общихъ чертахъ справедлива и для настоящаго времени, именно, что и теперь тунгусы Сибири распадаются на «кочевыхъ или степныхъ»—скотоводовъ и на «лѣсныхъ или бродячихъ» тунгусовъ, но дѣлить ихъ теперь на «оленныхъ» и «собачьихъ или рыболововъ» не имѣетъ практическаго интереса, потому что и среди оленныхъ не всѣ семьи имѣютъ оленей и среди безоленныхъ нѣкоторые держатъ нѣсколько головъ этого скота для цѣли передвиженія. Изъ тѣхъ и другихъ съ теченіемъ времени выдѣлилась

новая группа земледѣльцевъ. И такъ, сообразно съ образомъ жизни: осѣдлымъ, кочевымъ и бродячимъ тунгусы снискиваютъ себѣ пропитаніе, частью земледѣліемъ, частью скотоводствомъ и частью оленеводствомъ, охотою и рыболовствомъ.

Само собою разумѣется, что это дѣленіе по образу жизни въ настоящее время далеко не всегда совпадаетъ съ дѣленіемъ ихъ на юридическія группы: «инородцевъ осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ (см. стр. 211)». Осѣдло живутъ тунгусы большей части Забайкальской области, главнымъ образомъ Читинскаго округа, и около трети представителей этого племени, обитающихъ въ Иркутской губерніи. Меньшая часть тунгусовъ Забайкальской области, живущая въ Акшинскомъ, Баргузинскомъ и южной части Читинскаго округовъ придерживается частью кочеваго, частью полукочеваго и полuosѣдлаго образа жизни. Всѣ же остальные тунгусы, обитающіе, какъ въ глухихъ частяхъ Забайкальской области, въ Иркутской губерніи, а также во всѣхъ остальныхъ частяхъ Сибири, ведутъ бродячую жизнь оленеводовъ и охотниковъ. Въ данномъ случаѣ ихъ юридическое положеніе—бродячіе инородцы—почти вполнѣ совпадаетъ съ ихъ образомъ жизни и съ ихъ культурной стадіей развитія.

Статистическія данныя касательно занятій тунгусовъ, приведенныя въ результатахъ переписи, совершенно не даютъ правильной картины разсматриваемаго вопроса, потому что, не говоря уже о неточностяхъ въ численности этого племени, неизбѣжныхъ при массовой разработкѣ статистическаго матеріалѣ, когда нельзя критически разбирать каждый отдѣльный спорный случай, они показываютъ лишь *одно главное* занятіе этихъ инородцевъ—побочныя занятія не разрабатывались по племенамъ,—между тѣмъ какъ послѣдніе имѣютъ ихъ нѣсколько, причемъ всѣ они представляютъ для нихъ почти одинаковое значеніе, хотя и распределены различно по временамъ года. Такимъ образомъ, большинство тунгусовъ и другихъ бродячихъ инородцевъ Сибири показали въ графѣ о главномъ занятіи одновременно оленеводство и звѣроловство, иные присоединяли къ этому еще рыболовство или показывали лишь послѣднія два занятія. При разработкѣ же переписного матеріала главнымъ занятіемъ было признано лишь то, которое (можетъ быть случайно) было помѣщено первымъ, что однако не говорило еще въ пользу его преобладающаго значенія.

И дѣйствительно, по этимъ даннымъ выходитъ, что въ

сѣверной полосѣ Сибири главное занятіе огромнаго большинства тунгусовъ является животноводство (оленоводство), а охота и рыболовство играютъ незначительную роль, такъ какъ эти занятія оказались въ виду указаннаго соображенія «главными» лишь у весьма небольшого числа лицъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ всѣ эти занятія по большей части практикуются одновременно и являются одинаково важными, уступая другъ другу въ значеніи лишь въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. На этомъ основаніи мы предлагаемъ въ данномъ случаѣ не придавать приведеннымъ ниже и заимствованнымъ изъ этого источника даннымъ большого значенія. Статистическія же данныя комиссіи ст. секр. Куломзина касательно Забайкальской обл., болѣе обстоятельныя по этому вопросу и иначе разработанныя, заслуживаютъ напротивъ большаго довѣрія (см. стр. 251 сл.) Остановимся теперь на вопросѣ о географическомъ распределеніи занятій тунгусовъ по территории Сибири ¹⁾.

Сахалинъ. Мѣстные тунгусы занимаются оленоводствомъ и звѣроловствомъ; временно также рыболовствомъ.

Приморская обл. Анадырская округа. Осѣдло живущіе тунгусы и ламуты въ бассейнѣ Анадыри занимаются гл. образомъ рыболовствомъ и звѣроловствомъ; небольшая часть также извозомъ, выдѣлкой оленьихъ шкуръ и отчасти оленоводствомъ.

Бродячіе тунгусы этой округи занимаются, какъ и бродячіе, живущіе въ Гижигинской, Петропавловской и Охотской округахъ, оленоводствомъ, звѣроловствомъ (гл. образомъ охотой на соболя) и рыболовствомъ. Впрочемъ лицъ, имѣющихъ большія стада оленей, среди Анадырскихъ тунгусовъ немного, большинство располагаетъ лишь небольшимъ числомъ головъ упряжныхъ и верховыхъ оленей, необходимыхъ для передвиженія и для перевозки своего имущества. Болѣе богаты оленями Охотскіе тунгусы, у которыхъ зажиточныя семьи имѣютъ 5—10.000 и болѣе головъ. Они отчасти занимаются перевозкой груза изъ Охотска въ Ула-нахъ, откуда его везутъ на Алданъ на лошадяхъ. Осѣдлые тунгусы Гижигинской округи кормятся почти лишь рыболовствомъ, нѣкоторые (д. Арманская) и скотоводствомъ.

¹⁾ Свѣдѣнія заимствованы изъ подлинныхъ переписныхъ листовъ (цифровыя данныя изъ отпечатанныхъ результатовъ переписи—см. выше) и изъ другихъ упомянутыхъ ниже источниковъ.

Удская округа. Тунгусы, живущіе по Амгуни, снискиваютъ себѣ пропитаніе рыболовствомъ и звѣроловствомъ.

Представители Бытальскаго рода, бродящіе по рр. Керби, Немилену, Удѣ, Каргѣ, Урми и Буреѣ (Амур. обл.), показали своимъ занятіемъ оленеводство, а по рр. Амаль, Тибилену, Ибуру, Сулуку и Амуру собаководство т. е. разведение упряжныхъ собакъ для извоза. Всѣ остальные представители этого рода кормятся звѣроловствомъ и рыболовствомъ.

I и III Эжанскіе роды, Лалыгирскій и Жерскій имѣютъ главнымъ занятіемъ оленеводство и звѣроловство, а тунгусы, переписанные въ сѣверной части округа, въ окрестностяхъ порта Аяна, показали кромѣ того еще перевозку чая. Относительно этого заработка можно сообщить слѣдующее ¹⁾. Перевозка чая черезъ портъ Аянъ въ Якутскую область достигла въ 90-хъ годахъ истекшаго столѣтія 10.000 мѣствъ. Занимаются этимъ преимущественно тунгусы Усть-Майскаго вѣдомства (27—30 хозяйствъ), проживающіе въ Удской округѣ, и отчасти Ольскіе (Охот. окр.). За зиму при благоприятной погодѣ и удобному пути они успѣваютъ сдѣлать три конца. Первый въ началѣ декабря, второй—съ половины января и третій—съ начала марта. При благоприятныхъ условіяхъ на конецъ въ 200 вер. отъ Аяна до ур. Нелькана требуется 12 сутокъ при двухъ дневкахъ. Ночью олени отдыхаютъ и пасутся, а возчики ставятъ легкую урасу или «палты» (навѣсь отъ вѣтра). Опытный возница ведетъ 8 нартъ, на каждой изъ которыхъ грузится по 3 чайныхъ мѣста по 4 п., при платѣ за мѣсто 4—6 руб. за конецъ. Заработокъ сравнительно недурной, но олени не хорошо выносятъ тяжелую работу, такъ что до 5⁰/₁₀ ихъ падаетъ жертвой переутомленія. Кромѣ того подобный извозъ не разъ служилъ средствомъ для переноса эпизоотій на оленей.

Въ Хабаровскомъ округѣ тунгусы занимаются звѣроловствомъ, рыболовствомъ и отчасти рубкой дровъ на пароходы.

Обращаясь къ обнародованнымъ даннымъ переписи, касающимся занятій тунгусовъ Приморской обл., мы получаемъ иную картину, чѣмъ которую мы только что набросали. По этимъ даннымъ оказывается, что въ мѣстностяхъ, гдѣ проживаютъ тунгусы, главнымъ ихъ занятіемъ является животноводство (олeneвод-

¹⁾ Н. Слюнинъ, *ibid.* I, стр. 431.

ство), которое кормить 88,1⁰/₀ тунгусовъ Гижигинской, 79,1 Охотской и 59,6⁰/₀ Удской округъ.

Почти всѣ остальные тунгусы показали главнымъ занятіемъ звѣроловство и охоту. Эти цифровыя данныя однако не даютъ правильнаго освѣщенія вопросу объ источникахъ пропитанія бродячихъ племенъ Сибири вообще и тунгусовъ въ частности (см. стр. 234).

Амурская область. Главными занятіями Амурскіе тунгусы показали—охоту и рыболовство (43,3⁰/₀), земледѣліе (26,3⁰/₀), (оленеводство—13,2⁰/₀) и чернорабочій трудъ—7,0⁰/₀.

Оленеводы проживаютъ главнымъ образомъ по Ниману, Буреѣ и Селимджѣ, на югѣ они доходятъ до хребта М. Хингана. Оленеводство болѣе развито, чѣмъ можно предполагать на основаніи приведенныхъ выше данныхъ, потому что имъ занимается и значительная часть лицъ, показавшихъ главнымъ занятіемъ охоту.

Въ глухихъ горнопромышленныхъ мѣстностяхъ (ок. присковъ) тунгусы промышленяютъ также перевозкой тяжестей на оленяхъ, нѣкоторые занимаются рубкой дровъ, другіе выдѣлкой оленьихъ кожъ. Немногіе нанимаются даже въ присковые рабочіе.

Якутская область. Главнымъ занятіемъ тунгусовъ названной области служить охота. Оленеводство играетъ, какъ правило, второстепенную роль, а рыболовство носитъ характеръ подсобнаго занятія, имѣющаго цѣлью обезпечить семью продовольствіемъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Часть кочевыхъ Майскихъ тунгусовъ показала въ качествѣ подсобнаго занятія земледѣліе.

Охота начинается осенью, какъ только рыба перестанетъ идти въ рѣки, и продолжается съ малыми перерывами всю зиму. Производится она преимущественно при помощи кремневой винтовки, приобретаемой отъ русскихъ. Зимой верхомъ на оленѣ, весной, когда отвердѣетъ настъ, на широкихъ легкихъ лыжахъ, подбитыхъ мѣхомъ, лѣтомъ—то верхомъ, то пѣшкомъ ламутскій охотникъ неумоимо скитается по горамъ и ущельямъ, отыскивая добычу. Семья повсюду слѣдуетъ за нимъ, такъ какъ охотникъ не беретъ съ собой запаса и одѣтъ настолько легко, что для него составляетъ существенную важность найти ночью отдыхъ у своего домашняго очага.

Обыкновенно, уходя съ утра, мужчина назначаетъ главной женщинѣ своей семьи опредѣленное мѣсто по направленію предполагаемыхъ поисковъ добычи въ полной увѣренности найти тамъ вечеромъ заново разставленный шатеръ ¹⁾).

Разстоянія, которыя тунгусъ проходитъ во время своихъ скитаній по тайгамъ, по падымъ и узкимъ долинамъ горныхъ хребтовъ, по большей части трудно проходимымъ, по истинѣ изумительны, они нерѣдко превышаютъ 1.000 и болѣе верстъ: тутъ онъ бьетъ соболя, тамъ бѣлку, въ такой-то тайгѣ выслѣживаетъ крупную дичь, а попавъ на берегъ большой рѣки, временно берется за рыболовство. Многіе въ самое глухое зимнее время возвращаются въ нагорныя долины, гдѣ имъ знакомы всѣ ходы кабарги и другого звѣря. Здѣсь тунгусъ разставляетъ силки, западни, капканы и роетъ ямы на звѣря и, періодически осматривая ихъ, коротаетъ зиму, не привязываясь однако долго къ одному мѣсту. Не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія и тѣ передовые люди между ними, которые строятъ себѣ небольшой постоянный срубъ (ютанъ) на якутскій ладъ изъ косо поставленныхъ бревенъ.

Охота является такимъ образомъ главнымъ занятіемъ тунгусовъ, которые и доставляютъ на мѣстные рынки главную массу пушнины, въ особенности бѣлки, добываемой въ Вост. Сибири.

Въ XVIII ст. у тунгусовъ еще повсемѣстно были въ употребленіи лукъ и стрѣлы, но уже съ конца этого столѣтія звѣроловы стали переходить къ огнестрѣльному оружію.

Оленеводство у тунгусовъ, какъ правило, не играетъ роли главнаго промысла. У нихъ обыкновенно нѣтъ большихъ стадъ, но они обладаютъ прекрасной породой крупныхъ и выносливыхъ оленей, которые весьма цѣнятся и лучше другихъ пригодны для верховой ѣзды и для перевозки товаровъ на спинѣ. Мало того, что имъ олени необходимы для перекочевокъ, многіе изъ нихъ, напр. Олекминскіе тунгусы, имѣютъ хорошій заработокъ отъ перевозки на прійски, расположенные въ самыхъ глухихъ мѣстахъ тайги, разныхъ товаровъ. Кромѣ того, олени доставляютъ тунгусу почти всѣ необходимые для его существованія продукты (мясо, сало, мо-

¹⁾ Богоразъ: „Землевѣд.“ 1900, I, 62 сл., дальнѣйшее касательно Якутской обл. главнымъ образомъ по „Пам. кн. Якутск. обл. за 1896 г.“ и „Амурская область“ Грумъ-Гржимайло.

локо ¹⁾ и материалъ для выдѣлки предметовъ первой необходимости (одежда, покрывка жилищъ, постель изъ шкуръ и ровдуги, нитки изъ жилъ и т. д.).

Олени вообще не требуютъ большого ухода и довольствуются лишь внѣшней охраной. Чтобы они не разбѣгались во время пастьбы, тунгусы по Оймяконской дорогѣ дѣлаютъ въ ущельяхъ завалы и загораживаютъ моховища для 100 оленей приблизительно на протяженіи 10 верстъ. Этими моховищами пользуются неопредѣленное время—богачи захватившіе крупныя пастбища, проводятъ на одномъ мѣстѣ весь зимній періодъ, а болѣе бѣдные мѣняютъ мѣста. Лѣтомъ же всѣ уходятъ въ горы, останавливаясь въ пути не болѣе 5—10 дней. Средняя цѣна оленя на Аянскомъ трактѣ 30—45 р., а хорошій бѣговой олень цѣнится въ 100 и болѣе рублей. По Охотскому тракту олени дешевле 10—15 руб. штука.

Въ Якутской области оленеводствомъ по преимуществу занимаются Ламунхинскіе тунгусы, бродящіе въ сѣверо-западной части Намскаго улуса Якутскаго округа, и сѣверная часть Майскихъ.

Держать оленей тунгусы и другихъ мѣстностей, но въ меньшей степени. Въ послѣднее время оленеводство у нихъ, какъ и почти повсемѣстно въ Сибири, стало падать. Главнымъ препятствіемъ для развитія оленеводства въ краѣ служатъ болѣзни: напр. въ урочищѣ Уланахъ (вост. часть Якутск. окр.) изъ 10 родившихся телокъ въ первые же дни умираетъ 3. Изъ болѣзней наиболѣе распространены: копытная, парши, клещи и др. Особенно сильныя падежи оленей замѣчаются въ жаркое время года, изобилующее грозами.

При нормальныхъ условіяхъ олени доживаютъ до 15 л. Запрягать ихъ начинаютъ съ 1 года. На одного быка полагается 20—30 важенокъ (коровъ) ²⁾.

Болѣзни на оленей, нужда и переходъ къ другимъ промысламъ заставляютъ тунгусовъ постепенно оставлять это занятіе. Въ Колымскомъ краѣ обѣднѣвшіе и потерявшіе оленей тунгусы нанимаются въ качествѣ оленныхъ пастуховъ къ якутамъ и въ особенности къ чукчамъ, самымъ богатымъ оленеводамъ въ Сибири. Условія найма пастуховъ чукчами очень

¹⁾ Олени даютъ мало молока, ихъ доятъ дважды въ день, получая за 1 день ок. 1¹/₂ мѣры молока.

²⁾ Майновъ, *ibid.*, 145 сл.

выгодны для первыхъ. За пастьбу отдѣленнаго ему чукчей табуна ламуть или тунгусъ можетъ рѣзать на пищу и на угощеніе своихъ гостей столько оленей, сколько пожелаетъ, но онъ не смѣетъ ихъ продавать. Также шкуры съѣденныхъ оленей идутъ въ пользу пастуха.

Другіе тунгусы, напр. кочующіе по нижнему теченію р. Май, притока Алдана, обзавелись въ достаточномъ количествѣ рогатымъ скотомъ, также и живущіе въ предѣлахъ Зап. Кангаласскаго улуса (Якут. окр.) и многіе другіе наряду съ оленями заводятъ рогатый скоть, постепенно превращаясь въ полусѣдлыхъ жителей, часть изъ которыхъ даже принимается за земледѣліе. Но замѣчательно, что съ переходомъ къ осѣдлости, тунгусы быстро начинаютъ утрачивать свои обычаи, нравы, свой образъ жизни и языкъ и сливаются со своими болѣе культурными и жизнеспособными сосѣдями: русскими, якутами и бурятами (см. стр. 213, 215 сл.).

Меньшее значеніе имѣетъ, какъ сказано, *рыбная ловля*, которая практикуется въ лѣтнее время, начиная со вскрытія рѣкъ до осени. Больше другихъ ею занимаются тунгусы, обитающіе въ сѣверной полосѣ области и близъ крупныхъ рѣкъ, каковы Лена, Яна, Индигирка и т. д., и на самомъ западѣ въ озерномъ районѣ верховій Вилюя. Добытую рыбу они сушатъ (юкола) и отчасти коптятъ, запасая ее въ прокъ.

Слѣдующія статистическія данныя, извлеченныя изъ результатовъ переписи 1897 г., показываютъ, какимъ образомъ тунгусское населеніе отдѣльныхъ округовъ области распредѣляется по главнымъ занятіямъ:

	Якутскій окр.	Верхоянскій.	Вилюйскій.	Колымскій.	Область (вкл. Олекм. окр.)
Животноводство	84,4%	49,6%	74,2%	46,3%	67,1%
Охота (и рыболовство) . .	12,1%	44,8%	23,9%	52,0%	23,6%

Двѣ трети всѣхъ тунгусовъ области кормятся такимъ образомъ преимущественно скотоводствомъ и оленеводствомъ, причемъ наибольшее значеніе эти занятія приобрѣтаютъ въ Якутскомъ округѣ, гдѣ свыше $\frac{6}{7}$ тунгусскаго населенія показали это занятіе главнымъ. Второе мѣсто (до $\frac{3}{4}$) занимаетъ по этому занятію Вилюйскій округъ, гдѣ тунгусы разводятъ исключительно рогатый скоть, и третье—Верхоянскій ($\frac{1}{2}$). Въ другихъ округахъ это занятіе менѣе развито.

Охота (и рыбная ловля) кормить около $\frac{1}{4}$ части всѣхъ тунгусовъ округа, служа побочнымъ заработкомъ и у многихъ другихъ изъ остальныхъ представителей этого племени. Особенно развиты эти промыслы у Колымскихъ тунгусовъ, гдѣ свыше половины показали ихъ своими главными занятіями, и въ Верхоянскомъ—до 45⁰/₀. Малое значеніе какъ самостоятельный источникъ благосостоянія они, судя по цифровымъ даннымъ переписи (см. стр. 234), имѣютъ у тунгусовъ въ Якутскомъ окр.

Особнякомъ среди всѣхъ округовъ Якутской области является Олекминскій, гдѣ на сцену выступаетъ новое занятіе—работы на приискахъ, каковыми промыслами здѣсь, судя по даннымъ переписи, занимается до 40⁰/₀ всѣхъ тунгусовъ.

Теперь, послѣ этого общаго очерка, сдѣлаемъ обзоръ главныхъ занятій тунгусовъ области по отдѣльнымъ округамъ, пользуясь при этомъ тѣми же источниками.

Колымскій округъ. Главныя занятія мѣстныхъ тунгусо-юкагировъ и ламутовъ—оленоводство, звѣроловство и охота.

Предметами охоты служатъ на первомъ мѣстѣ животныя, предназначенныя для ѣды,—дикій олень, потомъ лось и каменный баранъ. По берегамъ рѣкъ, въ лѣсахъ и на горныхъ моховищахъ пасутся дикіе олени въ одиночку или небольшими группамъ 5—10 головъ, а у океана лѣтомъ собираются стада «ходоваго» оленя преимущественно въ мѣстностяхъ, гдѣ не пасутся чукотскія стада. Оленей подманиваютъ при помощи такъ называемаго манщика (ондадь) или выдрессированнаго оленя. Тундренные ламуто-юкагиры еще и нынѣ пользуются при охотѣ на оленя лукомъ и стрѣлами.

Въ средній годъ охотникъ добываетъ на ружье 15—20 оленей, большая часть которыхъ почти тотчасъ же съѣдается, остальная часть рѣжется на кусочки, нанизывается на палочки или шнурки и сушится въ прокъ (горча), чтобы потомъ служить дорожнымъ припасомъ.

Лѣтъ 50 тому назадъ, когда оленя было больше и онъ большими стадами переправлялся черезъ рѣки, порѣчане устраивали общественныя охоты («плавѣ»), въ которыхъ однако ламуты участія не принимали, охотясь всегда или по одиночку или по 2—3 чел. вмѣстѣ.

Охота на лося имѣетъ значеніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его много, какъ напр. въ верховьяхъ р. Березовой и ея притоковъ. При этой охотѣ необходимы хорошія промысловыя

собаки, которыя его останавливаютъ. Добываютъ его и само-
стрѣлами или настороженными луками. Добыча дикаго барана
значенія не имѣетъ.

Изъ пушныхъ животныхъ первое мѣсто принадлежитъ
бѣлка, которая въ этихъ краяхъ отчасти служить платежной
единицей. Въ средній годъ теперь добываютъ 50—70 бѣлокъ,
раньше 100, иные же годы она почти исчезаетъ изъ здѣш-
нихъ лѣсовъ, перебираясь въ другія мѣста, можетъ быть
и вымирая отъ эпизоотій. Бѣлокъ стрѣляютъ или изъ
ружья или изъ лука стрѣлами съ костяными головками.
Изъ другихъ пушныхъ животныхъ тунгусы добываютъ лисицъ,
песца (только самые сѣверные ламуты), росомаху, медвѣдя.
Послѣднія два животныя, какъ и бѣлка, употребляются ими
въ пищу. Интересно отмѣтить, что Колымскіе ламуты сравни-
тельно рѣдко ставятъ пасти и ловушки на пушнаго звѣря.

Для жителей сѣвера подспорьемъ въ хозяйствѣ служатъ
и добыча перелетной птицы: утокъ, гусей, лебедей.

Во время, свободное отъ промысла, ламуты живутъ скудными
продуктами оленьяго хозяйства, которое у нихъ, въ особенности,
у ламуто-юкагировъ, въ общемъ мало развито. Лишь нѣкото-
рыя семьи Уяганскаго и Дельянскаго родовъ развели въ по-
слѣдніе время довольно значительныя стада оленей (въ нѣ-
сколько сотъ головъ), которыя могутъ ихъ хорошо обезпечить,
даже лучше чѣмъ чукчей, которые рѣдко занимаются охотой.
Въ развитіи ламутскаго оленеводства немалую роль играетъ
хорошая порода ихъ оленей (по преим. пряговой) сравни-
тельно съ чукотскою (по преим. убойной). Въ виду этого
они при взаимномъ обмѣнѣ оленей за одного своего полу-
чаютъ двухъ чукотскихъ. Такъ какъ олени необходимы для
передвиженія охотника съ семьей и со всѣмъ домашнимъ скор-
бомъ, то ихъ убиваютъ на ѣду лишь въ крайности, даже въ
случаѣ голода стараются какъ-нибудь обойтись, не прибѣгая
къ этому. Дѣйствительно, чтобы тронуться въ путь семья тре-
буется не менѣе 10, лучше 20—30 оленей, такъ какъ на
меньшее число сѣделъ или саней ¹⁾ нельзя умѣстить все добро

¹⁾ Ламуты пользуются оленемъ лишь подъ сѣдло и какъ вьючное
животное, чукчи, у которыхъ болѣе малорослый и слабый олень, лишь
въ упряжи, а ламуто-юкагиры Западной тундры, имѣющіе оленей ламут-
ской породы, обоими способами (Иохельсонъ).

и семью. Если копытная болѣзнь унесла много жертвъ у бѣдной семьи ламута, то при передвиженіи сначала слѣшшваются подростки, потомъ женщины и, наконецъ, старики. Объединившія семьи, имѣющія всего 2—3 оленей, или получаютъ помощь отъ болѣе богатыхъ родственниковъ или соединяются ради этого по нѣсколько семействъ вмѣстѣ и тогда трогаются въ путь ¹⁾).

Нѣкоторое значеніе имѣетъ и рыболовство, составляющее главное средство существованія ихъ сосѣдей-юкагировъ. Рыболовство не находитъ достаточнаго поощренія въ виду сравнительной бѣдности рыбой мѣстныхъ горныхъ рѣчекъ. Ламуты ловятъ рыбу поздней весной при помощи желѣзной уди у прорубей, гдѣ она скопляется, чтобы дышать свѣжимъ воздухомъ. Въ хорошую ночь рыболовъ добываетъ одной удой до 200 харіусовъ, ленковъ и коньковъ.

Отъ оламутившихся юкагировъ Щербаковского рода Колымскіе ламуты научились искусству заирать осенью небольшія горныя рѣчки и добывать рыбу мордами. Лишь у болѣе богатыхъ имѣются старыя полуизодранныя сѣти, пріобрѣтенныя отъ якутовъ и русскихъ, но чинить ихъ они не умѣютъ.

Напротивъ для ламуто-юкагировъ, живущихъ между Колымой и Индигиркой, рыболовство составляетъ главный источникъ благосостоянія: они рыбачатъ въ Алазеѣ, Б. Чукочей и въ тундренныхъ озерахъ. Лучшее время добычи рыбы лѣто, во время подъема ея въ рѣчки, и особенно въ періодъ ея нереста въ озерахъ. Для этихъ инородцевъ, напротивъ, охота, главнымъ образомъ на оленя (по насту) и песка, служитъ лишь побочнымъ заработкомъ.

Изъ ремеслъ у тунгусовъ Колымскаго округа встрѣчается кузнечество, которое однако ограничивается передѣлкой на примитивномъ горнѣ старыхъ ломовъ, топоровъ и т. д. въ ножи, огнива и другія подѣлки. Приемы обработки желѣза тѣ же, что и у мѣстныхъ русскихъ и якутовъ.

¹⁾ По В. Юхельсону въ 66 шатрахъ, изъ которыхъ состоитъ населеніе 4 родовъ ламуто-юкагировъ, числилось въ 90-хъ годахъ всего 1.020 оленей, изъ коихъ 60 принадлежали 1 хозяину, 100 двумъ (по 50), а средніе имѣли не болѣе 10—20 головъ, между тѣмъ какъ у чукчей богачи имѣютъ 3.000—5.000—10.000 головъ на душу.

У ламутовъ, кочующихъ близь Чаунской губы, среди чукчей, (ихъ ок. 40 семей) источники благосостоянія нѣсколько иные. Они, подобно тунгусо-юкагирамъ Западной тундры, въ значительной степени существуютъ въ качествѣ паразитовъ у своихъ болѣе богатыхъ иноплеменниковъ: они служатъ у нихъ пастухами и уплачиваютъ имъ за подачки разнаго рода услугами, издѣліями кузнечнаго мастерства и т. д. Они кромѣ того бьютъ ходоваго оленя у берега Ледовитаго океана и песка ¹⁾).

Сѣверные ламуты и ламуто-юкагиры занимаютъ также отыскиваніемъ въ обрывахъ обваливающихся нагорныхъ береговъ рѣкъ мамонтовой кости.

Верхоянскій округъ. Главное занятіе — охота на дикаго оленя, каменнаго барана и кабаргу. Мясо этихъ животныхъ употребляется или въ пищу, шкуры на одежду, а отъ кабарги (дикой козы) получается еще струя, стоящая 1 руб. штука (въ Верхоянскѣ 2 р.—2 р. 50 к.). Охотятся также за бѣлками и изрѣдка за лисицей. Нынѣ, съ уменьшеніемъ животныхъ, охота падаетъ. Другими важными занятіями служатъ оленеводство и рыболовство. Послѣднее играетъ важную роль въ улусахъ Устьянскомъ и Жиганскомъ. Интересно отмѣтить, что и скотоводы-якуты въ этихъ сѣверныхъ окраинахъ страны оставили, въ виду отсутствія луговъ, разведеніе рогатаго скота и лошадей и перешли къ тунгусскимъ занятіямъ—оленеводству и рыболовству, питаются главнымъ образомъ послѣднимъ.

Экономическое положеніе Верхоянскихъ тунгусовъ очень ухудшилось въ послѣднее время: они сильно обѣднѣли и состоятъ въ неоплатныхъ долгахъ у якутовъ. Лишь зажиточные имѣютъ у нихъ теперь 100—200 (рѣже 300) оленей и только одно лицо болѣе 1.000 оленей. Перейти къ скотоводству они не могутъ, потому что якуты заняли всѣ низменные мѣстности по берегамъ рѣкъ.

Якутскій округъ. Оленеводство здѣсь сравнительно развито, какъ и звѣроловство и охота, значительно менѣе рыболовство, ради котораго часть изъ нихъ, живущая близь отроговъ Становаго хребта, совершаетъ весною пе-

¹⁾ Богоразъ: „Землевѣдѣніе“ 1900. I, 60 сл.

реходы къ Охотскому морю, гдѣ ловъ рыбы длится до тѣхъ поръ, пока она еще поднимается въ рѣки. Весьма хорошія мѣста для добычи соболя расположены въ верховьяхъ Алдана и Амги. Тамъ отдѣльныя лощины рѣчекъ подѣлены между родовичами. Имѣетъ значеніе и добыча оленей, которыхъ одинъ охотникъ въ удачный годъ добываетъ до 20 головъ, а также лосей. На звѣриный промыселъ идутъ по одному или вдвоемъ ¹⁾).

Относительно оленеводства замѣтимъ, что оленями, какъ сказано, довольно богаты Майскіе тунгусы, живущіе вблизи прежняго Охотскаго тракта. Здѣсь лица, имѣющія 500—1.000 головъ, считаются хозяевами средняго достатка и самые бѣдные имѣютъ 5—10 оленей. Потерявшіе оленей идутъ къ болѣе богатымъ въ батраки, получая вмѣсто платы за лѣто 2 и за зиму 3 живыхъ оленей, стоящихъ 10 руб. каждый. Въ другихъ мѣстностяхъ Майскіе тунгусы не богаты оленями и средняя семья имѣетъ 2—3 десятка головъ (свыше 300 головъ у нихъ имѣютъ не болѣе 5 лицъ). Столь же слабо развито оленеводство и у Кангаласцевъ, отчасти вслѣдствіе недостатка у нихъ хорошихъ моховищъ, отчасти вслѣдствіе падежей. Для жителей перваго района главнымъ занятіемъ является оленеводство, для остальныхъ — какъ звѣроловство, такъ и оленеводство.

Около половины Майскихъ тунгусовъ, живущихъ по Алдану и по нижнему теченію р. Май, и часть Зап. Кангаласскихъ обзавелись, по примѣру своихъ якутскихъ сосѣдей, рогатымъ скотомъ и превратились изъ оленеводовъ въ скотоводовъ (см. I., стр. 88 сл.). Для этой части Майскихъ тунгусовъ разведеніе скота является главнымъ занятіемъ, а побочнымъ охота и земледѣліе, которое практикуютъ нѣкоторые изъ нихъ.

Виллюйскій округъ. Главное занятіе—охота, въ меньшей степени—рыболовство въ крупныхъ рѣкахъ и озерахъ, главнымъ образомъ въ оз. Сюрунгна, близъ верховьевъ Виллюя. Въ прежнее время оленеводство было болѣе развито, причѣмъ одну изъ причинъ его уменьшенія Маакъ видитъ въ сбытѣ оленей на пріиски. «Выгодный сбытъ оленей на

¹⁾ Майновъ, *ibid.*, 176 сл.

пріиски, говоритъ онъ, имѣль нѣкоторое вліяніе на бытовую жизнь тунгусовъ; находя для себя выгодною эту продажу, многіе тунгусы совсѣмъ остались безъ оленей или оставили себѣ незначительное число ихъ, необходимое для охоты, и исключительно предались этому промыслу или переселились къ якутамъ и занялись скотоводствомъ»¹⁾).

Олекминскій округъ. До начала эксплуатаціи мѣстныхъ золотыхъ пріисковъ, главнымъ образомъ Олекминской системы, мѣстные тунгусы Жуюганскаго (и Брагатскаго) рода были бѣдными охотниками. Нынѣ послѣ истребленія части лѣсовъ пожарами они по своему образу жизни и по своимъ занятіямъ распались на двѣ группы: одна часть осталась бродячей и по прежнему скитается ради добычи пушного звѣря и дичи по глухимъ тайгамъ бассейна Витима. Другая часть Жуюганцевъ обзавелась домами и сдѣлалась болѣе или менѣе осѣдлой. Она занимается дворничествомъ т. е. содержитъ постоянные дворы для якутовъ, везущихъ клады на пріиски. Имъ они сбываютъ и заготавливаемое ими сѣно, часть котораго они продаютъ при помощи якутовъ и на пріиски²⁾. Не довольствуясь природными лугами, они ради расширенія сѣнокосовъ, гдѣ ихъ мало, расчищаютъ заросли, спускаютъ озера и т. д. Многіе обзавелись рогатымъ скотомъ и начали сѣять ячмень³⁾. Но, судя по даннымъ переписи, главная часть тунгусовъ округа (ок. 40⁰/3) кормится работами на пріискахъ.

Иркутская губернія. 11,3% мѣстныхъ тунгусовъ проживаютъ осѣдло и занимаются преимущественно *земледѣліемъ* и скотоводствомъ. Въ Киренскомъ округѣ, гдѣ сосредоточена главная масса тунгусовъ губерніи, хлѣбопашцы составляютъ до 1/8 тунгусскаго населенія. Сюда принадлежитъ большая часть тунгусовъ Нижне-Илимской инородной управы, какъ проживающихъ среди русскихъ, такъ и въ собственныхъ селеніяхъ (ул. Закурдаевскій, Коченгскій и др.). Для трети жителей улусовъ В. Кетскаго (Ирк. окр.) и для части тунгусовъ ул. Малобѣльскаго (Балаг. окр.), а также для немногихъ лицъ

¹⁾ „Вилойскій округъ“, III, 154.

²⁾ „Отч. И. Р. Геогр. Общ.“ за 1897 г., стр. 82.

³⁾ Майновъ, *ibid.*, 33.

Киренско-Хандинской управы (Кир. окр.) хлѣбосѣяніе является тоже главнымъ занятіемъ¹⁾. Немного земледѣльцевъ въ Очеульской и Тутургской управахъ Верхоленаго округа. Для всѣхъ прочихъ тунгусовъ, главнымъ образомъ Курейскихъ, Кондогирскихъ и для жителей большей части вышеприведенныхъ управъ и улусовъ охота играетъ роль почти исключительнаго источника благосостоянія. Гористая часть сѣверной половины губерніи и по-сейчасъ весьма богата дичью и пушнымъ звѣремъ, что не только даетъ возможность поддержать свое существованіе малочисленнымъ бродячимъ тунгусамъ, но и доставляетъ побочный заработокъ мѣстнымъ русскимъ, живущимъ по берегамъ крупныхъ рѣкъ. Для первыхъ охота на лосей, оленей, козъ, которыхъ добываютъ частью ямами, частью изъ ружья и т. д., доставляетъ повседневную пищу и даетъ главный матеріалъ для зимней одежды, а добыча пушного звѣря (лисицы, соболя, бѣлки, медвѣдей и т. д.) представляетъ возможность уплачивать ясакъ и пріобрѣтать предметы и продукты первой необходимости, къ которымъ они привыкли со времени знакомства съ русскими.

Замѣтимъ здѣсь попутно, что на лисицу ставятъ желѣзные капканы, а бѣлку добываютъ плашками, которыхъ одинъ звѣроловъ ставитъ до 600 шт., добывая за лѣто до 100 бѣлокъ.

Оленеводство въ губерніи сравнительно не очень развито; лишь у немногихъ семействъ Тутурскихъ, Киренско-Хандинскихъ, Очеульскихъ и др. тунгусовъ имѣются небольшія стада оленей, которыхъ они въ лѣтнее время пасутъ на прохладныхъ горныхъ хребтахъ, гдѣ нѣтъ комара. Даже въ XVIII ст. Иркутскіе тунгусы не отличались богатствомъ оленей.

Рыболовствомъ занимаются не всѣ тунгусы и то лишь лѣтомъ. Курейскіе тунгусы ко времени вскрытія рѣкъ почти всѣ переселяются на берега Нижней Тунгуски, гдѣ въ теченіи всего лѣта добываютъ рыбу (гл. обр. карася), отдавая ее, какъ и пушнину, своимъ «друзкамъ» или кредиторамъ изъ русскихъ, у которыхъ они берутъ въ кредитъ товаръ.

Постепенное уменьшеніе пушного звѣря и крупной дичи заставило однако многихъ изъ этихъ бродячихъ инородцевъ

¹⁾ По даннымъ за 1893 г. („Вол. и нас. мѣста Ирк. губ.“) въ ул. Малобѣльскомъ Балаг. окр. на 29 м. душъ 228 каз. дес. пашни и 23 д. усадьбы, въ ул. Верхне-Кетскомъ Ирк. окр. на 18 м. д. 40 дес. пашни, въ Нижне-Илимскомъ вѣдомствѣ, гл. обр. въ ул. Ангарскомъ и Коченгскомъ и въ дер. Пушминой, Пагадаевой и Романовой на 179 осѣдлыхъ душъ (90 м.) и 95 кочевыхъ д. (44 м.) — 162 каз. дес. пашни и т. д.

обзавестись домами, сначала самой простой конструкции, въ видѣ черной избы, а потомъ и болѣе усовершенствованными, съ печами, и такимъ образомъ положить начало будущимъ селеніямъ осѣдлыхъ тунгусовъ, которые быстро русѣя, постепенно заимствуютъ отъ своихъ русскихъ сосѣдей весь образъ жизни, а слѣдовательно и занятія; сначала они заводятъ лошадей и рогатый скотъ, для обезпеченія которыхъ кормомъ начинаютъ косить сѣно, другіе болѣе ревностно занимаются рыболовствомъ, чѣмъ они это практиковали раньше, и, наконецъ, берутся за хлѣбосѣяніе. Но все же и понынѣ звѣриный промыселъ (и рыболовство) составляютъ главный источникъ пропитанія тунгусовъ Иркутской губерніи, что видно изъ того обстоятельства, что до $\frac{3}{4}$ (73,4%) ихъ показали эти занятія своими главными источниками благосостоянія. Изъ отдѣльныхъ округовъ въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ стоитъ Верхоленскій, гдѣ этими занятіями кормится 78,5% тунгусовъ и свыше 10% занимаются главнымъ образомъ обработкой продуктовъ охоты и оленеводства. Въ Киренскомъ округѣ охоту и рыболовство, какъ главный источникъ пропитанія, показали 73,5% и въ Иркутскомъ 60,7%.

Животноводство, какъ главное занятіе, отмѣчено лишь у 6,1% тунгусовъ губерніи, но подъ этимъ терминомъ здѣсь слѣдуемъ понимать какъ скотоводство, такъ и оленеводство, обыкновенно связанное съ занятіемъ охотой.

Забайкальская область. Изъ вышеизложеннаго мы знаемъ, что тунгусское населеніе данной области по своему образу жизни распадается на осѣдлое, кочевое и бродячее. И этимъ тремъ видамъ культурнаго развитія соотвѣтствуютъ три главныхъ занятія этихъ тунгусовъ. Самой первоначальной ступеню является звѣроловство и охота, къ которымъ присоединяется разведеніе оленей. Эта стадія культурнаго развитія была прежде свойственна большей части всѣхъ тунгусовъ данной области, но въ началѣ XVIII в. (во время присоединенія края къ Россіи) часть ихъ уже обратилась въ кочевниковъ-скотоводовъ («конныхъ» тунгусовъ авторовъ XVII в.). Нынѣ въ ея предѣлахъ тунгусы, снискивающіе себѣ пропитаніе лишь звѣроловствомъ и оленеводствомъ, сохранились на сѣверѣ, въ тайгахъ, расположенныхъ по верхнему теченію рр. Витима, Каренги, Ципы, Нерчи и др. рѣкъ—это ороконы Уруль-

гинскаго вѣдомства Читинскаго округа и бродячіе тунгусы сѣвера Баргузинскаго.

Переходъ отъ бродячаго образа звѣролововъ къ кочевому скотоводческому совершился у тунгусовъ довольно постепенно, что и дало возможность спастись этимъ инородцамъ отъ вымиранія. Не имѣя возможности, вслѣдствіе постоянно уменьшающагося промысла пушного звѣря и дичи, снискать себѣ пропитаніе лишь этимъ занятіемъ, многіе изъ звѣролововъ и оленеводовъ стали по примѣру своихъ сосѣдей-бурятовъ, находившихся по большей части уже въ стадіи кочевого хозяйства, обзаводиться скотомъ, прибѣгая къ охотѣ, какъ къ добавочному источнику пропитанія. Такимъ образомъ, получилось хозяйство звѣролово-скотоводческое; еще весьма недавно на этой стадіи находились тунгусы Онгоцонской и отчасти Кужертаевской управъ, а лѣтъ 35—40 тому назадъ (считая отъ года переписи) первые еще почти исключительно снискивали себѣ пропитаніе звѣроловствомъ. На этой же ступени культурнаго развитія мы застаемъ нынѣ тунгусовъ управъ: Тунгусско-Баргузинской и Армакской (Селенг. окр.). Отставая постепенно отъ звѣропромышленности вслѣдствіе ея малой доходности, особенно въ мѣстностяхъ, мало благопріятныхъ для охоты или гдѣ лѣса были истреблены пожарами, что напр. въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія имѣло мѣсто въ Онгоцонской управѣ, инородцы превращаются почти въ чистыхъ кочевниковъ-скотоводовъ, причемъ отдѣльныя лица, на первомъ планѣ крестившіеся и начинающіе усваивать русскій образъ жизни, начинаютъ обзаводиться прочными домами и переходить къ хлѣбопашеству и къ связанному съ нимъ осѣдлому образу жизни. На этой скотоводческо-земледѣльческой стадіи и находится въ настоящее время большая часть тунгусовъ Забайкальской области и на первомъ мѣстѣ тунгусы южныхъ управъ Читинскаго округа: Кужертаевской и Онгоцонской, въ которыхъ земледѣліе пока слабо развито и ограничивается малочисленными крещеными инородцами с. Онкоекскаго, сел. Кужертай и Ново-Тулутай въ первой; с. Бырцинскаго, нѣкоторыхъ заимокъ и т. д. во второй. Большіе успѣхи оно сдѣлало въ другихъ двухъ управахъ того же Урульгинскаго вѣдомства — Шундуинской и Урульгинской, гдѣ однако запашка на наличное хозяйство все-же и теперь еще менѣе 3 дес. Наконецъ, управы Маньковская и въ особенности

Оловская имѣють уже довольно развитое земледѣліе, что обусловливается лучшими почвенными условіями мѣстности и сравнительной густотой населенія.

Въ настоящее время главными занятіями тунгусовъ Забайкальской области являются *земледѣліе* и *животноводство*. Первое, по даннымъ переписи, даетъ главное пропитаніе 54,1% всѣхъ тунгусовъ (43,0% лицъ, имѣющихъ самостоятельные заработки, и 56,9% членовъ ихъ семей) и второе показали главнымъ занятіемъ 36,2% всѣхъ тунгусовъ (40,2% самостоятельныхъ и 35,1% членовъ ихъ семей). Итого оба эти источника пропитанія составляютъ главныя занятія 90,3% всѣхъ тунгусовъ области (83,2% самостоятельныхъ и 92,0% членовъ ихъ семей). Изъ отдѣльныхъ округовъ особенно развито земледѣліе въ Читинскомъ, гдѣ оно составляетъ главное занятіе 61,6% тунгусовъ и въ Нерчинскомъ — 63,5%, затѣмъ въ Нерчинско-Заводскомъ. Въ другихъ округахъ оно мало развито (Баргузинскій 9,0%) и т. д. Скотоводство, напротивъ, болѣе распространено въ Акшинскомъ и Селенгинскомъ окр. ¹⁾ гдѣ 77,7% и 82,8% тунгусовъ показали его главнымъ занятіемъ. И въ Читинскомъ и Баргузинскомъ округахъ преимущественно разведеніемъ скота и лошадей кормится около трети тунгусскаго ихъ населенія: скотоводство показано главнымъ занятіемъ у 32,9% душъ перваго и 34,2% втораго.

Охота (и *рыболовство*), по даннымъ переписи, преобладающее значеніе имѣеть въ Баргузинскомъ округѣ, гдѣ они кормятъ свыше половины всѣхъ тунгусовъ (у 54,7% эти ремесла составляютъ главное занятіе). Въ другихъ мѣстахъ эти занятія, по тому же источнику, роли не играютъ (въ Читинскомъ главное занятіе у 3,2% лицъ), имѣя значеніе побочныхъ заработковъ. Не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія и Селенгинскій округъ (Армакская управа). Въ цѣлой области лица, специально занимающіяся охотой и рыбо-

¹⁾ Въ результатахъ первой всеобщей переписи населенія Имперіи 1897 года Акшинскіе казаки-тунгусы, говорящіе по бурятски, ошибочно отнесены къ бурятамъ.

Буряты Армакской управы, неправильно названные въ переписномъ матеріалѣ „тунгусами“ (см. I, стр. 149), отнесены по недосмотру къ тунгусамъ и въ результатахъ переписи.

ловствомъ, составляютъ 8,3⁰/₀. Итакъ, земледѣліемъ, скотоводствомъ и этими занятіями кормится свыше 98,6⁰/₀ всего тунгусскаго населенія области.

Теперь обратимся къ болѣе подробному обзорѣнію отдѣльных видовъ занятій тунгусовъ по изслѣдованію комиссіи ст.-секр. Куломзина и начнемъ съ *земледѣлія*. Въ слѣдующей таблицѣ ¹⁾ сгруппированы данныя о размѣрахъ земледѣлія у тунгусовъ отдѣльных инородныхъ управъ области (наличное коренное населеніе *кромя бродячихъ инородцевъ*).

ТАБЛИЦА XIII.

	Названія тунгусскихъ инородныхъ управъ.								
	Тунг.-Барг.	Армакская.	Урульгинск.	Оловская.	Шундуин.	Маньковск.	Онгоцонск.	Кужертаев.	Каз.-инор. Акш. окр.
1. На 1 хоз. (вкл. беззем.) десят. мягкой пашни .	1,0	1,8(2,1) ²⁾	2,7	5,4	2,7	3,3	0,3	1,1	0,3
2. Число нал. хоз., не имѣющ. мягк. пашни (въ %)	62,8	74,1	32,6	7,9	48,9	38,7	86,1	73,7	70,8

Эта таблица подтверждаетъ сказанное выше о распространеніи земледѣлія у тунгусовъ отдѣльных мѣстностей Забайкальской области. Больше всего земледѣліемъ занимаются тунгусы Оловской управы, среди которыхъ менѣе 8⁰/₀ вообще не имѣютъ пашни, а на среднее хозяйство приходится 5,4 дес. мягкой пашни. За нею слѣдуютъ управы: Маньковская, Урульгинская и Шундуинская—2,7—3,3 дес. пашни на наличное хозяйство, причемъ число хозяйствъ, не имѣющихъ мягкой пашни, простирается въ нихъ отъ 33 до 50⁰/₀ на-

¹⁾ Ibid., вып. III.

²⁾ Включая два бурятскихъ рода, входящихъ въ составъ этой управы (см. I, 149).

личнаго ихъ числа. Во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ области земледѣліе играетъ уже второстепенную роль, такъ какъ тамъ свыше $\frac{2}{3}$ домохозяевъ вовсе не занимаются хлѣбосѣяніемъ. Таковы управы: Тунгусско-Баргузинская и Армакская въ западной при-Байкальской части области, гдѣ значительную роль въ качествѣ источника благосостоянія играетъ звѣропромышленность и отчасти скотоводство, и управы: Онгоцонская и Кужертаевская (Читинск. окр.), а также Акшинскій округъ, гдѣ казаки-инородцы образуютъ общины совмѣстно съ русскими казаками. Здѣсь въ особенности въ Онгоцонской управѣ и въ Акшинскомъ округѣ, земледѣліе играетъ совсѣмъ ничтожную роль: на 1 хоз. приходится 0,3 дес. пашни и главнымъ занятіемъ жителей является разведеніе скота и лошадей. Для того, чтобы имѣть критерій для сужденія о размѣрахъ земледѣлія у тунгусовъ области, сообщимъ, что во всемъ Читинскомъ округѣ на среднее хозяйство приходится 3,9 дес. мягкой пашни, а у крестьянъ старожиловъ—8,4 дес. и въ Акшинскомъ округѣ у коренного населенія—3,7 дес. и у русскихъ казаковъ—3,9 дес. Во все не имѣютъ пашни въ этихъ округахъ 45,8 и 28,6% наличныхъ приписныхъ хозяйствъ (у крестьянъ Читинскаго окр.—9,7 и у русскихъ казаковъ Акшинскаго—24,8%).

Изъ отдѣльныхъ хлѣбовъ на поляхъ тунгусовъ первое мѣсто занимаетъ ярица, которая въ 4 управахъ Читинскаго округа занимаетъ свыше 40%, въ двухъ остальныхъ (Онгоцонской и Кужертаевской), а также въ Тунгусско-Баргузинской свыше 50% и въ Армакской—68% всей посѣвной площади. Слѣдующее мѣсто занимаетъ частью овесъ (Кужертаевская, Армакская упр.), частью греча (Шундуинская, Маньковская упр.), а во всѣхъ остальныхъ управахъ и въ Акшинскомъ округѣ — яровая пшеница.

Относительно обезпеченности тунгусовъ Забайкальской области хлѣбомъ мы въ вышеупомянутомъ источникѣ находимъ слѣдующія свѣдѣнія ¹⁾, Въ Армакской инородной управѣ (Селенг. окр.) въ урожайные годы большинство хозяевъ обезпечено своимъ хлѣбомъ, въ неурожайные прикупаютъ почти всѣ; въ первомъ случаѣ отдѣльныя лица продаютъ часть

¹⁾ *ibid.*, вып. XIV, 5—15 стр.

хлѣба. Оловская управа производитъ больше хлѣба, чѣмъ нужно для прокормленія ея членовъ, такъ что часть хлѣба сбывается въ Нерчинскъ, Срѣтенскъ, на желѣзную дорогу и на прииски. Лишь селенія Кыкеръ, дер. Улейская и с. Бушулейское прикупаютъ хлѣбъ въ сосѣднихъ селеніяхъ и въ Срѣтенскѣ. Въ остальныхъ управахъ области число хозяевъ, покупающихъ хлѣбъ, значительно больше. Въ Урульгинской инор. управѣ въ избыткѣ имѣютъ хлѣбъ лишь селенія: Байцатуй, Княже-Поселье, Берея, Средне-и Усть-Талача; часть его они сбываютъ. Во всѣхъ остальныхъ селеніяхъ управы население прикупаетъ хлѣбъ, хотя у многихъ хозяевъ, имѣющихъ не мало пашни, это и обусловливается зимними и осенними продажами хлѣба. Тунгусы остальныхъ четырехъ инородческихъ управъ Урульгинскаго вѣдомства Читинскаго округа — Маньковской, Шундуинской, Онгоцонской и Кужертаевской всѣ прикупаютъ хлѣбъ въ значительномъ количествѣ и не только кочующіе, не имѣющіе пашни и питающіеся главнымъ образомъ молочными продуктами, которыхъ потребляется особенно много въ послѣднихъ двухъ управахъ, но и тѣ, которые занимаются хлѣбопашествомъ. Первые впрочемъ потребляютъ мало хлѣба и то лишь во время трудной работы, напр. сѣнокоса. Въ среднемъ семья кочевыхъ инородцевъ (тунгусовъ и бурятовъ) потребляетъ отъ 2 до 10 пудовъ ярицы въ годъ. Также и въ Акшинскомъ округѣ, гдѣ 70% домохозяевъ тунгусовъ не имѣютъ своей пашни, казаки-инородцы покупаютъ хлѣбъ на сторонѣ, хотя, питаясь преимущественно молочными продуктами и мясомъ, и имѣютъ въ немъ лишь небольшую потребность.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что тунгусы въ гораздо большей степени, чѣмъ буряты, проявляютъ склонность къ осѣдлой жизни и нынѣ уже большинство юридически кочевыхъ тунгусовъ управъ Урульгинской, Оловской, Шундуинской и Маньковской обзавелись прочной осѣдлостью.

Скотоводство. Главнѣйшія данныя касательно развитія скотоводства у Забайкальскихъ тунгусовъ видны изъ слѣдующей таблицы, составленной на основаніи того же источника:

ТАБЛИЦА XIV.

	Названія тунгусск. инородн. управъ.								
	Тунг.-Барг	Армакская	Урульгинск.	Оловская.	Шундуинск.	Маньковск.	Онгоцонск.	Кужертаев.	Акш. окр. (каз.-инор.)
1. На наличн. хоз. прих. раб. лошадей.	1,4	3,0	3,5	4,8	3,8	3,5	3,0	3,3	3,2
2. % хоз., не имѣющ. раб. лошадей.	29,5	3,5	7,1	4,7	5,6	9,2	4,6	4,7	4,3
3. На наличн. хоз. прих. крупн. рогатаго скота	7,1	10,4	11,1	7,5	5,9	8,0	11,7	12,5	9,9
4. % хоз., не имѣющ. рогатаго скота	3,8	2,4	6,9	6,1	6,4	9,4	3,9	2,1	5,3
5. На наличн. хоз. прих. овецъ и козъ.	1,7	4,9	13,4	6,7	11,7	26,1	7,7	17,6	18,2
6. % хоз., не имѣющ. овецъ и козъ.	73,1	38,8	44,3	48,6	69,9	57,2	44,4	39,7	39,7
7. % хоз. безъ всякаго скота.	2,6	1,0	2,3	2,9	1,7	3,8	1,8	0,7	1,7

По развитію коневодства всѣ управы находятся прибли- зительно въ одинаковомъ положеніи, за исключеніемъ небольшою Тунгусско-Баргузинскою, гдѣ оно очень слабо развито. Наибольшее число головъ на хозяйство приходится въ земледѣльческой Оловскою управѣ, а наибольшій процентъ вовсе не имѣющихъ лошадей выпадаетъ на долю Маньковскою. Что касается крупнаго рогатаго скота, то имъ болѣе богаты управы, гдѣ скотоводство играетъ выдающуюся роль: Кужертаевская, Онгоцонская, Акшинскій округъ, а также упр. Армакская, переходная отъ звѣропромышленной къ скотоводческой, и земледѣльческо-скотоводческая Урульгинская.

Овцеводство и разведеніе козъ не имѣетъ большого значенія у тунгусовъ края, что видно уже изъ того факта, что отъ 40 до 73% всѣхъ переписанныхъ хозяйствъ не имѣютъ ихъ вовсе. Это въ особенности касается управъ Тунгусскою, Шундуинскою и Маньковскою. Наибольшее число овецъ и козъ на хозяйство наблюдается въ Маньковскою управѣ, затѣмъ въ

управахъ: Кужертаевской, Урульгинской, Шундуинской и въ Акшинскомъ округѣ.

Въ итогѣ для всѣхъ кочевыхъ тунгусовъ области вообще оказывается, что 2,4⁰/₀ хозяйствъ не имѣютъ вовсе скота, 4,7⁰/₀ не имѣютъ вовсе лошадей, 5,6⁰/₀ рогатаго скота и 50,6⁰/₀ овецъ. Изъ остальнаго числа хозяйствъ наибольшее число имѣетъ отъ 1 до 9 головъ лошадей, рогатаго скота и овецъ (72,8; 38,9 и 25,0⁰/₀ всѣхъ наличныхъ хозяйствъ ¹).

Какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, хотя управы, гдѣ земледѣліе менѣе развито, повидимому и нѣсколько богаче скотомъ, чѣмъ тѣ изъ нихъ, въ которыхъ хлѣбопашество болѣе развито, но разница, существующая между тѣми и другими въ этомъ отношеніи, ничтожна и отражается преимущественно лишь на процентѣ хозяйствъ, не имѣющихъ совсѣмъ домашнихъ животныхъ; напротивъ, по числу рабочихъ лошадей, приходящихся на одно хозяйство, земледѣльческія управы, имѣя въ нихъ большую потребность, стоятъ на первомъ планѣ.

Изъ прочихъ заработковъ тунгусовъ Забайкальской области (не считая бродячихъ) главное значеніе имѣютъ чернорабочій трудъ, извозъ, звѣроловство и лѣсопромышленность; ремесла играютъ незначительную роль.

ТАБЛИЦА XV.

	Названія тунгусск. инородн управъ:								
	Тунг.-Барг.	Армакская.	Урульгинск.	Оловская.	Шундуинск.	Маньковск.	Онгоцонск.	Кужертаев.	Акшин. окр. (каз.-инор.).
1. % хоз., отпуск. работниковъ	46,1	53,4	38,7	33,3	44,7	37,5	48,6	29,3	43,4
2. % хоз., заним. мѣстн. пром.	52,6	84,1	30,9	47,0	1,5	12,7	29,4	7,5	28,9
3. % „ „ ремеслами.	7,7	18,9	4,6	9,7	3,0	16,2	14,0	8,9	13,8
4. % „ „ др. заработк.	7,7	6,1	6,9	8,3	2,2	2,2	3,0	5,4	4,3

Изъ этой таблицы усматривается, что *чернорабочимъ трудомъ* всѣхъ видовъ занимается отъ 30 до 53⁰/₀ налич-

¹) Ibid., вып. XIII, стр. 22—23.

ныхъ хозяйствъ приписного тунгусскаго населенія разныхъ управъ, причемъ эти величины оказываются большими противъ среднихъ за цѣлыя округа (тоже приписное населеніе), именно, въ Читинскомъ окр. она равна—31,6⁰/₀, въ Акшинскомъ—33,0 и въ Селенгинскомъ — 37,7⁰/₀. Изъ общаго числа работниковъ сроковые составляютъ приблизительно $\frac{2}{3}$ и годовые $\frac{1}{3}$.

Средній заработокъ одного лица, вычисленный изъ всѣхъ случаевъ найма въ краѣ равнялся въ 1897 г. у инородцевъ Читинскаго округа (вкл. бурятовъ) 87 руб., у крестьянъ 121 р. и у казаковъ—182 руб., что указываетъ на меньшую цѣнность и худшее качество труда инородцевъ.

Мѣстные промыслы приобрѣтаютъ особенно большое значеніе у тунгусовъ, съ одной стороны, мало занимающихся земледѣліемъ—Тунгусско-Баргузинская и Армакская управы, и, съ другой стороны, у жителей самой земледѣльческой—Оловской, хотя конечно самые промыслы въ томъ и другомъ случаѣ не одни и тѣже. Почти не занимаются промыслами тунгусы Шундуинской управы и въ весьма малой степени инородцы Кужертаевской. Большинство мѣстныхъ промысловъ не отвлекаетъ населеніе отъ земледѣлія и скотоводства, а играетъ роль побочныхъ заработковъ, тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что ими населеніе занимается въ свободное отъ главныхъ занятій время, именно поздней осенью, зимой и ранней весной.

Извозъ, который облегчаетъ жителямъ прокормить зимою лошадей, у тунгусовъ области вообще мало развитъ. Болѣе другихъ имъ занимаются тунгусы управы Оловской, наиболѣе богатой конями—27,1⁰/₀ всѣхъ хозяевъ, далѣе Урульгинской (17,2⁰/₀) и Армакской (19,0⁰/₀). Почти не практикуется этотъ промыселъ у жителей Шундуинской управы (1,5⁰/₀) и двухъ управъ съ преобладающимъ скотоводскимъ характеромъ населенія—Онгоцонской (1,5⁰/₀) и Кужертаевской (2,1⁰/₀). Весьма мало развитъ онъ и въ управахъ Маньковской (4,4⁰/₀) и Тунгусско-Баргузинской (9,0⁰/₀), а также у казаковъ-инородцевъ Акшинскаго округа (3,6⁰/₀).

Рыболовство не играетъ никакой роли у осѣдлыхъ и кочевыхъ тунгусовъ данной области; подсобный характеръ оно имѣетъ лишь у инородцевъ Тунгусско - Баргузинской

управы (13,6 % всѣхъ домохозяевъ) и у бродячихъ тунгусовъ, живущихъ по В. Ангарѣ. Болѣе бѣдные изъ нихъ нанимаются въ пору лова омуля къ русскимъ промышленникамъ въ рабочіе, причеиъ самый ловъ происходитъ главнымъ образомъ у сѣверной бухты озера Байкаль¹⁾. Занимаются рыболовствомъ и казаки-инородцы Акшинскаго округа (6,7%), часть которыхъ промышляетъ рыбу въ смежныхъ рѣкахъ Монголіи. Изъ остальныхъ тунгусовъ рыбачать лишь единичныя лица главнымъ образомъ изъ Оловской управы.

Звѣроловство и охота. Главнымъ охотничьимъ райономъ является весь гористый сѣверъ области, гдѣ, за исключеніемъ приисковъ, вовсе нѣтъ осѣдлаго населенія. Тамъ бродятъ малочисленные ороконы Читинскаго округа и бродячіе тунгусы Баргузинскаго округа, главнымъ источникомъ пропитанія которыхъ служатъ звѣроловство и охота. Въ эти же лѣса отправляются добывать пушнаго звѣря и осѣдло живущіе инородцы сѣверной части области и крестьяне прилегающихъ волостей. Огромное значеніе звѣриный промыселъ имѣетъ для жителей Тунгусско-Баргузинской инородной управы, часть которой лежитъ въ этомъ лѣсистомъ районѣ. Здѣсь 35,9% домохозяевъ занимается охотой, причеиъ 12,8% живутъ только этимъ промысломъ. Наиболѣе удобными мѣстами для охоты являются для нихъ сѣверо-восточный берегъ Байкала и вершина р. Баргузина. Изъ тунгусскихъ управъ Читинскаго округа этимъ промысломъ болѣе занимаются жители Онгоцонской (27,4% всѣхъ хозяйствъ), Урульгинской (12,4%), Оловской (11,1%) и Маньковской (8,8%); меньше оиъ развитъ въ Кужертаевской и вовсе не существуетъ въ Шундуинской. Изъ этихъ управъ жители Онгоцонской ходятъ охотиться въ районъ вершинъ Онона, Ингоды и Чикоя, а остальные звѣруютъ въ сѣверной таежной полосѣ области.

Третій звѣроловный районъ расположенъ къ югу отъ Байкальскаго озера, въ верховьяхъ р.р. Джида, Темника, и по горнымъ рѣчкамъ, сбѣгающимъ съ южно-байкальскихъ гольцевъ въ Байкаль (см. стр. I., 147 сл.). Здѣсь изъ тунгусовъ промышляютъ звѣря жители Армакской инор. управы, для которыхъ это занятіе, искони главное, и нынѣ имѣетъ большое

¹⁾ „Вѣст. И. Р. Геогр. О.“, 1857. XXI кн. 5, 144.

значеніе—42,6% всѣхъ хозяйствъ занимаются этимъ промысломъ. Охотятся они въ слѣдующіе сезоны: съ 1 октября они добываютъ бѣлку при помощи собакъ, а также соболя. Охота прекращается въ ноябрѣ, по выпаденіи глубокаго снѣга. На изюбря и лося охотятся весной, при появленіи первой зелени, а козъ преслѣдуютъ почти круглый годъ. Армакскіе тунгусы (и буряты) охотятся артелями и на крупную дичь устраиваютъ облавы («ургечень»). На одного охотника приходится среднимъ числомъ около 200 бѣлокъ (по 18—25 коп.), по 1—2 соболю (по 5—10 р.), по 20—25 козуль (шкура 1 р.); сверхъ того изюбри даютъ имъ цѣнные рога (панты), стоящіе 3—5 р. (прежде 10) 1 ф. Въ прежнее время звѣроловство было ихъ единственнымъ занятіемъ, а ихъ пищей—мясо и коренья. Нынѣ вмѣстѣ съ постояннымъ уменьшеніемъ звѣря охотничій промыселъ сталъ падать и многіе инородцы начали переходить къ скотоводству; земледѣліе у нихъ въ зачаточномъ состояніи ²).

По даннымъ же первой всеобщей переписи населенія зимою того же 1897 г. ни одинъ тунгусъ данной управы не показалъ это занятіе главнымъ, каковымъ почти у всего ея тунгусскаго (и бурятскаго) населенія является скотоводство (82,8%). По всему вѣроятію охотѣ эти тунгусы посвящаютъ время, свободное отъ своего главнаго занятія—животноводства.

Наконецъ, звѣроловство и охота имѣютъ нѣкоторое значеніе и для казаковъ-инородцевъ Акшинскаго округа, изъ коихъ 13,8% хозяйствъ показали это занятіе. Это касается главнымъ образомъ жителей станицы Букукунской, которые ходятъ на промыселъ въ районъ вершинъ Онона, Чикоя и Ингоды. Второе мѣсто среди нихъ занимаетъ станица Мангутская, въ остальныхъ это занятіе почти не существуетъ.

Животныя, которыя имъ служатъ главными предметами охоты суть: бѣлка, соболь, мараль, дикая коза (кабарга) и отчасти рысь. Самымъ распространеннымъ видомъ охоты есть добыча бѣлки, которая однако не всякій годъ многочисленна, а лишь въ годы, слѣдующіе за хорошимъ урожаемъ кедроваго орѣха. Охота начинается въ началѣ октября и длится мѣсяць или немного болѣе. За это время на ружье промышленникъ добываетъ

¹) Кроль („Изв. В. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. О.“, XXV, вып. 4—5, стр. 72 сл.) утверждаетъ, что Армакскіе тунгусы земледѣлія не знаютъ, между тѣмъ какъ изъ трудовъ комиссіи г. Куломзина усматривается, что отдѣльныя лица у нихъ сѣютъ хлѣбъ (см. стр. 251).

среднимъ числомъ 100—150 бѣлокъ, стоящихъ, смотря по качеству, отъ 10 до 20 коп. штука. Лица, охотящіяся на бѣлку, добываютъ остальныхъ животныхъ лишь попутно, именно на ружье примѣрно 1—2 кабарги, 1—2 рыси и отъ 3 до 10 соболей. Другіе охотятся на послѣднихъ специально, пользуясь при этомъ особыми собаками, приученными отыскивать лишь соболе слѣды. Лучшіе соболи обитаютъ на вершинахъ горъ.

Изъ другихъ животныхъ во второй половинѣ мая и въ началѣ іюня охотятся на изюбрей или мараловъ ради ихъ роговъ (пантовъ). Въ это время панты наливаются кровью и имѣютъ у китайцевъ особую цѣнность, какъ лѣкарство. Средніе рога вѣсятъ 10—12 ф. (до 30 ф.), а продажная стоимость 1 ф.—3—5 руб. Дикихъ козъ преслѣдуютъ по наступу раннею весною или подкарауливаютъ, какъ отчасти и изюбрей и лосей, около солонцевъ, куда они ходятъ лизать соль. На бѣлку и соболя охотятся обыкновенно небольшими артелями въ 2—6 (до 10) человекъ, которые дѣлятъ всю добычу поровну, а остальныхъ животныхъ бьютъ какъ придется. Оружіемъ, при помощи котораго въ настоящее время инородцы охотятся въ Забайкальѣ, является кремневая малопульная винтовка, снабженная сошкой. На пернатую дичь изъ ружья не охотятся (кромѣ горожанъ), а въ глухихъ мѣстахъ ее добываютъ силками и ловушками. Продукты звѣроловства сбываются на мѣстныхъ ярмаркахъ или скупщикамъ, у которыхъ промышленники забираютъ разный товаръ въ долгъ, подъ обезпеченіе будущаго промысла.

Лѣсопромышленность развита между тунгусами лишь въ Армакской управѣ, гдѣ 45,2% домохозяевъ занимаются сплавомъ лѣса по рр. Темнику и Джидѣ на р. Селенгу къ Верхнеудинску и въ другія мѣста. Нѣкоторое значеніе лѣсные промыслы имѣютъ и въ Оловской управѣ (15,0% домохозяевъ). Кромѣ сплава лѣса нѣкоторые инородцы занимаются добываніемъ кедровыхъ орѣховъ, въ особенности въ районѣ Яблоноваго хребта, къ югу отъ Московскаго тракта, по его отрогамъ между рр. Чикоемъ и Хилокомъ и между Хилокомъ и Удой, въ верховьяхъ Ингоды и Чикоя, по хребтамъ въ бассейнахъ рр. Джиды и Темника и въ смежныхъ мѣстностяхъ Монголіи.

Ремесла у инородцевъ Забайкальской области значенія не имѣютъ; сравнительно больше ими занимаются тунгусы

Армакской, Маньковской и Онгоцонской управъ, а также казаки-инородцы Акшинскаго округа. Весьма слабо развиты у нихъ и другіе неземледѣльческіе заработки.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ (стр. 261) приведены бюджеты трехъ типичныхъ хозяйствъ или семействъ (бѣднаго, средняго достатка и богатаго) тунгусовъ Забайкальской области, составляющихъ, согласно большинству тунгусовъ этой области, переходную ступень отъ кочевого образа жизни скотоводовъ къ смѣшанной скотоводческо-земледѣльческой стадіи. Доходъ, получаемый этими инородцами натурою, переведенъ здѣсь на деньги ¹⁾.

Изъ этой таблицы усматривается, что средній доходъ бѣдной тунгусской семьи равенъ приблизительно 90 руб., средняго достатка -- 232 руб. и богатой около 500 руб., причемъ этотъ доходъ слагается изъ поступленій, получаемыхъ натурою и деньгами. У бѣдныхъ обѣ эти части дохода приблизительно равны, а у семей богатыхъ и средняго достатка поступления натурою въ два раза превышаютъ денежный приходъ, составляя около $\frac{2}{3}$ всего изъ прихода. Сельское хозяйство (первыя пять статей) доставляетъ у семействъ:

бѣдныхъ	64,6 ⁰ о,	пром. и зараб.	27,3 ⁰ о	и займы	8,1 ⁰ о	всего ихъ дохода,
среднихъ	85,4 „	„	11,6 „	„	3,0 „	„ „ „
богатыхъ	94,1 „	„	5,6 „	„	0,3 „	„ „ „

Такимъ образомъ, чѣмъ богаче семья, тѣмъ большій процентъ своего дохода она получаетъ отъ сельскаго хозяйства и тѣмъ меньшій отъ промысловъ и другихъ заработковъ и тѣмъ менѣе она является задолженной. Натурой у всѣхъ трехъ типовъ семействъ поступаютъ: хлѣбъ, кормовыя средства, и продукты скотоводства, которые почти не идутъ въ продажу, а денежный доходъ они имѣютъ отъ сбыта живого скота и отъ заработковъ.

Относительно примѣрныхъ расходовъ этихъ семей мы узнаемъ слѣдующее: у бѣдныхъ $\frac{3}{4}$ ихъ падаютъ на потребности личныя и $\frac{1}{4}$ на нужды хозяйства, а у семействъ средняго достатка и богатыхъ личныя потребности составляютъ всего 44⁰о наличнаго расхода, а хозяйственныя 56⁰о.

* * *

До сихъ поръ мы говорили о занятіяхъ главнымъ образомъ кочевыхъ и полусѣдлыхъ тунгусовъ Забайкальской об-

¹⁾ Ibid., выш. XVI, стр. 150 сл.

ТАБЛИЦА XVI.

Ч. I Вып. II.

Статьи дохода.	Бѣдное.			Среднее.			Богатое.		
	Натурою.	Деньгами.	Итого.	Натурою.	Деньгами.	Итого.	Натурою.	Деньгами.	Итого.
	в ъ р у б л я х ъ								
1. Хлѣбъ	3,5	—	3,5	8,2	—	8,2	26,2	—	26,2
2. Кормовыя средства	19,9	—	19,9	94,5	0,5	95,0	150,3	—	150,3
3. Мясо и продукты скотоводства	22,5	—	22,5	55,2	0,4	55,6	164,2	1,2	165,4
4. Продажа скота	—	11,7	11,7	—	38,5	38,5	—	123,8	123,8
5. „ остальныхъ продуктовъ	—	—	—	—	0,5	0,5	—	—	—
6. Аренда земли	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	45,9	11,7	57,6	157,9	39,9	197,8	340,7	125,0	465,7
7. Промыслы и заработки	—	24,0	24,0	—	26,9	26,9	—	20,0	20,0
8. Займы	—	7,2	7,2	—	7,2	7,2	—	1,7	1,7
Всего	45,9	42,9	88,8	157,9	74,0	231,9	340,7	146,7	487,4
Въ %	51,5	48,5	100,0	68,0	32,0	100,0	69,8	30,2	100,0

ласти, теперь сдѣлаемъ краткій перечень занятій бродячихъ представителей этого племени, обитающихъ по ея сѣверной окраинѣ, именно Баунтовскихъ и Верхне-Ангарскихъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ, который они, какъ и нѣкоторые другіе инородцы Сибири, считаютъ за первый мѣсяцъ въ году, они охотятся на крупную дичь: оленя, лосей и косулей. Въ апрѣлѣ, при вскрытіи рѣкъ, они добываютъ поднимающуюся вверхъ рыбу (тайменей, щуку, налимовъ, окуней), которую вялятъ безъ соли и складываютъ въ амбары. Въ маѣ подкарауливаютъ на выжженныхъ проталинахъ, гдѣ раньше появляется зелень, дикихъ оленей и козъ. Въ іюнѣ охотятся на изюбрей ради кровавыхъ и мягкихъ въ это время роговъ и на лосей у водопоя. Въ это же время они спускаются съ вершинъ горъ къ рѣчкамъ и озерамъ и предаются рыбной ловли вершами. Главной добычей являются харіусы и щуки. Въ озерахъ ловятъ рыбу и небольшими сѣтями изъ конскаго волоса, пользуясь при этомъ берестяными челноками. Іюль посвящаютъ добычѣ водяной птицы во время линьки: гусей, лебедей, гагаръ, утокъ, турпановъ. Въ концѣ этого мѣсяца тунгусы поднимаются въ горы и выкапываютъ или выкуриваютъ изъ гнѣздъ жирныхъ тарабагановъ, которыхъ убиваютъ ради ихъ вкуснаго мяса и ради шкурокъ, идущихъ на одежду. Въ сентябрѣ спускаются въ лѣсистыя долины и готовятъ кѣ зимнему промыслу. Во второй его половинѣ охотятся на изюбря, приманивая его пищикомъ (деревянной трубкой), и на лосей по порошѣ. Въ это время поспѣваютъ ягоды, изъ которыхъ они однако потребляютъ лишь черемуху и клубнику.

Сборъ кедровыхъ орѣховъ также даетъ имъ иногда хорошій подсобный заработокъ. Въ концѣ этого мѣсяца и въ началѣ октября добываютъ поднимающуюся ради метанія икры рыбу. Запасшись нужнымъ провіантомъ, тунгусы во второй половинѣ этого мѣсяца отправляются въ глухіе лѣса ради добычи пушного звѣря и дичи. Въ теченіе этого и слѣдующаго мѣсяца они ставятъ ловушки, западни и кулемы и періодически ихъ осматриваютъ. Въ декабрѣ они выходятъ на сугланы (см. стр. 277), гдѣ, запасшись отъ купцовъ хлѣбомъ и другими припасами, опять уходятъ въ лѣса, въ которыхъ и проводятъ, добывая звѣря, январь и февраль.

¹⁾ Орловъ: „Баунтовскіе и В. Ангарскіе бродячіе тунгусы“. („В. И. Р. Геогр. О.“. 1857, XXI кн. 6, 183—89).

Изъ этого очерка, относящагося правда къ концу 50-хъ годовъ прошлаго столѣтїя, но въ общихъ чертахъ справедливаго и для настоящаго времени, усматривается, что главными занятїями бродячихъ тунгусовъ Забайкальской области являются звѣриный промыселъ и охота и второстепеннымъ — рыболовство; всѣ же остальные промыслы значенїя не имѣютъ.

Объ оленеводствѣ Орловъ въ своемъ детальномъ очеркѣ занятїй этой группы тунгусовъ (см. прим. на стр. 262) вовсе не упоминаетъ, что показываетъ, что это занятїе среди тунгусовъ даннаго района уже тогда окончательно пало. Другой изслѣдователь этого края, посѣтившїй его въ то же время (Радде), дѣйствительно сообщаетъ, что большинство изъ нихъ оленей вовсе не имѣютъ, а лишь самые богатые держатъ маленькія стада въ 30 головъ, между тѣмъ какъ раньше на зажиточную семью приходилось ихъ не менѣе 100 головъ.

Енисейская губернія. Главнымъ занятїемъ тунгусовъ и здѣсь является звѣроловство и охота, къ которымъ во многихъ мѣстахъ, особенно болѣе сѣверной полосы, присоединяется рыболовство. Оленеводствомъ занимаются лишь болѣе крупныя семьи, въ которыхъ 8—10—12 душъ, такъ какъ подобныя семьи имѣютъ достаточное число свободныхъ рукъ для пастьбы оленей и обыкновенно отличаются бѣльшимъ достаткомъ.

Статистическія данныя переписи опредѣляютъ, что до $\frac{9}{10}$ всѣхъ тунгусовъ губерніи (въ Туруханскомъ краѣ даже $96,5\%$) кормятся почти исключительно звѣроловствомъ и рыболовствомъ и лишь $8,4\%$ животноводствомъ (т. е. оленеводствомъ).

Енисейскій округъ. Судя по даннымъ переписи, у большинства тунгусовъ главнымъ занятїемъ показано звѣроловство, которое у Нанудальскаго и Ятоульскаго родовъ является почти главнымъ источникомъ благосостоянїя. У родовъ I—II—III Куркугирскихъ, Панкагирскаго, Лапагирскаго и Чемдальскаго на ряду съ охотой весьма важное значенїе получаетъ и оленеводство, особенно развитое у представителей III Куркугирскаго рода. Рыболовствомъ больше другихъ занимаются тунгусы Каменно-Черноульскаго рода, а также бродящіе по р. Касу и отчасти въ районѣ Сѣверно-Енисейскаго горнаго округа, но здѣсь главное значенїе имѣетъ звѣроловство; практикуется у нихъ и оленеводство. Олени у

тунгусовъ верховые. На нихъ они совершаютъ свои передвиженія ради охоты.

Обрусѣлые тунгусы Питско-Варагонскаго рода, живущіе среди приисковаго населенія, снискиваютъ себѣ пропитаніе перевозкой груза, рубкой дровъ, чернорабочимъ трудомъ и т. д.

Въ концѣ XVIII ст. немалое число крещеныхъ тунгусовъ перешло къ осѣдлому образу жизни и стало заниматься земледѣліемъ. Это могло имѣть мѣсто лишь въ болѣе южной полосѣ округа, гдѣ только земледѣліе и возможно. Теперь эти мѣстности имѣютъ довольно густое русское населеніе, съ которыми эти тунгусы по всему вѣроятію и слились окончательно. По крайней мѣрѣ послѣдующіе изслѣдователи о нихъ не упоминаютъ, какъ не отмѣчены они и переписью.

Нѣкоторые слѣды такихъ обрусѣлыхъ тунгусовъ сохранились лишь тамъ, гдѣ притокъ русскихъ былъ не такъ великъ, напр. по рр. Чунѣ и Онѣ (см. I., стр. 155 сл.).

Т у р у х а н с к і й край. Занятія почти у всѣхъ тунгусовъ показаны: звѣроловство на первомъ мѣстѣ, рыболовство—на второмъ, оленеводство же практикуется лишь болѣе крупными семьями¹⁾. И здѣсь также замѣчается постепенное уменьшеніе пушного звѣря и крупной дичи, обусловленное отчасти сильными лѣсными пожарами. Прежде же весь этотъ край славился своимъ богатствомъ соболемъ и другой пушниной. Объ этомъ свидѣтельствуютъ еще и донесенія казаковъ XVI и XVII ст. Еще въ началѣ XIX стол. съ одной Нижней Тунгуски ежегодно вывозили тысячи шкурокъ соболя (въ 1818 г.—4.000 шт.), добытыхъ главнымъ образомъ тунгусами, отчасти и Енисейскими остяками.

Слѣдуетъ отмѣтить, что изъ всѣхъ инородцевъ края лишь одни тунгусы рѣшаются охотиться на медвѣдей. Они бьютъ ихъ изъ ружья, а раненныхъ добиваютъ рогатиной.

Рыболовство производится, какъ въ крупныхъ озерахъ края (Ессейское, Мундуйское, Норильскія и т. д.), такъ и въ большихъ рѣкахъ, при помощи острогъ, уды и сѣтей. Для обитателей береговъ этихъ водныхъ бассейновъ, гл. обр. оз.

¹⁾ По даннымъ за 1861 г. на ясачную душу среднимъ числомъ приходилось: у тунгусовъ—10, у Енис. остяковъ—8, у Авамскихъ самоѣдовъ 41 и у русскихъ 12 головъ оленей (Лыткинъ).

Ессея (Джоссэ), рыболовство служить главнымъ источникомъ для пропитанія.

Отдѣльныя лица умѣютъ дѣлать грубые предметы изъ желѣза и мѣди, а нѣкоторые скупаютъ у своихъ земляковъ пушнину и везутъ ее въ Туруханскъ (см. I., стр. 81).

* * *

Изъ приведеннаго выше краткаго очерка занятій тунгусовъ усматривается, что главнымъ, а часто почти единственнымъ занятіемъ наиболѣе типичной части тунгусовъ — бродячихъ инородцевъ — и по-сейчасъ служить, какъ то было и столѣтія тому назадъ, охота и звѣроловство. Но, такъ какъ въ тѣ времена страна была еще слабо населена и изобиловала дичью и пушнымъ звѣремъ, то естественно, что бродячіе инородцы вполне довольствовались этимъ занятіемъ, которое въ связи съ оленеводствомъ, прежде тоже болѣе развитымъ, и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и съ рыболовствомъ (напр. по Охотскому морю), вполне обезпечивало ихъ безбѣдное существованіе, давая имъ еще средства для пріобрѣтенія путемъ торга другихъ необходимыхъ предметовъ.

По мѣрѣ заселенія края и уменьшенія животныхъ, служившихъ имъ предметомъ охоты, часть тунгусовъ принуждена была перейти къ скотоводству и къ кочевой жизни. Это въ широкихъ размѣрахъ имѣло мѣсто въ Забайкальской области, гдѣ довольно значительное тунгусское населеніе, стѣсненное русскими и бурятами, имѣло по топографическому устройству мѣстности и по ея почвенному покрову полную возможность взяться за болѣе выгодное разведеніе лошадей и рогатаго скота, которымъ часть мѣстныхъ тунгусовъ занималась еще до перваго знакомства съ русскими. Нынѣ скотоводство составляетъ главное занятіе тунгусовъ Акшинскаго округа (казаковъ) и управъ Кужертаевской, Онгоцонской и отчасти Шундуинской и Маньковской и внѣ Забайкальской области — части Майскихъ тунгусовъ Якутскаго округа. Тунгусы управъ: Урульгинской, Оловской и въ значительной степени Шундуинской и Маньковской (Читинск. окр.), а также большей части селеній Нижне-Илимской управы Верхоленскаго округа Иркутской губерніи пошли еще дальше, сдѣлавшись вполне осѣдлыми въ довольно широкихъ размѣрахъ практикуютъ земледѣліе. Рогатый скотъ и лошадей они разводятъ главнымъ образомъ ради

доставляемой имъ рабочей силы, но также ради молочныхъ и мясныхъ продуктовъ, которые у нихъ играютъ значительную роль въ качествѣ пищевыхъ средствъ.

Во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ Сибири переходъ отъ бродячаго образа жизни къ кочевому и осѣдлому, чаще къ послѣднему, коснулся лишь отдѣльныхъ лицъ, для большинства же такой переходъ сопряженъ со столькими затрудненіями, что бродячіе тунгусы почти повсемѣстно скорѣе вымираютъ, чѣмъ становятся скотоводами и земледѣльцами. Оно и понятно, къ такому переходу бывають зрѣлы лишь тѣ изъ нихъ, которые не въ состояніи болѣе кормить себя своими прежними промыслами: охотой и оленеводствомъ, напр. тѣ, которые потеряли своихъ оленей отъ эпизоотій, но подобные обнищавшіе и истощенные голодомъ инородцы не имѣютъ ни силы, ни умѣнья, чтобы кореннымъ образомъ перемѣнить свой прежній образъ жизни, ни средствъ для пріобрѣтенія живого и мертваго инвентаря и новыхъ предметовъ домоводства и хозяйства, необходимыхъ при новыхъ условіяхъ жизни (см. гл. III). Наконецъ, часто извѣстнымъ препятствіемъ для перехода бродячихъ охотниковъ на стадію болѣе культурныхъ кочевниковъ и земледѣльцевъ служитъ отсутствіе по близости годныхъ для скотоводства и земледѣлія земель. Дѣйствительно, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго, русскіе и отчасти буряты и якуты, заняли наиболѣе удобныя для этихъ занятій уголья, оттѣснивъ тунгусовъ-олeneводовъ и звѣролововъ въ болѣе глухія гористыя мѣста, гдѣ не имѣется луговъ и гдѣ почти нѣтъ или имѣется лишь мало земель, удобныхъ для хлѣбопашества. Это напр. касается большей части тунгусовъ Якутской и Приморской областей, Иркутской и Енисейской губерній, причемъ сѣверныя части этихъ областей и губерній, замѣтимъ, уже по своему климату исключаютъ возможность занятія земледѣліемъ.

ГЛАВА X.

Нѣкоторыя этнографическія черты тунгусовъ.

Антропологическіе признаки тунгусовъ плохо изучены что вполне понятно при чрезвычайной обширности страны гдѣ они проживаютъ, а имѣющіяся данныя носятъ отрывочный и частичный характеръ и не могутъ считаться типичными для всего тунгусскаго племени. Дѣйствительно, живя о бокъ съ самыми разнохарактерными народностями и вступая съ ними въ брачныя сожителства, тунгусы по большей части утратили чистоту своего типа и приближаются, то къ палеазиатамъ разныхъ племенъ (юкагирамъ, корякамъ и т. д.), то къ чистымъ монголамъ (помѣсь съ бурятами и якутами), то къ арийцамъ (обрусѣлые тунгусы). Первоначальный чистый типъ тунгусовъ теперь уже врядъ ли возможно открыть и все что можно сдѣлать въ этомъ направленіи, это, хорошо изучивши ихъ въ физическомъ отношеніи въ разныхъ мѣстностяхъ ихъ обитанія и при томъ на очень значительномъ числѣ объектовъ, подмѣтить общія всѣмъ имъ черты, которыя и могутъ быть признаны типичными для всего племени. Но для того, чтобы при подобныхъ изслѣдованіяхъ идти не ощупью, а болѣе или менѣе сознательно, требуется имѣть основательныя свѣдѣнія о происхожденіи тунгусовъ каждой группы, подлежащей изслѣдованію, въ чемъ намъ могутъ оказать не малую помощь историческія данныя и преданія инородцевъ, которыя иногда могутъ выяснить, насколько та или другая группа ихъ отличается чистой кровью и, если она смѣшаннаго происхожденія, то какіе элементы участвовали въ ея образованіи. Не малую помощь въ этомъ отношеніи могутъ намъ оказать и названія родовъ (или лучше ихъ

дѣлений), которыя очень часто выдаютъ чужеплеменное происхождение той или другой части инородцевъ ¹⁾).

Относительно формы черепа тунгусовъ собственно одни ученые (Гексли, Бэръ) высказались, что они принадлежатъ къ долихоцефаламъ, между тѣмъ какъ другіе (Велькеръ, Шренкъ)

¹⁾ Хотя антропология и совершенно не входитъ въ нашу задачу, мы не можемъ не упомянуть здѣсь о нѣкоторыхъ условіяхъ, соблюденіе которыхъ по нашему мнѣнію совершенно необходимо для того, чтобы полученные антропометрическія измѣренія могли дѣйствительно выяснитъ физическія особенности тунгусскаго (и всякаго другого) племени и его отдѣльныхъ частей.

Первое условіе заключается въ томъ, чтобы число произведенныхъ измѣреній было достаточно велико и вообще, чтобы оно находилось въ извѣстномъ соотношеніи съ численностью даннаго племени или его вѣтви. Одинъ изъ немногихъ ученыхъ, которому удалось соблюсти это правило, былъ акад. Миддендорфъ, собравшій обширный антропометрическій матеріалъ касательно сѣверныхъ тунгусовъ, но этотъ матеріалъ къ сожалѣнію погибъ во время переѣзда его черезъ Таймырское озеро.

Второе условіе заключается въ томъ, чтобы изслѣдователь не ограничился одной какой-нибудь мѣстностью, а охватилъ все или по крайней мѣрѣ большую часть районовъ, гдѣ обитаетъ данное племя. Попутно съ антропологическими измѣреніями онъ долженъ собирать на мѣстѣ данныя этнографическаго, лингвистическаго и т. д. характера, а также преданія, которыя могли бы выяснитъ, съ какими народностями эта часть племени сталкивалась и смѣшивалась въ прежнее и настоящее время, чтобы впоследствии быть въ состояніи сдѣлать критическую оцѣнку причинъ тѣхъ или другихъ отклоненій отъ общаго физическаго типа данной народности. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ не малую услугу могутъ оказать историческіе акты, которые сохранили на своихъ листахъ имена теперь не существующихъ племенъ и географическое распространеніе какъ ихъ, такъ и нынѣ живущихъ національностей въ разныя эпохи XVII—XIX стол.

При установленіи характернаго типа или типовъ извѣстнаго племени естественно устранить изъ антропометрическаго матеріала измѣренія всѣхъ тѣхъ индивидуумовъ, которые внушаютъ сомнѣніе относительно чистоты своего происхожденія. Конечно, и среди оставшихся и подлежавшихъ измѣренію останется не мало такихъ, которые не принадлежатъ къ коренному племени, но о которыхъ въ виду ли отдаленности эпохи, когда имѣли мѣсто ассимиляція или смѣшеніе съ другимъ племенемъ, или влѣдствіе иной причины не сохранилось никакихъ свѣдѣній. Чтобы по возможности сократить число подобныхъ случаевъ, необходимо при измѣреніи каждаго субъекта отмѣчать не только его имя и фамилію, но и мѣсто рожденія и пребыванія и въ особенности тотъ родъ, къ которому онъ принадлежитъ. Дѣйствительно, нѣкоторые роды наружно повидимому ничѣмъ не отличающіеся отъ другихъ, уже по своему наименованію выдаютъ свое чужеплеменное происхожденіе, напр. у тунгусовъ роды: Харануцкій, Сахалтуевскій и др. несомнѣнно являются осколками бурятскихъ родовъ, Мунгальскій можетъ быть монгольскаго племени, представители Жерскаго рода безъ сомнѣнія являются отунгусившимися якутами и т. д. Если дѣло касается тунгусовъ собственно, то иногда выгоднѣе для подобной цѣли вести записи не по родамъ, а по ихъ составнымъ частямъ, наименьшимъ генетическимъ единицамъ (поколѣніе, племя, орда), гдѣ таковыя извѣстны, потому что имѣются несомнѣнныя данныя въ пользу того, что далеко не всегда представители извѣстнаго рода однородны по своему происхожденію. Возьмемъ примѣръ: Ламунхин-

нашли, что преобладающій типъ черепа тунгусовъ платибрахицефалическій, а длинноголовые попадаются сравнительно не часто, происходя можетъ быть отъ помѣси ихъ съ долихоцефалическими чукчами и другими палеазиатами. Мы упоминали выше, что Майновъ отрицаетъ, какъ сильную длинноголовость, такъ и монгольскій типъ тунгусовъ собственно. Къ такому же выводу пришелъ на основаніи антропологическихъ данныхъ, собранныхъ полк. Олсуфьевымъ надъ Анадырскими ламутами, и г. Рождественскій, который нашель, что тунгусы мезатицефалы съ наклономъ къ долихоцефализму, причемъ и скуловой діаметръ у нихъ не особенно великъ (152—136 мм.)¹⁾ Къ характернымъ чертамъ тунгусскаго черепа Шренкъ относитъ еще покатый лобъ, большой затылочный бугоръ, вогнутыя носовыя кости, большія, почти квадратныя, глазницы, сильно развитыя скулы и надбровныя дуги, вообще лицо плоское и широкое, хотя и не въ той степени, какъ у чистыхъ монголовъ.

Сообразно съ существованіемъ у тунгусовъ двухъ типичныхъ формъ череповъ, они, по наблюденію большинства серьезныхъ изслѣдователей, вообще представляютъ два особыхъ типа и въ физическомъ отношеніи, именно типы: южный и сѣверный. «Южные тунгусы, говоритъ Н. Слюнинъ (I, 362), отличаются довольно большимъ ростомъ и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, умѣренно короткоголовы съ широ-

скій родъ тунгусовъ Якутскаго округа представляетъ изъ себя чисто тунгусскій родъ, но, если мы разсмотримъ названія четырехъ поколѣній, на которыя онъ распадается, то увидимъ, что два изъ нихъ — Хоринское и Дондаконское — можетъ быть не тунгусскаго происхожденія, причемъ первое встрѣчается и у якутовъ (Хоринскій родъ и Х. наслегъ). Относительно этихъ якутскихъ Хоринцевъ изслѣдователи пришли на основаніи якутскихъ преданій и другихъ соображеній къ убѣжденію, что они повидимому потомки толпы Хоринскихъ бурятовъ, въ отдаленныя времена вмѣстѣ съ якутами или позже выселившихся на сѣверъ. Хоринское поколѣніе Ламунхинскихъ тунгусовъ можетъ происходить, либо прямо отъ колоніи бурятовъ, либо же отъ обьякутившихся уже Хоринцевъ, что конечно должно отозваться и на ихъ физическомъ типѣ. Устранивъ всѣ подобныя поколѣнія, а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ роды, тунгусское происхожденіе которыхъ сомнительно, и ограничившись лишь тѣми изъ нихъ, которые на основаніи всѣхъ соображеній кажутся менѣе смѣшанными — вполне чистокровные тунгусы вообще врядъ ли существуютъ въ настоящее время, — мы легче и вѣрнѣе можемъ вывести средній типъ извѣстнаго племени, въ данномъ случаѣ тунгусовъ, чѣмъ безъ соблюденія этихъ предосторожностей, какъ между тѣмъ поступали почти всѣ изслѣдователи, работавшіе въ этомъ направленіи по настоящее время, изслѣдователи, для которыхъ впрочемъ антропометрическія измѣренія по большей части не составляли главнаго предмета занятій.

¹⁾ Олсуфьевъ: „Общій очеркъ Анадырской округи“, 225—245.

кимъ четырехугольнымъ лбомъ и почти прямымъ, не особенно короткимъ, носомъ. Глаза узки, но прорѣзаны почти прямо, вслѣдствіе чего корень носа не расплывается, какъ у многихъ якутовъ, японцевъ и монголовъ; скулы широки со впалыми щеками, ротъ очень большой съ тонкими губами; руки и ноги по своей сравнительной величинѣ рѣзко отдѣляютъ этихъ тунгусовъ отъ многихъ сѣверныхъ инородцевъ. Цвѣтъ лица очень смуглый съ просвѣчивающимъ румянцемъ и желтоватымъ оттѣнкомъ кожи на покрытыхъ мѣстахъ.

Главное отличіе *сѣверныхъ* тунгусовъ состоитъ въ ихъ весьма маломъ ростѣ и умѣренной длинноголовости съ небольшимъ покатымъ и не высокимъ лбомъ, совершенно плоско-головыхъ между ними совсѣмъ почти не встрѣчается; носъ короткій и широкій, узкое лицо бросается въ глаза своими менѣе выдающимися скулами, чѣмъ у южныхъ, и своей бѣлизной или, если можно такъ выразиться, дымчатымъ оттѣнкомъ; о смуглости съ яркимъ румянцемъ здѣсь нѣтъ и помину. Рука и нога поражаютъ своими малыми размѣрами.

Во всемъ остальномъ южный и сѣверный типъ представляютъ много сходнаго; такъ, волосы на головѣ у всѣхъ черные и прямые, растительность на лицѣ жидкая и короткая; глаза въ большинствѣ случаевъ темно-каріе, почти черные... ¹⁾»

Нѣкоторыя женщины недурны собой, но въ общемъ широколицы и съ болѣе плоскимъ носомъ, чѣмъ мужская половина.

Географическая граница между тунгусами обоихъ типовъ проходитъ, по Майнову, въ за-Ленскомъ краѣ приблизительно по Якутско-Аянскому тракту ²⁾. Тоже замѣчается и въ Приморской области, гдѣ южный типъ ограничивается Удскимъ и Хабаровскимъ округами, между тѣмъ какъ сѣвернѣе порта

¹⁾ Антропометрическія измѣренія тунгусовъ обоихъ типовъ по Майнову (I. с. 103—116) у Слюнина, I, 362.

Южные тунгусы. Сѣверные тунгусы.

Вся длина лица	18,5	17,8
Наибольшая ширина лица	15,1	14,1
Лицевой указатель	81,62	79,25
Головной	82,69	81,39
Передне-задній діаметръ головы	19,2	18,9
Поперечный діаметръ	15,9	15,3
Ростъ мужчины	163,6	154,8
„ женщины	153,0	147,6

²⁾ Майновъ, *ibid*, стр. 116.

Аяна рѣшительно господствуетъ сѣверный типъ. Первый, по Шренку и Майнову, характеризуетъ чистокровныхъ тунгусовъ, второй—происходитъ вѣроятно отъ болѣе древней расы, денационализованной пришедшими впоследствии тунгусами ¹⁾.

По своему *характеру* и по своимъ нравственнымъ качествамъ тунгусы представляютъ прямую противоположность неповоротливымъ, угрюмымъ и вялымъ якутамъ и палеазиатамъ и вообще могутъ считаться самымъ симпатичнымъ типомъ инородцевъ въ Сибири. Дѣйствительно, большинство путешественниковъ, которымъ приходилось долгое время вращаться среди тунгусовъ, гдѣ бы это ни было, всѣ съ увлеченіемъ отзываются о ловкости и стройности ихъ движеній, объ ихъ выносливости, веселомъ, прямодушномъ характерѣ, всегда ровномъ, какъ въ довольствѣ, такъ и въ нуждѣ, объ ихъ преданности и услужливости, не доходящей однако до потери собственнаго достоинства. По Миддендорфу, тунгусы этими своими качествами сильно напоминаютъ горныхъ жителей, каковыми они вѣроятно были въ отдаленное время и каковыми отчасти являются теперь.

Храбро сражаясь съ казаками ради сохраненія своей свободы, они однако потомъ легче другихъ инородцевъ (чукчей, коряковъ) мирились со своимъ новымъ положеніемъ и не только вѣрно платили ясакъ, но и поставляли русскимъ вспомогательные отряды при ихъ завоевательномъ движеніи на востокъ. Еще теперь присутствіе преданныхъ русской власти ламутовъ на Анюйской ярмаркѣ служитъ залогомъ того, что, несмотря на большой съѣздъ непокорныхъ чукчей, ярмарка обойдется безъ кровопролитія. Ихъ образцовая честность хорошо извѣстна представителямъ другихъ народовъ, живущихъ съ ними рядомъ; такъ якутскій или русскій звѣровщикъ, ставящій въ лѣсу ловушки, всегда знаетъ, что, если у него изъ западни или капкана унесенъ попавшійся звѣрь, то это навѣрное не дѣло тунгуса. Такъ же свято тунгусъ соблюдаетъ свои долговья обязательства: онъ бережно хранитъ бумажки, на которыхъ записаны его долги или долги его отца и дѣда, и никогда не отказывается ихъ платить. Къ положительнымъ

¹⁾ Слюинъ. I, 363. Интересныя свѣдѣнія о физическомъ типѣ и антропологическихъ измѣреніяхъ надъ тунгусами имѣются у Майнова: „Тр. В. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. О.“. 1898 г.

качествам тунгусовъ слѣдуетъ отнести и ихъ предприимчивость, доходящую до отваги, ихъ презрѣніе къ страданіямъ и ихъ равнодушіе къ смерти.

Объ ихъ любви къ свободѣ Радде сообщаетъ слѣдующій интересный эпизодъ: предложивъ одному тунгусу идти за нимъ въ городъ и посуливъ ему при этомъ всевозможныя блага и удобства жизни, г. Радде былъ только осмѣянъ и на вопросъ о причинѣ такого страннаго непониманія своей собственной выгоды, получилъ въ отвѣтъ: «наша вѣра велитъ намъ жить и умирать въ лѣсу!» (г. Радде замѣчаетъ, что этотъ тунгусъ былъ крещеный).

При всемъ этомъ они отличаются беззаботной удалью, и страстные любители всякаго рода развлеченій. Нельзя поэтому не согласиться съ Кастреномъ, назвавшимъ тунгусовъ «дворянами среди инородцевъ Сибири».

Гостеприимство развито у тунгусовъ въ широкихъ размѣрахъ. Онъ свободно входитъ въ юрту, стоящую на его пути, садится у огня, беретъ у хозяина его трубку и ждетъ угощенія. Но все это дѣлается скромно и съ соблюденіемъ своего достоинства. Отчего же ему не ждать такого же вниманія отъ другихъ, если и его скромное жилище открыто для всякаго, кто пожелаетъ въ него войти. Чтобы понять этотъ обычай, надо помнить, что тунгусы въ большинствѣ случаевъ живутъ среди пустынныхъ лѣсныхъ пространствъ, гдѣ мало поселеній и гдѣ существованіе каждаго охотника въ значительной степени находится въ зависимости отъ гостеприимства его собратьевъ по ремеслу. Но, благодаря безопасному характеру тунгуса, такое широкое гостеприимство нерѣдко разоряетъ хозяина. Сколько бы къ нему не пришло званыхъ и не званыхъ гостей, онъ ихъ обязанъ всѣхъ принять и угостить, хотя бы ему пришлось издержать при этомъ весь свой запасъ провизіи и потомъ голодать. Но онъ и не думаетъ на это жаловаться, зная, что въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ перекочевать дальше и въ свою очередь подобнымъ же образомъ сѣсть кому-нибудь другому на шею.

Эта взаимопомощь предохраняетъ до извѣстной степени отъ голодной смерти тѣ семьи и тѣхъ отдѣльныхъ лицъ, которыя, лишившись кормилицевъ, не въ состояніи сами себя пропитывать. Они слѣдуютъ за хорошими промышленниками и всегда могутъ рассчитывать получить свою долю изъ ихъ добычи,

безъ того, чтобы ихъ хозяева ожидали получить отъ нихъ что-либо въ замѣнъ, какъ это практикуется у якутовъ и русскихъ. Мало того, нѣкоторые зажиточные тунгусы добровольно и совершенно безвозмездно уплачиваютъ за своихъ немущихъ сородичей ясакъ. Иногда совсѣмъ обѣднѣвшія семьи переходятъ на попеченіе болѣе зажиточныхъ по распоряженію старосты. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ выгодный для общества, но непрактичный для отдѣльныхъ частныхъ лицъ обычай существуетъ и у другихъ Сибирскихъ инородцевъ, живущихъ въ глуши, но повсемѣстно понемногу выходитъ изъ употребленія.

Жилище. Въ противоположность большей части народовъ палеазійской группы и прежнимъ угро-финнамъ Сибири (остякамъ и вогуламъ) и въ соотвѣтствіи съ ихъ подвижнымъ образомъ жизни тунгусы, за исключеніемъ совсѣмъ обрусѣлыхъ ихъ представителей, не знаютъ прочнаго постоянного жилища даже въ его простѣйшей формѣ—землянки, каковыя прежде были наиболѣе распространеннымъ жилищемъ у камчадаловъ, коряковъ, юкагировъ, эскимосовъ и т. д. Тунгусъ—бродячій житель лѣсовъ знаетъ только переносныя жилища, которыя вѣроятно отъ него и переняли другіе сѣверные инородцы. Зимой и лѣтомъ тунгусы ставятъ переносные шатры или чумы (урасы), которые, смотря по времени года, кроются или оленьими шкурами (зимой) или берестой (лѣтомъ).

Зимніе чумы представляютъ большія юрты съ отвѣсными стѣнами и коническимъ верхомъ, въ которомъ оставляется отверстіе для выхода дыма. Остовъ ихъ состоитъ изъ жердей, а поверхъ ихъ стелятся дымленныя оленьи шкуры, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Енисейской губерніи разукрашены цвѣтными узорами. Внутри обыкновенно устраиваются отдѣльные полога изъ свѣшивающихся оленьихъ шкуръ, которыми въ нѣсколько слоевъ устилается и полъ такого отдѣленія; шкуры же, протянутыя горизонтально, образуютъ своего рода потолокъ. Когда всѣ эти занавѣсы прикрѣплены на ночь, то въ пологу сравнительно тепло и даже въ пургу туда не проникаетъ снѣгъ. Въ болѣе крупныхъ юртахъ можно встрѣтить 6—8пологовъ, изъ которыхъ въ лучшемъ помѣщается хозяинъ дома, а въ остальныхъ семья и работники. Въ самомъ центрѣ урасы почти постоянно пылаетъ костеръ съ висящими надъ

нимъ котелками и чайниками. Остальная же ихъ посуда состоитъ по большей части изъ дерева и бересты.

Нѣкоторые тунгусы кроютъ урасы лосиными шкурами, сшитыми въ полосы, а самые бѣдняки, живущіе по берегу моря, даже рыбьими кожами. Во время переѣздовъ остовъ шатра обыкновенно бросаютъ. Рѣже тунгусы устраиваютъ зимнія жилища изъ поставленныхъ вертикально плахъ. Нѣкоторые же, переходящіе отъ бродячаго образа жизни къ кочевому или полусѣдлому, обзаводятся избами русскаго образца, но болѣе примитивнаго устройства, какъ это имѣетъ мѣсто во многихъ мѣстностяхъ Иркутской губерніи и областей Якутской и Забайкальской. Въ послѣднихъ двухъ у тунгусовъ можно встрѣтить и жилища, заимствованныя у якутовъ и бурятовъ.

Лѣтнія юрты въ общихъ чертахъ напоминаютъ зимнія, но устроены легче: въ большинствѣ случаевъ онѣ кроются большими полотнищами изъ бересты, вываренной ради мягкости и сшитой въ полосы. Болѣе богатые кое-гдѣ обзаводятся палатками изъ миткаля.

Одежда. Будучи народомъ чрезвычайно подвижнымъ, пробѣгающимъ ради охоты огромныя лѣсныя пространства, ламуты имѣютъ и костюмъ и жилище весьма хорошо приспособленные для такого образа жизни. Въ противоположность всѣмъ другимъ инородцамъ Сибири, носящимъ широкую и свободную одежду, препятствующую быстро передвигаться и дѣлающую ихъ неуклюжими, у ламутовъ и тунгусовъ одежда плотно облекаетъ тѣло и нисколько не стѣсняетъ движенія. Мужчины и женщины носятъ у нихъ узкіе кафтаны изъ пыжика безъ воротника и въ формѣ фрака, который застегивается спереди лишь на одну пуговицу у шеи. Рукава тоже узки и оканчиваются пришитыми къ нимъ рукавицами. Подъ этимъ кафтаномъ носятъ нагрудникъ изъ ровдуги (замша изъ оленьихъ шкуръ). Эта одежда богато изукрашена нашивками изъ разноцвѣтныхъ шкурокъ, узорами изъ цвѣтныхъ бусъ и шелка и т. д. Другою частью одежды служатъ неширокіе штаны изъ пыжика или ровдуги, а ноги обуты въ узкіе торбасы, расширяющіеся у колѣнъ. Этотъ костюмъ весьма удобенъ для скитанія по лѣсамъ и долинамъ. Во время же большихъ переѣздовъ на нартахъ сѣверные тунгусы одѣваютъ кух-

лянки. Едва ли не наибольшими щеголями среди тунгусовъ являются жители береговъ Нижней Тунгусски. Еще болѣе любятъ рядиться женщины. Ихъ суконныя юбки обшиваются красной или синей суконной же каймой или оторочкой изъ мѣха, на головѣ онѣ носятъ рысьи шапки, отороченныя мѣхомъ росомахи и крытыя иногда краснымъ сукномъ, шею прикрываетъ особаго рода боа изъ бѣличьихъ хвостовъ. Кромѣ того, онѣ всегда обвѣшаны разными кистями, мѣховыми украшеніями, монетами и т. д.

Впрочемъ, только что описанный, въ высшей степени практичный и въ то же время изящный, костюмъ тунгусовъ сохранился лишь у бродячей ихъ части, еще по нынѣ скитающейся по лѣсамъ и горамъ, вдали отъ селеній. Но и у нихъ отдѣльныя части этого костюма начинаютъ постепенно замѣняться предметами русской и якутской одежды. Такимъ образомъ, у нѣкоторыхъ, напр. у Киренскихъ тунгусовъ, еще сохранились олени сапоги и лосиные шаровары, но кафтанъ уже замѣненъ дабовой или китайчатой рубашкой, которую носятъ оба пола. Лѣтомъ голову покрываютъ шапками и картузами. У тѣхъ изъ тунгусовъ, которые обрусѣли, объякутились и обурятились, мы теперь напрасно будемъ искать живописный костюмъ ихъ предковъ: они какъ по одеждѣ, такъ и по жилищу, домашней обстановкѣ и образу жизни, примкнули къ своимъ болѣе культурнымъ сосѣдямъ.

Мужчины въ прежнее время и отчасти еще въ 40-хъ годахъ истекшаго столѣтія, носили косу, какъ и другіе инородцы Сибири, нынѣ же они стригутъ волосы, а женщины заплетаютъ ихъ въ двѣ косы, которыя украшаютъ лентами, бусинками и ремешками. Дѣвушки убираютъ косы или нѣсколько косичекъ на головѣ, а замужнія женщины носятъ ихъ опущенными. Головной уборъ замужнихъ—родъ шапочки, обшитою бисеромъ и шелкомъ, напоминаетъ чепецъ китайки; въ иныхъ мѣстахъ въ ней на самомъ верху имѣется отверстіе, черезъ которое выпускаютъ клокъ волосъ. Даже колыбель дитяти, которую въ пути женщины носятъ на спинѣ, тунгусы украшаютъ вышивками или бисеромъ.

Татуировка (хулдиръ) была прежде довольно распространена среди тунгусовъ, нынѣ же она почти вышла изъ употребленія и встрѣчается еще отчасти въ Енисейской губерніи, гдѣ матери съ малыхъ лѣтъ (6—8 л.) продѣлываютъ эту операцію

надъ дитятей: ему вышивають подъ кожей при помощи тончайшей жилы или струны, окрашенной сажей или каменноугольнымъ порошкомъ, разные узоры въ видѣ вѣточекъ, простыхъ или полулунныхъ линій и т. д. на щекахъ и иногда на лбу. Эти узоры потомъ просвѣчивають синимъ цвѣтомъ.

Во второй половинѣ XVIII ст. по Георги татуировалось въ общемъ около $\frac{1}{10}$ части тунгусовъ, главнымъ образомъ «лѣсныхъ» т. е. бродячихъ.

Пища. У бродячихъ тунгусовъ пища находится въ зависимости отъ ихъ главнаго занятія: оленеводы, имѣющіе значительныя стада оленей, питаются главнымъ образомъ оленьимъ мясомъ. Мясо дичи и рыбы имѣють для него второстепенное значеніе, но имъ почти исключительно кормятся тунгусы-охотники, не имѣющіе оленей или имѣющіе ихъ лишь въ ограниченномъ числѣ. Мясо и рыба варятся въ котлахъ; когда они готовы, ихъ кладутъ въ деревянные блюда, выливая наваръ на улицу; никакой приправы къ мясу и рыбѣ не полагается, даже соль еще почти нигдѣ не вошла въ употребленіе; хлѣба у нихъ тоже нѣтъ, но вмѣсто него нѣкоторые пекутъ на дощечкахъ у костровъ прѣсныя лепешки изъ муки. Если удалось добыть лося или медвѣдя, то онъ на время снабжаетъ ихъ мясомъ и саломъ; посѣщающіе берега Охотскаго моря могутъ разнообразить свою пищу нерпичьимъ жиромъ и рыбой, которую, впрочемъ, въ небольшомъ количествѣ добываютъ и другіе. Рыбу ѣдятъ въ мороженномъ видѣ, строгая ее для этого ножомъ (строганина), или варятъ въ котлахъ или же потребляютъ въ сушеномъ видѣ. Эта сушеная на солнцѣ рыба (юкола) имѣетъ весьма важное значеніе въ качествѣ пищевого продукта на всемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Ее всѣ инородцы и русскіе края запасаютъ на зиму. Употребляется у нихъ и копченая рыба (балыкъ). Приготавливаютъ изъ рыбы и «порсу» — порошокъ изъ вареной рыбы, которую обыкновенно ѣдятъ съ нерпичьимъ жиромъ.

Своеобразное блюдо представляетъ «толкуша» — это смѣсь икры, нерпичьяго жира, брусники, стеблей кипрейника и другихъ веществъ, которую ѣдятъ въ замороженномъ видѣ. Лакомствами они считаютъ мозгъ изъ голеней оленей, хрящи его носовой полости, которые ѣдятъ въ сыромъ видѣ, ягоды

съ оленьимъ молокомъ и оленьи языки, которые подаются въ торжественные дни.

Растительной пищи тунгусы кромѣ ягодъ (брусники) не признають, представляя въ этомъ отношеніи большое отличіе отъ камчадаловъ. Чай пьютъ всѣ тунгусы: съ него начинаютъ обѣдъ, прикусывая къ нему юколу, и имъ запиваютъ принятую въ большомъ изобиліи пищу.

Изъ пищевыхъ продуктовъ, приготовляемыхъ въ прокъ, назовемъ, кромѣ юколы, еще «улиktу» — оленье мясо нарѣзанное и вяленое, «шакшу» — засушенную въ пузырь оленью кровь, «корчиму» — оленій мозгъ въ порошокъ и т. д.

Пища осѣдлыхъ и полуосѣдлыхъ тунгусовъ почти не отличается отъ употребляемой въ тѣхъ же мѣстностяхъ русскими, якутами и бурятами.

Ясакъ. Кредитная система. Взносъ ясака производится однажды въ годъ, осенью или зимой, въ различные для каждаго района, но опредѣленные, сроки. Ради этого тунгусы собираются въ назначенномъ пунктѣ со всѣми своими стадами и раскидываютъ временныя жилища. На эти ежегодныя сборища или «сугланы» пріѣзжаютъ и торгующіе крестьяне, священникъ и часто кто-нибудь изъ мѣстной полиціи для наблюденія за порядкомъ во время происходящаго здѣсь торга и соединеннаго съ нимъ празднества. На этихъ сугланахъ тунгусы уплачиваютъ ясакъ и вымѣниваютъ продукты оленеводства и звѣроловства на предметы первой необходимости и на съѣстные припасы (хлѣбъ, чай, сахаръ, табакъ) и т. д. и получаютъ отъ кредиторовъ небольшую сумму денегъ для уплаты ясака. Во время этихъ же собраній они исполняютъ свои духовныя требы. Сборомъ ясака и передачей его русскимъ властямъ завѣдываетъ избираемый каждымъ тунгусскимъ родомъ на три года староста, на обязанности котораго лежитъ и разбирательство мелкихъ проступковъ и ссоръ, что тоже пріурочивается ко времени суглана. Слѣдующей затѣмъ высшей судебной инстанціей у нихъ являются чины мѣстной полиціи, а крупныя преступленія (убійства и т. д.), которыя у нихъ впрочемъ случаются очень рѣдко, подлежатъ разсмотрѣнію русскихъ судовъ. По минованіи суглана они опять расходятся по своимъ лѣсамъ и горамъ, придерживаясь въ лѣтнее время низовьевъ или устьевъ рѣкъ и берега моря, а въ зимнее ради до-

бычи соболя и дикаго оленя, а также ради болѣе удобнаго прокормленія своихъ оленей, они проводятъ въ верховьяхъ рѣчекъ.

Безпечные и любящіе развлечения тунгусы обыкновенно не ограничиваются одной такой ярмаркой, а дѣлаютъ обходъ нѣсколькихъ, хотя бы у нихъ и не было товара для продажи. Въ этомъ случаѣ они посѣщаютъ торжки ради удовольствія всегда увѣренные, что и на ихъ долю останется кусокъ оленины и стаканъ чая или водки. Въ такихъ странствованіяхъ они проводятъ почти всю послѣднюю треть года, не упуская по пути случая добыть звѣря.

Каждый тунгусъ имѣетъ своего и своихъ кредиторовъ изъ якутовъ или русскихъ, такъ называемыхъ «дружковъ», которые его ссужаютъ подъ обезпеченіе будущаго улова и будущей добычи деньгами и товаромъ, причемъ каждый можетъ рассчитывать на кредитъ сообразно со своимъ достаткомъ и со своимъ умѣніемъ промыслять. Ежегодно производится расчетъ, причемъ изъ стоимости сданнаго тунгусомъ товара вычитается сумма долга и затѣмъ онъ опять набираетъ разнаго товара на цѣлый годъ. Такъ какъ въ средній годъ тунгусъ добываетъ пушного звѣря на 200—300 и болѣе рублей на ружье, то долги этого размѣра характеризуютъ человѣка бѣднаго; напротивъ, послѣ удачнаго одного или двухъ лѣтъ кредитоспособность его можетъ возрасти до 1.000—2.000 руб. и даже до 3.000 р. Подобныя лица считаются счастливыми и богачами, такъ какъ имѣютъ такой большой кредитъ, которымъ они и пользуются въ широкой мѣрѣ. Вообще эти торговыя сношенія тунгусовъ съ якутами и русскими имѣютъ для нихъ весьма гибельное вліяніе. Не будучи въ состояніи по своей безпечности удержаться отъ соблазна, они всегда набираютъ въ долгъ больше товара, чѣмъ въ состояніи заплатить въ слѣдующій годъ продуктами своей охоты, и при первомъ неудачномъ годѣ попадаютъ въ неоплатные долги и въ кабалу къ своему займодавцу, который, зная, что тунгусъ никогда не откажется отъ своего долга и даже отъ долга своего отца, эксплуатируетъ ихъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Къ тому же товары, которые онъ получаетъ отъ купцовъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ вовсе не составляютъ предметовъ первой необходимости, а являются предметами роскоши, которая губитъ этихъ дѣтей природы, далеко не всегда обезпеченныхъ даже въ пищѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что

на ряду съ возрастаніемъ у инородцевъ новыхъ потребностей, пожары лѣсовъ, усиленная колонизація и другія причины имѣють неблагопріятное вліяніе на доходность охоты. Пушной звѣрь и дичь начинаютъ уменьшаться и пропадать то въ этой, то и въ той мѣстности, что имѣеть послѣдствіемъ обѣдненіе и даже вымираніе инородцевъ вслѣдствіе голодовокъ и болѣзней. Да и размѣръ ясака, тамъ, гдѣ они еще уплачиваютъ его мѣхами, во многихъ случаяхъ непомерно высокъ для настоящаго времени и рассчитанъ на изобиліе звѣря. Такимъ образомъ, равняясь въ Амурской области отъ 1 до 2 соболей съ юрты, онъ соотвѣствуетъ приблизительно суммѣ денегъ въ 15 — 40 рублей съ юрты или со взрослого работника.

Распределение времени у тунгусовъ въ значительной степени зависитъ отъ главныхъ ихъ занятій. У живущихъ на самомъ востокѣ Сибири (восточная часть Якутской области, Приморская область), какъ и у другихъ оленныхъ инородцевъ, жизнь распадается на два главныхъ періода — кочеваніе въ горахъ и зимняя охота и жизнь на взморьѣ ради рыбной ловли.

Какъ только рыба перестаетъ идти въ рѣки и начинаетъ проходить періодъ мошки и комара, отъ которыхъ олени находятъ спасеніе на морскомъ берегу съ его прохладными вѣтрами, тунгусы начинаютъ постепенно перебираться въ горы. Домашнія вещи, посуда, покрывка юрты, постели, запасы рыбы все укладывается въ дорожныя сумы изъ разнаго матеріала—изъ ровдуги, дерева, бересты или изъ ровдуги съ деревянной обшивкой и т. д. Сумы эти при помощи ремней перекидываются черезъ сѣдло вьючныхъ оленей, которыхъ для перевозки одной семьи полагается не менѣе 3—5. Ихъ всѣхъ привязываютъ въ одну линію гуськомъ, которыхъ и ведетъ одинъ мужчина. Передвигаются не торопясь: пройдутъ 10—15 верстъ—дѣлаютъ привалъ съ ѣдой и чаепитіемъ. Оленей ночью стерегутъ работники, а у бѣдныхъ—молодежь.

Съ появленіемъ перваго снѣга начинается сезонъ охоты. Положивъ въ переносную суму принадлежности охоты, чайникъ, юколу и жиръ, тунгусъ начинаетъ свою скитальческую жизнь: обѣгая на лыжахъ огромныя пространства, не зная усталости и какъ бы не чувствуя ни голода, ни морозовъ. На ночь онъ гдѣ-нибудь прикурнется подъ деревомъ или зако-

павшись въ снѣгъ. Въ этотъ періодъ онъ мало спитъ и мало ѣсть и пьетъ, проходя ежедневно не менѣе 40—80 верстъ. Въ его отсутствіе жена остается полной хозяйкой. Гдѣ возможно, онъ ей назначаетъ мѣсто, куда онъ долженъ придти черезъ 1—3 дня, и она старается поставить въ назначенномъ мѣстѣ урасу и приготовить для голоднаго мужа обѣдъ. У другихъ менѣе подвижныхъ племенъ жены обыкновенно не слѣдуютъ за мужьями во время охоты.

Не смотря на свою любовь къ обществу и развлечениямъ, тунгусы въ полномъ смыслѣ слова дѣти лѣсовъ и тайги, въ нѣдрахъ которыхъ они проводятъ большую часть жизни. У нихъ, въ особенности у тѣхъ, которые кормятся охотой, каждая семья отправляется бродить по лѣсу одна, рѣже двѣ-три вмѣстѣ. Его легкій чумъ (ураса) безъ труда переносится на спинѣ вьючнаго оленя и ставится всюду, гдѣ промыселъ обѣщаетъ быть удачнымъ. Стоитъ онъ на одномъ мѣстѣ день, два или недѣлю, смотря по надобности, и опять передвигается по избранному ему направленію. Тунгусъ-охотникъ не любитъ кочевать и бродить въ извѣстныхъ опредѣленныхъ предѣлахъ и не пріурочиваетъ своихъ перекочевокъ лишь къ опредѣленному времени года, какъ напр. самоѣды, которые изъ года въ годъ лѣтомъ перекочевываютъ къ берегамъ моря, а зимой на югъ, въ предѣлы сѣверной границы лѣсовъ, и какъ это въ общихъ чертахъ практикуютъ и оленные тунгусы, имѣющіе большія стада. Тунгусъ вообще не любитъ себя стѣснять, ни временемъ года, ни мѣстомъ. Для него всюду открытъ путь, гдѣ можетъ пробраться его привычный олень и поэтому онъ никогда не отыскиваетъ торной дороги, а направляется всегда прямо по избранному имъ направленію, пересѣкая дремучіе лѣса, горы, болота и горныя рѣчки, какъ зимой, такъ и лѣтомъ. Останавливаются при перекочевкахъ лишь во время самыхъ сильныхъ морозовъ, когда замерзаетъ ртуть, и то ради маленькихъ дѣтей.

Осенью или въ мартѣ или въ другое время тунгусы собираются въ стойбища для взноса ясака, послѣ чего опять расходятся ради промысла, а въ началѣ апрѣля Колымскіе и Приморскіе тунгусы опять направляются къ морю, до котораго добираются къ началу мая, ко вскрытію рѣкъ. Теперь для нихъ наступило самое тяжелое время: зимніе запасы, благодаря ихъ безопасности уже съѣдены, а рыба еще не появилась. Въ это

время у нихъ часто бываютъ голодовки. Мѣстами выручаютъ добытый тюлень. Но вскорѣ начинается обильный ходъ рыбы и заморенные тунгусы цѣлыми недѣлями не отходятъ отъ береговъ рѣкъ. Уловъ рыбы обыкновенно бываетъ изобильный и вѣрная помощница тунгуса—жена цѣлые дни съ утра до вечера занята заготовленіемъ добытыхъ соковищъ въ прокъ: она потрошитъ рыбу, сушитъ ее, вялитъ и коптитъ (Н. Слюнинъ).

Относительно распредѣленія времени у тунгусовъ см. также стр. 262 сл.

Обряды и обычаи. Хотя огромное большинство тунгусовъ и давно уже крещены, но у нихъ еще сохранилось много разнаго рода пережитковъ, не имѣющихъ ничего общаго съ христіанской религіей. Правда бракъ, крещеніе и отпѣваніе совершается по христіанскимъ обрядамъ, но далеко не во всѣхъ деталяхъ. Такимъ образомъ, брачное сожителство начинается иногда задолго до совершенія таинства брака, тотчасъ по уплатѣ отцу части калыма (прибл. 10 оленей), въ виду чего задерживается и крещеніе дѣтей.

Тунгусы хорошіе отцы семействъ и любятъ своихъ женъ и дѣтей, что однако не мѣшаетъ бродячимъ представителямъ этого племени ссужать первыхъ русскимъ рыбопромышленникамъ во время промысла ради полученія лишняго пая, хотя имъ и не безизвѣстно, что ихъ жены не за одно сотрудничество въ общей работѣ получаютъ свой пай. На кратковременныя незаконныя связи своихъ женъ, которыя часто имѣютъ мѣсто послѣ празднествъ и попоекъ, они смотрятъ сквозь пальцы, такъ какъ и сами чувствуютъ за собою ту же вину. Въ этомъ отношеніи тунгусы - христіане и -язычники ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга. Послѣдніе, живущіе въ Енисейской губерніи, еще понынѣ имѣютъ по нѣскольکو женъ, съ которыми живутъ мирно.

У лѣсныхъ тунгусовъ сохранились до извѣстной степени патріархальныя семейныя отношенія. Взрослый сынъ является лишь помощникомъ главы семьи, но разъ онъ самъ обзавелся семьей, онъ, хотя бы и проживалъ въ общемъ чумѣ, имѣетъ свой собственный пологъ и своихъ оленей. Дѣвушка вольна выбирать себѣ жениха, хотя отецъ и получаетъ за нее калымъ. Если онъ не желаетъ отдать ее избраннику сердца, она обыкновенно убѣгаетъ съ нимъ.

Похороны лицъ, умершихъ въ тайгѣ, а такихъ большинство, совершаются и понынѣ по старинному обычаю и лишь въ слѣдующій затѣмъ сугланъ священникъ прочтетъ надъ нимъ заочно заупокойную. Хоронять тунгусы въ особыхъ деревянныхъ ящикахъ или гробахъ, которые помѣщаютъ въ лѣсу на высокихъ столбахъ. Усопшаго предварительно зашиваютъ въ оленьи шкуры. Часть его вещей кладутъ съ нимъ въ гробъ и часть (оружіе, котель съ пробитымъ дномъ и т. д.) вѣшаютъ на сосѣднія деревья. Во время похоронъ убиваютъ оленя и собаку, изъ коихъ перваго съѣдаютъ и кости его вмѣстѣ съ собакой прикрѣпляютъ къ столбамъ или близъ стоящимъ деревьямъ ¹⁾. Жена покойнаго хранитъ во время погребенія глубокое молчаніе, а по окончаніи обряда обнимаетъ дерево и рыдаетъ. Скотоводы Забайкальской области хоронятъ своихъ умершихъ въ землю.

Христіане и язычники въ одинаковой степени вѣрятъ въ духовъ, которыми по ихъ мнѣнію населены лѣса, горы и рѣки (см. стр. 225 сл.). Передъ началомъ и окончаніемъ промысла они приносятъ мѣстнымъ покровителямъ—духамъ умиловительныя и благодарственныя жертвы, закалывая ради этой цѣли оленей; впрочемъ духи получаютъ лишь кости, шкуры и кровь жертвеннаго животнаго, которою окропляютъ священное мѣсто.

При проѣздѣ мимо извѣстныхъ мысовъ, скаль, группъ, деревьевъ они почти всегда оставляютъ мѣстнымъ духамъ, которые здѣсь должны обитать, безкровную жертву—лоскутокъ ткани, ленточку, щепотку табаку, палочку и т. д. Когда уби-

¹⁾ Слѣдующее описаніе тунгусской гробницы изъ западной части Вилюйскаго округа, составленное Маакомъ, даетъ нѣкоторыя интересныя детали касательно погребальныхъ обрядовъ этого племени. Онъ сообщаетъ: „покойникъ лежалъ головою къ сѣверо-востоку и сама гробница состояла изъ сколоченныхъ изъ четырехъ досокъ продолговата о ящика, поставленнаго на высотѣ 2¹/₂ аршинъ отъ земли на двухъ срубленныхъ деревьяхъ. На послѣднихъ положены были два поперечныхъ бревна, скрѣпленныхъ двумя вбитыми въ землю кольями... По правую сторону трупа лежала пальма (длинный ножъ на шесть) и вышитый бисеромъ колчанъ съ 6 стрѣлами, съ лѣвой стороны—лукъ. Около колѣвъ находился небольшой деревянный ящикъ съ нѣсколькими запасными мѣдными и изъ мамонтовой кости стрѣлами; въ ногахъ—берестяной буракъ (туясъ), ложка, махалка и мѣдный котель съ пробитымъ дномъ. Въ такіе котлы кладутъ олений желудокъ, набитый оленьимъ мясомъ и дно пробивается намѣренно, но съ какою цѣлью, я не могъ узнать. Въ трехъ шагахъ отъ гробницы сохранились еще воткнутыя въ землю жерди, на которыхъ въ видѣ жертвоприношенія развѣвается шкура убитаго во время похоронъ оленя“. („Вилюйскій округъ“, III, 104 сл.).

вають медвѣдя, то носъ у снятой шкуры отрѣзають, а глаза зашиваютъ, желая этимъ обезвредить его духа и скрыть отъ него, куда они отсюда пойдутъ. На мѣстѣ же охоты по ихъ мнѣнію необходимо повѣсить на сукъ дерева его челюсть, вложивши между зубами кусочекъ желѣза въ видѣ жертвы и прикрѣпивъ вблизи нѣсколько ситцевыхъ лоскутковъ.

Любители всякаго рода развлеченій тунгусы, какъ впрочемъ и другіе инородцы Сибири, не пропускаютъ случая посѣтить медвѣжій праздникъ, устраиваемый охотниками, которымъ удалось убить царя здѣшнихъ лѣсовъ. Празднество это имѣетъ религіозное значеніе, но инородцы имъ пользуются, чтобы попировать и, если возможно, выпить и поѣсть на счетъ его устроителей. Такія празднества происходятъ и во время суглановъ, по окончаніи удачнаго лова и т. д.

Главнымъ развлеченіемъ тунгусовъ является круговая пляска, въ которой участвуютъ старъ и младъ, мужчины и женщины. Кругъ вертится то медленно, то скорѣе, причемъ танцующіе переступаютъ съ ноги на ногу, припѣвая: яхорь, яхорь, годерга, годерга, и т. д. Иногда вдругъ всѣ начинаютъ присѣдать, не останавливая круга. Такой плясъ продолжается иногда цѣлыми часами и кончается лишь при полномъ истощеніи силъ у танцующихъ.

Музыкальныхъ инструментовъ у нихъ повидимому не имѣется.

Замѣченныя погрѣшности.

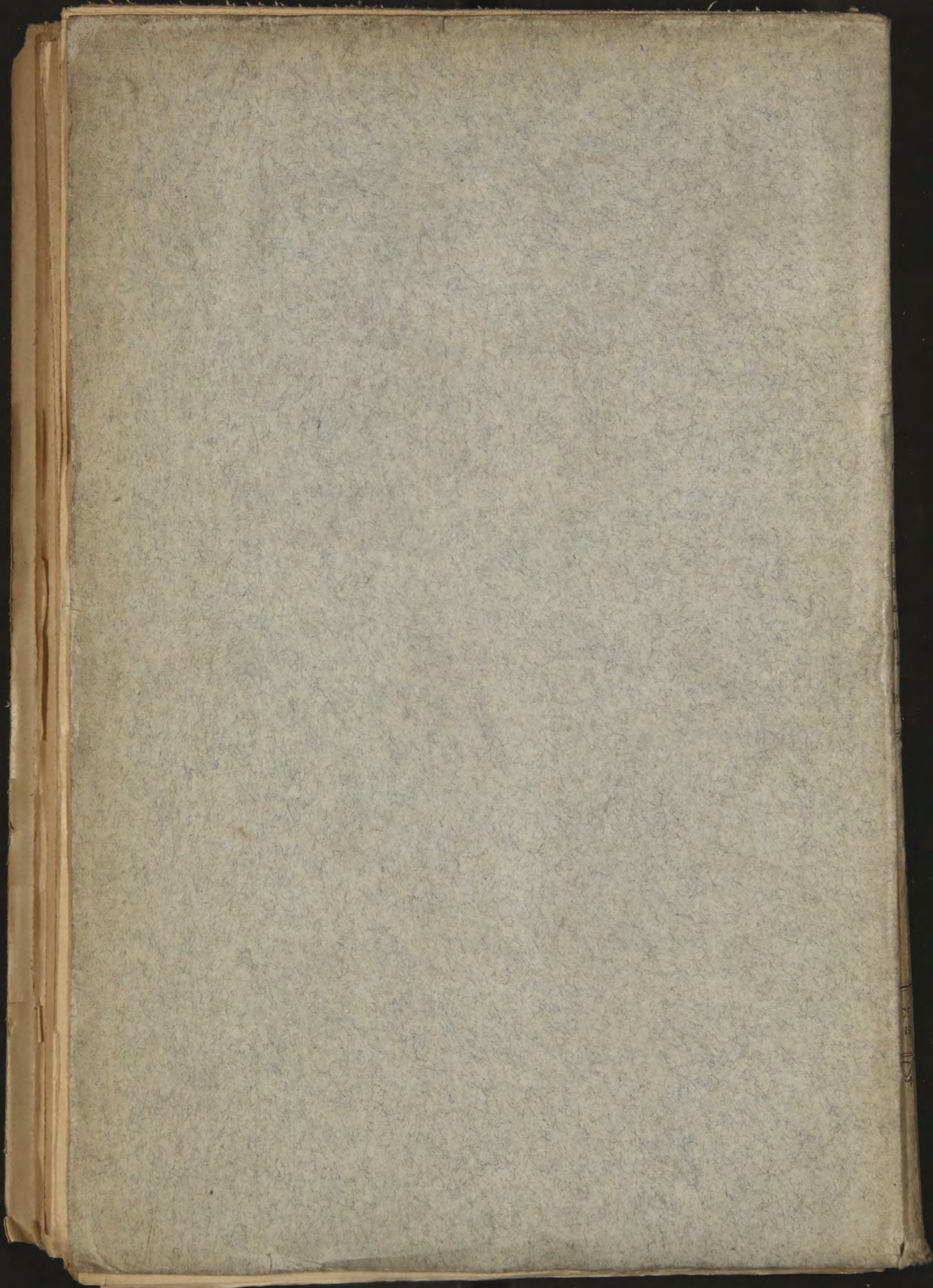
<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
45	2 св.	III и IV Лѣтніе	и IV Лѣтній
51	21 „	130 д. (73 м.)	48 д. (20 м.)
—	23 „	563 д. (281 м.)	481 д. (228 м.)
55	19 сн.	1316	1312
57	3 „	435	405
75	3 „	Тыртеевскій и Куркутскій П	I и II Тыртеевскіе
98	5 св.	2215 д. (1123 м.)	2270 д. (1151 м.)
124	1 „	Шомгай	Шолегай
126	8 „	51	81
129	9 сн.	111 д. (59 м.)	101 д. (54 м.)
135	14 св.	208	198
144	17 сн.	31	32
155	11 „	Ембечима г.	Ембечима?
167	15 св.	190	1190
212	9 сн.	36.569	36.570
225	12 „	15,3	14,9
226	16 „	1544 д. (735 м.) или 4,4	1936 д. (907 м.) или 3,1
227	14 св.	$\frac{1}{5}$ части (19,4%)	$\frac{1}{4}$ части (26,9%)
„	15 „	4, 6%	4, 5%

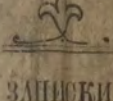
О Г Л А В Л Е Н І Е.

І часть 2 вып.

Тунгусы собетвенно (продолженіе).

	СТРАН.
Гл. 1. Область тунгусовъ въ XVII в. и перемѣны, происшедшія въ ней по настоящее время . . .	1— 34
Гл. 2. Прирость тунгусовъ	35— 61
Гл. 3. Вымираніе бродячихъ тунгусовъ.	62— 76
Гл. 4. Ассимиляція.	77— 90
Гл. 5. Роды тунгусовъ и ихъ численность.	91—169
Гл. 6. Языкъ (въ статистическомъ отношеніи) . .	170—196
Гл. 7. Сословія (въ статистическомъ отношеніи) .	197—217
Гл. 8. Религіозный составъ.	218—232
Гл. 9. Занятія	233—266
Гл. 10. Нѣкоторыя этнографическія черты тунгу- совъ	267—283

ЗАПИСКИ
И. Р. Г. О.
въ
отдѣленію
этнографіи
Т. XXXI
ч. I, вып. 2.

ОПЫТЪ
ГЕОГРАФИИ
И
СТАТИСТИКИ
ТУНГУСКИХЪ
ПЛЕМЕНЪ
СЛОВЪ.

С. Парфановъ

СПБ.
1906.

